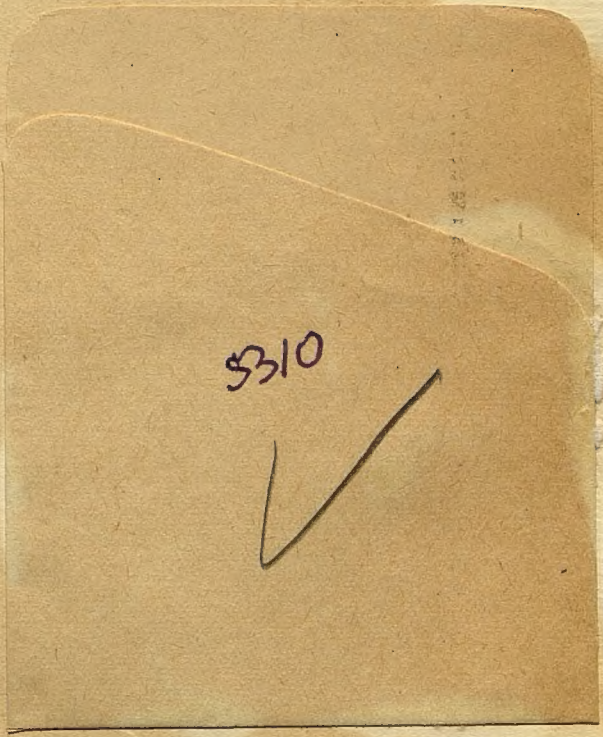
359.A8
A28

Документы и материалы
для истории русского флота

Адмирал НАХИМОВ

Воениздат
1945


5310

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Материалы для истории русского флота

ПРОВЕРЕНО 1960 г.
ПРОВЕРЕНО 61 г.

СЕРИЯ:

РУССКИЕ ФЛОТОВОДЦЫ

ПРОВЕРЕНО 1965 г.
оверено | 2015

МОСКВА 1945 ЛЕНИНГРАД

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

АДМИРАЛ НАХИМОВ

Под редакцией
капитана 1-го ранга Н. В. НОВИКОВА и
кандидата исторических наук П. Г. СОФИНОВА

Предисловие
академика Е. В. ТАРЛЕ

S310

Замеченные опечатки

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
24	1	Нахимова . . .	Нахимова . . .[1]
117	18 св.	якорь вскоре после адмиральского корабля «Императрица Мария»	неприятельских судов и батарей. Корабль «Императрица Мария»

Заказ 2078

Военно-Морское Издательство НКВМФ Союза ССР

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Материалы для истории русского флота

ПРОВЕРЕНО 1960 г.

ПРОВЕРЕНО 51 г.

СЕРИЯ:

РУССКИЕ ФЛОТОВОДЦЫ

ПРОВЕРЕНО 1965 г.

МОСКВА 1945 ЛЕНИНГРАД

ГЛАВНОЕ АРХИВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ НКВД СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК СССР

АДМИРАЛ НАХИМОВ

Под редакцией
капитана 1-го ранга Н. В. НОВИКОВА и
кандидата исторических наук П. Г. СОФИНОВА

Предисловие
академика Е. В. ТАРЛЕ

S310

БИБЛИОТЕКА
ГМШ ВМФ СССР

ФИЛИАЛ
Центральной ВМБ

Военно-Морское Издательство НКВМФ Союза ССР

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР

ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ВОЕННЫХ ОРДЕНОВ: ОРДЕНА УШАКОВА I И II СТЕПЕНИ И ОРДЕНА НАХИМОВА I И II СТЕПЕНИ

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик постановляет:

1. Учредить для награждения офицеров Военно-Морского Флота за выдающиеся заслуги в организации, руководстве и обеспечении боевых операций и за достигнутые в результате этих операций успехи в боях за Родину военные ордена:

Орден Ушакова I и II степени.

Орден Нахимова I и II степени.

2. Утвердить статут и описание ордена Ушакова I и II степени.

3. Утвердить статут и описание ордена Нахимова I и II степени.

4. Распространить льготы, установленные статьями 10—16 Общего Положения об орденах СССР, на награжденных военными орденами Ушакова I и II степени и Нахимова I и II степени.

5. Предоставить право награждения от имени Президиума Верховного Совета СССР орденом Ушакова II степени и орденом Нахимова II степени командующим флотами, с последующим утверждением награждения Президиумом Верховного Совета СССР.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР *М. Калинин*

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР *А. Горкин*

Москва, Кремль, 3 марта 1944 г.

УКАЗ

Президиума Верховного Совета СССР

ОБ УЧРЕЖДЕНИИ ВОЕННЫХ МЕДАЛЕЙ: МЕДАЛИ УШАКОВА И МЕДАЛИ НАХИМОВА

Президиум Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик постановляет:

1. Учредить для награждения рядового, старшинского и сержантского состава Военно-Морского Флота, отличившихся в боях за Родину, военные медали:

Медаль Ушакова,
Медаль Нахимова.

2. Утвердить:

а) положение и описание медали Ушакова;

б) положение и описание медали Нахимова.

3. Распространить:

а) на награжденных медалью Ушакова льготы, установленные для награжденных медалью "За отвагу";

б) на награжденных медалью Нахимова льготы, установленные для награжденных медалью "За боевые заслуги".

4. Предоставить право награждения медалями Ушакова и Нахимова от имени Президиума Верховного Совета СССР, с последующим утверждением награждения Президиумом Верховного Совета СССР:

а) командующим флотами, флотилиями, эскадрами кораблей, ВВС флота, оборонительными районами;

б) командирам бригад кораблей, ОВР, артиллерийских бригад, авиабригад, бригад морской пехоты и полков.

Председатель Президиума
Верховного Совета СССР *М. Калинин*

Секретарь Президиума
Верховного Совета СССР *А. Горкин*

Москва, Кремль, 3 марта 1944 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Высокий и достойный почет, который оказала советская власть бессмертной памяти П. С. Нахимова учреждением ордена его имени, привлек к имени великого флоповодца интерес самых широких кругов советской общественности, и составленный Главным архивным управлением сборник будет, несомненно, встречен читателями с большим удовлетворением.

Место, занимаемое Нахимовым на исторических скрижалях славы русского народа, огромно. С его именем связано воспоминание о замечательной победе русского флота в Синопской бухте 18 ноября 1853 г.; с его именем на вечные времена соединяется также память о бессмертной защите Севастополя в 1854—1855 гг. Нахимов, великий флотоводец, Нахимов, хозяин Севастополя, Нахимов, наравне с учителем своим адмиралом М. П. Лазаревым, создавший особую школу, особую традицию в деле подготовки морских кадров к боевой службе, начал свое геройское поприще участием в Наваринском победоносной битве в 1827 г., а окончил его 28 июня 1855 г., оросив в последний (но не в первый) раз своей кровью Малахов курган.

Современники и соратники Нахимова до конца дней своих утверждали, что им никогда не удастся в точности и во всей полноте рассказать потомству о Нахимове, потому что нужно было лично наблюдать его сверхъестественную энергию, его неслыханное (гипнотическое, как говорят некоторые источники) влияние на моряков, на солдат, на землекопов-рабочих Севастополя, на матросов и морских офицеров в морских боях, чтобы понять его. Этот человек делал невероятно много, его все любили, все высоко ценили, — писал о нем другой герой севастопольской обороны Тотлебен. — Пользуясь его влиянием во флоте, мы осуществили многое, что казалось невозможным. Он был вроде патриотов классической древности, он безгранично любил Россию и всегда готов был всем пожертвовать для чести своего отечества, как некоторые возвышенные патриоты из древних греков и древних римлян. И при этом какое нежно чувствующее сердце! Как заботился он обо всех страдающих! Он всех посещал, всем помогал! [1] Других мнений о нем и не было ни у кого из близко и ежедневно (и даже ежечасно) наблюдавших этого необыкновенного человека. Рассказав о некоторых (из много-

[1] Рукописное отделение Публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, архив Шильдера, 3, № 2. Письмо Тотлебена 24 июня 1855 г.

численных) его подвигах, севастополец Николай Васильевич Берг писал: «...Таков был Нахимов. Доброта ли, скрытые ли проблески гения, который, как алмаз, таится иногда под непроницаемой корой, или, наконец, подготовленные к тому обстоятельства времени, только имя Нахимова стало для нас дорогим именем, и ни одна потеря, кроме потери самого Севастополя, не отозвалась так во всех сердцах, как смерть незабвенного адмирала, честно и добросовестно отслужившего свою службу России... Он привлек сердца всех. О нем говорили, страдали и плакали не только мы, на холмах, орошенных его кровью, но везде, во всех отдаленных уголках бесконечной России. Вот где его Синопская победа».

Но все писавшие о Нахимове высказывают сожаление, что потомство будет знать об отдельных геройских подвигах великого адмирала и все-таки никогда не узнает, до какой степени вся его жизнь была сплошным жертвенным подвигом труда, мысли, воли, подвигом ежедневным, совершавшимся не только в морском бою или на севастопольских редутах и люнетах, но и в мирное время, когда он воспитывал свою команду «нахимовских львов», как тогда называли черноморских моряков. И вот этот-то пробел, который остается при чтении мемуарной литературы о Нахимове, и восполняется в значительной мере печатаемыми в предлагаемом сборнике документами. Тут мы видим именно ежедневную служебную, бытовую обстановку, в которой жил и действовал Нахимов, среду, в которой он вращался, читаем приказы, которые он получал сверху, приказы, которые отдавал он сам, знакомимся с его записной книжкой, и перед нами постепенно возникает эта изумительная, такая невидная, подспудная по своему внешнему характеру и такая поразительная по своим конечным результатам деятельность одного из сыновей русского народа, которым русский народ справедливо гордится. Видим мы и тайных, злобных, завистливых врагов Нахимова, вроде горе-главнокомандующего николаевского фаворита Меншикова, который донося Николаю о замечательном морском переходе и десанте перевезенной Нахимовым 13-й пехотной дивизии к Кавказским берегам, прибавляет в самых последних двух строках, что «поставляет себе долгом» у п о м я н у т ь т а к ж е»(!) о Нахимове... Тут и новые поразительно интересные показания из шханечного журнала, ведшегося на корабле «Три святителя», о Синопском бое. Тут и замечательное частное письмо Нахимова его двоюродному брату, впервые описывающее, что делали Нахимов и его моряки, как они чувствовали себя в месяцы между Синопом и высадкой союзников в Крыму. Этих документов, дающих столько нового материала, полного глубочайшего исторического интереса, так много, что в полном смысле слова у историка глаза разбегаются. Мы уж не говорим об интересе чисто биографическом. Эта кристально чистая натура, этот «рыцарь без страха и упрека» (как его называли), этот герой, недоумевавший, почему его все считают героем, этот человек, стремившийся всегда уступить поскорее другому честь и славу своих собственных подвигов, — встает перед читателем печатаемых в этом сборнике документов во весь свой огромный рост.

Мы, историки, давно уже имеем все основания быть благодарными

Главному архивному управлению НКВД СССР за ту деятельную помощь, которую получает от него наша трудная исследовательская работа. А трудна эта работа особенно при исследовании таких огромных и сложнейших событий дипломатической и военной истории, как Крымская война, именно прежде всего страшной разбросанностью материалов, затрудненностью их выявления и собирания. Вот почему появление такого сборника, как издаваемый теперь Главным архивным управлением, больше всего будут приветствовать специалисты-исследователи. Но материалы, даваемые в этом сборнике, найдут также свой путь непосредственно к уму и к чувству и рядового читателя, советского гражданина, русского патриота, пережившего недавно новую севастопольскую оборону.

Как много созвучного найдет в этом сборнике нынешний читатель, созвучного своим переживаниям и душевным волнениям! Как ясно после прочтения этого сборника станет ему, что сталинский Севастополь и нахимовский Севастополь — явления одного порядка, несмотря на огромную разницу между внешними условиями тогдашней обороны и нынешней, несмотря и на то, что в нахимовские времена врагам при всех их тяжких потерях не пришлось испытать той полной гибели, которая суждена была захватчикам и варварским опустошителям Крыма в нынешнюю Великую отечественную войну. Когда этот сборник попадет в руки советских военных моряков, с каким новым приливом гордости будут они взирать на нахимовский орден, украшающий наиболее заслуженных из их товарищей!

Академик *Е. В. Тарле*

ОТ РЕДАКЦИИ

Сборник документов «Адмирал Нахимов» является составной частью серии предполагаемых документальных публикаций, посвященных жизни и деятельности русских флотоводцев. В состав серии намечено включить сборники документов об адмиралах Ушакове, Лазареве, Корнилове, Макарове и др.

Публикация указанной серии документальных сборников ставит своей целью дать советскому читателю основные исторические документы, могущие служить надежным источником при изучении жизни и деятельности знаменитых русских флотоводцев.

Публикуемый сборник готовился к печати в необычайно трудных условиях. В начале Великой отечественной войны ценнейшие фонды государственных архивов, хранившиеся в Москве и Ленинграде, были эвакуированы в глубь страны, а оставшиеся материалы были упакованы и укрыты от вражеских бомбардировок. Розыск необходимых материалов как в Ленинграде, Москве, так и в местах эвакуации представлял значительные трудности. Достаточно сказать, что сотрудникам архивов приходилось передвигать в тесных и холодных подвалах при свете фонарей сотни ящиков для того, чтобы отыскать ящик, в котором было упаковано одно из дел, относящееся к теме сборника. Естественно, что это не могло не повлиять на полноту выявления документальных материалов. Тем не менее благодаря настойчивости и горячему стремлению дать советскому читателю документы о великом русском флотоводце научные сотрудники государственных архивов сумели выявить основные документы о деятельности адмирала П. С. Нахимова.

В сборнике использованы документальные материалы трех крупнейших государственных архивов: Центрального государственного военно-морского архива, Центрального государственного военно-исторического архива и Центрального государственного архива древних актов. Из первого архива изучению подверглись фонды Морского кадетского корпуса Инспекторского департамента морского министерства, Штаба Черноморского флота и портов, Военно-походной по флоту канцелярии и др.; из второго архива использованы документы коллекции Военно-ученого архива и материалы, собранные в свое время историком Крымской войны 1853—1856 гг. А. М. Зайончковским. Наконец, из Центрального государственного архива древних актов извлечено чрезвычайно ценное письмо П. С. Нахимова М. Ф. Рейнеке, дающее подробное описание Наваринского сражения.

Наряду с архивными материалами в целях достижения большей

полноты сборника в него включены также особым разделом относящиеся к П. С. Нахимову записки, дневники и воспоминания его сослуживцев и современников, разновременно появлявшиеся отдельными изданиями или в различных журналах, ставших в настоящее время библиографической редкостью.

Подавляющее большинство документов публикуется полностью. Случаи помещения извлечений из документов оговорены в заголовках и отмечены отточиями в тексте.

Даты документов воспроизведены по старому стилю. Текст публикуется, как правило, по подлинникам или официально заверенным копиям и за редкими исключениями по незаверенным копиям (главным образом документы, извлеченные из собрания А. М. Зайончковского). В случаях, когда ранее опубликованные документы не могли быть по тем или иным причинам отысканы в подлинниках среди архивных материалов, они публикуются по печатным источникам. Печатается текст по современной орфографии, но с сохранением всех особенностей стиля подлинников. В тех документах, где отсутствует пунктуация, нет абзацев и т. п., проведена соответствующая редакторская обработка, однако без изменения в какой-либо мере истинного смысла документа. Названия кораблей даны в кавычках.

Все подстрочные примечания, не оговоренные специально, принадлежат редакции сборника.

Основная часть работы по выявлению документальных материалов выполнена тт. А. И. Полянской и Н. В. Жилкиным. В выполнении этой работы принимали также участие научные сотрудники Т. А. Мандрыкина, А. М. Закова и Б. П. Тихомиров.

Выявление документальных материалов в Ленинграде осуществлялось под руководством архивного отдела УНКВД; выявление материалов в Москве, а также окончательная археографическая обработка документов проведены Научно-издательским отделом Главного архивного управления НКВД СССР и Археографической комиссией Института истории Академии наук СССР.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЭ	— Абхазская экспедиция.
БНК	— Военно-походная по флоту канцелярия.
БУА	— Военно-ученый архив.
д.	— Дело.
ф. З.	— Фонд Зайончковского.
ИДММ	— Инспекторский департамент морского министерства.
л.	— Лист.
МКК	— Морской кадетский корпус.
ф.	— Фонд.
ф.АМ	— Фонд А. С. Меншикова.
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов.
ЦГВИА	— Центральный государственный военно-исторический архив.
ЦГВМА	— Центральный государственный военно-морской архив.
ШЧФ	— Штаб Черноморского флота и портов.

ВАЖНЕЙШИЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДМИРАЛА П. С. НАХИМОВА [1]

1802 г.

23 июня. — Родился в имении Городок, Вяземского уезда, Смоленской губернии.

1815 г.

3 мая. — Поступил в Морской кадетский корпус гардемарином.

— Под командованием лейтенанта П. И. Харламова плавал на учебном бриге «Симеон и Анна» от С.-Петербурга до Кронштадта и обратно.

1816 г.

— Под командованием лейтенанта П. Н. Авсова плавал на том же бриге от С.-Петербурга до Кронштадта и обратно.

1817 г.

— В числе 12 самых достойных гардемарин Морского кадетского корпуса плавал на бриге «Феникс» под командой лейтенанта П. А. Дохтурова в порты Швеции и Дании (Кронштадт — Роченсальм — Свеаборг — Ревель — Рига — Стокгольм — Карлскрона — Копенгаген — Кронштадт).

1818 г.

Январь. — В числе лучших по учебным успехам гардемарин Морского кадетского корпуса произведен в унтер-офицеры.

9 февраля. — Окончив Морской кадетский корпус шестым по списку, произведен в мичманы и назначен во 2-й флотский экипаж.

1818—1820 гг.

— В составе своего экипажа находился при Петербургском порте.

1820 г.

23 мая — 25 октября. — На тендере «Янус» под командой лейтенанта А. Д. Ахлестышева стоял на Кронштадтском рейде и плавал до Красной горки.

---

[1] При составлении настоящей хроники использованы формулярный список вице-адмирала П. С. Нахимова, составленный в 1852 г., и документы, публикуемые в сборнике. Хроника составлена научным сотрудником Л. П. Грызловой.

1821 г.

— Переведен в 23-й флотский экипаж.

— Командирован в Архангельск в состав экипажа строящегося линейного корабля.

1822 г.

— По представлению командира отправлявшегося в кругосветное плавание фрегата «Крейсер» капитана 2-го ранга М. П. Лазарева вызван из Архангельска и назначен в плавание на этот фрегат.

24 июня. — На фрегате «Крейсер» под командой капитана 2-го ранга М. П. Лазарева отправился в кругосветное плавание.

1823 г.

23 марта. — Произведен в лейтенанты.

1825 г.

6 августа. — Возвратился из кругосветного плавания на фрегате «Крейсер», продолжавшегося более трех лет (1084 дня).

1 сентября. — За вояж вокруг света на фрегате «Крейсер» награжден орденом св. Владимира 4-й степени и пожизненным пенсионом в размере 205 р. 17 коп.

1826 г.

— Назначенный на строящийся в Архангельске под наблюдением капитана 1-го ранга М. П. Лазарева линейный корабль «Азов», участвовал в его вооружении и подготовке к вступлению в строй.

27 июля — 5 октября. — Перешел из Архангельска в Кронштадт на корабле «Азов» под командой капитана 1-го ранга М. П. Лазарева.

5 октября. — Переведен в 13-й флотский экипаж.

1827 г.

21 мая — 7 октября. — Под флагом адмирала Д. Н. Сенявина на корабле «Азов» под командой капитана 1-го ранга М. П. Лазарева совершил с эскадрой, предназначенной для совместной с английским и французским флотом демонстрации против Турции в связи с «греческим вопросом» в Средиземном море, переход из Кронштадта в Портсмут.

В составе эскадры, выделенной в Портсмуте адмиралом Сенявиным под командованием контр-адмирала Гейдена для отправления в Средиземное море, находясь на флагманском корабле «Азов» под командой капитана 1-го ранга М. П. Лазарева, совершил переход из Портсмута в Средиземное море по маршруту Палермо — Мессина — остров Занте (Закинф) — Наварин.

8 октября. — Командуя на корабле «Азов» батареей на баке, участвовал в Наваринском сражении.

13—27 октября. — На корабле «Азов» в составе эскадры сделал переход из Наварина на Мальту.

27 октября 1827 г.— 4 апреля 1828 г. — Стоял на рейде в Мальте на корабле «Азов» под командой контр-адмирала М. П. Лазарева.

14 декабря. — Произведен в капитан-лейтенанты и «за отличную храбрость», проявленную в сражении при Наварине, награжден орденом св. Георгия 4-й степени.

1829 г.

3 апреля — 27 июля. — Плавал по Средиземному морю у берегов Морей и в Архипелаге на корабле «Азов» под командой капитана 2-го ранга С. П. Хрущева.

7 сентября. — Назначен командиром взятого в плен египетского корвета «Наварин».

1830 г.

1 января — 6 марта. — Командуя корветом «Наварин», плавал в Средиземном море и Архипелаге.

1831 г.

— Командуя корветом «Наварин», возвратился из Архипелага сначала на Мальту, а оттуда в Кронштадт.

1 июня. — Награжден орденом св. Анны 2-й степени.

Сентябрь. — Плавал в Финском заливе между Кронштадтом, Свеаборгом и Ревелем.

19 сентября. — Переведен в 25-й флотский экипаж.

1832 г.

12 мая — 3 сентября. — Командуя корветом «Наварин», крейсировал в Балтийском море от Кронштадта до Готланда и обратно, а затем с визитом в город Либаву и обратно в Кронштадт.

31 декабря. — Переведен в 4-й флотский экипаж.

1833 г.

— Состоял членом комитета, учрежденного с целью предохранения г. Кронштадта от холеры.

— Будучи назначен командиром заложенного на Охтенской верфи фрегата «Паллада», наблюдал за его постройкой.

1 сентября. — Наблюдал за спуском фрегата «Паллада» на воду.

1833 г.

1–18 мая. — Участвовал в проводке фрегата «Паллада» на камелях из С.-Петербурга в Кронштадт под командой капитана над главным гребным портом генерал-майора Токмачева.

18 мая. — На фрегате «Паллада» прибыл в Кронштадт.

24 июля. — В составе эскадры вице-адмирала Ф. Ф. Беллинсгаузена, командуя фрегатом «Паллада», вышел из Кронштадта в Ревель и оттуда в практическое плавание в Балтийском море.

17 августа. — Находясь на фрегате «Паллада» в составе эскадры вице-адмирала Ф. Ф. Беллинсгаузена, на переходе в устье Финского залива, определив, что курс ведет эскадру на каменную гряду, сделал сигнал «флот идет к опасности» и, не ожидая ответа адмирала, изменил курс своего корабля. Остальные корабли эскадры, последовавшие его примеру, избежали опасности, кроме головного корабля «Арсис», который наскочил на камни.

12 сентября. — В составе эскадры вице-адмирала Ф. Ф. Беллинсгаузена на фрегате «Паллада» возвратился из плавания по Балтийскому морю в Ревельский порт, а затем 11 октября в Кронштадт.

1834 г.

24 января. — Переведен из Балтийского в Черноморский флот и назначен командиром 41-го флотского экипажа.

30 августа. — Произведен в капитаны 2-го ранга.

— Назначен командиром строившегося в г. Николаеве линейного корабля «Силистрия». Руководил вооружением этого корабля.

1835 г.

3 октября. — Награжден греческим орденом св. Спасителя за участие в истреблении турецко-египетского флота в Наваринском сражении.

11 ноября. — Наблюдал за спуском на воду корабля «Силистрия» и руководил подготовкой его к вступлению в строй.

1836 г.

9 сентября — 8 ноября. — Командуя кораблем «Силистрия», перешел из Николаева в Севастополь.

1837 г.

25 мая — 26 сентября. — Командуя кораблем «Силистрия», плавал из Севастополя в Одессу и Феодосию и крейсировал по Черному морю.

22 сентября. — За «отлично усердную и ревностную службу» награжден орденом св. Анны 2-й степени с императорской короной.

6 декабря. — Произведен в капитаны 1-го ранга.

1838—1839 гг.

Март 1838 г. — август 1839 г. — Находился в заграничном отпуске по болезни.

1840 г.

9 марта — 8 июля. — Командуя кораблем «Силистрия», под флагом вице-адмирала М. П. Лазарева, сделал два рейса из Севастополя в Феодосию по перевозке сухопутных войск. Из Феодосии вышел к кавказским берегам для занятия местечек Туапсе и Псезуапе, где при высадке десантного отряда командовал левым флангом 1-го отделения.

30 июля. — Командуя кораблем «Силистрия», вышел из Севастополя в Новороссийский порт для установки в Цемесской бухте буев (бочек) на мертвых якорях.

2 сентября. — Находясь в крейсерстве между Анапой и Новороссийском против долины Чусхаб, уничтожил артиллерийским огнем контрабандное турецкое судно.

17 сентября. — Возвратился из крейсерства в Севастополь.

1841 г.

1 мая — 19 августа. — Командуя кораблем «Силистрия», плавал из Севастополя в Одессу и в Новороссийский порт, где руководил перекладкой в Цемесской бухте на новые места мертвых якорей.

1842 г.

18 апреля. — Награжден орденом св. Владимира 3-й степени за «отлично усердную и ревностную службу».

15 июля — 28 августа. — Командуя кораблем «Силистрия», в составе эскадры плавал по Черному морю для «практики и эволюций».

1843 г.

14 июня — 5 октября. — Командуя тем же кораблем, дважды участвовал в перевозке из Севастополя в Одессу сухопутных войск, после чего

плавал с эскадрой по Черному морю для «практики и эволюции». Вскоре после окончания плавания вновь отправился из Севастополя в Одессу для доставления туда сухопутных войск.

1844 г.

2 июля. — На корабле «Силистрия» вышел из Севастополя в Новороссийский порт для постановки на мертвых якорях бочек нового устройства.

18 июля. — Десантом со своего корабля поддержал гарнизон форта Головинский при отражении нападений горцев.

26 июля. — Снялся с якоря у форта Головинский и направился в Севастополь, куда прибыл 28 июля.

1845 г.

1 мая — 15 сентября. — Командуя тем же кораблем, плавал по Черному морю с флотом для «практики и эволюции».

13 сентября. — Произведен в контр-адмиралы с назначением командиром 1-й бригады 4-й флотской дивизии.

1846 г.

8 марта — 20 августа. — Имея свой флаг на фрегате «Кагул», командовал отрядом из 7 судов в плавании у восточных берегов Черного моря.

— Награжден знаком отличия беспорочной службы за 25 лет.

1847 г.

3 мая — 3 июля. — Имея свой флаг на фрегате «Ягудиил», плавал вторым флагманом с эскадрой по Черному морю для «практики и эволюции». После возвращения в Севастополь дважды руководил перевозкой сухопутных войск.

6 декабря. — Награжден орденом св. Станислава 1-й степени.

1848 г.

2 мая. — Имея флаг на фрегате «Коварна», командовал отрядом из 7 судов в плавании у восточных берегов Черного моря.

12 мая. — По распоряжению главного командира Черноморского флота и портов М. П. Лазарева руководил работами по подъему тендера «Струя», затонувшего во время свирепого норд-оста в Новороссийской бухте.

5 августа. — Закончил работы по подъему тендера «Струя» и исправлению поврежденных мертвых якорей, расположенных в Новороссийской бухте.

2 октября. — Возвратился в Севастополь из плавания у восточных берегов Черного моря.

1849 г.

8 июля — 28 августа. — Имея свой флаг на корабле «Ягудиил», третьим флагманом плавал в составе 2-й практической эскадры по Черному морю для «практики и эволюции».

21 декабря. — Награжден орденом св. Анны 1-й степени.

1850 г.

6 мая — 23 ноября. — Имея свой флаг на фрегате «Кагул», командовал отрядом из 7 судов, крейсируя у восточных берегов Черного моря.

Адмирал
Павел Степанович Нахимов
(1802—1855 гг.)

1851 г.

30 марта — 10 апреля. — Имея свой флаг на корабле «Ягудиил», командовал отрядом из 3 линейных кораблей, выполняя задание по перевозке из Севастополя в Одессу сухопутных войск.

4 мая — 23 июня. — Имея свой флаг на корабле «Ягудиил», вторым флагманом плавал в составе 1-й эскадры по Черному морю для «практики и эволюции».

— Награжден орденом св. Анны 1-й степени с императорской короной.

1852 г.

30 марта. — Назначен **командующим** 5-й флотской дивизией.

4 июля — 25 октября. — Имея свой флаг на корабле «Двенадцать апостолов», командовал эскадрой судов, дважды выполнявших перевозку из Севастополя в Одессу сухопутных войск, после чего плавал с эскадрой по Черному морю для «практики и эволюции».

22 августа. — Награжден знаком отличия беспорочной службы за 30 лет.

2 октября. — Произведен в вице-адмиралы с утверждением в должности **начальника** 5-й флотской дивизии и с содержанием: жалованья — 1145 руб., столовых — 858 руб., за вояж вокруг света — 205 р. 17 коп.

1853 г.

17—24 сентября. — Командуя эскадрой в составе 12 линейных кораблей, 2 фрегатов, 2 корветов, 4 пароходо-фрегатов, 3 пароходов и 11 транспортов и имея флаг на линейном корабле «Вел. кн. Константин», в течение семи дней осуществил перевозку из Севастополя на Кавказское побережье в Анакрию и Сухум-Кале 13-й пехотной дивизии и двух батарей с артиллерийским парком и всеми обозами (16 400 человек и 827 лошадей).

За успешное проведение этой операции был награжден орденом св. Владимира 2-й степени большого креста.

11 октября. — Имея флаг на линейном корабле «Императрица Мария», в связи с угрожающим положением занятым Турцией, вышел в море с эскадрой в составе 4 линейных кораблей, 1 фрегата и 1 брига для крейсерства у Анатолийского побережья между мысом Керемпе и портом Амастро на вероятных путях движения турецкого флота к побережью Кавказа.

18 ноября. — Имея флаг на линейном корабле «Императрица Мария», с эскадрой в составе 6 линейных кораблей и 2 фрегатов нанес решительное поражение турецкой эскадре в Синопской бухте, уничтожив 7 фрегатов, 3 корвета, 1 пароход и 4 транспорта и взяв в плен командующего турецкой эскадрой адмирала Осман-пашу.

20—22 ноября. — Возвратился из Синопа в Севастополь.

28 ноября. — За победу при Синопе награжден орденом св. Георгия 2-й степени большого креста и годовым окладом жалования.

1854 г.

Январь — август. — Имея флаг на линейном корабле «Двенадцать апостолов», находился с эскадрой на Севастопольском рейде в полной готовности к выходу в море.

11 сентября. — Ввиду приближения после Альминского сражения англо-французской армии к Севастополю назначен начальником морских команд, обороняющих Южную сторону Севастополя.

Сентябрь. — Совместно с вице-адмиралом Корниловым и полковником Тотлебеном организовал средствами флота, гарнизона и населения города создание оборонительной линии Южной сто-

Центральной ВМБ

роны Севастополя на всем ее протяжении от Артиллерийской бухты до Килен-балки.

21—23 сентября. — Ввиду непосредственной угрозы Севастополю с суши сформировал из береговых и корабельных морских команд 20 флотских батальонов для отражения противника.

5 октября. — Во время первой бомбардировки Севастополя легко ранен на 3-м бастионе в голову.

1855 г.

13 января. — За мужественное руководство обороной Севастополя награжден орденом Белого Орла.

25 февраля — Назначен командиром Севастопольского порта, временным военным губернатором г. Севастополя и помощником начальника гарнизона.

2 марта. — Вступил в и. д. командующего севастопольским гарнизоном.

13 марта. — Ввиду назначения командиром порта и временным военным губернатором Севастополя по личной просьбе освобожден от обязанности командующего эскадрой.

27 марта. — Произведен за отличие при обороне Севастополя в адмиралы.

26 мая. — Находясь на Камчатском люнете во время штурма его и смежных Селенгинского и Волынского редутов французами, был контужен осколком бомбы в спину. Руководя до последнего момента обороной уже окруженного превосходящими силами противника люнета, с уцелевшей частью матросов и солдат пробился штыками из окружения.

Май — июнь. — Руководил устройством через Южную бухту нового пловучего моста на Корабельную сторону для спешной переброски из города подкреплений на Малахов курган и прилегающие к нему укрепления.

6 июня. — Руководил отражением штурма французов на Малахов курган. Бросив в штыковую атаку против ворвавшихся французов защитников кургана, очистил его от противника.

16 июня. — Награжден арендой по чину адмирала.

28 июня. — Смертельно ранен в висок штуцерной пулей на Корниловском бастионе.

30 июня. — Скончался и 1 июля погребен в склепе строящегося морского собора св. Владимира рядом с М. П. Лазаревым, В. А. Корниловым и В. И. Истоминым.

Раздел первый

ГОДЫ УЧЕНИЯ

(1815—1818 гг.)

№ 1

ПРОШЕНИЕ ИВАНА И ПАВЛА НАХИМОВЫХ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ИХ В МОРСКОЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС

23 апреля 1813 г.

Всепресветлейший, державнейший великий государь император Александр Павлович, самодержец всероссийский, государь всемилостивейший,

просят недоросли из российских дворян греческого исповедания Иван и Павел Степановы сыновья Нахимовы о нижеследующем:

Отец наш родной, Степан Михайлов сын Нахимов, в службе вашего императорского величества находился в гвардии капитаном и отставлен майором, ныне нам от роду первому 12, а последнему 11 лет, обучены по-российски и по-французски читать и писать и часть арифметики, но в службу вашего императорского величества никуда еще не определены, а желание имеем вступить в Морской кадетский корпус в кадеты, а потому всеподданнейше просим:

дабы высочайшим вашего императорского величества указом повелено было сие наше прошение принять и нас именованных по желанию нашему в Морской кадетский корпус в кадеты определить. А что мы действительно из дворян и помянутому майору Степану Нахимову сыновья родные, в том представляем надлежащие свидетельства [1]. Испомещен же [2] состоим Смоленской губернии, Бельского уезда, крестьян за отцом нашим 136 душ.

Недоросль из дворян Иван Степанов сын *Нахимов.*

Недоросль из дворян Павел Степанов сын *Нахимов.*

ЦГВМА, ф. МКК, 1813, д. 2075. Подлинник.

---

[1] Свидетельства не публикуются.
[2] Так в подлиннике.

№ 2

РАПОРТ ДИРЕКТОРА МОРСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА ВИЦЕ-АДМИРАЛА П. К. КАРЦОВА МИНИСТРУ ВОЕННЫХ МОРСКИХ СИЛ МАРКИЗУ ДЕ-ТРАВЕРСЕ О НЕВОЗМОЖНОСТИ ЗАЧИСЛИТЬ ИВАНА И ПАВЛА НАХИМОВЫХ В МОРСКОЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС ВВИДУ ОТСУТСТВИЯ ВАКАНТНЫХ МЕСТ

Июля 1813 г.

Поданными ко мне на высочайшее имя прошениями показанные при сем в списке недоросли из дворян 20 человек просят об определении их в Морской кадетский корпус в кадеты, а что они действительно из дворян, в том представили свидетельства, о включении которых по нынешнему вакансии в число кандидатов к определению в кадеты, вашему высокопревосходительству имею честь представить [1], а сколько кому от роду лет и чему обучены, означено в списке.

ИЗ СПИСКА НЕДОРОСЛЯМ, ПРИЛОЖЕННОГО К РАПОРТУ

		Сколько от роду лет	Чему обучены
Иван	Нахимовы	11	По-российски читать и писать и часть арифметики
Павел		10	

ЦГВМА. ф. МКК, 1813, д. 2532. лл. 24—25 Отпуск.

№ 3

ОТНОШЕНИЕ П. К. КАРЦОВА ГЛАВНОМУ КОМАНДИРУ КРОНШТАДТСКОГО ПОРТА ВИЦЕ-АДМИРАЛУ Ф. В. МОЛЛЕРУ ОБ ОТПРАВЛЕНИИ В ЗАГРАНИЧНОЕ ПЛАВАНИЕ ГАРДЕМАРИН МОРСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА

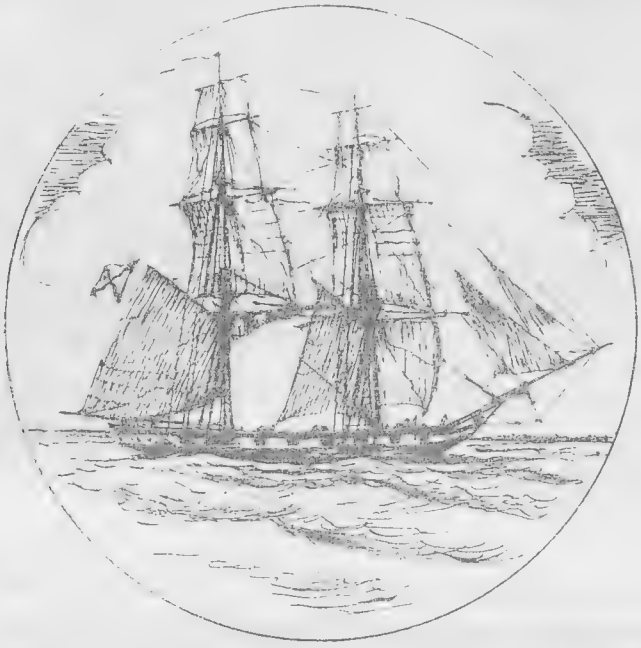
20 мая 1817 г.

По предписанию господина морского министра командировано в поход на бриг «Феникс» для практики и узнания наших и некоторых иностранных портов Морского кадетского корпуса гардемарин 12 человек, при них сего корпуса лейтенант князь Шихматов [2]; пор-

[1] Ввиду отсутствия вакансий П. С. Нахимов в 1813 г. не был зачислен в Морской кадетский корпус, куда был принят только через 2 года — в 1815 г.

[2] **Шихматов С. А.** — выдающийся воспитатель морского юношества (1804 — 1827 гг.). Литератор и переводчик. В совершенстве владел не только новейшими, но и классическими языками. В 1809 г. был избран действительным членом Российской академии, а в 1817 г. от той же академии получил за свои литературные труды большую золотую медаль с надписью «Отличную пользу российскому слову принесшему». В 1827 г. вышел в отставку и в 1837 г. умер.

ционными деньгами они удовольствованы. Каждый противу флотских офицеров по 32 рубля по 93 копейки в месяц на 2½ месяца. Потому лейтенанту князу Шихматову приказано от меня явиться к ваше-



Бриг «Феникс», на котором плавал П. С. Нахимов, будучи гардемарином

му превосходительству, кто же именно гардемарины командированы и чем они сверх порционных денег от корпуса снабжены, при сем прилагается список [1].

Петр Карцов

ЦГВМА. ф. МКК. 1817, д. 2969, лл. 71—72. Подлинник.

№ 4

СПИСОК

ОБЕР-ОФИЦЕРОВ И ГАРДЕМАРИН, НАЗНАЧЕННЫХ В ПЛАВАНИЕ НА БРИГ «ФЕНИКС» В КАМПАНИЮ 1817 г.

Лейтенант князь Сергей Шихматов
Гардемарины:
Федор Колычев
Павел Новосильский

[1] См. документ № 4.

Дмитрий Завалишин
Владимир Даль
Платон Станицкий
Иван Адамович
Степан Лихонин
Николай Фофанов
Павел Нахимов[1].
Александр Рыкачев
Захар Дудинский
Иван Бутенев

Итого 12 человек[2]

Все сии гардемарины снабжены каждый двумя куртками и галстуками, брюками: суконными одними, летними — тремя, кивером, тесаком, фуражкою, шинелью, тюфяком с подушкою и одеялом; бельем: по шести рубах, по трои подштанников, по четыре простыни, на подушку наволоками по три, чулками по четыре пары и сапогами по три пары.

Лейтенанту кн. Шихматову приложен список только с одними именами.

ЦГВМА, ф. МКК, 1817, д. 2969, лл. 71—72. Отпуск.

№ 5

РАПОРТ ПРИЧИСЛЕННОГО К МОРСКОМУ КАДЕТСКОМУ КОРПУСУ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА П. А. БАРАТЫНСКОГО П. К. КАРЦОВУ С ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ В УНТЕР-ОФИЦЕРЫ 15 ЛУЧШИХ ПО НАУКАМ ГАРДЕМАРИН, ОКОНЧИВШИХ МОРСКОЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС

20 января 1818 г.

Комиссия, учрежденная приказом вашего превосходительства генваря от 1-го числа для екзамена гардемарин, окончивших науки и сделавших на море узаконенные кампании, производила сей екзамен с 2 генваря по 19-е число; гардемарины испытуемы были во всех частях математических и навигацких науках: в алгебре, в дифференциальных вычислениях, в механике, в иностранных языках, в истории, в географии, в российской грамматике, в артиллерии, в фортификации, в морской практике, в эволюции, в геодезии и в теории кораблестроения. И каковы найдены в знании сих частей, принимая и поведение их, засвидетельствованное господами ротными капита-

[1] Подчеркнуто нами.

[2] Из числа товарищей П. С. Нахимова по этому плаванию заслуживают быть отмеченными: Бутенев и Рыкачев — герои Наварина; из них первый, будучи вместе с Нахимовым в этом бою на «Азове», также получил за храбрость орден Георгия 4-го класса; Завалишин — известный моряк-декабрист и писатель; Даль — позже доктор медицины, писатель и известный лексикограф, друг Пушкина; Новосильский — преподаватель математики и астрономии в Морском корпусе, а после сдачи при университете государственного экзамена поступивший на службу в министерство народного просвещения.

нами, составлен по старшинству список за общим подписанием всей комиссии, при сем прилагаю [1]. Из означенных в прилагаемом списке первые пятнадцать человек, а именно: Платон Станицкий, Захар Дудинский, Михайла Рейнеке, Василий Соколов, Андрей Чигирь, *Павел Нахимов* [2], Александр Кучин, Александр Дорохов, Василий Сипягин, Андрей Колосовской, Степан Кадьян, Александр Цебриков, Матвей Барыбин, Михайла Линден и Аполлон Иванов оказались с весьма хорошими знаниями во всех частях противу прочих, равно и в поведении. Почему имею честь представить вашему превосходительству, не благоугодно ли будет пожаловать их в унтер-офицеры.

Генерал-майор. *Баратынский*

ЦГВМА, ф. МКК, 1818, д. 3084, л. 6. Подлинник.

№ 6

ИЗ ПРОТОКОЛА КОМИССИИ, СОСТАВЛЕННОЙ ДЛЯ ЭКЗАМЕНОВАНИЯ УНТЕР-ОФИЦЕРОВ И ГАРДЕМАРИН МОРСКОГО КАДЕТСКОГО КОРПУСА, НАЗНАЧЕННЫХ К ВЫПУСКУ ВО ФЛОТ

7 февраля 1818 г.

1818 года февраля 7 дня, по указу его императорского величества, составленная в Морском кадетском корпусе для экзамена назначенных к выпуску во флот унтер-офицеров и гардемарин комиссия, вследствие учиненного ею минувшего генваря 30 дня по силе указа Государственной Адмиралтейств-коллегии о составлении сей комиссии определения, из представленных председательствующим во оной господином вице-адмиралом корпуса директором и кавалером Карцовым, о окончивших положенный курс учения, и для познания практических действий, бывших не по одно лето на море, унтер-офицерах и гардемаринах 75 человеках, в том числе Черноморский один; начав того генваря с 30 числа экзаменовать в присутствии всей комиссии окончила оной экзамен сего февраля 4-го дня. По проэкзаменовании находит их к произведению в мичманы достойными. При сем господин вице-адмирал корпуса директор и кавалер предложил предписание господина морского министра с приложением списков о удостаивающихся за окончанием принадлежащих к мореплаванию наук к производству в мичманы [и] гардемаринах Черноморского флота 34 человеках, о представлении и их к производству с прочими, имеющими назначиться к выпуску из Морского кадетского корпуса гардемаринами. Комиссия, рассматривая знание здешних и Черноморского флота гардемарин, составила общий список, старшинством по степени ответов их в знании науке, а именно: из первых и лучших здесь в корпусе унтер-офицеров: 1 Платона Станицкого, 2 Захара Дудинского, 3 Михаилу Рейнеке, 4 Василия Соколова, 5 Анд-

[1] Список не публикуется.
[2] Подчеркнуто нами.

рея Чигиря, 6 *Павла Нахимова*..., которые положенные к производству в офицеры лета имеют, для познания практических действий здешние и черноморские были не по одно лето на море, от командиров судами, с коими на море находились, в поведении и в исправлении должности аттестованы хорошо, а в высочайше утвержденном в 28 день сентября прошлого 1804 года о экзаменовании, балотировании и производстве чинов, во флоте служащих, докладе в 3 пункте изображено; «из гардемарин в. мичмана по экзамену не прежде производить, как после пяти кампаний и по засвидетельствовании тех капитанов, у которых под начальством находились, что они во все продолжение оных рачительны и исправны были в исполнении во всех частях своей должности и нарочитые оказали успехи; разве обстоятельства к наполнению комплекта потребуют особого производства, и тогда чинить оное по мере надобности из тех, кои по экзамену и по свидетельствам корабельных начальников наиболее отличатся». Приказали: о проэкзаменованных и размещенных вышеписанным порядком Морского кадетского корпуса унтер-офицерах и гардемаринах и Черноморского флота гардемаринах же, всего 109 человеках, в Государственную Адмиралтейств-коллегию представить с прописанием всего обстоятельства два списка за подписанием всей комиссии.

Подписали февраля 7 дня 1818 года.
(следуют подписи)

ЦГВМА, ф. МКК, 1818, д. 3084, лл. 21, 26—27. Подлинник.

---

[1] Далее следует перечень остальных проэкзаменованных, всего 109 человек.

Раздел второй

ПЕРВЫЕ ГОДЫ ВОЕННО-МОРСКОЙ СЛУЖБЫ

(1818—1833 гг.)

1. КРУГОСВЕТНОЕ ПЛАВАНИЕ НА ФРЕГАТЕ «КРЕЙСЕР»

№ 7

УКАЗ ГОСУДАРСТВЕННОЙ АДМИРАЛТЕЙСТВ-КОЛЛЕГИИ П. К. КАРЦОВУ О НАЗНАЧЕНИИ ОФИЦЕРОВ В КРУГОСВЕТНОЕ ПЛАВАНИЕ НА ФРЕГАТ «КРЕЙСЕР» И ШЛЮП «ЛАДОГА»

17 марта 1822 г.

Адмиралтейств-коллегия, слушав предложение г. начальника морского штаба его императорского величества от 13-го числа сего марта, коим уведомляет, что на приготовляющиеся в дальний вояж суда назначаются следующие офицеры: на фрегат «Крейсер» флотских экипажей лейтенанты: 1-го — Кадьян, Анненков, Куприянов; мичманы: 19-го — Бутенев, 2-го — Путятин, 23-го — Нахимов 1-й, 11-го—Домашенко, Морского корпуса—Завалишин, адъютант вице-адмирала Сарычева 1-го — Муравьев. На шлюп «Ладогу» флотских экипажей лейтенанты: 15-го — Беренс, 25-го — Никольской, 8-го—Барташевич; мичманы: Ломан, Баранов, 8-го — Фофанов, 16-го — Борзенков, 1-го Бодиско. Приказали: об означенном сделанном г. начальником морского штаба назначении офицеров на приготовляющиеся в дальний вояж суда дать знать для надлежащего распоряжения вам, г-ну адмиралу и кавалеру, Хозяйственной экспедиции, главному командиру Кронштадтского порта и господину вице-адмиралу Сарычеву 1-му.

Яков Жохов [1]

ЦГВМА, ф. МКК, 1822, д. 3549, л. 1.
Подлинник.

[1] Генерал-лейтенант, член Адмиралтейств-коллегии.

№ 8

ИЗ ШХАНЕЧНОГО ЖУРНАЛА ФРЕГАТА «КРЕЙСЕР»[1]

20 ноября 1823 г.

Часы	Узлы	Курсы	Ветры	Двейфы	В 20-й день ноября 1823 года, идучи под парусами в Северном Тихом океане, случаи
					С полуночи
1	6 1/4	SOtO	WSW	•	Ветер марсельный, небо облачно, изредка блистание звезд.
2	7	D°	SWtS	•	В 3/4 2-го часа шквал от SW, со снегом, почему взяли грот на гитовы; вскоре по прошествии оного осадили грот. В 3 часа взяли грот на гитовы и поставили грот-трисель. В 4 часа воды в фрегате 15 дюйм. В 5-м часу ветер риф-марсельный со шквалом и дождем, небо облачно и боковая качка.
3	6 1/4	D°	SSW	•	
4	7 1/2	D	SWtS	•	
5	7 1/2	D	D	•	
6	6 1/2	D	D	•	
7	6	SO	SSW	•	
8	6 3/4	SOtO	D°	•	
9	7 1/2	D	SW	•	
	1/2	StO	SWtW	2	В 1/2 6-го часа взяли фок на гитовы. В 6-ть часов высота барометра 29-26 дюйма. В исходе 7-го часа взяли у марселей все рифы. В 8 часов рапортовано о команде благополучно, больных служителей 2 человека; воды в фрегате 15 1/2 дюйм.
10	1	NW	WSW		
	3 1/2	SOtO	SWtW	•	В 9-м часу ветер риф-марсельный, со шквалами, небо облачно и сильная боковая качка. В начале 10-го часа упал за борт канонир Давыд Егоров, немедленно фрегат приведен был к ветру и спущена шлюпка, но при всех стараниях спасти его не могли. При приставании же шлюпки обратно, оную разбило у борта; однако же бывший на оной офицер и 6-ть человек гребцов успели схватиться и выйти. В 1/2 10 часа спустились на прежний румб. В 12 часов по отливии воды во фрегате 12 дюймов в полдень термометр показывал 3 1/2°, высота барометра 29,44 дюйма.
11	8 1/2	D	SWtS	•	
12	8 1/2	D	D°	•	

ЦГВМА, Шханечные журналы, 1823—1824 гг., Балтийский флот, фрегат «Крейсер», книга 2-я, л. 59. Подлинник.

№ 9

ИЗ РАПОРТА КАПИТАНА 2-го РАНГА М. П. ЛАЗАРЕВА НАЧАЛЬНИКУ МОРСКОГО ШТАБА О ПОДВИГЕ МИЧМАНА П. С. НАХИМОВА

10 декабря 1823 г., порт св. Франциска

...В продолжение кратковременного сего плавания от Ситхи до порта св. Франциска имели мы нещастие потерять канонира Давыда Егорова, который 20 ноября при девяти узлах ходу, в крепкий ве-

[1] См. также документы № 9 и 10

тер и сильное волнение, упал с фор-русленей в море. Хотя немедленно фрегат был приведен к ветру и спущена шлюпка, в которую бросился мичман Нахимов с шестью матрозами, но при всех возможных стараниях их спасти его не могли. В сие время от сильного волнения качало фрегат чрезвычайно и шлюпка, возвратившаяся назад, едва пристала против того места, где следовало поднять ее, как бизань русленями разбило оную в мелкие куски: офицер и матрозы, в ней бывшие, успели однакож схватиться и выскочить.

Сию готовность г. Нахимова при спасении человека жертвовать собою я долгом почел представить на благорассмотрение господ членов государственной Адмиралтейств-коллегии и льщу себя надеждою, что таковой подвиг не найдется недостойным внимания правосудного моего начальства.

Капитан 2-го ранга *М. Лазарев*

ЦГВМА, ф. ВФК, 1824., д. 336, лл. 11 и об. Подлинник.

№ 10

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Д. И. ЗАВАЛИШИНА О ПОДВИГЕ П. С. НАХИМОВА 20 НОЯБРЯ 1823 ГОДА ВО ВРЕМЯ КРУГОСВЕТНОГО ПЛАВАНИЯ НА ФРЕГАТЕ «КРЕЙСЕР»

Разлучаясь с «Ладогою», мы как будто сбросили с себя непомерную тягость и быстро пошли к месту своего назначения. При благоприятном ветре фрегат проходил иногда более 400 верст в сутки.

На этом переходе случилось одно происшествие, хотя и грустное, но показавшее, каким самоотвержением одушевлены были у нас офицеры и команда. Мы с Нахимовым имели привычку приходить побеседовать один к другому, когда я или он бывал на вахте, а другой был свободен от обязательных каких-либо занятий. Однажды, когда я был на вахте, а Нахимов пришел ко мне побеседовать и мы, прохаживаясь по шханцам, разговаривали об одном случае, прочитанном мною в «Жизни английских адмиралов» (Lifes of British Admirales, бывшей настольной книгою у Лазарева), вдруг раздался зловещий крик: «Человек упал за борт». Фрегат был в это время на полном ходу, идя более десяти узлов в час (более $17\frac{1}{2}$ верст). В одно мгновение полетели за борт сбрасываемые (чтобы дать за что ухватиться утопающему) спасительные буйки с флагами, и сверх того я бросил маленькую лестницу, употребляемую при пелькомпасе во время взятия пеленгов. Оказалось, что упавший с носа фрегата артиллерист именно за эту лестницу и ухватился. В то же мгновение я стал приводить к ветру, но при быстроте хода фрегата он все же пробежал уже значительное расстояние, однакоже с марса упавший человек был еще в виду. При сильном волнении спускать шлюпку было опасно; оставалось воспользоваться тою секундою, когда фрегат наклонялся на ту сторону, на которой была подвешена шлюпка, и обрубить веревки, на которых она висела. Послав из стоящих ближе шесть человек матросов на шлюпку, я сказал Нахимову: «Павел Степанович, отправляйся с ними», и Нахимов не стал разбирать, что он

старше меня, что я не имею права ему приказывать, что он наверху случайно, а у меня есть на баке (передней части корабля) свой подвахтенный мичман и пр., но тотчас же вскочил в шлюпку; веревки обрубили, и шлюпка с людьми полетела в море. С марса движением ручного красного флага направляли ход ее к утопавшему; оставалось каких-нибудь пять-шесть сажен до него, Нахимов уже видел его, как вдруг упавший канонир выпустил лестницу из рук: сделались ли с ним судороги или схватила его акула — решить нельзя, но его не нашли.

Покружившись долго на одном месте в надежде, не вынырнет ли утопавший, и не найдя его ни в каком направлении, где виднелись флаги буйков, шлюпка должна была возвратиться, и теперь задача была уже в том, как поднять ее в целости и не потерять людей, на ней находившихся, так как при сильном волнении шлюпка могла удариться о бок фрегата, прежде нежели успеют поднять ее выше борта, и люди при этом могут упасть в воду. Для облегчения удара спущены были по борту матросские койки, а каждому человеку из находящихся в шлюпке подано было по два конца веревок, чтобы на случай, если шлюпка разобьется и люди упадут в воду, можно было бы вытащить их на веревках. Когда все было готово и тали были заложены, то для быстроты поднятия было поставлено на веревки талей человек по пятидесяти, чтобы тянуть веревки с разбегу в то самое мгновение, как фрегат начнет наклоняться на сторону шлюпки. Все люди и на палубе и на шлюпке действовали молодецки, и хотя невозможно было поднять шлюпку настолько, чтобы при отклонении фрегата на другую сторону она совсем бы поднялась выше борта, и поэтому она могла удариться о него, но со шлюпки удержали удар баграми, которые хотя и сломались, но между тем шлюпку успели вздернуть до настоящего ее места[1]. Все бывшие на шлюпке шесть человек матросов получили повышение, а о Нахимове Лазарев сделал представление министру, испрашивая награду Нахимову за совершенный им подвиг, но представлению не было дано ходу, потому, как сказал мне впоследствии Лазарев уже в Петербурге, что награда дается за спасение десяти человек, а тут-де не спасли никого. Как будто удача или неудача изменяла сущность подвига и как будто не было примеров, что спасали и многих, ничем не рискуя, вследствие благоприятных обстоятельств.

Завалишин, Д. И., Кругосветное плавание фрегата «Крейсер» в 1822—1825 гг. под командой Михаила Петровича Лазарева» в журн. «Древняя и новая Россия», 1877, кн. 10, стр. 148—149.

[1] Как видно из шканечного журнала фрегата «Крейсер» и донесения командира (см. документы № 8 и 9), шлюпка была разбита о борт. Д. И. Завалишин, писавший свои воспоминания через 54 года, видимо, забыл об этом.

2. П. С. НАХИМОВ В НАВАРИНСКОМ БОЮ

№ 11

ПИСЬМО П. С. НАХИМОВА М. Ф. РЕЙНЕКЕ[1] О МОРСКОМ СРАЖЕНИИ В НАВАРИНСКОЙ БУХТЕ

4 ноября 1827 г., Мальта, на корабле «Азов»

Ты, верно, на меня очень сердишься, любезный друг Михайло Францевич, что я, имея случай писать из Англии, не написал тебе. Но со мной так много случилось на этом переходе неприятного, что письмо мое ничем иначе не могло быть наполнено, как одними огорчениями, и потому я решился лучше не писать. Увидевшись с Аполлоном Ивановым, расспроси его, он тебе расскажет все. Из Англии же составлю тебе полный журнал нашего плавания и всех происшествий, которые с нами случились.

1 августа отдан был приказ от адмирала Сенявина, что 4 корабля, 4 фрегата, корвет и 2 брига должны поступить под команду графа Гейдена[2] и итти в Средиземное море. Ему было предписано стараться возможно скорее соединиться с английскими и французскими флотами для воспрепятствования египетскому и турецкому флоту высадки войск в Морею. Ты можешь вообразить, каким нетерпением горели мы выйти скорее в море. Наконец, 8 августа снялись. Свежий попутный ветер нас подхватил; сколько возможно пользуясь им, в пять дней долетели до мыса С-т Винцента. Оставалось на одни сутки переходу до Гибралтара, уже начинали мечтать, что скоро достигнем цели своих желаний. Но как нарочно штили и противные ветры продержали нас очень долго, не впуская в Средиземное море. 24 августа прошли Гибралтар. С сего числа ветер во все время нам не благоприятствовал и все переходы наши были весьма несчастливы. 10 сентября пришли в Палерму, простояли девять дней. Что сказать тебе о Палерме? Что я довольно весело провел время, осматривал все достойное замечания, но не нашел и половину того, что описывает и чем восхищается Броневский.

Я забыл тебе сказать, что за несколько дней перед приходом нашим в Палерму погиб несчастный Домашенко[3] жертвою своего великодушия (он перепросился в Англии к нам на корабль). Был очень свежий ветер с дождем и жестокими порывами, волнение развело

---

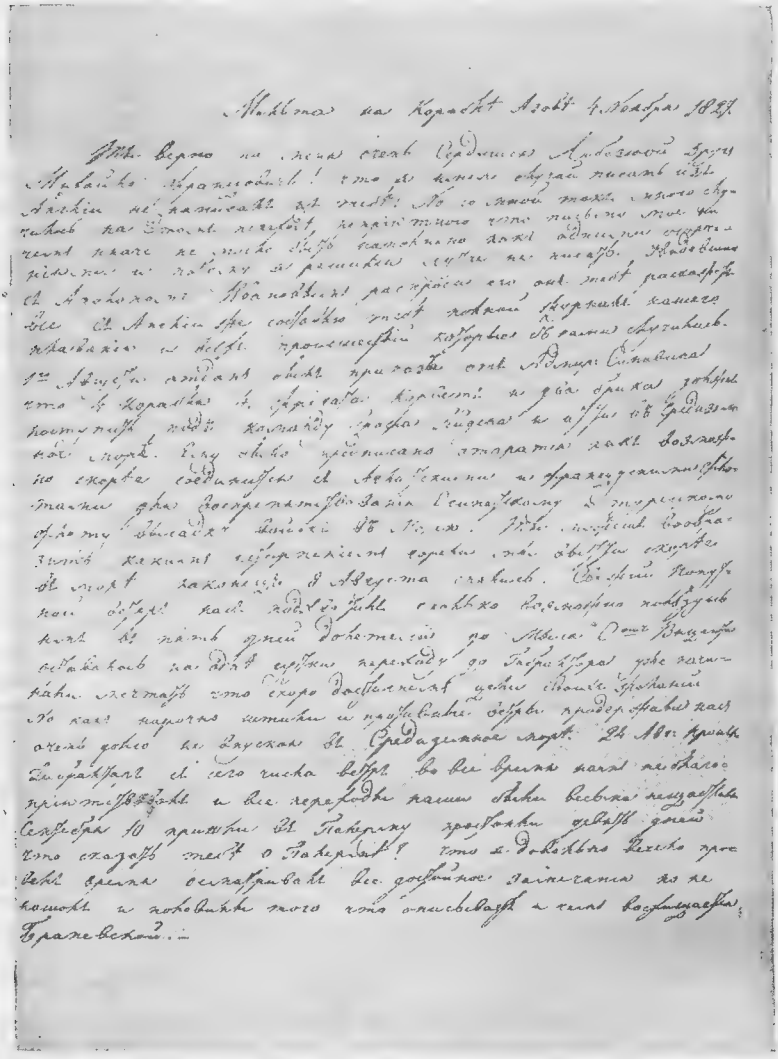
[1] **М. Ф. Рейнеке** — близкий друг П. С. Нахимова, впоследствии вице-адмирал, гидрограф.

[2] С целью оказания помощи Греции, боровшейся за национальную независимость, соединенный русско-англо-французский флот осенью 1827 г. прибыл в Средиземное море. 8 октября флот союзников нанес поражение турецко-египетскому флоту в Наваринском сражении.

В этом бою решающую роль сыграла русская эскадра. Особенно отличился «Азов», которым командовал капитан 1-го ранга М. П. Лазарев. В качестве старшего офицера на «Азове» находился лейтенант Нахимов, произведенный за храбрость в бою в капитан-лейтенанты и награжденный орденом Георгия 4-й степени.

[3] **Домашенко** — товарищ П. С. Нахимова по учебе и кругосветному плаванию на фрегате «Крейсер». В Кронштадтском саду отважному моряку, погибшему у берегов Сицилии, был поставлен памятник.

огромное. В один из таковых порывов крепили крюйсель. Матрос, бывший на штыкболте, поскользнулся и упал за борт. Домашенко в это время сидел в кают-компании у окна и читал книгу, вдруг слы-



1-я страница письма П. С. Нахимова М. Ф. Рейнеке
от 1 ноября 1827 г. о Наваринском сражении.

шит голос за кормой, в ту же секунду кидается сам из окна за борт, хватает стул, прежде брошенный, плывет с ним к матросу и отдает ему оный, сам возле него держится без всего на воде. (Как жаль, что он не схватился вместо стула за боченок, который тут же был

брошен, тогда, может быть, они оба были спасены.) Все возможное было употреблено к спасению их; шлюпка хотя с большою опасностью, но весьма скоро была спущена и уже совсем подгребала к ним, как в пяти саженях от шлюпки пошли оба на дно. О, любезный друг, какой великодушный поступок! Какая готовность жертвовать собой для пользы ближнего! Жаль, очень жаль, ежели этот поступок не будет помещен в историю нашего флота, а бедная мать и родные не будут награждены, которые им только и держались.

В Палерме получили известие, что в Мессине ожидает нас курьер с депешами от нашего двора, и для того зашли туда на несколько часов, но противный ветер продержал нас три дня. В Мессине надо восхищаться природой, больше ничего интересного я не нашел. Депеши наши заставляли нас, как можно скорее, соединиться с английским и французским флотами, но так как мы ничего не знали, где они находятся, то, снявшись из Мессины 25 сентября, адмирал с эскадрою пошел в Занг — один из Ионических островов, принадлежащий англичанам, а фрегат Константин отправил в Мальту, чтобы узнать, не там ли стоит английский адмирал, и известить его о нашем прибытии.

1 октября на меридиане Занта встретили мы английский флот, состоящий из 3 линейных кораблей, 4 фрегатов, 4 шлюпок и одного катера, которым командовал вице-адмирал Кодрингтон[1]. Наш адмирал сейчас поехал к нему для переговоров, и он объявил ему, что он нас давно ожидал, что прежде еще нашего прибытия турецкий и египетский флоты прорвались из Кандии в Морею и стоят в порте Наварин, что флот их составляют 3 линейных корабля, 5 двухдечных фрегатов, 13 больших фрегатов от 60 до 36 орудий, 30 корветов, 19 бригов, 31 транспорт с десантом и провизиею, которые почти все вооружены (десанта, кроме настоящих корабельных команд, до пяти тысяч) и 7 брандеров; что он имел переговоры с Ибрагим-пашею, сыном египетского паши, главнокомандующим сухопутными и морскими силами; требовал от него от имени трех дворов в силу Лондонского трактата, чтобы он непременно оставил Наварин и возвратился обратно в Александрию и что в противном случае дойдет дело до неприятельских действий. (Лондонский трактат состоит в том, что три двора — русский, английский и французский — согласились восстановить Грецию, избегая сколь возможно неприятельских действий с турками, и для того послали свои флоты к берегам Мореи и в Архипелаг, чтоб только препятствовать и не дозволить туркам делать нападений на греков). На что тот отвечал, что он сам собою не может решиться, но пошлет бриг в Константинополь испросить разрешение и до тех пор, пока оной не возвратится, не будет ни высаживать войск на берег, не вышлет ни одного судна в море. Что ему было и дозволено. Но не прошло еще трех дней после того, как коварный Ибрагим изменил своему слову. Английский адмирал, имея недостаток в воде, нарочно ночью, чтоб не дать заметить своего отсутствия, спустился к о. Занг. Но Ибрагим, узнавши, сейчас вышел с своим флотом из Наварина и полетел в Патрас порт Морев,

[1] Набранные разрядкой слова этого письма подчеркнуты П. С. Нахимовым.

лежащий от Наварина к северу и занятый турками. Кодрингтон, будучи извещен чрез своих крейсеров, немедленно вышел из Занта, догнал его и заставил воротиться обратно в Наварин без всяких неприятельских действий. Он получил также разные письма от греческого правительства, в которых они жалуются, что Ибрагим, высадя войска, делает разные неистовства и истребляет все виноградные и фиговые деревья, находящиеся в окрестностях Наварина. И потому Кодрингтон предложил, когда придет французский флот, крейсирующий отсюда недалеко к О, собраться трем адмиралам, написать к Ибрагиму и требовать от него решительного ответа. Тем кончилось первое свидание нашего адмирала с английским. С сего числа мы поступили под команду английского адмирала.

На другой день пришел французский флот, состоящий из 3 линейных кораблей, 2 фрегатов, 1 брига и шхуны, которым командовал контр-адмирал де-Риньи. Немедленно наш и французский адмиралы были потребованы для совещания. Они решили послать ноту к Ибрагиму, в которой упрекали его в вероломном нарушении данного им слова и требовали, чтоб он немедленно оставил Наварин и возвратился обратно в Александрию. Но он не принял ноты под предлогом, будто его самого нет в Наварине, а без него никто не смеет принять оную. Итак, ты видишь, что турки никаких не хотели иметь дружественных сношений. Что оставалось делать? Каким образом заставить их выполнить требование наших дворов? Очевидно, что, блокируя Наварин в зимние месяцы, они легко могли прорваться и рассадить свои войска по разным островам, принадлежащим Морен. Оставалось одно средство: войти в Наваринскую гавань и через грозное присутствие соединенных эскадр предупредить кровопролитие. Вследствие чего 7 октября от английского адмирала отдан был следующий приказ: «Правила, коими должен руководствоваться соединенный флот при входе в Наварин.

Известно, что те из египетских кораблей, на коих находятся французские офицеры, стоят более на SO, а потому желание мое есть, чтобы его превосходительство г. контр-адмирал и кавалер Риньи поставил эскадру свою противу их кораблей, и как следующий к ним есть линейный корабль с флагом на грот-брам-стеньге, то я со своим кораблем «Азия» намерен остановиться против него с кораблями «Генуя» и «Альбионом». Касательно же Российской эскадры, то мне бы желательно было, чтобы контр-адмирал граф Гейден поставил оную последовательно близ английских кораблей. Российские же фрегаты, в таком случае, могут занять турецкие суда вслед за сим; оставшиеся английские фрегаты займут те из турецких судов, которые будут находиться на западной стороне гавани в противоположении английским кораблям, а французские фрегаты займут те из турецких фрегатов и прочих судов, которые находиться будут противу французских кораблей.

Ежели время позволит прежде, нежели какие-либо неприятельские действия будут сделаны со стороны турецкого флота, судам стать фертонинг [1] с шпрингами, привязанными к рыму каждого якоря.

[1] Способ стоянки на двух якорях, при котором корабль в любом положении при разворачивании находится между якорями.

Ни одной пушки не должно быть выпалено с соединенного флота прежде, нежели сделан будет на то сигнал. Разве только в таком случае, что откроют огонь с турецкого флота, в таком случае те из турецких судов должны быть истреблены немедленно.

Корветы и бриги находятся под командою капитана Фелос, командира фрегата «Дартмут», для отводу брандеров на такое расстояние, чтобы они не могли вредить которому-либо из судов соединенного флота.

В случае же настоящего сражения и могущего случиться какого-либо беспорядка советую привести себе на память слова Нельсона: Чем ближе к неприятелю, тем лучше» [1].

Я нарочно здесь поместил приказ. Он покажет тебе все распоряжения насчет атаки. Посылаю также и план сражения, из которого ты все яснее можешь видеть. Мы должны были ожидать, что Ибрагим нас примет не совсем ласково, и потому вход в Наварин казался многим даже сумасбродством. Представь себе вход шириною менее мили; по обеим сторонам оного были устроены крепости, которые имели 125 больших орудий. 30 из оных действовали в центр губы, а остальные обращены на вход; войдя же, ты должен сражаться с гораздо многочисленнейшим флотом, лежащим фертоинг с шпрингами, в виде полумесяца, совершенно готовым принять неприятеля. Но было решено итти, и 8 октября в час пополудни с английского адмиральского корабля был сделан сигнал спуститься в две колонны в Наварин и приготовиться атаковать неприятеля. Навстренную колонну составляли английские и французские флоты, передовым кораблем оной колонны был вице-адмиральский корабль. А подветренную — российский флот, передовым кораблем коего был наш корабль. Но мы не могли хорошо построить сего ордера, ибо французы, будучи под ветром нашей колонны, стали выстраиваться и входить в наветренную и тем задержали нас очень много, отчего мы более прочих потерпели, как увидишь впоследствии.

Когда вице-адмиральский корабль стал подходить к гавани, тогда турецкий офицер, сопровождаемый переводчиком, приехал к нему на корабль сказать, что Ибрагим-паша не оставил приказаний касательно дозволения входа союзной эскадры в порт и потому он требует, чтобы адмирал далее не шел. На сие адмирал отвечал, что он пришел не получать, а отдавать приказания и что после вероломного нарушения данного слова Ибрагимом он истребит весь флот, если один выстрел будет сделан на союзников.

В 2 часа 25 минут английский флот прошел крепости и стал на своем месте на якорь. Ни одного выстрела не было сделано по ним ни с крепостей, ни с флота. Но когда английский фрегат «Дартмут» подошел к неприятельскому брандеру и послал на него шлюпку для отвода его в безопасное место для соединенного флота, тогда с оного открыли оружейный огонь по шлюпке, что и произвело взаимнооборонительный ружейный же огонь с оного фрегата и французского

[1] В записках А. П. Рыкачева «Год Наваринской кампании», 1877 г., стр. 58 приказ Кодрингтона дан в другом переводе, однако существенных разночтений между этими двумя вариантами нет.

под контр-адмиральским флагом фрегата «Сирены», проходившего в это время мимо него. Вскоре после сего оный брандер загорелся. Тогда с египетского передового фрегата открыли пушечный огонь по французскому контр-адмиральскому фрегату, который в ту же секунду возвратил ему оный. В это время корабль наш был в самом входе против крепостей, с которых и всего турецкого флота был открыт огонь, на который мы немедленно отвечали, и тогда сражение сделалось общим.

Таким образом мы прошли всю левую турецкую линию, коей весь огонь был обращен на нас и которой мы, проходя, взаимно возвращали свои выстрелы. В 3 часа мы положили якорь в назначенном месте и повернулись шпрингом вдоль борта неприятельского линейного корабля и двухдечного фрегата под турецким адмиральским флагом, и еще одного фрегата. Открыли огонь с правого борта. Надобно тебе сказать, что «Гангут»[1] в дыму немного оттянул линию, потом заштилил и целым часом опоздал притти на свое место. В это время мы выдерживали огонь шести судов и именно всех тех, которых должны были занять наши корабли. О, любезный друг! Казалось, весь ад разверзся перед нами! Не было места, куда бы не сыпались книпели[2], ядра и картечь. И ежели бы турки не били нас очень много по рангоуту, а били все в корпус, то я смело уверен, что у нас не осталось бы и половины команды. Надо было драться истинно с особенным мужеством, чтоб выдержать весь этот огонь и разбить противников, стоящих вдоль правого нашего борта (в чем нам отдают справедливость наши союзники). Когда же «Гангут», «Иезекииль» и «Александр Невский» заняли свои места, тогда нам сделалось несравненно легче. Вскоре после сего пришел еще французский корабль «Бреславль», не нашедший в своей линии места, стал на якорь у нас под кормой и занял линейный корабль, совершенно уже обитый нами. Тогда, повернувшись всем лагом к фрегатам, мы очень скоро их разбили. Они обрубили канаты, и их потащило к берегу, но вскоре один из них загорелся и был взорван на воздух, другой, будучи в совершенно обитом состоянии, приткнулся к мели и ночью турками сожжен. «Бреславль» также очень скоро заставил замолчать своего обитого противника. (Действия нашего корабля можно применить и ко всем другим судам соединенного флота с большею или меньшею разностью.)

В 6 часов кончилось сражение совершенным истреблением всего турецкого и египетского флота. В продолжение сражения взорвано на воздух до 15 судов, не включая 7 брандеров. И я не понимаю, как ни одно судно из соединенного флота не сгорело во время сражения. До 6 судов было взято в плен. Остальные, будучи совершенно избиты, все рубили канаты, кидались на берег и там в продолжение ночи и следующего дня себя сжигали.

---

[1] За «Гангутом» следовали «Иезекииль» и «Александр Невский». (Примечание подлинника.)

[2] Книпель — артиллерийский снаряд, который состоял из двух чугунных цилиндров, ядер или полуядер на концах железного четырехгранного стержня. Книпеля применялись для разрушения мачт, реев, вант, снастей и т. п.

Ночь была ужаснее самого сражения. В беспрестанном ожидании новых нападений всю ночь стояли по пушкам, беспрерывно видели горящие и взрывающиеся на воздух суда так близко, что, стоявши наверху, чувствуешь довольно сильный жар.

В 12 часов видим большое военное судно, идущее прямо на нас. Окликаем — не подает голосу. Мы сейчас догадались, что оно идет с тем, чтоб сцепиться с нами и зажечь себя. Но что делать? Ни одной не имеем целой шлюпки, которую могли послать абордировать его и потому отбуксировать. Он прошел нас и сцепился с «Гангутом», с которого вскочили на него, изрубили находившихся несколько человек турок, не успевших еще зажечь оного. Остальная половина ночи была гораздо покойнее.

На другой день турки, опасаясь, что мы будем брать в приз избитые нами суда, беспрестанно продолжали их жечь. Но адмиралы написали письмо к Ибрагим-паше, упомянув в оном, что как эскадры союзных держав вошли в Наварин без неприятельских видов, но единственно, чтобы возобновить предложение, кои они поставили себе долгом привести в исполнение, то и не имеют намерения истреблять остальных судов турецкого флота, после того как получили столь полное удовлетворение за первый выстрел, который турки осмелились сделать по союзным флотам, и потому они извещают Ибрагим-пашу, турецких адмиралов и других начальников, что если одно ядро будет выпалено по какому-либо судну или шлюпке, принадлежащим союзному флоту, то они немедленно истребят все остальные турецкие суда, равно как и укрепления Наварина, и что всякое новое неприятельское действие они почтут настоящим объявлением войны со стороны Порты против союзных держав, но что, напротив того, если турецкие начальники, признав безрассудность открытия огня, ими учиненную, прекратят все неприятельские действия, то дружественные сношения, единственно ими нарушенные, снова возобновятся.

На сие письмо не последовало прямого ответа, но Таир-паша, начальствующий над турецкою частью флота (который дрался против нашего корабля), приехав на «Азию», обещался касательно оставшихся судов, что никаких неприятельских действий с оных не будет учинено, но что, не имея влияния на сухопутные войска и крепости, он не может ручаться за их поступки.

Союзные эскадры оставались в Наварине до 13 октября, которого числа отправились в море, не претерпев более ни малейшего вреда.

О любезный друг! Кровопролитнее и губительнее этого сражения едва ли когда флот имел. Сами англичане признаются, что ни при Абукире, ни при Трафальгаре ничего подобного не видали. Потерю турок полагают до 5 тысяч, с нашей же стороны я нарочно прилагаю тебе копию с донесений о числе убитых и раненых [1]:

[1] Цифры потерь союзников в Наваринском сражении, приводимые П. С. Нахимовым, отличаются от известных в литературе данных по этому вопросу (см. Г. Мельницкий. «История вмешательства России, Англии и Франции в войну за независимость Греции», 1802 г.; А. П. Рыкачев. «Год Наваринской кампании», Кронштадт, 1877 г., и др).

Англичан

„Азия"—под вице-адмиральским флагом	убито 19	ранено 57	всего 76
„Генуя"	„ 26	„ 33	„ 59
„Альбион"	„ 10	„ 50	„ 60
„Дартмут"	„ 6	„ 8	„ 14
„Кембрион"	„ 1	„ 1	„ 2
„Глазгов"	„ 0	„ 2	„ 2
„Тальбот"	„ 6	„ 17	„ 23
„Мускит"	„ 2	„ 4	„ 6
„Роза"	„ 3	„ 15	„ 18
„Бриск"	„ 1	„ 3	„ 4
„Филомель"	„ 1	„ 7	„ 8
	75	197	272

Французов

„Сирена"—под флагом контр-адмирала	убито 23	ранено 43	всего 66
„Сципион"	„ 2	„ 37	„ 39
„Тридан"	„ 0	„ 7	„ 7
„Бреславль"	„ 1	„ 15	„ 16
„Армида"	„ 15	„ 25	„ 40
„Альцион"	„ 1	„ 9	„ 10
„Дафна"	„ 1	„ 5	„ 6
	43	141	184

Русских

„Азов"—под флагом контр-адмирала	убито 27	ранено 67	всего 94
„Гангут"	„ 14	„ 37	„ 51
„Иезекииль"	„ 13	„ 18	„ 31
„Александр Невский"	„ 5	„ 7	„ 12
„Константин"	„ 0	„ 1	„ 1
„Проворный"	„ 3	„ 4	„ 7
„Елена"	„ 0	„ 5	„ 5
„Кастор"	„ 0	„ 0	„ 0
	62	139	201

На нашей эскадре убитых офицеров 2, лейтенант Куприянов и мичман Жадовский. Тяжело раненых 2 и оба с нашего корабля. Шеман в голову и немного поврежден правый глаз, однако же поправляется очень хорошо. Бедный Бутенев [1] потерял правую руку по самое плечо. Надо было любоваться, с какой твердостью перенес он операцию и не позволил себе сделать оной ранее, нежели сделают марсовому урядннку, который прежде него был ранен. Есть еще, но о них не стоит писать, потому что легко ранены. Я не понимаю,

[1] Иван Петрович Бутенев — впоследствии капитан 2-го ранга.

любезный друг, как я уцелел. Я был наверху, на баке, у меня было 34 человека, из которых шестерых убило и 17 ранило, меня даже и щепкой не тронуло.

Корабли наши очень много потерпели, в особенности наш. Нам надобно все новые мачты, стеньги, нижние реи, надобно переменить многие перебитые бимсы, кницы, заделать пробоины и прочее. Надобно почти весь новый стоячий такелаж, многие нижние ванты и штаги перебиты даже в нескольких местах. Ты посмотрел бы, любезный Миша, какая у нас была работа в продолжение пяти дней, которые мы оставались в Наваринской гавани. Нужно было все мачты, нижние реи укреплять шкалами, переменить стеньги, паруса, исправлять такелаж, заделывать пробоины, многие перебитые борта заделывать вовсе и тому подобное, но при всем том наши мачты были так худы, что брамстенег мы не смели поднять. На переходе нашем в Мальту ничего интересного с нами не случилось, кроме что в один довольно сильный шквал мы потеряли наш надбитый гротарей и подняли вместо стеньги брам-стеньгу и вместо грот-рея — марса-реи и под таким вооружением доплелись к 27 октября в Мальту, где уже нашли английского адмирала со своей эскадрой. Теперь стоим спокойно здесь, исправляем понемногу повреждения и ожидаем дальнейших приказаний.

Не хочешь ли прочесть приказ, отданный английским адмиралом после сражения в Наваринской гавани.

Корабль «Азия» в Наварине

Прежде нежели соединенная эскадра оставит место, ознаменованное ею столь решительной победой, главнокомандующий поставил себе приятною обязанностью изъявить всем гг. офицерам и нижним чинам, на эскадрах сих находящимся, высокое свое понятие о чрезвычайной храбрости и деятельности их, очевидцем коих он был 8 октября. Он совершенно уверен, что ни в каком флоте, принадлежащем даже одной и той же нации, не могло быть оказано более единодушия в действии, как то ознаменовано было на эскадрах трех наших союзных держав в сем кровопролитном и гибельном для неприятеля сражении. Он в особенности приписывает сие славным подвигам своих сподвижников, господ контр-адмиралов, подвиги которых послужили примером многим кораблям их к столь скорому и искреннему вспоможению, доставленному от одного другому, в самом жару и смятении сражения. Таковое единодушие к общей цели, таковое хладнокровие и храбрость среди сильного огня и столь примерная точность в действии орудиями была следствием[1] одержанной победы над благоразумно приуготовленными в превосходнейшей силе неприятелем и кончилось тем, что турецкий и египетский флоты получили должное наказание за неисполнение данного ими обещания.

Надменный Ибрагим-паша обещался не оставлять Наварин, и не препятствовать действиям союзного флота, но бесчестно изменил данному им слову. Союзные же начальники дали обещание истребить

[1] Так в подлиннике.

турецкий и египетский флоты, ежели хоть один выстрел будет сделан по которому-либо из их флотов, и с помощью храбрых тех людей, коими счастье они имели командовать, в полной мере исполнили обещание свое. Из 60 военных судов, флот их составляющих, остался один только фрегат и до 15 мелких судов и те в таком положении, что едва ли когда в состоянии будут вступить под паруса.

Таковая победа не может быть одержана без пожертвования жизнью многих людей и главнокомандующий в полной мере соболезнует о потерях некоторых из лучших и храбрейших воинов, флот наш составляющих. Одно лишь утешение находит он в том, что они пали, исполняя долг свой в избавлении страждущего человечества.

Главнокомандующий изъявляет искреннюю свою признательность высоким своим сподвижникам господам контр-адмиралам за благоразумное и отличное управление своими эскадрами, а также капитанам, офицерам и нижним чинам за точное исполнение возложенных на них обязанностей и мужество, с которым истребили они своих противников».

Ну вот тебе, любезный Миша, полное описание всего нашего плавания и всех происшествий, случившихся с нами. Очень рад, что успел написать тебе письмо. Ах, зачем ты не можешь разделить с нами нашей победы? Зачем судьба играет нами так своенравно, что мы при сильном желании быть вместе бываем всегда разлучены.

Я не пишу к Панфилову, ради бога извини меня перед ним; писавши к нему, сделай ему выписку из моего письма и отошли. Я знаю, что он будет на меня сердиться, но что ж делать? Право, я не имею времени. Кланяйся Станицкому, Алексею Михайловичу Трескину, Подушкину, Гебауеру и Аполлону Иванову. Попроси Аполлона Иванова, увидевшись с ним, чтобы он поклонился от меня хорошему моему приятелю Антоньеву и сказал бы ему, что я очень жалею, что он не может разделить с нами нашей славы.

Прощай, любезный Миша, не забудь истинно, всей душой тебе преданного друга.

Павел Нахимов

P. S. Пишу к тебе с Траверсе. Он едет курьером с подробным донесением, в каком положении находятся наши суда. Я позабыл тебе сказать, что план, который тебе посылаю, не совсем верен [1]. Фрегаты наши хотя и поставлены в линию, но это совсем не их места и вообще они не так хорошо действовали, как корабли. Когда увижусь с тобой, тогда сам все на плане поясню. Я ничего тебе не сказал о малом отряде, который назначен был для отвода брандеров; он действовал превосходно во время сражения. Английский и французский адмиралы потеряли бизань-мачты.

Корвет «Гремящий» совсем не был в деле, ему было приказано держаться у входа до тех пор, пока его не потребуют. О, любезный друг, я до сих пор не знал цены нашему капитану [2]. Надобно было

[1] Приложенный к письму план Наваринского сражения не помещается. Более точный план включается в сборник документов «Адмирал Лазарев».

[2] М. П. Лазареву.

на него смотреть во время сражения, с каким благоразумием, с каким хладнокровием он везде распоряжался. Но у меня недостанет слов описать все его похвальные дела, и я смело уверен, что русский флот не имел подобного капитана.

Прощай еще раз, не забудь преданного тебе

Павла Нахимова

Не пишу тебе, куда писать ко мне, потому что не знаю, где мы будем, но ты, если можешь, повидайся с маркизом [1]; он верно доставит тебе случай писать ко мне.

Кланяйся братьям, я к ним пишу в письме брата Платона Степановича.

Еще два слова: бриги наши не пришли. Желаю тебе кончить счастливо свою опись [2]. Да, уговор дороже всего: письма моего не показывать никому, потому что я наделал так много ошибок, что самому совестно, а времени имею так мало, что, ей богу, некогда даже прочесть. Прощай.

ЦГАДА, Рукописное собрание библиотеки Зимнего дворца, № 1481а. Подлинник на 14 мелкоисписанных страницах белой тетрадной бумаги.

№ 12

РАПОРТ КОМАНДУЮЩЕГО ЭСКАДРОЙ В СРЕДИЗЕМНОМ МОРЕ КОНТР-АДМИРАЛА ГРАФА Л. П. ГЕЙДЕНА НАЧАЛЬНИКУ МОРСКОГО ШТАБА О ПРЕДСТАВЛЕНИИ К НАГРАДАМ ОФИЦЕРОВ И МАТРОСОВ, ОТЛИЧИВШИХСЯ В НАВАРИНСКОМ БОЮ

13 ноября 1827 г., Мальта

Из представленных мною донесений государю императору и вашему превосходительству от 14 числа октября известно уже оборонительное действие вверенной мне эскадры против многочисленного турецкого флота.

Необыкновенная храбрость и благоразумие во время сего действия, оказанные капитанами и вообще всеми офицерами, нижними чинами и служителями, дают мне смелость представить их к наградам на высочайшее воззрение. Об офицерах имею честь представить именной список с мнением моим, а в рассуждении нижних чинов и служителей, действовавших во время сражения и исполнявших свои обязанности, должен сказать, согласно с отзывами командиров судов, что они все были отлично храбры и деятельны. Единственно обязан я их общей храбрости и благоразумному хладнокровию одержанною победою и сохранением вверенной мне эскадры и потому признаю сие дело совершенно заслуживающим достойной награды.

---

[1] Траверсе.

[2] М. Ф. Рейнеке занимался в этот период гидрографическим описанием берегов Балтийского и Белого морей.

Если благоугодно будет удостоить наградою служителей, то мнением моим полагаю на каждое судно по соизволению, какое угодно будет число назначить Георгиевских серебряных знаков для раздачи оных самым отличнейшим, или другие какие угодно будут отличия.

Особенно долгом поставляю рекомендовать капитанов кораблей и офицеров, в списке у сего поименованных, которые отличною своею деятельностью заслуживают особенно быть награжденными.

При сем вашему превосходительству честь имею донести, что состоящим на вверенной мне эскадре гардемаринам Шишмареву, Истомину и Белаго за окончанием ими курса учения и по пришествии их теперь в совершенной возраст, которые только за сим оставались непроизведенными, во уважение их храбрости и деятельности во время сражения осмелился объявить им мичманские чины с 13 числа октября, об утверждении коих буду ожидать повеления.

Все сие представляя вашему превосходительству, покорнейше прошу довести до сведения его императорского величества на всемилостивейшее воззрение.

Контр-адмирал граф *Гейден*

ИЗ СПИСКА ШТАБ- И ОБЕР-ОФИЦЕРОВ, ОТЛИЧИВШИХСЯ В СРАЖЕНИИ 8 ОКТЯБРЯ 1827 г. ПРИ НАВАРИНЕ[1]

13 ноября 1827 г.

Кто именно	Представление командиров, кто какое сделал отличие	Мнением моим полагаю наградить	На подлинном собственною его величества рукою написано тако
Павел Нахимов Кавалер ордена св. Владимира 4 кл[асса]	Находился при управлении парусов и командовал орудиями на баке, действовал с отличною храбростью и был причиною двукратного потушения пожара, начавшегося было от попавших в корабль брандскугелей	Следующим чином и орденом св. Георгия 4 класса	Дать

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1627, д. 530, лл. 12—13. 16. Заверенная копия.

[1] Приложение к документу № 12.

№ 13

ОТНОШЕНИЕ ДИРЕКТОРА КАНЦЕЛЯРИИ МОРСКОГО ШТАБА ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА В. А. ПЕРОВСКОГО УПРАВЛЯЮЩЕМУ МОРСКИМ МИНИСТЕРСТВОМ О НАЗНАЧЕНИИ КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТА П. С. НАХИМОВА КОМАНДИРОМ КОРВЕТА «НАВАРИН»

7 сентября 1828 г.

Начальствующий эскадрою в Средиземном море вице-адмирал граф Гейден, донося г. начальнику Морского штаба его императорского величества, что взятый вверенным командованию его флотом турецкий корвет «Восточная звезда» по освидетельствованию оказался почти новым, построенным из лучшего дубового леса, длиною по гон-деку 125 футов, с медными в подводной части скреплениями, имеющим шестнадцать 18-фунтовых карронад в совершенно исправном состоянии, и что он, граф Гейден, признавая корвет сей годным к службе его императорского величества, отправил в Мальту для исправления во внутреннем расположении и в рангоуте и парусах, просит об исходатайствовании высочайшего соизволения на оставление оного при вверенной ему эскадре и об утверждении командиром оного назначенного им капитан-лейтенанта Нахимова, известного ему по усердию и способностям его к морской службе.

Государь император на докладной по сему предмету записке собственноручно написать изволил: «Согласен и уже прежде сего дано мною приказание назвать его «Наварином».

О сей высочайшей резолюции, за отсутствием и болезнею г. начальника Морского штаба его императорского величества, честь имею донести вашему превосходительству для надлежащих с вашей стороны распоряжений.

Генерал-майор *Перовский*

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1828, д. 823, л. 7. Подлинник.

№ 14

ИЗ ВЕДОМОСТИ О СУДАХ, БЫВШИХ В КАМПАНИИ В 1831 ГОДУ

5 декабря 1831 г.

К каким экипажам приписаны суда	Каких рангов	Имена судов	Под чьим начальством и кто командиры судов	Когда вышли на рейд	От которого и до которого места имели плавание	Когда вошли в гавань для зимования	Замечание командиров относительно судов, ими командуемых
К 23-му флотскому экипажу	20[1]	Корвет „Наварин"	Вице-адмиралов Беллинсгаузена и Гамильтона, командир капитан-лейтенант Нахимов	12 мая 1831 года	По северо-восточную сторону военного угла занимал пост карантинной брантвахты, а потом в Либаву и обратно в Кронштадт	8 числа октября 1831 г.	Корвет на волнении весьма покоен, лучший его ход перед прочими замечен в бейдевинд и вообще в качестве военного судна очень хорош

ЦГВМА. ф. ИДММ. 1831, д. 2100, л. 40. Подлинник.

[1] 20-пушечного ранга.

3. КОМАНДОВАНИЕ ФРЕГАТОМ «ПАЛЛАДА»

№ 15

ПРЕДПИСАНИЕ КОРАБЛЕСТРОИТЕЛЬНОГО И УЧЕТНОГО КОМИТЕТА КОМАНДИРУ ФРЕГАТА «ПАЛЛАДА» П. С. НАХИМОВУ О ПРЕДСТАВЛЕНИИ ВЕДОМОСТИ НА НЕОБХОДИМОЕ ДЛЯ ФРЕГАТА ОБОРУДОВАНИЕ

6 мая 1832 г.

Государю императору угодно, чтобы фрегат «Паллада» отделан был с особенным тщанием и с применением способов для удобнейшего и чистейшего вооружения оного, и посему о состоявшемся повелении его величества доставлен в сей комитет для распоряжения список с отношения г. начальника морского штаба к г. морскому министру от 15 числа минувшего апреля № 5947. По статьям сего отношения г. начальника штаба, что относится к исполнению до строителя полковника Стоке, от комитета писано к нему г. Стоке. По статьям оного отношения, кои входят в дельную книгу и ведомость о запасе, в ожидании, когда кронштадтский порт будет иметь возможность составить дельную книгу для фрегата «Паллада», требуется немедленно доставить ведомость о вещах, в тех статьях заключающихся, с обозначением количества и размерений потребностям.

Вследствие сего кораблестроительный и учетный комитет с приложением у сего выписки из сказанного отношения г. начальника главного морского штаба о предметах, входящих в дельную книгу и ведомость о запасе, просит вашего высокоблагородия о вещах, означенных в сих статьях, доставить сколь можно поспешнее ведомость с означением в подробности количества и размерений потребностей и что будет следовать с вашей стороны для благовременного приготовления тех вещей.

5 класса *Амосов* [1]

ЦГВМА, ф. МКК, 1832, д. 565, л. 24. Отпуск.

№ 16

РАПОРТ П. С. НАХИМОВА В КОРАБЛЕСТРОИТЕЛЬНЫЙ И УЧЕТНЫЙ КОМИТЕТ С ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ ВЕДОМОСТИ НА НЕОБХОДИМОЕ ОБОРУДОВАНИЕ ФРЕГАТА «ПАЛЛАДА»

20 мая 1832 г.

Вследствие предписания вышеписанного комитета за № 2590 о требующихся для порученного мне фрегата «Паллада» вещах сведения выписку при сем в кораблестроительный и учетный комитет честь имею представить.

Капитан-лейтенант *Нахимов*

---

[1] Амосов И. А. — капитан корпуса корабельных инженеров.

ВЫПИСКА

1) Кетенс-помпы иметь сзади грот-мачты, а сверх оных место, обделанное железами для вешания свежего мяса, зелени и пр.	Требуется одна пара кетенс-помп, рисунок же размахом следует от корабельного мастера полковника Стоке
2) Шхун-помпы по примеру тех, кои сделаны на бриге «Диомид»	Требуются 2 шхун-помпы, размерение же оных следует от полковника Стоке
3) Брандспойт сделать по примеру бывшего на корабле «Азов», который весьма удобен как для наливания водой, так и действия во время пожара	Требуется один брандспойт, и образец находится на ижорских заводах
4) Кофельнагелей точеных железных иметь два комплекта	Требуются 350 кофельнагелей трех сортов, лекала коих посланы будут на заводы полковником Стоке
5) Сделать кран и бассейн с помпою на правой стороне для удобнейшего мытья палуб	Требуются одна помпа в бассейн для мытья палуб, рисунок же оной следует от полковника Стоке
6) Два румпеля железных со шкивами по представленному от контр-адмирала Лазарева лекалу и ко оному два штуртроса кожаных	Лекало послано на заводы
7) Сделать аксиометр к штурвалу	Рисунок послан на ижорские заводы
8) Отпустить два цепные каната, клюзы сделать чугунные, а задние битенги и краспицы оковать железом; к запасным якорям приделать вместо рымов скобы двух родов, одни для цепных, а другие для пеньковых канатов.	Требуются два якоря в 175 пудов и два цепных каната длиною каждый в 175 сажен. Лекалы к скобам к якорям посланы на заводы
9) Томбуи сделать железные	Требуются 5 томбуев
10) Спасательный буй сделать по методе лейтенанта Кука и к оному железную защиту по рисунку, имеющемуся у капитана Амосова	Образец находится на заводах
11) Сделать цепные борги для нижних рей и под оные железные планки на топы мачт	Требуются 3 цепных борга, мера коим доставится на заводы, когда вышлют из Кронштадта дельную книгу
12) Вместо мартин-штага иметь цепь и к оной 4 скобы с болтиками в запасе, равно сделать цепи же к боковым баканцам вместо бакштагов	Размерение цепей доставится на заводы в скором времени
13) Драйрепблоки на марса-реях вертлюжные, окованные железом	Требуются 8 блоков в 18 дюймов и 3 в 14 дюймов; размерения сии доставлены на заводы
14) Планки железные с медными шкивами на брам-стеньги для бом-кливер-фала и леера для брам-стаксель и бом-брам-стаксель-фалов и лееров	Лекалы оных делаются и в скором времени будут доставлены на заводы. Требуется же оных 6
15) Марсафальные и котлопарные кадки по данным от контр-адмирала Лазарева образцам	Делаются при Охтенской верфи; требуется же оных восемь
16) Лоты свинцовые по таковым же образцам	Лекалы оных в скором времени отошлются на заводы. Требуется же оных столько, сколько положено по штату
17) Для одного комплекта коек сковать нужное число железных колец для шкентросов	Куются при Охтенской верфи, требуется же оных по числу команды

18) Крюйт-камеры отделать и расположить по новым чертежам, привезенным ныне из Англии корабельным инженером Амосовым; равно и для освещения оных вместо фонарей сделать лампы согласно тем же чертежам	Сведения сии следуют от корабельного мастера полковника Стоке
19) Ящики для картечей, кранцы для ядер, фитильные кадки и пожарные ведра сделать по таковым же образцам, доставленным от контр-адмирала Лазарева	Количество оных должно быть по числу орудий, размерения же представятся в скором времени
20) Приспособить форсированную помпу так, чтобы оною можно было накачивать из интрюма воду как в лагун, так и в камбуз, и устроить сие по привезенному из Англии чертежу возвратившимися корабельными инженерами	Сведения сии следуют от корабельного мастера полковника Стоке
21) Иметь следующие гребные суда: барказ в 37 футов, капитанский катер в 33 фута, два 10-весельные катера в 25 футов, 6-весельный гик в 32 фута, 4-весельный гик в 22 фута, 6-весельный ял в 20 футов, со всем прибором, т. е. парусами, тентами, платформами и станками, также с ящиками для картузов и абордажного орудия по чертежам, привезенным возвратившимися из Англии корабельными инженерами	Весь прибор означен в сем пункте. Чертеж парусов доставлен парусному мастеру в Кронштадт. О величине же орудий на гребные суда представлено в артиллерийский департамент

Капитан-лейтенант *Нахимов*

ЦГВМА, ф. МКК 1832, д. 565, лл. 34—37. Подлинник.

№ 17

ПРЕДПИСАНИЕ КОРАБЛЕСТРОИТЕЛЬНОГО И УЧЕТНОГО КОМИТЕТА П. С. НАХИМОВУ О ПРЕДСТАВЛЕНИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ДАННЫХ ПО ВОПРОСУ ОБОРУДОВАНИЯ ФРЕГАТА «ПАЛЛАДА»

27 мая 1832 г.

Кораблестроительный и учетный комитет, прилагая у сего выписку из ведомости, доставленной от вашего высокоблагородия при уведомлении от 20 мая № 9, просит вас противу замечаний, на выписке сделанных, доставить уведомление в возможной скорости.

5 класса *Амосов*[1]

ЦГВМА, ф. МКК, 1832, д. 565, л. 42. Отпуск.

№ 18

РАПОРТ П. С. НАХИМОВА В КОРАБЛЕСТРОИТЕЛЬНЫЙ И УЧЕТНЫЙ КОМИТЕТ С ОТВЕТАМИ НА ВОПРОСЫ, ПОСТАВЛЕННЫЕ КОМИТЕТОМ

31 мая 1832 г.

Вследствие предписания вышеписанного комитета от 27 мая сего года за № 3191 о требующихся для порученного мне фрегата «Паллада» вещах сведения выписку при сем в кораблестроительный и учетный комитет честь имею представить

Капитан-лейтенант *Нахимов*

[1] См. стр. 43.

ВЫПИСКА

7-е Сделать аксиометр к штурвалу	Оный аксиометр назначено сделать в Кронштадте, то по какому случаю рисунок послан на заводы в Колпино	Прежде уведомления Комитета за № 2798 рисунок уже был послан в Колпино и аксиометр уже изготовлялся
9-е Томбуи сделать железные	Доставить уведомление о размерениях сим томбуям	Особенных размерении не имею. Должны же оные быть сделаны по обыкновенным сравнениям металлических томбуев против деревянных, что известно на Колпине, ибо 1831 года были сделаны железные томбуи на бриг «Диомид», шхуну «Град» и тендер «Лебедь»
11-е Сделать цепные борги для нижних рей и подъемные железные планки на топы мачт	Не можно ли ныне же доставить сию меру, так как о сем должно быть известно и до составления дельной книги	Невозможно, ибо чертеж парусов и рангоута находится в Кронштадте
15-е Марса-фальные и котлопарные кадки по данным от контр-адмирала Лазарева образцам	Назначено сделать в Кронштадтском порте, то по какому случаю делаются на Охтенской верфи	Прежде уведомления Комитета за № 2798 уже оные были сделаны при Охтенской верфи
16-е Лоты свинцовые по таковым же образцам	Назначено делать в Кронштадтском порте, то по какому случаю лекало предполагается отослать на заводы	По ошибке было написано, что лекалы отошлются на заводы. Лоты будут отливаться в Кронштадте
17-е Для одного комплекта коек сковать нужное число железных колец для цикентросов	Назначено сделать в Кронштадтском порте, по какому случаю изготовляются на Охте	Прежде уведомления Комитета за № 2798 уже оных было сковано 600

Капитан-лейтенант *Нахимов*

ЦГВМА, ф. МКК, 1832, д. 565, лл. 43—44. Отпуск.

№ 19

РАПОРТ П. С. НАХИМОВА В ИНСПЕКТОРСКИЙ ДЕПАРТАМЕНТ ГЛАВНОГО МОРСКОГО ШТАБА О СПУСКЕ ФРЕГАТА «ПАЛЛАДА»

1 сентября 1832 г.

Построенный на Охтенской верфи вверенный мне 44-пушечный фрегат «Паллада» сего числа пополудни в 1 час со стапеля спущен на воду благополучно, с полозьями и с 2500 пудов баласту углубился: форштевень 11 футов 2 дюйма, ахтерштевень 15 футов 6 дюймов. С числе же чинов и рядовых, состоящих при спуске фрегата

ведомость, а об офицерах список в Инспекторский департамент Главного морского штаба — его императорского величества представить честь имею.

Капитан-лейтенант *Нахимов*

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1832, д. 2489, л. 5. Подлинник.

№ 20

ИЗ ВЫСОЧАЙШЕГО ПРИКАЗА ПО ФЛОТУ С ВЫРАЖЕНИЕМ БЛАГОДАРНОСТИ П. С. НАХИМОВУ ЗА ПОСТРОЙКУ ФРЕГАТА «ПАЛЛАДА»

28 сентября 1832 г.

Государь император объявляет высочайшее благоволение за постройку спущенных 1 сентября фрегата «Паллада» и транспорта «Виндава» флота генерал-интенданту контр-адмиралу Васильеву I, инспектору корпуса корабельных инженеров генерал-лейтенанту Брюну С.-Катерин, состоящему в должности директора кораблестроительного департамента генерал-майору Быченскому, командиру фрегата Паллада капитан-лейтенанту Нахимову I и строителю сих судов корпуса корабельных инженеров полковнику Стоке; нижним же чинам, бывшим при спуске вышеозначенных судов, жалует по рублю на человека.

ЦГВМА. Высочайшие приказы по флоту за 1832.

№ 21

РАПОРТ П. С. НАХИМОВА НАЧАЛЬНИКУ ГЛАВНОГО МОРСКОГО ШТАБА ВИЦЕ-АДМИРАЛУ А. С. МЕНШИКОВУ О ПРИБЫТИИ ФРЕГАТА «ПАЛЛАДА» К КАЛИНКОВСКОМУ ОСТРОВУ

1 мая 1833 г.

Сего числа в 5 часов пополуночи с вверенным мне фрегатом «Паллада» по реке для постановления на камели к Калинковскому островку спустился благополучно. О чем Вашей светлости донести честь имею.

Капитан-лейтенант *Нахимов*

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1832, д. 2489, л. 28. Подлинник.

№ 22

РАПОРТ П. С. НАХИМОВА ДЕЖУРНОМУ ГЕНЕРАЛУ ГЛАВНОГО МОРСКОГО ШТАБА О ПРИБЫТИИ ФРЕГАТА «ПАЛЛАДА» В КРОНШТАДТ

18 мая 1833 г.

С вверенным мне фрегатом «Паллада» на камелях вчерашнего числа из С.-Петербурга на Кронштадтский рейд прибыл и по спуску

с камелей фрегата сего числа в гавань вошел благополучно. Больных нижних чинов не имеется, воды во фрегате 4½ дюймов; о чём вашему превосходительству с приложением о гг. офицерах именного списка, о нижних чинах перечневой ведомости донести честь имею.

Капитан-лейтенант *Нахимов*

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1832, д. 2489, л. 30. Подлинник.

№ 23

ИЗ ШХАНЕЧНОГО ЖУРНАЛА КОРАБЛЯ «ПАМЯТЬ АЗОВА», ВЕДЕННОГО В КАМПАНИЮ 1833 ГОДА

17 августа 1833 г.

Часы	Ветры	Курсы	Узлы	Дрейфы	В 17 день августа 1833 года, с полуночи идучи на высоте острова Даго, в эскадре случай
1	NW	NNO	2	2¾	Ветр риф-марсельный свежий, облачно с порывами и большое волнение, временно шел дождь
2	NWtW	NtO ½ O	2	2¾	В ½ часа сожгли фалшвеер для показания своего места. В 2 часа с судна, находящегося у нас впереди, сделан был сигнал: „флот идет к опасности“ [1]. Вскоре сожгли фалшвеер для показания своего места
3	D / NNW	D / W	¾ / 1	2¾ / 3	В ½ часа по приказанию командира поворотили через фордевинд на правый галс В ¾ часа от адмирала сигналом велено всей эскадре положить грот-марсель на стеньгу

ЦГВМА, Шханечные журналы, 1833 г. Балтийский флот, корабль „Память Азова“, д. 4383, л. 71—об. Подлинник.

[1] Сигнал «флот идет к опасности» был сделан капитан-лейтенантом П. С. Нахимовым, командовавшим в эскадре вице-адмирала Беллинсгаузена фрегатом «Паллада». Не дожидаясь ответа адмирала, П. С. Нахимов приказал изменить курс фрегата. Как видно из флагманского журнала (см. документ № 24), на корабле «Император Александр I», где находился Беллинсгаузен, сигнал П. С. Нахимова не был принят. Сам адмирал заметил опасность значительно позже. Пока эскадра меняла курс, головной корабль «Арсис» наскочил на камни.

№ 24

ИЗ ФЛАГМАНСКОГО ЖУРНАЛА, ВЕДЕННОГО В КАМПАНИЮ 1833 ГОДА НА КОРАБЛЕ ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР I, ПОД ФЛАГОМ НАЧАЛЬНИКА 2-й ФЛОТСКОЙ ДИВИЗИИ ВИЦЕ-АДМИРАЛА БЕЛЛИНСГАУЗЕНА

17 августа 1833 г.

Месяц и число	Часы	Ветры	Курсы	Какие паруса имел гл. командир	Сигналы: Когда и от кого сделаны	Сигналы: Когда усмотрены и исполнены	Разные случаи
Августа 17	1	NW	NNO		В ½ 1-го часа из числа находящихся у нас на ветре судов одно сделало ночной сигнал, которого мы по причине дождя и большого волнения рассмотреть не могли		С полуночи Ветр риф-марсельный, крепкий временно с нахождением шквалов, темно, облачно с пасмурностью
	2	D	D				
	3	D	D		В начале 3-го часа одно из судов, бывши на ветре, спустилось под ветр и, приведя на тот же галс, делало ночной сигнал, которого по тем же причинам рассмотреть не могли; в 3 часа ночным сигналом велено всей эскадре положить грот-марсель на стеньгу		
	4	D	NNO¾O WSW				
	5	D	WSW ¼ W				
	6	NWtN	WSW ¾ W		В начале 6-го часа от нас сигналом велено фрегату „Беллона" поворотить через фордевинд на другой галс; в 6 часов фрегат „Екатерина" сигналом уведомил нас, что корабль „Императрица Александра" имеет течь в корабле		В исходе 4-го часа одно из наветренных судов сделало 2 пушечных выстрела и сожжен 1 фальшфеер, и вслед за коим мы сделали пушечный выстрел и поворотили через фордевинд на правый галс

Продолжение

Месяц и число	Часы	Ветры	Курсы	Какие паруса имел главнокоманд.	Сигналы: Когда и от кого сделаны	Сигналы: Когда усмотрены и исполнены	Разные случаи
	7	D	D		В начале 7-го часа от нас сигналом велено кораблю „Императрица Александра“ итти в ближайший порт; около ½ 7 часа фрегат „Амфитрида“ сигналом уведомил нас, что имеет повреждение в грота-рее; около ¾ часа корабль „Великий князь Михаил“ сигналом уведомил, что имеет течь в корабле 8 дюймов в час; вскоре от нас сигналом велено кораблю „Великий князь Михаил“ итти в Ревель; в ¾ 7 часа сигналом велено от нас контр-адмиральскому кораблю „Эмгейтен“ и фрегату „Нева“ отстаться для вспомоществования кораблю, терпящему бедствие, в исходе часа при пушечном выстреле от нас сигналом велено всей эскадре итти в Ревель		Ветр риф-марсельный, самый крепкий, с порывами, облачно и по горизонту пасмурность. В начале 5-го часа по рассвете и по прочищении пасмурности увидели мы на R NW в Северных шкерах стоящий на мели корабль, с которого делано было несколько пушечных выстрелов, но по причине дальнего расстояния имя оного корабля нам было неизвестно. Вскоре после увидели мы, что стоящий на мели корабль срубил мачты
	8	D / NW	D / OtS½O		В начале часа от нас сигналом велено фрегату „Нева“ репетовать адмиральские сигналы между адмиралом и кораблем, находящимся от него на R W		В ¾ 8-го часа спустились мы на R OtS ½ O. Ветр марсельный, крепкий, с порывами, облака с прояснением солнца
	9	D	D				
	10	D	D				По соединении всей эскадры рассмотрели, что нет в числе судов, оную составляющих, корабля „Арсис“, почему и заключили, что стоящий на мели корабль есть „Арсис“
	11	D	D				
	12	D	D / OtN		В ¼ 10-го часа был сигнал с корабля „Великий князь Михаил“: вижу Одеихольмский маяк на R OSO[1]		

ЦГВМА, шканечные журналы, 1833 г. Балтийский флот, корабль „Император Александр I“, д. 4390, лл. 87—88. Подлинник.

[1] Буква „R“ означает „румб“.

Раздел третий

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ П. С. НАХИМОВА В ЧЕРНОМОРСКОМ ФЛОТЕ ДО НАЧАЛА КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ

(1834—1853 гг.)

№ 25

РАПОРТ КОМАНДИРА КОРАБЛЯ «СИЛИСТРИЯ» КАПИТАНА 2-го РАНГА П. С. НАХИМОВА НИКОЛАЮ I О ВЫХОДЕ КОРАБЛЯ ИЗ НИКОЛАЕВА В ОЧАКОВ

15 сентября 1836 г.

С вверенным мне кораблем сего сентября 15 числа с Николаевского рейда с якоря снялся и отправился в Очаков [1], на коем караул вашего императорского величества и команда обстоят благополучно; больных не имеется, воды в корабле 2 дюйма, о чем вашему императорскому величеству имею счастие всеподданнейше донести с представлением о гг. офицерах именного списка и о всех вообще чинах перечневой ведомости [2].

Капитан 2-го ранга *Нахимов*

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1836, д. 3805, л. 2. Подлинник.

№ 26

ИЗ ПИСЬМА М. П. ЛАЗАРЕВА КН. А. С. МЕНШИКОВУ С АТТЕСТАЦИЕЙ П. С. НАХИМОВА

18 ноября 1837, Николаев.

При сем случае, обращая внимание и на приближающийся новый год, я беру на себя смелость просить вашу светлость дать ход по службе некоторым из офицеров, которые по познаниям и образованности своей с пользою и честию для флота заняли бы места высшие. Из сих я разумею преимущественно капитана 2-го ранга Нахимова, капитан-лейтенантов Матюшкина и Путятина и лейтенанта Панфилова. Я рекомендую их потому, что Нахимов, кроме того, что служит здесь образцом для всех командиров кораблей, состоит по списку 9-м [3].

«Русский Архив». 1881, т. III, стр. 346.

---

[1] В Очаков корабль «Силистрия» прибыл 28 сентября 1836 г. 30 октября того же года корабль «Силистрия» снялся с Очаковского рейда и вышел в Севастополь, куда и прибыл 5 ноября. Обо всех этих событиях П. С. Нахимов регулярно доносил Николаю I (см. ЦГВМА, ф. ИДММ, 1836 г., д. 3805, лл. 5, 8, 10). За успешную проводку вновь построенного корабля с Николаевского рейда в Севастополь Николай I объявил П. С. Нахимову «высочайшее свое благоволение» (см. «Высочайшие приказы по флоту за январь 1837 г.»).

[2] Ведомость и список не публикуются.

[3] В результате этого ходатайства П. С. Нахимов был произведен 6 декабря того же года в капитаны 1-го ранга.

№ 27

ОТНОШЕНИЕ ВОЕННОГО МИНИСТРА А. И. ЧЕРНЫШЕВА А. С. МЕНШИКОВУ ОБ УНИЧТОЖЕНИИ У ЧЕРНОМОРСКИХ БЕРЕГОВ КОНТРАБАНДНОГО БРИГА

22 октября 1840 г.

Начальник Черноморской береговой линии от 4-го сего октября за № 178 доносит, что между Анапою и Новороссийском при долине Чюсхаб замечен огромный контрабандный бриг [1].

Для истребления этого судна по распоряжению временно командующего 1-м отделением Черноморской береговой линии полковника Хлюпина был назначен особый отряд из 280 человек Тенгинского пехотного полка, 80 человек Черноморского линейного № 4-го батальона при одном горном единороге. Отряд этого 2-го минувшего сентября посажен на пароход «Могучий», который взял на буксир две азовские казенные лодки и один вооруженный полубаркас, отданный в ведение полковника Хлюпина командиром корабля «Силистрия» капитаном 1-го ранга Нахимовым. По приближении этого десанта к контрабандному судну находившиеся на оном горцы произвели тревогу и по прибытии к ним на крик помощи завязали перестрелку. Для выиграния времени и сбережения людей полковник Хлюпин решился сжечь судно, поручив сие командиру парохода лейтенанту Барладяну, который исполнил это в одно мгновение, после чего отряд возвратился на пароход совершенно без всякой потери.

По доведении об этом до сведения государя императора его величество высочайше повелеть соизволил: объявить через начальство монаршее благоволение как капитану 1-го ранга Нахимову и лейтенанту Барладяну, так и прочим офицерам, содействовавшим своим усердием к истреблению контрабандного судна.

Высочайшую волю сию честь имею сообщить вашей светлости для зависящего исполнения оной относительно чинов морского ведомства.

Военный министр генерал-адъютант граф *Чернышев*

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1-е отделение, 1-й стол. 1840, д. 4928, лл. 1—2. Подлинник.

[1] Участие Черноморского флота в завоевании Кавказа выражалось в операциях соединений и отдельных кораблей вдоль черноморского побережья (от Анапы до Поти) по переброске войск в различные пункты побережья, доставке всякого рода снабжения находившимся здесь приморским укреплениям, поддержке их огнем судовой артиллерии и высадками десанта и крейсерстве вдоль берегов Кавказа с целью пресечения доставки горцам военной контрабанды (оружие, порох и пр.).

№ 28

РАПОРТ П. С. НАХИМОВА НИКОЛАЮ I О ВЫХОДЕ ЕГО С КОРАБЛЕМ «СИЛИСТРИЯ» ИЗ СЕВАСТОПОЛЯ В ОДЕССУ

8 мая 1841 г., Севастопольский рейд

По предписанию командира Севастопольского порта № 126-й с вверенным мне кораблем сего числа с Севастопольского рейда с якоря снялся для следования в Одессу принять там леса и прочие вещи [1], потребные при переложении в Цемесской бухте мертвых якорей.

О чем вашему императорскому величеству имею счастие всеподданнейше донести, поднося о чинах табель, а об офицерах именной список [2].

Командир корабля капитан 1-го ранга *Нахимов*.

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1841, д. 5182, л. 24. Подлинник.

---

[1] В Одессу «Силистрия» прибыла 10 мая 1841 г. После принятия груза корабль 17 мая вышел из Одессы в Севастополь. (ЦГВМА, ф. ИДММ, д. 5182, лл. 17, 27).

[2] Табель и список не публикуются.

№ 29

ВЕДОМОСТЬ[1]

О СОСТОЯНИИ СУДОВ, ДЕЙСТВИИ И УСПЕХЕ В ПРАКТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ 2-й ЧЕРНОМОРСКОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ ЭСКАДРЫ ВО ВРЕМЯ ПЛАВАНИЯ В ЛЕТО 1842 ГОДА

19 сентября 1842 г.

Ранги судов	Имена судов с показанием, кто командиры и флагман на оных	Как наблюдали суда правила эволюции и хорошо ли места свои в ордере и в линии сохраняли	Как исполнялись инструкции в своде морских сигналов и эволюциях заключающиеся и не было ли понуждения к постению оных	Во сколько времени и что было исполнено по сигналу: Взять 2-й риф у марселей, в начале кампании	Взять 2-й риф у марселей, в конце кампании	Перемена парусов: фор-марсель, в начале кампании	Перемена парусов: фор-марсель, в конце кампании	Перемена парусов: грот-марсель, в начале кампании	Перемена парусов: грот-марсель, в конце кампании	Перемена парусов: фор-марсель и крюсель, в начале кампании	Перемена парусов: фор-марсель и крюсель, в конце кампании	Перемена парусов: фок, в начале кампании	Перемена парусов: фок, в конце кампании	Перемена парусов: грот, в начале кампании	Перемена парусов: грот, в конце кампании	Перемена рангоута: формасаей, в начале кампании	Перемена рангоута: формасаей, в конце кампании	Имея паруса фок, грот, марсели, брамсели, бом-брамсели, стать на якорь примерно и взять у марселей 2-й риф	Поставить все прямые паруса и обрасопить рей в бейдевинд	Поставить вдруг фок, грот, брамсели, бом-брамсели и убрать оные: поставить, в начале кампании	Поставить, в конце кампании	Убрать, в начале кампании	Убрать, в конце кампании	Не было ли судам каких-либо похвал или благодарностей или замечаний и выговоров и за что именно
1	2	3	4	5		6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
	Корабли																							
120	„Три святителя" Флагман командующий эскадрою контр-адмирал Чистяков 1-й, командир капитан 1-го ранга Новосильский	Хорошо	Фрегату „Агатополь" и бригу „Телемак" велено было прочитать первому § 64 IV части, а второму § 22 1 части свода военных морских сигналов наставления. Все остальные суда соблюдали инструкцию вообще хорошо	3¾	2½	8′	6¾′	9′	7¾′	8′	6½′	12′	7¾′	12¼	6¾′	За неблагоприятными погодами и за недостатком времени	Не успели исполнить	7¾′	5¼	4′	3½′	2½′	1¼′	За скорую перемену парусов по сигналу изъявлено два раза удовольствие
84	„Адрианополь" Командир капитан 1-го ранга Ратч 2-й			3½	2½	За отбытием от эскадры не переменял												Не был при эскадре						За соблюдение в точности своего места в линии сделан сигнал хорошо, а за неудержание своего места в ордере сделан сигнал дурно
84	„Гавриил" Командующий капитан 1-го ранга Метлин 1-й			3¾	2¾	7¾	6¾	11	8	7¾	7¼	12	8¼	18¼	7¾			8½	6½	4¼	4	4½	2	За соблюдение своего места в линии и исполнение эволюционных правил сделан сигнал 2 раза хорошо. За соблюдение в точности дистанции и за скорую перемену парусов объявлено удовольствие общим сигналом
81	„Султан—Махмуд" Второй флагман контр-адмирал Станюкович; командующий капитан 2-го ранга Власьев 2-й			3½	2¼	7½	6¼	8½	7¼	7½	6¼	10	6¼	12¼	6½			10¼	6¾	3¼	3	3¾	1½	За скорое взятие рифов у марселей и за соблюдение своего места в ордере два раза сделан сигнал хорошо; за соблюдение в ордере дистанции и за скорую перемену парусов изъявлено удовольствие

[1] Заголовок подлинника

Ранги судов	Имена судов с показанием, кто командиры и флагманы на оных	Как наблюдали суда правила эволюциан и хорошо ли места свои в ордере и в линии сохраняли	Как исполнялись инструкции в своде морских сигналов и эволюциях заключающиеся и не было ли понуждений к прочтению оных	Во сколько времени и что было исполнено по сигналу: Взять 2-й риф у марселей: в начале кампании	Взять 2-й риф у марселей: в конце кампании	Перемена парусов: фор-марсель: в начале кампании	фор-марсель: в конце кампании	грот-марсель: в начале кампании	грот-марсель: в конце кампании	Фор-марсель и крюйсель: в начале кампании	Фор-марсель и крюйсель: в конце кампании	фок: в начале кампании	фок: в конце кампании	грот: в начале кампании	грот: в конце кампании	Перемена рангоута фор-марса-рей: в начале кампании	Перемена рангоута фор-марса-рей: в конце кампании	Имея паруса фок, грот, марсели, брамсели, бом-брамсели, стать на якорь поспешно и взять у марселей 2-й риф	Поставить все прямые паруса и обрасопить рей в бейдевинд	Поставить вдруг фок, грот, брамсели, бом-брамсели и убрать оные: поставить: в начале кампании	поставить: в конце кампании	убрать: в начале кампании	убрать: в конце кампании	Не было ли судам каких-либо похвал или благодарностей или замечаний и выговоров и за что именно
1	2	3	4	5		6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24
84	„Силистрия“ Командир капитан 1-го ранга Нахимов 1-й	Хорошо	Фрегату „Агатополь“ и бригу „Телемак“ велено было прочитать первому § 61 IV части, а второму § 22 I части свода военных морских сигналов наставления. Все остальные суда соблюдали инструкцию вообще хорошо.	2¾	2¼	7	6¼	9½	8¼	7¼	6¾	10	7½	8¾	7¼	За неблагоприятными погодами и за недостатком времени	Не успели исполнить	7½	6	3¼	3¼	2¼	1½	За скорое взятие рифов у марселей, за сохранение своего места в ордере 2 раза сделан сигнал хорошо, а за соблюдение дистанции в ордере и за скорую перемену парусов изъявлено удовольствие
84	„Трех иерархов“ Командир капитан 1-го ранга Вукотич 1-й			3½	2½	9½	6½	17½	10½	9¼	7¼	12½	7¾	16	9			10½	8¾	4	3¾	2¾	2	За исполнение в точности эволюционных правил сделан сигнал хорошо и за соблюдение в ордере дистанции своего места и за скорую перемену парусов изъявлено удовольствие
60	Фрегаты „Мессемврия“ Командир капитан 2-го ранга Вульф			4½	3¼	12	9½	18¾	12	13	11¼	17½	9½	17½	10½			13	11¾	8½	6¾	4½	2¼	За соблюдение в ордере дистанции изъявлено удовольствие, за несохранение своего места в ордере и за неправильные действия при атаке сделан сигнал дурно
60	„Агатополь“ Командир капитан 2-го ранга Юхарин 1-й			3¼	2½	10½	7	10½	10	7½	7	10¾	7¼	9¼	5½			8½	7¼	6½	4	3	1½	За точное соблюдение своего места и дистанции в линии общим сигналом изъявлено удовольствие, за потеряние своего места в ордере и позднее вступление потом в свое место: худо управляетесь и неудовольствие
20	Бриг „Телемак“ Командир капитан-лейтенант Кислинский 1-й			3	2	3¾	4	8	4¼	не был		9	7	не был				6	5	не был		2½	1¼	За скорую перемену парусов изъявлено 1 раз удовольствие, а за медленное репетование сигналов сигнал: худо наблюдаются адмиральские сигналы, и за несохранение своего места неудовольствие

Командующий 2-й Черноморской практическою эскадрою судов контр-адмирал *Чистяков*

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1842, д. 5466, лл. 26—27. Подлинник.

№ 30

РАПОРТ НАЧАЛЬНИКА ШТАБА ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА И ПОРТОВ ВИЦЕ-АДМИРАЛА С. П. ХРУЩЕВА А. С. МЕНШИКОВУ О ПОРУЧЕНИИ КАПИТАНУ 1-го РАНГА П. С. НАХИМОВУ ПОДЪЕМА В НОВОРОССИЙСКЕ ЗАТОНУВШИХ РЕЙДОВЫХ БОЧЕК И МЕРТВЫХ ЯКОРЕЙ И УСТАНОВКИ НОВЫХ

7 июля 1844 г.

Для поднятия и исправления затонувших бочек от мертвых якорей, на Новороссийском рейде расположенных, как равно и для положения бочек нового устройства, доставленных из Англии капитаном 2-го ранга Истоминым, назначен корабль «Силистрия», который под командою капитана 1-го ранга Нахимова с Севастопольского рейда 2-го числа сего июля отправился.

О чем донося в. св., честь имею присовокупить, что отвода из Севастополя в Новороссийск плашкоута с нужными для изъясненного предмета материалами и привода оного обратно в Севастополь назначен пароходо-фрегат «Одесса», который под командою лейтенанта Альбранта 1-го сего июля из Николаева отправился по назначению.

Вице-адмирал *Хрущев*

ЦГВМА. ф. ШЧФ. 1844. д. 5398. л. 1⁰. Отпуск.

№ 31

РАПОРТ П. С. НАХИМОВА С. П. ХРУЩЕВУ ОБ ОКАЗАНИИ КОРАБЛЕМ «СИЛИСТРИЯ» ПОМОЩИ ФОРТУ ГОЛОВИНСКОМУ

28 июля 1844 г.

Находясь с вверенным мне кораблем для окончания работ в Цемесской бухте у мыса Дооб и подняв сегменты от буев, бывших на отмелях, 17 числа июля снялся с якоря и вскоре увидел на горизонте подозрительное судно, за которым спустился до укрепления Ново-Троицкого, где судно это и стало на якорь; 18-го числа штилем и течением отнесло корабль к форту Лазарева, а 19-го в 9 часов утра командир шхуны «Гонец» дал знать, что форт Головинский находится в опасном положении от нападения горцев.

Спустясь немедленно к форту и получивши донесение воинского начальника, что 16-го числа на вверенный ему форт было нападение горцев и что у него 31 человек убитых и 53 раненых, хотя горцы отражены с большим уроном, но, ослабясь в гарнизоне, он просил до получения подкрепления свезти десант с корабля. Находя уважительным донесения воинского начальника, я стал на якорь и свез десант.

20-го числа прибыл к форту начальник береговой линии генерал-майор Будберг, а 21-го числа прислал подкрепление из 100 человек; 22-го числа воинский начальник снова донес, что горцы, в большом количестве собравшись, хотят сделать решительное нападение с 22

на 23-е или с 23 на 24-е число. Видя горцев действительно в сборе, я решился остаться для защиты форта до 25-го числа; 23-го числа, получивши от начальника 3-го отделения Черноморской береговой линии генерал-майора Врангеля 2-го отношение, в котором он пишет, что ему известно, что на Головинское укрепление отложено нападение, а назначено на Навагинское, и требует вспомоществование форту Навагинскому, но как при форте Головинском горцы еще были в большом сборе, то я и остался для защиты его. 25-го числа прибыл к форту Головинскому отрядный командир контр-адмирал Конотопцев, которому я передал, в каком состоянии находятся сказанные укрепления, вследствие чего он отправился для подкрепления форта Навагинского; того же числа, видя с корабля, что горцы разошлись в разные стороны, я 26-го числа при крепком NW ветре снялся с якоря и, не считая себя вправе без повеления начальства оставаться долее у тех берегов, прибыл в Севастополь, о чем вашему превосходительству донести честь имею. Докладываю притом, что об этом, кроме командира Севастопольского порта, мною донесено никому не было.

Капитан 1-го ранга *Нахимов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ. 1844, д. 5398, л. 38. Подлинник.

№ 32

РАПОРТ НАЧАЛЬНИКА ЧЕРНОМОРСКОЙ БЕРЕГОВОЙ ЛИНИИ ГЕНЕРАЛ-МАЙОРА А. П. БУДБЕРГА ГЛАВНОМУ КОМАНДИРУ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА И ПОРТОВ АДМИРАЛУ М. П. ЛАЗАРЕВУ О ПОМОЩИ, ОКАЗАННОЙ П. С. НАХИМОВЫМ ФОРТУ ГОЛОВИНСКОМУ

5 августа 1844 г.

Минувшего июля месяца 16-го числа в 2 часа утра горцы сделали нападение на форт Головинский и ворвались в самое укрепление, но храбростью и твердостью гарнизона были выгнаны из укрепления, причем горцы оставили в укреплении убитыми 101 и ранеными 5 и за укреплением поднято убитых 15; потеря с нашей стороны: убиты 2 обер-офицера и 31 человек нижних чинов, а ранены 1 обер-офицер и нижних чинов 53.

Горцы собирались сделать вторичное нападение на укрепление и были в сборе; воинский начальник сообщил это крейсирующей шкуне «Гонец», которая немедленно отправилась с этим известием и, на пути в Новороссийск встретив корабль «Силистрия», следовавший в Севастополь, известила об опасном положении укрепления Головинского. Командир корабля «Силистрия» немедленно прибыл к означенному укреплению 18-го числа, стал на ближайшую дистанцию к укреплению и выслал 3 обер-офицеров и 150 нижних чинов на подкрепление гарнизона, чем совершенно обеспечил укрепление от нападения. Я прибыл из Сухум-Кале в форт Головинский 20-го числа на пароходе «Молодец»; 21 июля начальник 2-го отделения на

3 азовских барказах прислал из Геленджика 55 нижних чинов и на транспорте «Лаба» привезено 45 человек при 2 обер-офицерах. По прибытии подкрепления я просил капитана 1-го ранга Нахимова взять из укрепления высланных им 150 человек и остаться еще на одни сутки на якоре. 21 июля в 10 часов вечера я ушел на пароходе, а в полдень 22-го числа лазутчики дали знать, что горцы собираются сделать опять нападение, о чем воинский начальник сообщил командиру корабля «Силистрия», и тот опять выслал подкрепление и оставался на якоре по 26-е число до прибытия начальника крейсирующей эскадры контр-адмирала Конотопцева на фрегате «Браилов»; в то же время начальник 3-го отделения сообщил командиру корабля «Силистрия», что горцы намереваются сделать нападение на форт Навагинский, куда контр-адмирал Конотопцев немедленно и отправился на фрегате «Браилов», оставив при форте Головинском корабль «Силистрия». Капитан 1-го ранга Нахимов, видя расходящихся горцев по берегу от укрепления Головинского и получив об этом удостоверение от воинского начальника, 26-го же числа снялся с якоря.

Столь нужную и скорую помощь капитана 1-го ранга Нахимова укреплению Головинскому имею честь представить на вид вашему высокопревосходительству.

Свиты его величества генерал-майор *Будберг*

ЦГВМА. ф. ШЧФ. 1841, д. 5398, лл. 40—43. Подлинник.

№ 33

РАПОРТ М. П. ЛАЗАРЕВА А. С. МЕНШИКОВУ О ДЕЙСТВИЯХ П. С. НАХИМОВА ПО ОКАЗАНИЮ ПОМОЩИ ФОРТУ ГОЛОВИНСКОМУ

17 августа 1844 г.

Начальник Черноморской береговой линии генерал-майор Будберг от 5-го сего августа за № 8001 уведомляет, что 16-го минувшего июля в 2 часа пополуночи горцы сделали нападение на форт Головинский и ворвались в самое укрепление, но храбростью и твердостью гарнизона были выгнаны из укрепления, причем горцев убито 101 и ранено 5 человек, сверх того найдено за укреплением убитых 15; потеря с нашей стороны: убиты 2 обер-офицера и 31 человек рядовых и ранены 1 обер-офицер и 53 человека нижних чинов. Горцы собирались сделать вторичное нападение на укрепление и были в сборе; воинский начальник укрепления сообщил это крейсирующей шкуне «Гонец», которая тогда же отправилась с этим известием и, на пути в Новороссийск встретив корабль «Силистрия», следовавший в Севастополь, известила об опасном положении укрепления Головинского. Командир корабля «Силистрия» немедленно прибыл к означенному укреплению; 18-го числа стал на ближайшей дистанции к укреплению и свез трех обер-офицеров и

150 человек нижних чинов на подкрепление гарнизона, чем совершенно обеспечил укрепление от нападения. Потом прибыл туда и сам генерал-майор Будберг 20-го числа на пароходе «Молодец»; 21 июля начальник 2-го отделения на трех азовских баркасах прислал из Геленджика 55 человек и на транспорте «Лаба» привезено 45 человек нижних чинов при двух обер-офицерах, почему и возвращены на корабль «Силистрия» посланные для подкрепления гарнизона 150 человек, но вслед за тем получено через лазутчиков сведение, что горцы собираются сделать опять нападение, о чем воинский начальник сообщил командиру корабля «Силистрия», который вторично выслал подкрепление и оставался на якоре по 26-е число, до прибытия начальника крейсирующей эскадры контр-адмирала Конотопцева на фрегате «Браилов»; в то же время начальник 3-го отделения сообщил командиру корабля «Силистрия», что горцы намереваются сделать нападение на форт Навагинский, куда контр-адмирал Конотопцев немедленно отправился с фрегатом «Браилов», оставив при форте Головинском корабль «Силистрия», командир коего, капитан 1-го ранга Нахимов, видя расходящихся горцев по берегу от укрепления Головинского и получив об этом удостоверение от воинского начальника, 26-го числа июля снялся с якоря.

О чем вашей светлости честь имею донести впоследствие рапорта № 57940.

Генерал-адъютант адмирал *Лазарев*

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1844, д. 5886, лл. 7—8. Подлинник.

№ 34

ОТНОШЕНИЕ А. И. ЧЕРНЫШЕВА А. С. МЕНШИКОВУ С УВЕДОМЛЕНИЕМ О БЛАГОДАРНОСТИ НИКОЛАЯ I П. С. НАХИМОВУ ЗА СОДЕЙСТВИЕ ГАРНИЗОНУ ФОРТА ГОЛОВИНСКОГО

21 августа 1844 г.

Государь император всемилостивейше повелеть соизволил объявить особенное его величества благоволение командиру корабля «Силистрия» капитану 1-го ранга Нахимову за содействие, оказанное им гарнизону Головинского укрепления при отражении горцев, нападавших на сие укрепление в прошлом июле месяце.

О таковом монаршем соизволении для объявления в высочайшем приказе по морскому ведомству имею честь уведомить вашу светлость.

Примите, милостивый государь, уверение в совершенном моем почтении.

Князь *А. Чернышев.*

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1844, д. 5886, л. 4. Подлинник.

№ 35

ИЗ ОТЧЕТА О ПЛАВАНИИ СУДОВ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА ЗА 1846 ГОД

В составе отряда судов, крейсирующих у восточных берегов Черного моря, под командою контр-адмирала Колтовского, с прошлого 1845 года состояли фрегат «Сизополь», корвет «Ифигения», бриги «Меркурий» и «Персей», шкуны «Вестник» и «Смелая» и тендер «Нырок», на смену которого был назначен таковой же, под командою контр-адмирала Нахимова, из следующих судов: фрегата «Кагул», корвета «Пилад», бригов «Паламед» и «Эней», шкун «Ласточка» и «Гонец» и тендера «Струя», который отправился из Севастополя в общем составе 22 марта.

... Цель занятия отрядов, крейсирующих у восточных берегов Черного моря, охранение тех берегов от непозволительного сношения турецких вольнопромышленников с горцами, и сверх того занимали команды и офицеров практическими действиями; на отряде контр-адмирала Колтовского особых случаев не было; во время же крейсерства отряда контр-адмирала Нахимова происходили следующие обстоятельства:

1) 10 мая по поводу разнесшегося слуха о появлении в Абхазии большой толпы горцев командир корвета «Пилад», стоявшего в то время в Сухум-Кале на якоре, по приглашению тамошняго коменданта свез в крепость десант, а корвет и гребные вооруженные суда поставил по флангам в оборонительное положение, но с прибытием на береговую линию начальника ее генерал-адъютанта Будберга по распоряжению командующего отрядом корвет был отозван в Новороссийск.

2) По известию, полученному на шкуне «Гонец», что в форте Головинском от больших продолжительных дождей и разлития реки Шахе подмыло укрепление и снесло в море бастион и блокгауз и что по поводу этого разрушительного действия реки горцы, собравшись в большом числе в окрестностях форта, угрожали нападением, командующий отрядом 10 июня предписал командирам корвета «Пилад» и брига «Паламед» сняться немедленно с якоря и поспешить к форту Головинскому для защиты и подания возможной помощи, где они и находились до прибытия туда самого отрядного командира, который остался там с фрегатом для наблюдения за фортом, а корвет и бриг отправлены в крейсерство; потом, известясь 10 июля от воинского начальника, что форт достаточно укреплен и не имеет уже надобности в посторонней помощи, фрегат отправился в Сухум-Кале 18 июля.

3) По случаю собравшихся вновь близ форта Головинского в большом количестве горцев, намеревавшихся сделать решительное нападение на означенный форт, начальник береговой линии генерал-лейтенант Будберг приказал корвету «Пилад», крейсировавшему в это время на дистанции, стать у форта Головинского на близкий пушечный выстрел и дать форту возможное пособие; на этом основании командир корвета высадил в подкрепление гарнизона 50 чело-

век матросов и гребные суда каждую ночь посылал на другой фланг к реке; в таком положении нашел его возвратившийся 27 июля в Субаши фрегат «Кагул» и как по достоверным известиям лазутчиков горцы намерены были сделать нападение в следующую ночь, то командующий отрядом контр-адмирал Нахимов стал с фрегатом на шпринг в 5½ кабельтовых от берега со стороны речки, а 29 числа вступил опять под паруса и держался близ Субаши до 2 августа, но не видя до того времени неприятеля, отправился в Новороссийск, оставив у форта Головинского корвет, и как по розыскам лазутчиков горцы ожидали только отсутствия военных судов, то и занимал этот пост до 13 августа посменно с бригом «Эней», а потом сдал оный одному из крейсеров прибывшего туда отряда контр-адмирала Ушакова.

4) Апреля 11-го шкуна «Гонец» между укреплением Навагинским и Константиновским мысом в 12 милях от берега после преследования взяла с боя контрабандную одномачтовую чектырму с товаром; 28 человек черкес и турок с 8 женщинами; на чектырме убиты во время сопротивления 2 человека, остальные по выдержании карантинного термина в Новороссийске переданы в сухопутные ведомства.

5) Мая 20-го бриг «Паламед» на высоте форта Лазарев в 9 милях от берега взял двухмачтовую чектырму с товарами, но без людей, которые, пользуясь штилем, успели уйти на шлюпке на берег. Чектырма отведена бригом в Новороссийск, где и сдана по принадлежности.

ЦГВМА. ф. ВПК. 1847. д. 475. лл. 44—47. Подлинник.

№ 35

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОБЗОР ПЛАВАНИЯ
16-ПУШЕЧНОЙ ШХУНЫ «ГОНЕЦ» ЗА АПРЕЛЬ МЕСЯЦ 1846 ГОДА

Имя судна	О выводе на рейд, начале и окончании кампании	О цели отправления, особом назначении, от кого именно	Когда присоединились к эскадре или отряду и отдельные от оных плавания и для какой цели	Особые случаи, могущие встретиться во время плавания	Упражнение команды: брать рифы	отдавать рифы	ставить все паруса	убирать все паруса	переменять паруса	успех действия артилле ии	Какими орудиями и какого калибра
16-пушечная шхуна „Гонец"	адмирала и кавалера Авинова выведена на рейд	г. контр-адмирала и кавалера Нахимова в	1 апреля находились в море, следуя по назначению. 4 апреля в 8 часов пополуночи пришли к укреплению Пицунда, легши в дрейф, пушечным выстрелом истребовали шлюпку, на которую высадили пасажира—иеромонаха Антония; снялись с дрейфа. Отправились в Сухум, сего же числа в 3 часа пополудни пришли на Сухумский рейд 7 апреля в 11 ½ часов пополудни снялись с Сухумского рейда и отправились по назначению в крейсерство. 16 апреля в 11 ½ часов	11-го числа этого месяца находился в крейсерстве от укрепления Бомборы до фор а Навагинского и, находясь от ближайшего берега Константиновского мыса в 8 милях, в море усмотрел по румбу S анкретно в 10 милях судно под парусами. По обязанности крейсера пошли его опросить и, приближаясь к нему, замечено, что это турецкая чектырма одномачтовая, с гротом, кливером, марселем, брамселем и фоком. Когда оная увидела, что шхуна ее стала догонять, не остановилась, а еще выбросила 12 весел и стала грести; так что к захождению солнца только могли ее догнать на три кабельтова расстояния. Чтобы заставить ее убрать паруса, сделаны с шхуны два выстрела из орудий без ядер. Не обращая внимания на выстрелы, продолжали на ней еще сильнее грести, спустившись по ветру на R NW. В это время ветер стих, так что шхуна имела ходу не более 1 ½	в ¾ минуты, 1-й риф и крепить—1 минута	2-й риф 1½ минуты, оба рифа в 60 секунд	¾ минуты, лисель ¾ минуты	2 ½ минуты, лисель ½ минуты	Марсель в 1¼ минуты	тревоги заряжают орудию в 1 ¼ минуты	калибра и 2 пушками 3-фунтового калибра
8 марта по приказу командира Севастопольского порта г. вице-Севастопольский рейд в состав отряда судов Абхазской экс-		По повелению отрядного командира судов Абхазской экспедиции крейсерство между укреплением Навагинским и Бомборы	пополуночи пришли на Новороссийский рейд и стали на якорь. 27 апреля, получа от командующего отрядом судов Абхазской экспедиции, г. контр-адмирала кавалера Нахимова повеление сняться с якоря и отправиться в крейсерство между Геленджиком и фортом Вельяминовским, в 3½ часа пополудни снялись с якоря и отправились по назначению. 30 апреля—крейсерство продолжается	узла. Угадывая намерение чектырмы, продлить время к ночи и укрыться видя, что ветра нет и что она, имея весла, конечно, легче могла при таких обстоятельствах укрыться куда-нибудь, дабы заставить ее остановиться, приказав спуститься так, чтобы можно было выстрел делать с ядрами, если бы было необходимо, и еще раз сделан со шхуны выстрел холостым зарядом. Но в ту же минуту с чектырмы с кормовой части борта выстрелили из орудия с ядром и, не спуская парусов старались еще сильнее грести. Со шхуны после этого выпалили два выстрела с ядрами ей под корму. Она начала также стрелять из двух орудий и сделала всего до 12 выстрелов. С рассветом 12-го числа увидели ее под парусами и веслами от шхуны в 4 милях спустившуюся R NO ветер был S бом-брамсельный; поставя возможные паруса, догнали ее на высоте Сочи, куда она имела направление. Приблизясь, сделали ей несколько выстрелов с ядрами, на которые она отвечала выстрелами из двух орудий числом 20. Тогда уже, приведя чектырму противу борта шхуны, повредили паруса, руль и убили двух человек, то и увидели, что она отдала фалы, все черкесы вышли и начали кричать и махать руками и пр. Отставлено со шхуны действие. Следовала чектырма из Константиноволя в Сочу, всех черкес 28 человек, женщин 8 душ. Из числа их—двое убитых, с нашей стороны убитых и раненых нет. С чектырмою шхуна прибыла на Новороссийский рейд 16-го числа апреля месяца	У марселя 1-й риф в 1¼ минуты, 2-й риф—1¼ минуты, оба рифа	1-й риф ½ минуты,				По пробитии	14 карронадами 18-фунтового

Командир шхуны лейтенант *Скоробогатов*

ЦГВМА, ф. АЭ, 1846, д. 65, лл. 71, 76. Подлинник.

№ 37

ОТНОШЕНИЕ А. П. БУДБЕРГА КОМАНДУЮЩЕМУ ЭСКАДРОЙ СУДОВ, КРЕЙСИРУЮЩИХ У АБХАЗСКИХ БЕРЕГОВ, КОНТР-АДМИРАЛУ П. С. НАХИМОВУ С ПРОСЬБОЙ ОБ ОТПРАВЛЕНИИ ПОДКРЕПЛЕНИЙ К ФОРТУ ГОЛОВИНСКОМУ

10 июня 1846 г. Секретно.

Сейчас получил я донесение воинского начальника Головинского укрепления, что прилив воды в реке Шахе, начавшийся с первых чисел текущего месяца, произвел важные повреждения в укреплении: смыл часть оборонительной линии, подмыл и унес в море многие строения в самом форте, отчего укрепление и гарнизон его находятся в опасном положении и значительная партия горцев, собравшаяся неподалеку, следит уже за разрушительными действиями разлива реки.

Имею честь уведомить об этом ваше превосходительство и покорнейше прошу вас, смотря по возможности, отправить к форту Головинскому (С у б а ш и) фрегат или другое какое-либо судно из вверенной вам эскадры для подкрепления тамошнего гарнизона в случае нападения горцев. Я нахожу излишним говорить вашему превосходительству, какую важную услугу окажет укреплению скорое прибытие подкрепления от командуемой вами эскадры. Копию настоящего отзыва покорнейше прошу ваше превосходительство сообщить мне для приложения к делам.

Начальник Черноморской береговой линии
генерал-адъютант *Будберг*

Резолюция контр-адмирала Нахимова: *«Предписать командирам корвета «Пилад» и брига «Паламед» немедленно отправиться для подкрепления».*

ЦГВМА, ф. АЭ, 1846, д. 63, л. 4. Подлинник

№ 38

РАПОРТ М. П. ЛАЗАРЕВА А. С. МЕНШИКОВУ О ЗАХВАТЕ П. С. НАХИМОВЫМ КОНТРАБАНДНОГО СУДНА

11 июня 1846 г.

Командующий отрядом судов, крейсирующих у восточных берегов Черного моря, контр-адмирал Нахимов доносит, что 20-го числа мая в 12 милях от форта Лазарева взято бригом «Паламед» двухмачтовое контрабандное судно без людей, которые при погоне брига за судном успели спустить шлюпку и, пользуясь штилем и пасмурною погодою, скрылись к берегу. Судно нагружено солью и разными товарами; найдены также одно чугунное орудие, несколько ядер и небольшое количество пороху.

О чем вашей светлости честь имею донести, присовокупляя, что

означенное судно бригом «Паламед» приведено в Новороссийск и вытащено на берег в тамошнем карантине.

Генерал-адъютант адмирал *Лазарев*

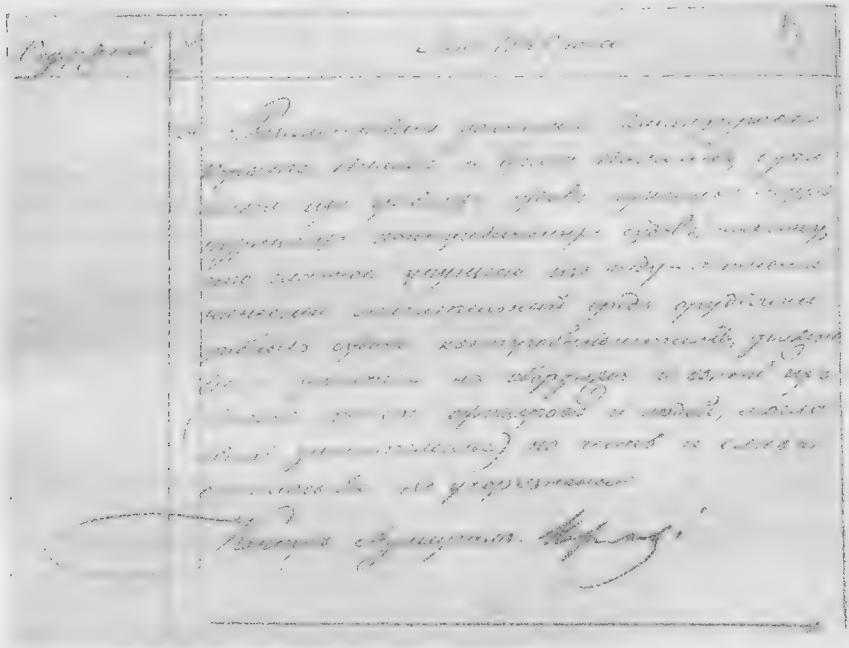
ЦГВМА. ф. ИДММ. 1846. д. 1208. л. 18. Подлинник.

№ 39

ПРИКАЗ П. С. НАХИМОВА ОБ УПУЩЕНИЯХ КОМАНДИРОВ КОРВЕТА «ПИЛАД» И БРИГА «ПАЛАМЕД» В ДЕЙСТВИЯХ ПРОТИВ КОНТРАБАНДНЫХ СУДОВ

29 июня 1846 г.

Рассмотревши донесения командиров корвета «Пилад» и брига «Паламед» о действии их гребных судов против двух турецких



Приказ П. С. Нахимова от 29 июня 1846 г. об упущениях командиров корвета «Пилад» и брига «Паламед» в действиях против контрабандных судов.

контрабандных судов, нахожу, что главное упущено из виду, а именно: нанесши значительный вред орудиями гребных судов контрабандистам, должно было броситься на абордаж и взять их. Конечно, потеря офицеров и людей могла быть значительнее, но честь и слава остались бы неукоризнены.

Контр-адмирал *Нахимов*

ЦГВМА. ф. АЭ. 1846. д. 59. л. 9. Подлинник.

№ 40

ПРИКАЗ П. С. НАХИМОВА О САНИТАРНОМ СОСТОЯНИИ КОМАНДЫ ФРЕГАТА «КАГУЛ»

22 июля 1846 г.

При осмотре моем нынешний день слабых команды фрегата «Кагул» нашел 16 человек в сильной степени зараженными цынготною болезнью. Вынужденным нахожусь предписать командиру фрегата каждый четверток и воскресенье осматривать команду вместе с старшим офицером, ротными командирами и судовым медиком, на якоре — после выноса коек, а в море — в первое свободное время, и если не удастся сделать осмотра по какому-нибудь непредвиденному случаю в назначенный день, то непременно осмотреть на следующий и донести мне о всех оказавшихся вновь больными или сомнительными.

Предписываю командиру фрегата «Кагул», кроме шестнадцати человек, не показанных больными и при осмотре моем найденных мною зараженными в сильной степени цынготною болезнью (которых я предполагаю отправить для пользования на корабле «Силистрия» в Севастополь), о всех, которым по совещанию его с фрегатским медиком будет это необходимо, подать после осмотра команды при рапорте ведомость. Делаю известным, что если и после этого откроются подобного рода и в такой степени больные, то как с командира фрегата, с старшего офицера, ротных командиров и судового медика взыщется по законам.

Контр-адмирал *Нахимов*

ЦГВМА, ф. АЭ, 1846, д. 59, л. 8. Подлинник.

№ 41

ПРИКАЗ П. С. НАХИМОВА О НАЛОЖЕНИИ ВЗЫСКАНИЯ НА ЛЕЙТЕНАНТА МАКУХИНА И МИЧМАНА КОСКУЛЬ ЗА НЕБРЕЖНОЕ ИСПОЛНЕНИЕ ИМИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

3 июля 1846 г.

Выйдя нынешний день в 4 часа пополудни наверх в то самое время, когда фрегат поворачивал оверштаг, увидел лейтенанта Макухина, разговаривающим с мичманом Коскулем и не обращающим никакого внимания на свои обязанности; при отдаче грот-марса-буленя, грот-марса-брас с подветра не был отдан, отчего сломилась грот-марса-рея.

Делая строгий выговор обоим офицерам, в особенности лейтенанту Макухину, предписываю командиру фрегата следить за ними и, если еще раз окажутся не внимательными к своим обязанностям, аттестовать в формуляре нерадивыми; в акте же о переломе грот-марса-реи показать, что она сломана от незнания своего дела лей-

тенанта Макухина, находившегося во время поворота на юте, а потому и следует с него взыскать, что стоит она казне.

Контр-адмирал *Нахимов*

ЦГВМА, ф. АЭ. 1846, д. 59, л. 10. Подлинник.

№ 42

РАПОРТ М. П. ЛАЗАРЕВА и. о. НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО МОРСКОГО ШТАБА О БОЕ ГРЕБНЫХ СУДОВ С КОРВЕТА «ПИЛАД» И БРИГА «ПАЛАМЕД» С КОНТРАБАНДНЫМИ СУДАМИ У КАВКАЗСКОГО ПОБЕРЕЖЬЯ

13 июля 1846 г.

Командующий отрядом судов, крейсирующих у восточных берегов Черного моря, контр-адмирал Нахимов от 28-го прошлого июня доносит, что командиры корвета «Пилад» и брига «Паламед» 19 июня, находясь в крейсерстве на высоте форта Лазарев, в 6 милях от берега, при тихом ветре, увидели три контрабандные судна, за коими по случившемуся совершенному безветрию послали погоню на вооруженных гребных судах. Одно из контрабандных судов, лучшее в ходу, ушло и бросилось на берег; другие два были атакованы гребными судами, но, имея каждое по два орудия и много людей, хорошо вооруженных, защищались так упорно, что люди с наших судов, истратив снаряды, не могли их взять и контрабандисты достигли берега у местечка Вардан. Хотя впоследствии суда эти и были разбиты ядрами корвета и брига, но не менее того при действии с гребных судов смертельно ранен 2-го учебного морского экипажа лейтенант Сутковой и 37-го флотского экипажа матрос 1-й степени Якуб Бартнюк; первый через 20 часов, а последний через сутки умерли; раненых благонадежных к выздоровлению 5 человек.

О чем вашему высокопревосходительству честь имею донести.

Генерал-адъютант адмирал *Лазарев*

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1846, д. 6270, л. 3. Подлинник.

№ 43

ПРИКАЗ П. С. НАХИМОВА О НЕДОСТАТКАХ, ЗАМЕЧЕННЫХ ИМ НА БРИГЕ «ЭНЕЙ»

7 августа 1846 г.

Желая знать, до какой степени в продолжение пятимесячного плавания расторопность, деятельность и старания как командира брига «Эней», так и офицеров его подвинули в работах команду брига вперед, я лично смотрел на нем нынешний день постановление парусов, перемену изорванного форс-марселя и артиллерийское учение и нашел много беспорядков. Главный беспорядок был в том, что

офицеры (кроме старшего) считали себя как будто посетителями или, лучше сказать, людьми вовсе лишними и ненужными при действиях, которые были произведены. Я привык видеть при каждом вызове команды наверх или движении судна, днем ли то или ночью, офицера первым и всегда самым дельным и необходимым лицом на своем месте. Переменяя фор-марсель, его растянули за нок-бензеля, не ввязавши риф-талей. Марса-гитовы и магерманы не были проделы, когда подняли марса-фал. Кроме того, марса-гитовых-блоки ввязываются на бриге так, что они не только затруднят всякого морского человека, но даже самого лихого и бравого штыкболтного матроса. О недостатках же артиллерийского ученья прилагаю здесь свои замечания.

Замечания, сделанные при тревоге на бриге «Эней»:

1) Замки к орудиям худо пригнаны, так что свободно двигались со стороны в сторону.

2) Ганшпуги лежали на осях, тогда как им следовало быть на палубе, и, кроме того, у некоторых орудий длинны.

3) У боковых и задних талей по одному блоку двухшхивному и другому одношхивному, тогда как необходимо иметь оба двухшхивные.

4) Назначено людей к каждому из орудий по 8 человек, а должно непременно иметь 10, дабы выполнить вполне расписание.

5) Когда ударили на оба борта, люди, переходя к назначенным им орудиям, брали с собою ведра с пальниками, что не должно делаться ни в каком случае.

6) При тревоге, когда орудия придвинуты к борту или отодвинуты, лопаря боковых и задних талей должны быть закреплены петлею под ходовую, что не исполнялось у многих орудий.

7) Номера, назначенные приносить картузы к орудиям, должны стоять на линии обухов, для задних талей имеющихся, держа кокор подмышкою левой руки, имея правую сверху крышки, а не так, как некоторые из них, принеся кокор к орудию, ставили его на палубу к борту, а сами помогали раскреплять орудия, что противно правилам экзерциции.

8) При наведении орудия, подавая вправо и влево по знаку комендора, прислуга, кроме ганшпугов, должна помогать талями, стягивая их за ходовой конец, что у многих орудий не исполнялось.

9) Когда орудия заряжают не по общей команде, а по барабану, то комендоры командуют «к осмотру» или «к заряду», «бань — заряд—ядро—два ядра» и пр., а не так, что некоторые комендоры, подавая банник, не сказав, для чего и когда тот № банит, комендор вместо того, чтобы заткнуть запал, подает сам заряд и тем отступает от правил, в экзерциции предписанных.

10) Так как люди, бывшие при орудиях, не знали своего дела совершенно, то потому каждый исполнял свою обязанность без всякой живости и расторопности.

Контр-адмирал *Нахимов*

ЦГВМА. ф. АЭ. 1846, д. 59, лл. 11—12. Подлинник.

№ 44

ПРЕДПИСАНИЕ П. С. НАХИМОВА КОМАНДИРУ БРИГА «ПТОЛОМЕЙ» О КРЕЙСЕРСТВЕ БРИГА У ВОСТОЧНЫХ БЕРЕГОВ ЧЕРНОГО МОРЯ

17 мая 1848 г.

Предоставляю вашему высокоблагородию по высадке в форт Вельяминовский рекрут возвратиться с вверенным вам бригом в Геленджик и состоять в распоряжении начальника 2-го отделения, а 1 июня отправиться в крейсерство на дистанцию от Субаши до Гагры на смену находящегося там корвета «Орест» и чрез каждые 14 дней очередоваться с корветом впредь до особого распоряжения. Во время же крейсерства иметь в виду в случае потребуется надобность оказать пособие при нападении горцев на вновь перестроющий [1] форт Головинский, то оказать со своей стороны полное содействие.

ЦГВМА, ф. АЭ, 1848, д. 73, л. 22. Заверенная копия.

№ 45

ПРЕДПИСАНИЕ П. С. НАХИМОВА КОМАНДИРУ КОРВЕТА «ОРЕСТ» О СТРОЖАЙШЕМ НАБЛЮДЕНИИ ЗА КОНТРАБАНДНЫМИ СУДАМИ

17 мая 1848 г.

Начальник Черноморской береговой линии в отзыве своем от 28 апреля сего года за № 31 дал знать, что до сведения г. главнокомандующего отдельным кавказским корпусом дошло, что убыхи приобрели в недавнее время от контрабандных турецких судов значительное количество пороха и ядер. Что это заставляет предполагать, что и на других пунктах береговой линии запрещенные сношения горцев с турецкими подданными доселе еще довольно деятельны, что в настоящее время обстоятельство сие тем более важно и для нас вредно, так как вследствие известных событий на западе Европы нельзя сомневаться, что многие эмиссары иностранных государств будут стараться проникнуть не только по сухопутной границе Гурии, но и морем в Абхазию и иные места для подстрекания волнений в Закубанском крае и даже для тайного привоза оружия и огнестрельных припасов непокорным племенам, а может быть, и с другими преступными намерениями.

Вследствие сего предписывается командирам крейсирующих судов строжайше наблюдать за контрабандистами и употребить все, чтобы не допустить их на береговую линию. Предполагая, что каждый из командиров исполнит свою обязанность, не менее того считаю необходимым сообщить об этом вашему высокоблагородию.

ЦГВМА, ф. АЭ, 1848, д. 73, л. 22. Заверенная копия.

---

[1] Так в документе. Повидимому — строящийся или перестраивающийся.

№ 46

ПРЕДПИСАНИЕ П. С. НАХИМОВА КОМАНДИРУ КОРВЕТА «ОРЕСТ» О НАБЛЮДЕНИИ ЗА КОНТРАБАНДНЫМИ СУДАМИ У УЩЕЛЬЯ ВАРДАН

25 мая 1848 г.

Проходя мимо ущелья Вардан, заметил, что контрабандные суда, вытащенные 19 июня 1846 года, находятся и по настоящее время там. Имею предписание высшего начальства принять все меры к недопущению отплытия их обратно в Турцию. Считаю необходимым уведомить об этом ваше высокоблагородие и предоставляю во время крейсирований наблюдать за означенными контрабандными судами и стараться всеми мерами выполнить волю начальства.

ЦГВМА, ф. АЭ, 1848, д. 73, л. 27. Заверенная копия.

№ 47

РАПОРТ П. С. НАХИМОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О ВЫПОЛНЕНИИ ЗАДАНИЯ ПО ПОДНЯТИЮ ТЕНДЕРА «СТРУЯ»

5 августа 1848 г.

фрегат «Коварна» на Новороссийском рейде

№ 208

Поврежденные и потревоженные мертвые якоря, расположенные в Новороссийской бухте, исправлены и положены на прежние места. 4-го числа августа тендер «Струя»[1] поднят и отведен к берегу; до окончательной же очистки и освидетельствования нельзя положительно определить, может ли быть приведен в Севастополь или нет.

О чем имею честь донести вашему высокопревосходительству.

Контр-адмирал *Нахимов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1848, д. 5729, л. 54. Подлинник.

---

[1] Тендер «Струя» затонул в Новороссийской бухте во время жестокого шторма 12—15 января 1848 г. При этом погиб весь экипаж судна (ЦГВМА, ф. ШЧФ, д. 5611, лл. 112, 113). Задание по поднятию тендера «Струя» было дано командующему отрядом судов, крейсирующих у восточных берегов Черного моря, контр-адмиралу Колтовскому, который, осмотрев с помощью водолазов затонувший тендер, донес 7 мая командиру Севастопольского порта вице-адмиралу Авинову, что ввиду больших повреждений тендера «поднять его с имеющимися в настоящее время средствами невозможно, а чтобы снять с него тяжести, то не иначе можно, как двумя флашхоутами, и то перетаща тендер на отмель».

На рапорте по этому поводу вице-адмирала Авинова от 12 мая 1848 г. адмирал М. П. Лазарев написал резолюцию: «Предоставить распорядиться к поднятию тендера «Струя» контр-адмиралу Нахимову, сменившему контр-адмирала Колтовского, и принять те меры, какие по соображению на месте окажутся более действительными» (там же, л. 335).

Публикуемый рапорт Нахимова является донесением об исполнении приказания Лазарева.

№ 48

РАПОРТ П. С. НАХИМОВА М. П. ЛАЗАРЕВУ О ПРИСЫЛКЕ ПАРОХОДА ДЛЯ ПЕРЕВОДА ТЕНДЕРА «СТРУЯ» В СЕВАСТОПОЛЬ

6 августа 1848 г.,
фрегат «Коварна» на Новороссийском рейде

В дополнение рапорта моего № 208 [1] имею честь донести вашему высокопревосходительству, что тендер «Струя» хотя имеет значительные повреждения, но посредством парохода может быть приведен в Севастополь для исправления. За недостатком некоторого рангоута, почти всего такелажа, как стоячего, так и бегучего, и парусов, которые большею частью совершенно гнилы, вооружить его нельзя. А потому я осмеливаюсь покорнейше просить ваше высокопревосходительство приказать прислать пароход для отвода в Севастополь как тендера, так и флашхоутов, на которых все работы в Новороссийске окончены.

В сентябре месяце иногда свирепствуют в Новороссийске жестокие и продолжительные боры: чем скорее будет прислан пароход, тем безопаснее доставление тендера и флашхоутов в Севастополь.

Контр-адмирал *Нахимов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1848, д. 5729, л. 56. Подлинник.

№ 49

РАПОРТ М. П. ЛАЗАРЕВА А. С. МЕНШИКОВУ О ВЫПОЛНЕНИИ П. С. НАХИМОВЫМ ЗАДАНИЯ ПО ИСПРАВЛЕНИЮ В НОВОРОССИЙСКОЙ БУХТЕ МЕРТВЫХ ЯКОРЕЙ И ПОДНЯТИЮ ТЕНДЕРА «СТРУЯ»

17 августа 1848 г.

Командующий отрядом судов, крейсирующих у восточных берегов Черного моря, контр-адмирал Нахимов доносит, что поврежденные и потревоженные мертвые якоря, расположенные в Новороссийской бухте, исправлены и положены на прежние места, а затонувший тендер «Струя» 4-го числа сего августа поднят и поставлен к берегу для изготовления к отводу в Севастополь.

О чем вашей светлости имею честь донести, присовокупляя, что для привода означенного тендера, а также двух флашкоутов, отведенных в Новороссийск для переложения мертвых якорей, сделано распоряжение о немедленной посылке из Севастополя в Новороссийск парохода «Бессарабия».

Генерал-адъютант адмирал *Лазарев*

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1848, д. 6679, л. 33. Подлинник.

---

[1] См. документ № 47.

№ 50

ОТНОШЕНИЕ и. д. ДЕЖУРНОГО ГЕНЕРАЛА ГЛАВНОГО МОРСКОГО ШТАБА Л. Л. ГЕЙДЕНА М. П. ЛАЗАРЕВУ О ПРЕДСТАВЛЕНИИ ДОКЛАДА О СОСТОЯНИИ ПОДНЯТОГО ИЗ ВОДЫ ТЕНДЕРА «СТРУЯ»

13 сентября 1848 г.

По докладу его императорскому величеству отношения вашего высокопревосходительства от 14 августа № 76496 о распоряжениях, сделанных для поднятия тендера «Струя» из воды, государю императору благоугодно было изъявить желание знать, что оказалось по вытаске из воды означенного тендера.

Сообщая о сем вашему высокопревосходительству, Инспекторский департамент Морского министерства имеет честь покорнейше просить о последующем почтить уведомлением для доклада его императорскому величеству.

Исправляющий должность дежурного генерала

Главного морского штаба граф *Гейден*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1847, д. 3611, л. 381. Подлинник.

№ 51

РАПОРТ П. С. НАХИМОВА С. П. ХРУЩЕВУ О ХОДЕ РАБОТ ПО ПОДЪЕМУ ТЕНДЕРА «СТРУЯ»

12 октября 1848 г.

Прежде чем приступить к подъему тендера, он был осмотрен водолазами и оказалось, что бушприхт вдвинут внутрь, якоря вместе с верпами сброшены за борт и носовые орудия перевезены на корму, что доказывает, что приняты были меры к облегчению носовой части.

Цепи, на которых тендер стоял на мертвом якоре, найдены расклепанными сзади брашпиля. Вероятно, командир тендера, видя безнадежное состояние свое, хотел воспользоваться единственным средством, оставшимся ему для спасения команды, выброситься на берег, но глыбы льда, покрывавшие весь бак и можно сказать превратившие в одну сплошную массу брашпиль, цепь и всю носовую часть, не дозволили этого выполнить.

Вынувши рангоут, снявши артиллерию, выгрузивши балласт, ядра и прочие тяжести, тендер подняли.

Вся палуба его занесена была илом, которого много попало на кубрик и в каюты.

Изломанные топоры, интрепели и другое абордажное оружие, найденные в разных местах на верхней палубе тендера, говорят ясно об усилиях, употребленных для обрубливания льда.

Переборки, отделявшие кают-компанию, офицерские каюты и рундуки на кубрике, были сломаны. Флаги и багаж офицеров

и нижних чинов совершенно сгнили и были заражены таким запахом, что нашли необходимым выбросить их за борт.

Большая часть парусов оказались к употреблению вовсе не пригодными.

В разное время поднято по частям до 40 обезображенных трупов, которые с прежде поднятыми и выброшенными на берег составляют почти всю команду.

Для очищения сильно заразительного запаха на тендере ставили жаровни, виндзейли и внутри красили несколько раз известью.

Что же касается до повреждений тендера, то по вытаске его в мортонов элинг оказалось следующее: в кормовой части киль и дейдвуды на 15 футов сворочены на стороны; старн-пост отбит на 6 футов, фалшкиля во всю длину совсем нет, шпунтовые обшивочные доски с кормы совершенно помяты; с левой стороны обшивка от грузовой ватерлинии по средине на 16 поясов потерта и медной обшивки 14 поясов совсем нет.

О чем вашему превосходительству на повеление № 77104 имею честь донести.

Контр-адмирал *Нахимов*

ЦГВМА. ф. ШЧФ, 1847, д. 5611, лл. 385—388. Подлинник.

№ 52

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ МИЧМАНА МАКЕДОНСКОГО, ОЧЕВИДЦА ПОДНЯТИЯ ЗАТОНУВШЕГО ТЕНДЕРА «СТРУЯ» [1]

...Вытребованные из Севастополя водолазы для очистки нанесенного на тендер нашли, что ахтер-штевень был поврежден футах в 4 от киля, киль был отломан от ахтер-штевня футов на 25, фалшкиля не

[1] Воспоминания мичмана Македонского опубликованы в «Морском сборнике» 1848 г., № 11. В извлечениях они перепечатаны в «Летописи крушений и пожаров судов русского флота» со следующим вступлением: «1848 г. Тендер «Струя». Командир капитан-лейтенант П. А. Леонов 1-й. (Черн. м.) Стоял на бриделе и, вероятно, залитый и обледенелый, потонул. Поутру 14 января, когда мрак бывшей бури прочистился, на месте, где стоял этот несчастный тендер, виднелась только наклоненная вершина мачты, с ее салингом, как крест, нагнутый несколько на левую сторону, над влажною и холодною могилою пятидесяти двух человек, нисшедших в нее в одно мгновение в цвете лет и здоровья. Ужасная участь! Погибли все: командир капитан-лейтенант Павел Алексеевич Леонов, мичмана Обезьянов и Ковалевский, К. Ф. Ш., прапорщик Скорогев; нижних чинов 48 человек. Тендер впоследствии поднят. При этом также по предварительному его осмотру водолазами оказалось, что командиром были принимаемы все меры к отвращению бедствия: бушприт вдвинут, орудия перевезены на корму, якоря и верпы отданы, а цепи бриделя расклепаны — вероятно, с целию итти в берег, когда наступила минута гибели, носовая часть была покрыта сплошною массою льда; изломанные топоры, шпрепели и другое абордажное оружие свидетельствовали об усилиях освободиться от него.

Поднятие этого тендера — одна из искуснейших механических работ на море, делает великую честь контр-адмиралу П. С. Нахимову, под непосредственным руководством которого производилось оно».

было вовсе, и с левой стороны, на которой лежал тендер, отстало несколько обшивных досок. Такие значительные повреждения заставляли думать, что тендер не в состоянии будет держаться на воде с полным грузом, а как температура воды не позволяла в то время посылать водолазов в воду на продолжительное время, то выгрузка тендера отложена до более благоприятного времени...

Для поднятия тендера по предварительной выгрузке водолазами всех тяжестей груза и вооружения, такие отклепки цепей, были употреблены два килектора (суда, нарочно для поднятия больших и тяжелых предметов приспособленные, плоскодонные, с кранболами, брашпилями, чугунными роульсами и другими приспособлениями для поднятия значительных тяжестей), поставленные с носу и с кормы тендера, в расстоянии от оконечностей по 50 саженей, сделана из двух канатов в 14 дюймов брага (два каната, загнутые петлями, со сделанными на сгибах, по два, огонами, в расстоянии один от другого 10 футов, в которые взаимно продеты концы канатов, образующие таким образом общую петлю); огона были сделаны точно так, как перевязывают ванту около юнфера, но схвачены одним коренным бензелем. Образовавшаяся через соединение канатов петля была опущена на дно так, чтобы тендер был в середине ее; за концы канатов, взятых на роульсы килекторов, заложены гини, лопаря которых тянулись на шпилях. Взяты еще в предосторожность, чтобы брага затянулась не иначе, как на высоте грузовой ватерлинии, вертикальные оттяжки на барказы, поставленные впереди килекторов, на которых предварительно отложены расстояния грузовой ватерлинии от горизонта воды, а чтобы тендер по остроте его образования не вывернулся из браги, два одношхивных толстоходных блока были взяты за строп вымбовок, заложенных в люк брот-камеры тендера, и два такие же в нарочно прорубленный люк впереди бушпритного степса его; такое распоряжение сделано для того, чтобы тали не действовали в раздрай и не сближали между собой килекторов; другие две пары блоков были заложены за найтовы на кранболах; лопари в 9 дюймов подведены срединами под киль тендера, для чего носовая часть тендера была несколько приподнята брагой, а концы их, продетые сперва в блоки на кранболах килекторов, потом в те, которые у люков тянулись чрез шхивы этих кранбол, на носовых брашпилях килектора. В случае, если бы лопнула брага, предполагалось поставить килекторы с боков тендера и поднимать его на четырех гинях; для этого под киль подведены два стропа, чтобы, обхватывая подводную часть тендера, они доходили до грузовой ватерлинии. В эти стропы должны были заложиться гины. Работы выгрузки и приготовления продолжались более двух месяцев; в это время адмирал два раза прошел по всему протяжению Черноморской береговой линии для опроса о состоянии всех укреплений и управления команды.

Подъем начался в 4 часа пополудни 4 августа, и тендер стал подниматься совершенно прямо; через час показалась планшир и потом палуба тендера.,.

Обломки всех принадлежностей военного судна, покрытые илом и разбросанные по палубе, представляли грустную картину разрушения; изломанное абордажное оружие доказывает, с каким усилием команда

обрубала лед, покрывавший тендер, на котором, может быть, только одна надежда на спасение команды не замерзала до последней минуты. Более поднимать тендер не было надобности; действие браг прекращено, а стали забивать порты, клюзы, шпигаты и гельмпорт, а когда это было исполнено, помпами и ведрами отливали воду в продолжение ночи, и к утру 5-го числа в тендере оставалось воды 20 дюймов; прибыль воды была 10 дюймов в час. Из кубрика вытащены были последние три тела и все вещи, из которых сохранились от гнилости только металлические и некоторые тросы; особенно замечательна 15-секундовая стклянка прежнего устройства, в которой песок был сух и стклянка оказалась совершенно верною; между тем как стклянки с пробкою в днах были наполнены водою. Для скорейшей осушки внутренности тендера были выломаны все уцелевшие переборки, поставлены жаровни и борт выкрашен известью. 5-го числа снята брага и тендер поставлен на якоря, на которых стоял всю ночь, несмотря на крепкий NO ветер.

По освидетельствовании тендера найдено затруднительным отправить его под собственным вооружением по случаю гнилости парусов и недостатка в рангоуте, почему положено отправить его на буксире, и 17 августа присланный за килекторами пароход «Бессарабия» взял и его для отвода в Севастополь, где он, конечно, вытащен на мортонов эллинг и исправлен.

Соколов. А. П. Летопись крушений и пожаров судов русского флота от начала его по 1854 г. (1713—1853)». Спб., 1855.

№ 53

ИЗ ОТЧЕТА УПРАВЛЯЮЩЕГО МОРСКИМ МИНИСТЕРСТВОМ ВЕЛ. КН. КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА НИКОЛАЮ I О «ПРИГОТОВЛЕНИИ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА К ВОЕННЫМ ДЕЙСТВИЯМ»

1853 г

С наступлением весны прошедшего года весь Черноморский флот был приготовлен к начатию военных действий. Усиленная деятельность в портах и примерный порядок, в котором находилась портовая часть еще со времени управления Черноморским флотом покойного адмирала Лазарева, дали возможность вооружить на Черном море сильный и отлично снабженный флот. Слабейшая даже часть Черноморского флота, пароходная, была достаточно сильна для противодействия турецкому паровому флоту, успехи которого под руководством английских морских офицеров были значительны и озабочивали Черноморское управление, которое при недостатке местных механических заведений заказывало и строило паровые военные суда в Англии, по мере щедрых способов, предназначаемых вашим величеством на этот важный предмет.

К началу мая, когда генерал-адъютант князь Меншиков возвратился в Черноморские порты, обе дивизии в числе 12 кораблей, 6 фрегатов и мелких судов были совершенно готовы к походу, имея провизии на 4 месяца, а запасов на 6. Сверх того, у Восточного берега Чер-

ного моря находился обыкновенный крейсирующий отряд, и Дунайская флотилия была приведена в совершенную исправность и готовность к действию. В Николаеве вооружались спущенные со стапеля корабли: 120-пушечный «Вел. кн. Константин» и 84-пушечный «Императрица Мария», последний в конце июня, а первый в начале июля прибыли в Севастополь и вступили в ряды судов, коим чрез несколько месяцев предопределено было покрыть новою славою русское оружие,

В половине мая начальник Главного морского штаба признал полезным учредить для извещения о турецких и иностранных военных судах, на случай выхода их из Босфора в Черное море, крейсерство из 2 фрегатов и 3 мелких судов. Крейсеры расположены были у входа в Босфор и по направлению к Варне и мысу Керемпе на Анатолийском берегу. Командиры судов снабжены были подробными инструкциями для обеспечения немедленного извещения практической эскадры Севастопольского и Одесского портов о появлении турецких или иностранных эскадр.

Первая практическая эскадра под начальством вице-адмирала Нахимова из кораблей «Двенадцать апостолов», «Гавриил», «Ягудиил», «Святослав», «Варна», «Селафаил» и фрегата «Флора» была осмотрена генерал-адъютантом князем Меншиковым в половине мая и вскоре после того по приказанию его осмотрена вновь начальником штаба Черноморского флота и портов[1] у входа в Севастопольский залив и найдена ими во всех отношениях в совершенно удовлетворительном состоянии. Вторая практическая эскадра под начальством вице-адмирала Юрьева, состоявшая из кораблей «Три святителя» (незадолго вышедшего из дока), «Париж», «Храбрый», «Чесма», «Уриил», «Ростислав», фрегатов «Сизополь», «Кагул» и корвета «Пилад», вышла на Севастопольский рейд в начале июня. Обе эскадры производили ежедневные ученья, обе одинаково старались достигнуть совершенства в быстроте и меткости выстрелов и в точности исполнения движений. Транспорты между тем производили опыты нагрузки и выгрузки лошадей; одним словом все готовились к делу.

4 июня последовало высочайшее вашего императорского величества повеление все морские команды, остающиеся в Севастополе, какого бы рода они ни были, приучать к действию из орудий[2], для чего назначены были батареи и укрепления, находящиеся на южном берегу Севастопольского залива, как более для того удобные по месту квартирования этих войск. Укрепления Северной стороны залива тем же повелением предоставлены были для обучения команд сухопутного ведомства. По прошествии двух месяцев старанием и опытностью начальства морской артиллерии в Севастополе портовые команды приобрели такой навык в этом для них совершенно новом деле, что отличный результат ученья с пальбою в цель, представленный князем Меншиковым, удостоился одобрения вашего императорского величества.

В половине июня получены были известия о появлении в Черном море нескольких больших турецких пароходов, почему вместо нахо-

[1] Вице-адмиралом В. А. Корниловым.

[2] Мера эта распространена и на все портовые команды Балтийского ведомства. (Примечание документа.)

лившихся в крейсерстве близ Босфорского пролива мелких судов посланы фрегаты, более способные бороться с турецкими пароходами. Фрегаты заняли первую линию крейсеров, а мелкие суда составили промежуточную и известительную цепь.

29 июня первая практическая эскадра под командою вице-адмирала Нахимова по окончании своего плавания вошла на Севастопольский рейд и сменена второю эскадрою под начальством командующего 4-й флотскою дивизиею контр-адмирала Новосильского.

Таким образом в продолжение июля месяца эскадры Черноморского флота занимались практически всеми для военного дела приготовлениями и тем упрочивали успех своих действий в случае встречи с неприятельскими силами...

ЦГВМА, ф. АМ, карт. 17, 1853, д. 363. Копия.

№ 54

ИЗ СПИСКА АТТЕСТАЦИЙ ГЕНЕРАЛИТЕТА, ШТАБ- И ОБЕР-ОФИЦЕРОВ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА, СОСТАВЛЕННОГО В. А. КОРНИЛОВЫМ [1]

1 февраля 1853 г.

Вице-адмирал Нахимов. Отличный военно-морской офицер и отлично знает детали отделки и снабжения судов: может командовать отдельною эскадрою в военное время.

ЦГАДА, рукописное собрание библиотеки Зимнего дворца, № 2160, л. 3. Отпуск.

№ 55

ОТНОШЕНИЕ В. А. КОРНИЛОВА П. С. НАХИМОВУ О МЕРАХ ДЛЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПЕРЕВОЗКИ ВОЙСК ИЗ КРЫМА НА КАВКАЗ

15 сентября 1853 г.

По воле его светлости г. начальника Главного морского штаба имею честь сообщить Вашему превосходительству на распоряжение следующее:

1) Сего числа (15 сентября) утром прибудет артиллерия и вслед за нею подъемные лошади, следовательно, в этот день можно погрузить артиллерию, всякого рода тяжести и продовольствие и даже, если признается удобным, некоторых лошадей [2].

---

[1] Список был составлен В. А. Корниловым для представления Управляющему морским министерством в. кн. Константину Николаевичу, о чем свидетельствует черновой набросок препроводительной записки, хранящийся вместе с отпуском публикуемого списка.

[2] Ввиду назревавшей войны с Турцией в целях охраны русской закавказской границы было решено перебросить из Севастополя на восточный берег Черного моря 13-ю пехотную дивизию. Переброска была завершена в течение одной недели (с 17 по 24 сентября 1853 г.). Всего перевезено на восточный берег Черного моря войск — 16 тысяч с двумя батареями, 827 лошадей и двадцатидневный запас продовольствия. Десант был высажен в Сухум-Кале и Анакрии.

Флотом, высадившим десант, командовал П. С. Нахимов.

2) Завтрашнего числа (16 сентября) — всех остальных лошадей и людей и приготовиться судам к походу.

3) Послезавтра (17 числа) флоту сняться из Севастополя; по выходе в море каждому пароходу, кроме пароходов «Грозный» и «Аргонавт», взять назначенные им по прилагаемому расписанию транспорты на буксир и всем, следуя пароходам «Владимир» и «Бессарабия», направиться в Сухум-Кале.

4) По приходе в Сухум-Кале парохода «Владимир», куда, вероятно, он прибудет из первых, я совместно с контр-адмиралом Вульфом сделаю распоряжение, чтобы пароходы и транспорты были выгружаемы в самое короткое время, и выйду с несколькими пароходами навстречу корабельному флоту в Бомборы, куда он имеет следовать, для пособия ему при высадке.

5) Фрегатам и транспортам «Березань» и «Рион» назначить место выгрузки Сухум-Кале; о дальнейшем направлении их, равно как и всех вообще пароходов и транспортов, озаботится контр-адмирал Вульф. Фрегат «Сизополь» должен сменить фрегат «Мидия». Фрегат «Кагул» присоединится к корабельной эскадре, а транспортам на буксире у своих пароходов (ибо и те, которые выйдут к Бомборам для содействия корабельному флоту, должны взять свои транспорты) надлежит спешить в Севастополь для принятия 2-го рейса лошадей и продовольствия.

6) В случае если кавказские транспорты прибудут по уходе флота, то обязать капитана над портом погрузить в них провиант и их отправить в Сухум-Кале; в случае же, что к транспортам подойдут ожидаемые пароходы кавказского ведомства, то пароходам сим поручить буксировать транспорты. Если же пароходы Кавказского корпуса опоздают и для сего назначения, то удержать их в Севастополе для 2-го рейса. О чем сообщаю г. командиру Севастопольского порта.

Генерал-адъютант *Корнилов*

ЦГВМА. ф. АМ. карт. 86. 1853. д. 19. л. 198. Заверенная копия.

№ 56

РАПОРТ В. А. КОРНИЛОВА ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ КАВКАЗСКИМ КОРПУСОМ И НАМЕСТНИКУ КАВКАЗА М. С. ВОРОНЦОВУ О ВЫХОДЕ В МОРЕ ФЛОТА, ПЕРЕВОЗИВШЕГО 13-ю ПЕХОТНУЮ ДИВИЗИЮ НА КАВКАЗ

19 сентября 1853 г.

Флот из 36 судов, поместив в полном составе 13-ю пехотную дивизию и 2 легкие батареи 13-й артиллерийской бригады с лошадьми и обозом, 17 сентября оставил Севастополь. При самом выходе флот разделился на две эскадры: одну составили корабли и фрегаты, имея только войска, обоз и артиллерию, а другую — пароходы и транспорты с лошадьми и продовольствием. Сии последние направились прямо в Сухум-Кале; большие пароходы повели большие транспорты на буксире.

Сего 19-го числа, находясь на пароходо-фрегате «Владимир», я прибыл в Сухум-Кале; надеюсь, что вскоре прибудут и другие пароходы, равно как и парусные суда, если продолжится северный ветер. В Сухум-Кале я нашел подполковника Кузьмина, командированного вашею светлостью вести 13-ю дивизию. Он мне объяснил, какое именно продовольствие и куда нужно, равно как и то, что привезут пароходы и транспорты, я завтра же снимусь с большими пароходами и пойду навстречу флота, который и постараюсь направить в Анакрию, буде погода поблагоприятствует; в противном же случае необходимо будет свезти в Сухуме, входя в него, за теснотою рейда частями.

Отправляя пароход в Редут-Кале, спешу довести до сведения вашей светлости о выходе и предстоящем прибытии флота на восточный берег; о подробностях же состава эскадр и войск и привезенных продовольственных припасах, имею честь приложить ведомость, докладывая притом, что изысканы средство и палаточный обоз, который решено было послать берегом, доставить в Сухум-Кале вторым рейсом транспортов и что насчет доставления остального количества овса, находящегося в Одессе, генерал-адъютант князь Меншиков отнесся к генералу Федорову и, сколько мне известно, овес этот должен быть уже в пути.

По произведении в Анакрии или Сухуме высадки не замедлю донести вашей светлости.

ЦГВМА, ф. АМ, карт. 86, 1853, д. 19, лл. 232, 233. Заверенная копия.

№ 57

ДОНЕСЕНИЕ В. А. КОРНИЛОВА А. С. МЕНШИКОВУ О ПЕРЕВОЗКЕ 13-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ НА КАВКАЗ

21 сентября 1853 г.,
пароход «Владимир» в море, под парусами

Сего числа в 8 часов утра оставил Сухум, выпроводив сего же утра транспорты «Березань», «Балаклава» и «Днестр» в Севастополь и пароходы «Бессарабия» и «Одесса» в Анакрию.

В Сухуме оставил генерала Обручева на пароходе «Молодец» для распоряжений по направлению выгруженных лошадей к месту высадки войск; контр-адмирала Вульфа — на пароходе «Грозный» для распоряжений по дебаркации лошадей с пароходов и транспортов; при контр-адмирале Вульфе Кавказского ведомства пароход «Боец», только что прибывший с казаками; он будет употреблен для буксирования идущих с моря транспортов и кавказского же ведомства парохода «Эльборус», — за неисправностью котлов, с тем, чтобы 22 числа к свету был также в Анакрии. Пароходы, следующие в Анакрию, взяли с собой привезенные в Сухум палатки и фуры по невозможности ничего с колесами переправлять через Кодор и при грузе 2 роты Виленского полка, попавшие в Сухум на пароходе «Грозный»

Эти роты должны будут в Анакрии беречь привезенное пароходами до прибытия войск.

Батальон Литовского полка, прибывший в Сухум на пароходе «Владимир», оставлен при высаженных лошадях с пароходов и транспортов и для конвоирования их в пути до Анакрии.

Лошадей на пароходах и транспортах доставлено 562 (артиллерийские все), остальные 262 — на парусных судах, которые, несмотря на попутный ветер, не прибыли. Лошади все выгружены благополучно, но в пути на некоторых транспортах, где трудно было доставить им достаточно воздуха, весьма ослабели; выгрузка производилась деятельно при помощи парсходных лодок, но я должен заметить, что местных пособий никаких не было, ибо казацких лодок нашлось всего две, а кроме выгрузки, требовался прием угля на пароходы.

В Сухуме из Кавказского ведомства встретили нас один только местный комендант и подполковник Кузьмин, откомандированный наместником Кавказа для сопровождения дивизии. На основании представления г. Кузьмина генерал Обручев обратился ко мне с прилагаемым к сему отношением, которое я и сообщил для руководства при дебаркации контр-адмирал Вульфу, приказав вместе с тем госпиталь и мясо до времени соединить на одном из черноморских транспортов, который и оставить до более определительных на этот счет распоряжений высшего кавказского начальства.

Перед выходом из Сухума прибыл начальник 3-го отделения генерал-майор Миронов из Редут-Кале и форта св. Николая; по его словам, все покойно на границе.

20 числа в 6 часов утра прибыл пароход «Еникале» и привез письмо вашей светлости. Я тотчас же сделал по оному распоряжение: на пароходе же «Еникале» послал адъютанта своего лейтенанта Железнова в Редут-Кале для следования в Тифлис с письмом вашим к кавказскому наместнику. Написал и от себя к его светлости князю Михаилу Семеновичу[1] (копия с этой записки прилагается). Передал генералам Обручеву и Ковалевскому известие о приготовлениях турок к Анатолии и те наставления, которые вам угодно было чтоб я им сообщил, и условился с контр-адмиралом Синицыным о содержании крейсеров на Восточном берегу с надлежащею действительностью и вместе с тем требуемою в настоящих обстоятельствах осторожностью.

Кроме записки моей к князю Воронцову, я писал письмо князю Барятинскому о затруднении, в какое поставлена будет дивизия, буде князь Бебутов или кто из главных начальствующих лиц в крае не поспешит к месту высадки. Лейтенант же Железнов может сообщить кавказскому наместнику все требующиеся об экспедиции сведения.

Настоящий мой план: ожидать в Анакрии появления флота, ибо итти с пароходами навстречу для буксирования кораблей может только один «Владимир», да и то с большою тратою угля и малым выигрышем; пароходы же «Бессарабия» и «Одесса», котлы коих устроены под английский уголь, должны беречь у них имеемый для возвратного пути, ибо по всей линии, кроме антрацита, нет других заготовлений; «Эльборус» не исправен котлами. Остается ожидать результата де-

[1] Воронцову, см. документ № 56.

баркации от погоды и сожалеть, что при таком блестящем флоте так мало сильных пароходов.

Для предупреждения адмирала Нахимова, что высадка должна производиться непременно в Анакрии, посланы по разным направлениям бриг «Птоломей» и тендер «Скорый». Прилагаю при сем сведение о движении судов на Сухумском рейде во время моего там пребывания и письмо известного вам Пецера, которое пришло ко мне нераспечатанным, следовательно, вы его не изволили читать.

Адмирала Серебрякова я не видал. Теперь открылся пароход от NW, направляющийся в Сухум, вероятно это он, но я не возвращаюсь; желательно воспользоваться хорошей погодой для выгрузки засветло в Анакрии и для встречи с пароходом «Дунай», который, по всем соображениям должен сегодня принять капитана 1-го ранга Краббе на его возвратном пути из Тифлиса, к тому (времени) адмирал Серебряков, вероятно, прибудет сам в Анакрию.

Генерал-адъютант *Корнилов*

ЦГВМА, ф. АМ, карт. 86, 1853, д. 19, лл. 239—241. Подлинник.

№ 58

РАПОРТ П. С. НАХИМОВА М. Б. БЕРХУ О ПРИБЫТИИ ЭСКАДРЫ С ДЕСАНТОМ В АНАКРИЮ

24 сентября 1853 г.,
корабль «Вел. кн. Константин», на рейде «Анакрия»

С вверенной мне эскадрой, состоящею из кораблей «Вел. кн. Константин», «Три святителя», «Двенадцать апостолов», «Париж», «Святослав», «Гавриил», «Императрица Мария», «Варна», «Ягудиил», «Храбрый», «Чесма», «Ростислав», фрегатов «Сизополь», «Кагул», корветов «Андромаха», «Калипсо», пароходов «Владимир», «Грозный», «Одесса», «Бессарабия», «Эльборус», «Молодец», паровой шхуны «Аргонавт», транспортов «Березань», «Днепр», «Балаклава», «Днестр», «Дунай», «Рион», «Гагра», «Прут», «Цемес», «Килия» и «Буг» по посадке воинских чинов 13-й пехотной дивизии, 1 и 2-й легкой артиллерийской батареи и по погрузке принадлежащих им тяжестей и лошадей 17-го числа с Севастопольского рейда снялся в море, а сего числа с кораблями «Вел. кн. Константин», «Три святителя», «Париж», «Святослав», «Гавриил», «Императрица Мария», «Варна», «Кагул», корветами «Андромаха», «Калипсо» и пароходами «Владимир», «Бессарабия», «Одесса», «Молодец» и «Эльборус» прибыл на рейд Анакрия, а остальные суда отправлены в Сухум-Кале для выгрузки там людей и тяжестей.

На эскадре караул его императорского величества и команды обстоят благополучно, больных сухопутного ведомства 7 и морского 4 человека.

Вице-адмирал *Нахимов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1853, д. 6370, л. 13. Подлинник.

6*

№ 59

РАПОРТ В. А. КОРНИЛОВА М. С. ВОРОНЦОВУ О ЗАВЕРШЕНИИ ОПЕРАЦИИ ПО ПЕРЕВОЗКЕ 13-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ

24 сентября 1853 г.

Сего числа войска 13-й пехотной дивизии и две легкие батареи 13-й артиллерийской бригады высажены в Анакрии по южную сторону речки Ингур благополучно. Больных во время следования флота было 5 человек, которые отправлены в Редут-Кальский госпиталь.

Кроме войск, при них выгружены артиллерия с полным комплектом зарядных ящиков, патронные ящики, разные фуры, полковые провиантские телеги, палатки и пр., что составляет обоз.

Затем одни только лошади по опасности и неудобству дебаркации на Анакрийском рейде и по разновременности прихода транспортов высаживаются в Сухуме, откуда все артиллерийские и главная часть подъемных уже выступили под прикрытием батальона Литовского егерского полка на соединение с войсками, а для остальных оставлено в Сухуме 6 рот Белостокского полка.

Запасные же провиант и продовольствие частью уже развезены, а остальное будет доставлено на пункты, подполковником Кузьминым указанные.

Донося о сем вашей светлости, имею честь доложить, что для направления 2-го рейса и для прочих распоряжений по дебаркации мною оставлен в Сухуме контр-адмирал Вульф, и что мясо соленое, соль и подвижной госпиталь, назначенные подполковником Кузьминым для отправления обратно в Севастополь, я приказал контр-адмиралу Вульфу[1] сложить на один из транспортов Черноморского флота и держать в Сухуме для утверждения таковых распоряжений г-на Кузьмина князем Барятинским или князем Бебутовым.

Генерал-адъютант *Корнилов*

ЦГВМА, ф. АМ, карт. 66, тетрадь 3, 1853, д. 23, л. 96.

№ 60

ДОНЕСЕНИЕ В. А. КОРНИЛОВА А. С. МЕНШИКОВУ О ЗАВЕРШЕНИИ ОПЕРАЦИИ ПО ПЕРЕВОЗКЕ 13-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ НА КАВКАЗ

24 сентября 1853 г.

22-го числа, по сдаче донесений моих к вашей светлости на пароход «Дунай», я отправился с пароходами «Бессарабия» и «Одесса» для отыскания флота, который и встретил на высоте Пицунды. Тихий ветр замедлил его ход. Тут же были взяты пароходами на буксир три корабля, помещавшие Виленский полк.

23-го утром корабли «Париж», «Чесма» и «Храбрый» были по-

[1] Командир 3-й бригады 5-й флотской дивизии.

ставлены против места высадки; пароходы, присоединив к себе пароход «Эльборус», немедленно отправились за другими кораблями флота, между тем как попутный ветер способствовал хорошим ходокам подойти к якорному месту помощью парусов.

К свету 24-го числа весь флот был на рейде, и благодаря тихой погоде и распорядительности вице-адмирала Нахимова и подчиненных ему командиров парусных и пароходных судов дебаркацию окончили к 4 часам пополудни, и теперь флот снимается, чтобы следовать в Севастополь.

В Анакрии высажены все четыре полка 13-й пехотной дивизии и две легкие батареи 13-й артиллерийской бригады; шесть же рот Белостокского полка по желанию генерала Обручева направлены в Сухум на том же корабле «Двенадцать апостолов», на коем роты эти шли из Севастополя. Больных в десантных войсках во время перехода было всего пять человек; их я отправил в Редут-Кальскую гошпиталь.

Кроме того, вся артиллерия с зарядными ящиками и обозом также выгружены в Анакрии и все по Южную сторону речки, дабы избежать переправы, так что в Сухуме выгружены только одни лошади.

6 рот Белостокского полка потребовались в Сухуме для конвоирования лошадей 2-го рейса; лошади же 1-го рейса по известиям из Сухума почти все выступили под прикрытием батальона Литовского егерьского полка на присоединение к войскам и, вероятно, дня через три прибудут в Анакрию, между тем как генерал Обручев тронется по назначению.

Запасный провиант и продовольствие выгружены в указанных пунктах, кроме сухарей, отправленных на транспорте «Цемес», но это не может сделать расстройства, ибо бо́льшая часть сухарей была на кораблях и уже находится на берегу в Анакрии; насчет остального провианта ожидается разрешение от главнокомандующего.

Затем донесение это отправляю с пароходом «Еникале», который следует в Севастополь для буксирования транспортов второго рейса; сам же зайду в Сухум для окончательных распоряжений по дебаркации второго рейса и взятия необходимого для перехода в Севастополь угля, ибо буксирование кораблей и стоянка на открытом Анакрийском рейде истощили имевшийся запас. Окончив же дело в Сухуме, направляюсь в Севастополь для представления вашей светлости более подробных объяснений об экспедиции.

В заключение обязываюсь присовокупить, что Анакрийский рейд можно считать самым опасным и неудобным из всех на Черном море существующих, ибо, кроме того, что он открыт самым страшным W ветрам восточного берега, имеет глубину с провалом. Пароход «Владимир» поплатился якорем, а корабли «Вел[икий] князь Константин» и «Ростислав» возились целую ночь с подъемом брошенного якоря, попавшего в 80-саженный обрыв. Настоящую счастливую выгрузку надо приписать необыкновенно благоприятной в это время года погоде.

Генерал-адъютант *Корнилов*

ЦГВМА, ф. АМ, карт. 66, 1853, д. 23, лл. 92—93. Заверенная копия.

СТРОЕВОЙ РАПОРТ О СОСТОЯНИИ ЭСКАДРЫ ПОД КОМАН

Наименование судов	Экипаж	Флагмана и командиры судов	Флотских: генералов	штаб-офицеров	обер-офицеров	унтер-офицеров	музыкантов	рядовых
1	2	3	4	5	6	7	8	9
120-пуш. корабль „Вел. кн. Константин“	41	Вице-адмирал Нахимов Капитан 2-го ранга Ергомышев	1	2	12	57	16	707
120-пуш. корабль „Три святителя“	32	Контр-адмирал Новосильский Капитан 1-го ранга Кутров	1	1	14	68	20	788
120-пуш. корабль „Двенадцать апостолов“	38	Контр-адмирал Панфилов Капитан 2-го ранга Винк	1	1	10	61	17	747
120-пуш. корабль „Париж“	35	Капитан 1-го ранга Истомин		2	10	64	16	787
84-пуш. корабль „Святослав“	37	Капитан 1-го ранга Леонтьев		1	9	46	18	597
84-пуш. корабль „Гавриил“	39	Капитан 1-го ранга Юрковский		1	8	50	17	583
84-пуш. корабль „Императрица Мария“	40	Капитан 1-го ранга Барановский		2	8	42	15	588
84-пуш. корабль „Варна“	28	Капитан 1-го ранга Алексеев		1	8	44	17	574
84-пуш. корабль „Ягудиил“	30	Капитан 1-го ранга Кислинский		1	8	41	17	570
84-пуш. корабль „Храбрый“	31	Капитан 1-го ранга Бартенев		2	11	43	19	595
84-пуш. корабль „Чесма“	33	Капитан 2-го ранга Микроков		1	11	44	18	608
84-пуш. корабль „Ростислав“	36	Капитан 1-го ранга Кузнецов		1	9	50	17	557
54-пуш. фрегат „Сизополь“	36	Капитан-лейтенант Бертье Делагард		1	7	21	7	354
44-пуш. фрегат „Кагул“	30	Капитан-лейтенант Спицын		1	7	16	5	272
18-пуш. корвет „Андромаха“	34	Капитан-лейтенант Стройников		1	7	12	2	155
18-пуш. корвет „Калипсо“	44	Капитан-лейтенант Керн		1	4	11	3	160
Пароходо-фрегат „Владимир“	38	Генерал-адъютант вице-адмирал Корнилов Капитан-лейтенант Бутаков	1	4	4	14	3	157

№ 61

ДОИ ВИЦЕ-АДМИРАЛА П. С. НАХИМОВА 24 сентября 1853 г.

Морской артиллерии: штаб-офицеров	обер-офицеров	кондукторов	Корпуса штурманов: обер-офицеров	кондукторов	Нестроевых разного звания	Итого	13-й пехотной дивизии: генералов	штаб-офицеров	обер-офицеров	унтер-офицеров	музыкантов	рядовых	Нестроевых разного звания	Итого	Какого флота
10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
	2	4	4		49	854		3	22	116	38	1228	30	1437	Белостокского
1	3	5	3	1	61	966	1	1	21	112	35	1175	24	1369	Брестского
	2	7	2		50	898		2	23	116	44	1246	35	1466	Белостокского
	2	6	3		46	936		2	18	116	44	1239	64	1483	Виленского
	2	5	1	2	44	725		1	12	81	30	792	19	935	Литовского
	2	5	2	1	44	713	1	2	16	80	27	809	43	984	Брестского
	1	4	2		36	698		1	14	74	28	802	20	939	Белостокского
	1	5	1	1	35	687		1	12	76	26	791	4	910	Брестского
	2	4	1	1	31	676		2	11	70	26	818	20	947	Литовского
	2	4	2	1	39	718		1	14	75	28	812	25	955	Виленского
	1	3	2	1	36	725		2	13	79	26	792	23	935	„
	1	5	2	1	38	681		1	13	72	27	809	21	943	Литовского
	1	3	2	1	21	418		1	4	16	5	96	24	146	1-й и 2-й легких артиллерийских батарей
	1	3	1	2	18	326		1	2	21	4	91	30	149	
		1		2	8	188		1	4	22	10	204	9	250	Брестского
		1	1	1	8	190			2	19	6	190	3	220	Брестского
	1	3	3	3	44	234		7	16	80	27	795	17	936	Литовского

Продолжение

Наименование судов	Экипаж	Флагмана и командиры судов	Флотских: генералов	штаб-офицеров	обер-офицеров	унтер-офицеров	музыкантов	рядовых	Морской артиллерии: штаб-офицеров	обер-офицеров	кондукторов	Корпуса штурманов: обер-офицеров	кондукторов	Нестроевых разного звания	Итого	13-й пехотной дивизии: генералов	штаб-офицеров	обер-офицеров	унтер-офицеров	музыкантов	рядовых	Нестроевых разного звания	Итого	Каких полков
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25
Пароход „Грозный“	42	Капитан-лейтенант Сотири		1	2	4	1	36			2	1	1	34	82		1	4	41	12	356	10	424	Виленского
Пароход „Одесса“	43	Капитан 2-го ранга Китаев		1	3	5		42			1	1	1	31	85		1	4	11	75	41	54	186	Белостокск
Пароходо-фрегат „Бессарабия“	41	Капитан-лейтенант Щеголев		1	3	7	3	90	1	2	1	1	1	33	142		2	3	3		20	68	96	Литовского и полк. штаба
Пароход „Эльборус“	34	Капитан-лейтенант Певцов		1	2	6	2	44			1	1		34	91	1		8	16		44	71	140	Виленского и полк. штаба
Пароход „Молодец“	34	Капитан-лейтенант Кульчицкий		1	3	1		23				1		22	51	2	1	7	2		41	5	58	Дивизион. и бриг. штабов
Паровая шхуна „Аргонавт“	28	Лейтенант Серебряков			3	2		23			1	1	1	15	15			1	1		21	4	27	2-й легкой артиллерийской батареи
Транспорт „Березань“	31	Капитан-лейтенант Чернышев		1	1	6		75				1	1	6	91				4		52		56	1-й легкой артиллерийской батареи
Транспорт „Днепр“	34	Капитан-лейтенант Гриневский		1	1	7		60				1	1	5	76			1			4	11	16	Прислуга за лошадьми
Транспорт „Дунай“	41	Капитан-лейтенант Радзимовский		1	1	6		61			1	1	1	4	76			3	11		108		122	
Транспорт „Балаклава“	44	Капитан-лейтенант Степанов		1	1	5		62			1	1	1	4	76			1	5		18	42	66	
Транспорт „Днестр“	40	Капитан-лейтенант Подушкин		1		1		66			1	1	1	3	80			1	2		40	62	105	
Транспорт „Рион“	29	Капитан-лейтенант Творогов		1	1	7		58				1	1	6	75			1			21	7	29	2-й легкой артиллерийской батареи
Транспорт „Гагры“	34	Капитан-лейтенант Викорст		1	1	4		65			„	1	1	6	79									Овес
Транспорт „Прут“	30	Капитан-лейтенант Наумовский		1	1	4		40			1	1		6	54				1		9	8	18	Прислуга за лошадьми
Транспорт „Цемес“	29	Капитан-лейтенант Леонов		1	1	4		31			1	1		3	42									
Транспорт „Килия“	28	Капитан-лейтенант Пыхачев		1	1	4		39			1	1	1	5	53						43	3	46	
Транспорт „Буг“	43	Лейтенант Щеглов			2	2		32					1	5	42									Овес
Итого: Кораблей 12, Фрегатов 2, Корветов 2, Пароходов 7, Транспортов 11		34	Всего	4	36	174	765	233	9645	1	25	82	49	29	830	11873	5	28	251	1328	518	13507	756	16393	

Вице-адмирал *Нахимов*

ЦГВМА, Ф. ШЧФ, 1835, д. 6370, лл. 14—16. Подлинник

№ 62

ДОНЕСЕНИЕ А. С. МЕНШИКОВА НИКОЛАЮ I О РОЛИ В. А. КОРНИЛОВА И П. С. НАХИМОВА В ПЕРЕВОЗКЕ 13-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ

3 октября 1853 г., г. Николаев

Вашему императорскому величеству благоугодно было в милостях своих приказать изъявить мне монаршую признательность за скорое отправление 13-й пехотной дивизии морем к Закавказским берегам.

Повергая к стопам вашего величества чувства всеподданнической и глубокой благодарности моей, исполню и требование справедливости указанием на ближайшего виновника не только в распоряжениях по сей амбаркации, но и в самом достижении цели благополучной, быстрой и беззадержной высадки войск в труднейшей местности — генерал-адъютанта Корнилова, которому подлежит вся честь довершенного дела.

Поставляю долгом обратить на его труды внимание вашего императорского величества и упомянуть также о примерной и настойчивой исполнительности командовавшего флотом в сей экспедиции вице-адмирала Нахимова.

Князь *Меншиков*

ЦГВМА, ф. АМ, карт. 66, 1853, д. 23, тетрадь 3, л. 106. Заверенная копия.

№ 63

РАПОРТ П. С. НАХИМОВА М. Б. БЕРХУ О ПРИБЫТИИ ЭСКАДРЫ ПОСЛЕ ПЕРЕВОЗКИ ДЕСАНТА В СЕВАСТОПОЛЬ

4 октября 1853 г.,
корабль «Вел. кн. Константин» на Севастопольском рейде

По высадке воинских чинов 13-й пехотной дивизии в Анакрии и по выгрузке принадлежащих им тяжестей и лошадей в Сухум-Кале, 24-го числа сентября месяца отправились с кораблями «Вел. кн. Константин», «Три святителя», «Двенадцать апостолов», «Париж», «Святослав», «Гавриил», «Императрица Мария», «Варна», «Ягудиил», «Храбрый», «Чесма», «Ростислав», фрегатом «Кагул» и корветом «Калипсо», а сего числа прибыл на Севастопольский рейд.

На эскадре караул его императорского величества и команды обстоят благополучно, больных 24 человека.

О чем вашему высокопревосходительству имею честь донести с представлением о всех чинах особого рапорта.

Вице-адмирал *Нахимов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1853, д. 6370, л. 81. Подлинник.

Смотр Черноморского флота в 1852 г. (*С картины худ. И. К. Айвазовского*)

№ 64

ИЗ ОТЧЕТА УПРАВЛЯЮЩЕГО МОРСКИМ МИНИСТЕРСТВОМ ВЕЛ. КН. КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА НИКОЛАЮ I О ПЕРЕВОЗКЕ 13-й ПЕХОТНОЙ ДИВИЗИИ НА КАВКАЗ

1853 г.

Ваше императорское величество по ходу дел на турецкой границе Закавказского края в конце августа изволили признать необходимым усилить значительно войска Отдельного кавказского корпуса, и вследствие того 29 августа последовало высочайшее повеление приступить немедленно к приготовлениям для перевозки в Сухум-Кале из Севастополя на судах Черноморского флота 13-й пехотной дивизии с ее артиллерией, со всеми их артиллерийскими и подъемными лошадьми, обозом, госпитальными вещами и другими принадлежностями, а в то же время перевезти из Одессы в Севастополь одну бригаду 14-й пехотной дивизии.

Высочайшее повеление перевезти войска 13-й дивизии с двумя легкими батареями 13-й артиллерийской бригады получено в Севастополе 13 сентября. Через четыре дня флот с войсками отправился в море.

Флот, назначенный для этого под начальством вице-адмирала Нахимова, состоял из следующих судов: 12 кораблей — 120-пушечных: «Двенадцать апостолов», «Вел. кн. Константин», «Париж», «Три святителя»; 84-пушечных: «Императрица Мария», «Храбрый», «Чесма», «Святослав», «Ростислав», «Ягудиил», «Варна» и «Гавриил»; 2 фрегатов — 54-пушечного «Сизополь» и 44-пушечного «Кагул»; 2 корветов — «Андромаха» и «Калипсо»; 7 пароходов — в 400 сил «Владимир», 260 сил «Одесса», «Эльборус», «Бессарабия», 120 сил «Грозный» и «Молодец», 44 сил «Аргонавт»; 11 транспортов — в 750 тонн «Березань», в 650 тонн «Днепр», «Балаклава», «Днестр», «Дунай» и «Рион», в 350 тонн «Гагра», «Прут» и «Килия», в 250 тонн «Буг» и «Цемес».

14-го числа был нагружен обоз на суда, а с вечера 15-го и утром 16-го посажены подходившие между тем войска, размещены артиллерия и лошади.

Корабли 84-пушечные «Селафаил» и «Уриил» и фрегаты «Флора» и «Кулевчи» назначены отправиться в Одессу за войсками, определенными к перевозу в Севастополь.

Все распоряжения по распределению войск, посадке их на суда и нагрузке тяжестей производились местным в Севастополе начальством. Избрание же места высадки и передача везенных войск начальнику Кавказского корпуса поручены генерал-адъютанту Корнилову.

С вечера 16-го установился свежий противный юго-западный ветер. Нетерпеливо с сомнением и надеждою ожидали наступающего утра.

С рассветом 17-го небо очистилось и ветер переменился в способный, северный, но было еще очень свежо. Первыми снялись и пошли в море транспорты, буксируемые пароходами, и отряд, со-

стоявший под начальством контр-адмирала Вульфа. За ним последовал и весь корабельный флот, назначенный к Кавказскому берегу и в Одессу.

Встреченные при выходе довольно сильною зыбью от SW и имея довольно свежий ветер, заставивший корабли взять по одному рифу у марселей, оба отряда Кавказской эскадры, пароходно-парусный и корабельный, следовали в некотором отдалении один от другого. Около полудня стало стихать, и к вечеру отряды совсем разлучились.

Местом высадки сначала предназначен был Сухум-Кале, удобнейший по некоторой его закрытости для стояния мелких судов, но не представляющий, однакоже, тех же выгод для судов большого ранга. Поэтому генерал-адъютант Корнилов по прибытии на пароходе «Владимир» в Сухум-Кале решился, произведя выгрузку всего привезенного на транспортах и пароходах, немедленно послать пароходы навстречу идущего парусного флота для вспомоществования ему к следованию в другое избранное место высадки, Анакрию, лежащую близ Редут-Кале.

Во время перехода 18 сентября был умеренный ветер, а ночью на 19-е и 19-го — тихий.

В час пополудни 19-го пароход «Владимир», имевший на буксире транспорт «Рион», бросил якорь на Сухумском рейде и тотчас приступил к выгрузке лошадей. В то же время стали подходить другие пароходы и транспорты, с которых также немедленно по прибытии стали свозить лошадей. Операция эта была окончена к утру 21-го. Высажено всего 562 лошади с находившимися при них людьми. Транспорты по мере выгрузки с них были отправляемы к Анакрии, где удобнее можно было свозить артиллерию, всякого рода повозки и остальные тяжести. Два мелкие судна (бриг «Птоломей» и тендер «Скорый») посланы заранее к Анакрии для избрания лучшего и безопаснейшего места выгрузки, а на другой день — 22 сентября—генерал-адъютант Корнилов с пароходами «Владимир», «Бессарабия» и «Одесса» отправился навстречу флота.

Корабельный флот, задержанный тихим ветром, был встречен вышедшими к нему пароходами на высоте Пицунды, и взятые ими на буксир три корабля приведены к месту высадки в Анакрии на следующее утро 23-го. Пароходы, к коим еще присоединился «Эльборус», немедленно возвратились к парусному флоту. Между тем попутный ветер способствовал также кораблям подойти к якорному месту под парусами, и на рассвете 24-го весь парусный флот был на рейде, а к четырем часам пополудни совершена вся высадка. Освободившийся от своего груза флот возвратился в Севастополь и там нашел прибывший уже отряд с частью войск из Одессы и отправлявшийся туда за остальными. Вся эта операция окончена 2 октября.

ЦГВМА. ф. АМ. карт. 17. 1853. д. 363. Копия.

Раздел четвертый

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ РУССКОГО ФЛОТА ПОД КОМАНДОВАНИЕМ П. С. НАХИМОВА В НАЧАЛЕ КРЫМСКОЙ ВОЙНЫ. УНИЧТОЖЕНИЕ ТУРЕЦКОГО ФЛОТА В СИНОПСКОМ СРАЖЕНИИ

№ 65

ПРИКАЗ П. С. НАХИМОВА О ПРИВЕДЕНИИ СУДОВ В БОЕВУЮ ГОТОВНОСТЬ

10 октября 1853 г.

В дополнение копии с предписания ко мне[1], объявленной мною командирам, я нахожу нужным предложить им по выходе в море зарядить все орудия ядрами за исключением нескольких в опер-деке для сигналов, при учениях орудия непременно заряжать, к ночи или даже днем в туманное время после учения непременно зарядить, разложить в ящики, развешенные по бортам между орудиями по два боевых картуза с порохом, за исключением лазаретов и около камбуза, и за ними артиллерийским офицерам иметь самый бдительный надзор, ударные трубки разложить по лядункам, сколько может понадобиться для дела, ружейные патроны иметь под рукой, так чтобы при тревоге легко было их раздать стрелковой и абордажной партиям, абордажное оружие иметь отпущенным и в совершенной готовности, иметь постоянно часовых на салингах и о всяком показавшемся судне немедленно извещать адмирала; при встрече с турецкими военными судами первый неприязненный выстрел должен быть на то судно или суда, которые на это отважатся, должны быть немедленно уничтожены.

В заключение я должен сказать, что, имея таковой отряд под командой, мне ничего более не остается желать, как скорейшего разрыва со стороны России с Турцией, и тогда я убежден, что каждый из нас исполнит свое дело.

Скрягин С. А. «Сборник приказов и инструкций адмиралов». Издание Военно-морского ученого отдела Главного морского штаба, Спб., 1898, стр. 106.

[1] Речь идет о распоряжении и. о. главного командира Черноморского флота и портов от 5 октября 1853 г., в котором эскадре П. С. Нахимова предлагалось выйти в крейсерство между Анатолией и Крымом с целью быть поближе к турецким берегам, на случай войны с Турцией (см. А. Жандр, Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии В. А. Корнилова, Спб., 1859 г., стр. 69).

№ 66

ПРИКАЗ П. С. НАХИМОВА ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ РОССИЕЙ ВОЙНЫ ТУРЦИИ

3 ноября 1853 г.

Не имея возможности за крепким ветром и при большом волнении два дня передать на суда вверенного мне отряда копии с манифеста об объявлении войны Турции, я передаю их теперь.

Предлагаю гг. командирам судов приказать священникам прочесть манифест при собрании офицеров и команды.

Имея известие, что турецкий флот вышел в море в намерении занять принадлежащий нам порт Сухум-Кале (за поисками которого отправлен из Севастополя с 6 кораблями генерал-адъютант Корнилов), намерение неприятеля не может иначе исполниться, как пройдя мимо нас или дав нам сражение. В первом случае я надеюсь на бдительный надзор гг. командиров и офицеров, во втором, с божиею помощью и уверенностью в своих командирах и офицерах и командах, я надеюсь с честью принять сражение и не допустить неприятеля исполнить свое дерзкое намерение. Не распространяясь в наставлениях, я выскажу свою мысль, что, по мнению моему, в морском деле близкое расстояние от неприятеля и взаимная помощь друг другу есть лучшая тактика.

Скрягин С. А. «Сборник приказов и инструкций адмиралов», стр. 106—107

№ 67

ПРИКАЗ П. С. НАХИМОВА О ГОТОВНОСТИ КОРАБЛЕЙ К БОЕВЫМ ДЕЙСТВИЯМ

1 3 ноября 1853 г.

Получив повеление начать военные действия против военных турецких судов, я считаю нужным предуведомить командиров судов вверенного мне отряда, что в случае встречи с неприятелем, превышающим нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверен, что каждый из нас сделает свое дело; но вместе с тем советую командирам при атаке неприятеля на близкой дистанции после первых прицельных выстрелов, когда неприятель и мы покроемся дымом, палить горизонтально, для чего необходимо иметь на пушечных клиньях градусы, посредством которых при крене корабля орудия можно поставить в это положение. А так как подобных градусов на клиньях я не замечал на многих судах, то и прошу командиров, у кого это не сделано в гавани, квадрантом сделать теперь под парусами следующим образом: в первый ровный брамсельный ветер без зыби, при общем учении у пушек, поставив прицелы на нуль, все орудия обоих бортов навести на видимый горизонт и заметить в то же время крен корабля, потом по подушке и клину провести мелом вертикальную черту, таким образом проведенная черта на подушке будет указателем, а на клине черта будет соответствовать числу

градусов крена корабля. На повороте на другой галс навести также все орудия (прицельную их линию) на горизонт и заметить крен, а потом имеющуюся на подушке черту указателя продолжать вверх по клину, этим обозначит другая черта на нуль, соответствующая градусу крена на другую сторону.

После этого нетрудно расчертить клин на градусы; положим, например, что крен корабля на один галс был $3\frac{1}{2}$ градуса, на другой $4\frac{1}{2}$, промежуток между чертами клина был в 11 дюймов, явно, что каждый градус клина равен будет $\left(\frac{11}{3\frac{1}{2}+4\frac{1}{2}}\right)$, или 1,42 дюйма; теперь если от черты $3\frac{1}{2}$ градусов по направлению к другой черте отложить величину полградуса, или 0,71 дюйма, то обозначается точка 3 градусов; а от ней, если отложить в ту же сторону равные части в 1,42 дюйма, то обозначится точка двух одного нуля, одного двух и пр. градусов до другой черты и далее и заметим; градусы готовы, следует только очертить их белой краской для употребления их в нужных случаях.

2

При сражении прошу командиров судов, введенных в дело, наипервее озаботиться иметь на грот-марсе или салинге офицера для наблюдения за движением судов. Он, находясь вне дыма, может видеть направление своих выстрелов и, если они по положению корабля при батальном огне идут мимо своего назначения, тотчас дает знать на шханцы и там изменяют курс или бьют дробь; офицер этот наблюдает адмиральские сигналы и сообщает их на шханцы.

Скрягин С. А. «Сборник приказов и инструкций адмиралов», стр. 107—108.

№ 68

РАПОРТ КОМАНДИРА СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ПОРТА ВИЦЕ-АДМИРАЛА М. Н. СТАНЮКОВИЧА М. Б. БЕРХУ О ЗАДЕРЖАНИИ П. С. НАХИМОВЫМ ТУРЕЦКОГО ПАРОХОДА

9 ноября 1853 г.

Командующий отрядом судов вице-адмирал Нахимов от 5 ноября доносит, что 4-го числа находящийся при отряде пароход «Бессарабия» был послан им для осмотра купеческих судов; подошедши к берегу, увидел идущий от Синопа купеческий турецкий пароход. «Бессарабия», чтобы скрыть себя, поставил все паруса и лиселями закрыл трубу. Турецкий пароход, не подозревая встречи с русским пароходом, продолжал итти вдоль берега, когда же «Бессарабия» открыл себя и погнался за ним, то он бросился к берегу. По второму выстрелу, сделанному с «Бессарабии» по пароходу, на нем спустили шлюпки, на которых съехали на берег командир, помощник его, турецкий подполковник и несколько солдат.

Посланный с парохода «Бессарабия» лейтенант Крюднер не мог узнать, для какой цели шел пароход, и послал двух турецких мат-

росов на берег за командиром, чтобы он явился для опроса, после которого будет отпущен, но по прошествии трех часов никто не явился и пароход был взят, который 7-го числа с лейтенантом Крюднером прибыл в Севастополь

О чем вашему высокопревосходительству имею честь донести

Вице-адмирал *Станюкович*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1853, д. 6369, л. 2. Подлинник.

№ 69

ДОНЕСЕНИЕ П. С. НАХИМОВА М. Н. СТАНЮКОВИЧУ О СВОЕМ ВЫХОДЕ К СИНОПУ

10 ноября 1853 г.
корабль «Императрица Мария»

Узнавши от опрошенных мною купеческих судов, что в Синопе на рейде стоят три неприятельских фрегата, два корвета и транспорт, я отправился туда 6 ноября для осмотра (и, если возможно, для истребления их), 7-го догнал трехмачтовое турецкое купеческое судно, нагруженное английским углем. По опросе его на нем не нашлось ни бумаг, ни накладных, по которым можно было узнать, кому принадлежит груз. Шхипер сказал, что везет уголь из Константинополя в Синоп немецкой компании. Имея при отряде только один пароход и крайнюю надобность в угле, я приказал командиру парохода «Бессарабия» взять судно к борту, нагрузиться и потом отпустить его, вместе с тем дать ему квитанцию в получении угля. Если показание шхипера справедливо и компания предъявила квитанцию, то я покорнейше прошу ваше превосходительство приказать заплатить за уголь по ценам, которые по отзыву шхипера гораздо ниже цен заготовляемого в Николаеве и Севастополе.

Не имея на всем отряде ни одного человека, который бы знал турецкий язык, и встречая беспрестанные затруднения при опросе судов, я имею честь покорнейше просить ходатайства вашего превосходительства о назначении переводчиков, если не на все суда вверенного мне отряда, то по крайней мере на половину судов.

ЦГВМА, ф. АМ, карт. 74, д. 255, 1853, лл. 131—132. Копия.

№ 70

ДОНЕСЕНИЕ П. С. НАХИМОВА М. Н. СТАНЮКОВИЧУ О РЕЗУЛЬТАТАХ ОСМОТРА СИНОПА И ПОВРЕЖДЕНИЯХ, ПОЛУЧЕННЫХ КОРАБЛЯМИ ЕГО ЭСКАДРЫ ВО ВРЕМЯ ШТОРМА

10 ноября 1853 г.

8-го числа сего месяца вечером, подойдя к Синопу, через перешеек видел 4 большие судна на якоре. На ночь заревел жестокий

шторм от W с огромным волнением. Корабль «Святослав» потерял фока-рею, «Храбрый» грота-рею; оба на другой день сигналом известили, что повреждения в море исправить не могут, фрегат «Коварна» известил, что у него грот-мачта гнила и вырвало лучший грот-марсель, другой же совершенно негоден, почему все три судна под командою старшего отправлены для исправления в Севастополь. На корабле «Ростислав» раскололо бушприхтный степс, но командир укрепил его по возможности, остался в море. Вообще на отряде от необыкновенной силы ветра много изорвало парусов. Теперь ветер стих, но наступил туман, так что в десяти милях и менее не видно берега. На время я останусь в крейсерстве у Синопа и, когда погода установится, осмотрюсь, не возможно ли будет уничтожить неприятельские суда, стоящие здесь. Фрегат «Кагул» оставлен мною на станции между мысом Керемпе и портом Амастро. Отряд мой у Синопа состоит из трех кораблей и брига, а потому я смею просить ваше превосходительство отправленные мною в Севастополь суда приказать немедленно исправить и прислать ко мне.

Донесение мое доставит вашему превосходительству пароход «Бессарабия», который, кроме разных повреждений в рангоуте и парусах, израсходовал весь уголь. Но как пароход при отряде крайне необходим, то я имею честь покорнейше просить, несмотря на карантин, немедленно приказать его нагрузить угольем и прислать ко мне. Если же встретится какое-либо в этом затруднение, то вместо его прислать другой пароход.

Вице-адмирал *Нахимов*

ЦГВМА, ф. АМ, карт. 74, 1853, д. 255, л. 137.
Подлинник.

№ 71

РАПОРТ В. А. КОРНИЛОВА М. Б. БЕРХУ О ПРИБЫТИИ ФРЕГАТА «ВЛАДИМИР» И ВЗЯТЫХ В ПЛЕН ТУРЕЦКИХ ПАРОХОДОВ «ПЕРВАЗ-БАХРИ» И «МЕДЖАРИ-ТЕДЖАРЕТ» НА СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ РЕЙД

11 ноября 1853 г.

7 ноября вместе с пароходом «Владимир» и взятым им турецко-египетским «Первaз-Бахри» взошел на Севастопольский рейд нагнавший нас у Херсонесского маяка транспортный пароход в 200 сил турецкого правительства «Меджари-Теджарет», захваченный у Анатольского берега пароходом «Бессарабия» и присланный вице-адмиралом Нахимовым как приз под временною командою лейтенанта Крюднера. Пароход этот сдался без выстрела и потому невредим. Князь Александр Сергеевич приказал обратить его в транспортный пароход для нужд Николаевского порта.

Я просил вице-адмирала Станюковича по выдержании призового парохода карантинного термина назначить на него команду из 4-го ластового экипажа и прислать под временным начальством лейтенанта барона Крюднера в Николаев; о распоряжении сем имею честь донести вашему высокопревосходительству, присовокупляя,

что другой турецкий пароход «Перваз-Бахри» по случаю жестокого ветра от NO не успел удалиться на отмель в Южную бухту, куда предполагалось его поставить, а с трудом удалось прислонить его в старом адмиралтействе, где и затонул так, что снаружи остался только кожух с одной стороны; впрочем порт принялся уже его подымать.

Генерал-адъютант *Корнилов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1853, д. 6389, л. 2. Подлинник.

№ 72

РАПОРТ П. С. НАХИМОВА М. Н. СТАНЮКОВИЧУ О БЛОКИРОВАНИИ ТУРЕЦКОГО ПОРТА СИНОП И НЕОБХОДИМОСТИ ПРИСЫЛКИ ПОДКРЕПЛЕНИЙ

11 ноября 1853 г.

Обозревши сего числа в самом близком расстоянии порт Синоп, я нашел там не два фрегата, корвет и транспорт, как доносил вашему превосходительству[1], а 7 фрегатов, 2 корвета, 1 шлюп и 2 большие парохода, стоящие на рейде под прикрытием береговых батарей.

Предполагая, что есть какая-нибудь цель у неприятеля, чтобы собрать такой отряд военных судов в Синопе, я положительно останусь здесь в крейсерстве и буду их блокировать до прибытия ко мне 2 кораблей, отправленных мною в Севастополь для исправления повреждений; тогда, несмотря на вновь устроенные батареи, кроме тех, которые показаны на карте Манганари, я не задумаюсь их атаковать. Убедительнейше прошу ваше превосходительство поспешить прислать 2 корабля моего отряда[2] и фрегат «Кулевчи», который, вместо 2 недель, как предполагали отправить его из Севастополя, стоит там более месяца. Если корабли «Святослав» и «Храбрый» прибыли, то их легко снабдить реями и парусами со старых кораблей, если же их нет или они имеют более значительные повреждения, то нельзя ли прислать один из новых 100-пушечных и корабль «Ягудиил». В настоящее время, в крейсерстве, пароходы необходимы и без них, как без рук; если есть в Севастополе свободные, то я имею честь покорнейше просить ваше превосходительство прислать ко мне в отряд по крайней мере два[3]. Последняя

---

[1] П. С. Нахимов, очевидно, имеет в виду свои донесения от 10 ноября 1853 г. (см. документы № 69, 70).

[2] Корабли «Святослав» и «Храбрый».

[3] По этому рапорту П. С. Нахимова главнокомандующий А. С. Меншиков приказал В. А. Корнилову отправить в Синоп необходимые пароходы. Пароходы «Одесса», «Крым» и «Херсонес» вышли из Севастополя 17 ноября 1853 г. и прибыли в Синоп к концу сражения.

Еще раньше, 11 ноября, узнав от капитана парохода «Бессарабия» о повреждении 2 кораблей и фрегата из эскадры П. С. Нахимова, А. С. Меншиков отправил к нему в помощь корабли «Париж», «Великий князь Константин», «Три святителя», «Варна» и «Гавриил» под начальством контр-адмирала Новосильского. Два последних корабля на другой день возвратились из-за повреждений в Севастополь, а три первых и присоединившийся к ним по пути фрегат «Кагул» рано утром 16 ноября соединились перед Синопом с эскадрой П. С. Нахимова.

новость, от опрошенного греческого судна, которое вышло из Константинополя четыре дня назад: английский, французский и турецкий флоты стоят в Босфоре; для снабжения провизиею французского флота как в Константинополе, так и в Черном море делается подряд.

Салом Л. Адмирал Павел Степанович Нахимов. «Морской сборник», 1902, № 5, стр. 36—37.

№ 73

РАПОРТ М. Б. БЕРХА УПРАВЛЯЮЩЕМУ МОРСКИМ МИНИСТЕРСТВОМ ВЕЛ. КН. КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ О ЗАДЕРЖАНИИ ТУРЕЦКОГО ПАРОХОДА «МЕДЖАРИ-ТЕДЖАРЕТ» И ПРИБЫТИИ ЕГО В СЕВАСТОПОЛЬ

13 ноября 1853 г.

Командующий эскадрою судов, крейсирующих между Анатолиею и Крымом, вице-адмирал Нахимов доносит, что для осмотра по Анатолийскому берегу купеческих судов им был послан находящийся при эскадре пароходо-фрегат «Бессарабия». Пароход этот во время крейсерства вдоль берега 4-го сего ноября увидел идущий из Синопа купеческий турецкий пароход, то «Бессарабия», чтобы скрыть себя, поставил все паруса и лиселями закрыл трубу. Турецкий пароход, не подозревая встречи с нашим, продолжал итти вдоль берега; когда же «Бессарабия» открыл себя и погнался за тем пароходом, тогда он бросился к берегу, по второму же выстрелу, сделанному с «Бессарабии», с турецкого парохода спустили шлюпки и съехали на берег командир, помощник его, турецкий подполковник и несколько солдат. Посланный с парохода «Бессарабия» лейтенант Крюднер не мог узнать от турок, для какой цели шел пароход, и послал на берег двух турецких матросов за командиром, чтобы он явился для опроса, после которого будет отпущен, но по прошествии трех часов никто не явился, и пароход был взят, который 7-го числа под командою лейтенанта Крюднера прибыл в Севастополь.

О чем вашему императорскому высочеству имею честь донести, докладывая, что пароход этот, по приводе в Севастополь, оказался транспортный, в 200 сил, принадлежавший турецкому правительству, имя его «Меджари-Теджарет», и как он сдался совершенно без выстрела и ничем невредим, то я покорнейше прошу ваше императорское высочество не оставить разрешением о принятии его в число портовых пароходов, а равно о наименовании его и приписании к 4-му ластовому экипажу, к сему присовокупляю, что пароходу этому по выдержании карантина распоряжено прибыть в Николаев для употребления по надобностям здешнего порта.

Адмирал *Берх*

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1-е отделение, 2-й стол, 1853, д. 383, лл. 1—2. Подлинник

№ 74

ИЗ ЗАПИСОК МИЧМАНА ПАЛЕОЛОГА О КРЕЙСЕРСТВЕ ЭСКАДРЫ П. С. НАХИМОВА В ЧЕРНОМ МОРЕ

Октябрь—ноябрь 1853 г.

11-го числа, чуть свет, при легком NNO, эскадра наша, тихо, торжественно снялась с Севастопольского рейда. Жители Севастополя толпились на всех возвышениях, чтоб напутствовать нас желанием славы и сказать «прости», которое, может быть, для некоторых из нас будет последним... Мы же мысленно обещали порадовать их возвращением с триумфом победы. 12-го числа ветер засвежел и заставил взять три рифа. В ночь встретили фрегат «Коварна», которому приказано было держаться соединенно. На другой день фрегат сделал телеграф «У меня ничего нет». Адмирал в ответ на это поднял вымпелы фрегата и брига «Эней» и сигнал «Итти в Севастополь, предупреждаю быть осторожным — близко к разрыву».

13-го числа в полдень были от ближайшего берега — устья р. Капу-Суи — в 28 милях. 14-го числа, в прекрасное утро, при маловетрии, которое вскоре превратилось в штиль, мы могли простыми глазами видеть берега с селениями на них. Анатолийские берега напоминают берег Кавказа, даже население их состоит из таких же бродяг. В 12-м часу фрегат «Кагул», бывший на ветре, уведомил адмирала, что видит пароход на R NNO; через несколько минут и мы заметили трехмачтовый батарейный пароход под турецким флагом. Подойдя к эскадре на расстояние мили, пароход остановился, осмотрел своих гостей и поспешно отправился во-свояси, завидев на горизонте дым шедшего к нам парохода «Бессарабия».

20 октября в 10 часов утра пришел к эскадре пароход «Одесса» со свежею провизией и известием о деле под Исакчею [1].

25 октября после нескольких бурных дней установилась хорошая погода. В 8 часов утра эскадра находилась в 11 милях от мыса Керемпе к NO; к полудню мы подошли почти к самому берегу и потом по сигналу стали спускаться на WSW. Через несколько времени заметили под самым берегом пароходный дым, медленно приближавшийся к эскадре. Видно было, что пароход был турецкий: он буксировал другое судно и хотел проскочить мимо эскадры, не поднимая флага. Душевно жалели мы, что не имеем разрешения обменяться с ними выстрелами... Но и Павел Степанович не мог хладнокровно смотреть на дерзкое намерение турецкого парохода и сделал сигнал пароходу «Бессарабия», имевшему пары готовыми, и фрегату «Кагул»: «Опросить идущий пароход и заставить его поднять национальный флаг». Суда, к которым относился этот сигнал, тотчас привели приказание к исполнению и пошли на пересечку курса турецкому пароходу. Турок отдал буксир, и судно, поставив кливер, бросилось к берегу и в балке Фоказ, у кордона, ста-

[1] Речь идет о столкновении Дунайской флотилии с гарнизоном турецкой крепости Исакчи 11 ноября 1853 г., в результате которого туркам было нанесено серьезное поражение (см. «Морской сборник», 1853 г., № 10).

ло на мель. Пароход же продолжал бежать, проскочив фрегат, который послал ему в след ядро. Но «Бессарабия» ожидала беглеца на пути, сделала два холостых выстрела и вслед за сим из кормовой бомбической пушки пять ядер, которые вынудили упрямца поднять флаг. Тогда «Бессарабия» поворотила к флоту.

Будь это днем позже, и турок дорого бы поплатился за свою дерзость. На другой день подошел к нам корвет «Калипсо» с депешами от князя Меншикова, который извещал адмирала, что турки, переправясь через Дунай, заняли Калафат. Следовательно, войну должно считать начавшеюся. Поэтому предоставляется брать и разрушать турецкие военные суда, где бы их ни встретили. Относительно же купеческих судов — ожидать особого разрешения.

Несколько дней тихой и ясной погоды опять сменились бурливыми: 28-го задул восточный ветер, который в это время года на Черном море бывает очень крепок. Надо сказать, что эскадра во все время плавания весьма редко отдавала второй риф. Пароход с особенным искусством держался под парусами наравне с эскадрой, имея, впрочем, на всякий случай, пары готовыми. 29-го числа пароход отправился за углем в Севастополь, где стояли уже готовыми боты с углем, водой и провизией.

1 ноября в 1-м часу корабль «Чесма» донес адмиралу, что видит от NNO пароход и парусное судно, но не знает какие. Спустившись на показанный румб, отряд в скором времени открыл пароход «Бессарабия» и фрегат «Коварна». Сильная погода не дозволила иметь сообщение с пришедшими судами, но пароход подошел под корму адмиральского корабля «Императрица Мария» для переговоров, после чего адмирал тотчас сделал телеграф «Война объявлена; турецкий флот вышел в море; отслужить молебствие и поздравить команду».

Команда брига была собрана на шканцы. «Адмирал поздравляет вас с войной», произнес капитан. Команда отвечала единогласным «ура!» Несколько дней ветер не стихал. Корабли славно выдерживали непогоду, сохраняя свои места.

2 ноября при рифмарсельском ветре WSW суда имели четыре рифа и держали в берег. Фрегат «Коварна» сделал сигнал, что видит пароход на R NW, почему адмирал приказал «Бессарабии гнаться за неприятелем. Через полчаса пароход наш возвратился из погони по сигналу адмирала, ибо неприятельский пароход стал скрываться, а время приходило к ночи. На другой день ветер стих и к полудню совершенно заштилел, что дало нам возможность иметь сообщение между собою. Павел Степанович потребовал мичманов для приказаний, которые были следующего содержания: «Не имея возможности за крепким ветром и большим волнением два дня передать на суда вверенного мне отряда копии с манифеста объявления войны Турциею, я передаю их теперь и предлагаю гг. командирам приказать священникам прочесть их при собрании всей команды. Имею известие, что турецкий флот вышел в море с намерением занять принадлежащий нам порт Сухум-Кале и что для отыскания неприятельского флота отправлен из Севастополя с 6 кораблями генерал-адъютант Корнилов. Неприятель не иначе

может исполнить свое намерение, как пройдя мимо нас или дав нам сражение. В первом случае, я надеюсь на бдительный надзор гг. командиров и офицеров; во втором, с божиею помощию и уверенностью в своих офицерах и командах, я надеюсь с честью принять сражение. Не распространяясь в наставлениях, я выскажу свою мысль, что в морском деле близкое расстояние от неприятеля и взаимная помощь друг другу есть лучшая тактика. Уведомляю гг. командиров, что в случае встречи с неприятелем, превышающим нас в силах, я атакую его, будучи совершенно уверен, что каждый из нас сделает свое дело».

Когда с фрегата была принята кем следует провизия, эскадра построилась в боевой строй и легла в берег; расстояние между судами — ½ кабельтова. 4-го числа у мыса Керемпе заметили несколько одномачтовых судов, которые по-турецки называются чектырмы. Адмирал сигналом потребовал под корму своего корабля пароход «Бессарабия» для переговоров, после чего пароход отделился от эскадры и подошел к берегу.

Офицеры брига сожалели, что адмирал не доставил «Язону» случая схватиться с турецкими судами, из которых многие уже подходили к траверсу. Но не успели мы поменяться этими мыслями, как уже развевался сигнал «бригу «Язон» опросить идущие суда. Мы тотчас же поворотили и легли одним курсом с ближайшей чектырмой, но по близости ее к берегу и береговом ветре, который с большею силою доходил до нее, мы не могли ее пересечь, хотя и прибегали к гребле. Погоня наша продолжалась с 2 до 7 часов; наконец, близкое расстояние от берега и наступавшая ночь заставили нас прекратить погоню. В это время «Бессарабия» была под самым берегом и мы слышали выстрелы. В 11 часов ночи подошли к эскадре и вступили в свое место, а через час возвратилась и «Бессарабия», ведя на буксире двухмачтовый турецкий пароход.

На другой день, т. е. 5 ноября, взятый пароход был уже нам полезен: в 11 часов фрегат «Коварна» донес, что слышит выстрелы на R W. Действительно, были слышны залпы и одиночная пальба с промежутками. Эти выстрелы встревожили нас: мы предполагали, что адмирал Корнилов встретил турецкий флот и имеет с ним дело, а мы по причине мертвого штиля не можем подойти к нему. Наконец, Павел Степанович приказал «Бессарабии» взять на буксир корабль «Императрица Мария», а призовому пароходу — другой корабль. Буксируясь таким образом по очереди, эскадра ушла вперед миль на семь к W. Выстрелы были слышны от 10 часов до часа. К вечеру задул ветерок, адмирал им воспользовался, сколько было возможно. В 10-м часу ночи мы увидели впереди огни. Адмирал сделал сигнал приготовиться к бою и вместе с тем сделал сигнал опознательный, на который и получил ответ. К нам подходил не неприятель, а эскадра вице-адмирала Корнилова, который, обойдя весь Румелийский берег и не встретив турецкого флота, желал навестить нас, для чего и пересел на пароход «Владимир». На пути к нашей эскадре «Владимир» заметил турецкий пароход, идущий к проливу, и пустился его преследовать. После трехчасового боя

противник, потеряв начальника, спустил флаг[1]. Вот выстрелы, которые нас так беспокоили.

Исправив повреждения взятого парохода до возможности продержать его несколько дней в море, «Владимир» взял свой трофей на буксир и повел к своему отряду, который встретил его громким «ура!» Пройдя все свои корабли, вице-адмирал Корнилов приказал пароходам отправиться в Севастополь, а сам с своею эскадрой пошел на соединение с нами...

После отправления генерал-адъютанта Корнилова в Севастополь отряд наш, под командою контр-адмирала Новосильского, пришел к Анатолийскому берегу и, переменившись некоторыми кораблями с вице-адмиралом Нахимовым, отправился в Севастополь, а Павел Степанович к Синопу, получив сведение от шхипера турецкого судна, что там стоят два турецкие фрегата и пароход. Мы с большим неудовольствием расстались с прежним своим отрядом, предчувствуя, что Павел Степанович даст ему случай пожать лавры славной победы...

Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя под ред. Дубровина». Вып. 1-й, стр. 154—159, а также «Морской сборник», 1854, № 3, стр. 255—272. Статья мичмана В. Палеолога 2-го «Плавание брига «Язон» в 1853 г.»

№ 75

ПРИКАЗ ВИЦЕ-АДМИРАЛА П. С. НАХИМОВА ПЕРЕД СИНОПСКИМ БОЕМ

№ 157 17 (29) ноября 1853 г.

Располагая при первом удобном случае атаковать неприятеля, стоящего в Синопе, в числе 7 фрегатов, 2 корветов, 1 шлюпа, 2 пароходов и 2 транспортов, я составил диспозицию для атаки их и прошу командиров стать по оной на якорь и иметь в виду следующее:

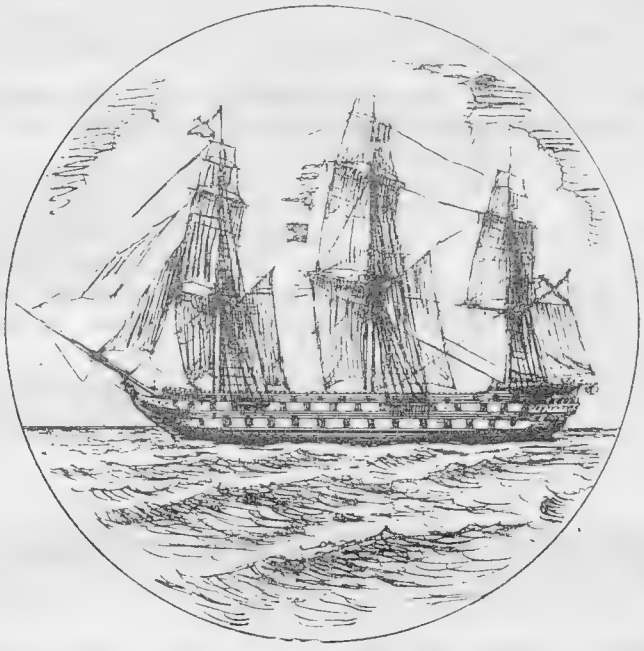
1) При входе на рейд бросать лоты, ибо может случиться, что неприятель перейдет на мелководье, и тогда на возможно близком от него расстоянии, но на глубине не менее 10 сажен.

2) Иметь шпринг на оба якоря; если при нападении на неприятеля будет ветер N, самый благоприятный, тогда вытравить цепи 60 сажен, иметь столько же и шпрингу, предварительно заложенного на битенге; идя на фордевинд при ветре O или ONO, во избежание бросания якоря с кормы, становиться также на шпринг, имея его до 30 сажен, и когда цепь, вытравленная до 60 сажен, дернет, то вытравит еще 10 сажен; в этом случае цепь ослабнет, а корабли будут стоять кормою на ветер на кабельтове; вообще со шпрингами быть крайне осмотрительными, ибо они часто остаются недействительными от малейшего невнимания и промедления времени.

[1] Это был военный турецко-египетский пароход «Первваз-Бахри», переименованный затем в «Корнилов».

3) Пред входом в Синопский залив, если позволит погода, для сбережения гребных судов на рострах я сделаю сигнал спустить их у борта на противолежащей стороне неприятеля, имея на одном из них на всякий случай кабельтов и верп.

4) При атаке иметь осторожность, не палить даром по тем из судов, кои спустят флаги; посылать же для овладения ими не иначе, как по сигналу адмирала, стараясь лучше употребить время для



Линейный корабль «Императрица Мария», на котором находился П. С. Нахимов во время Синопского сражения.

поражения противящихся судов или батарей, которые, без сомнения, не перестанут палить, если б с неприятельскими судами дело и было бы кончено.

5) Ныне же осмотреть заклепки у цепей на случай надобности расклепать их.

6) Открыть огонь по неприятелю по второму адмиральскому выстрелу, если пред тем со стороны неприятеля не будет никакого сопротивления нашему на них наступлению; в противном случае палить, как кому возможно, соображаясь с расстоянием до неприятельских судов.

7) Став на якорь и уладив шпринг, первые выстрелы должны быть прицельные; при этом хорошо заметить положение пушечного клина на подушке мелом для того, что после в дыму не будет видно неприятеля, а нужно поддерживать быстрый батальный огонь.

Само собою разумеется, что он должен быть направлен по тому же положению орудия, как и при первых выстрелах.

8) Атакуя неприятеля на якоре, хорошо иметь, как и под парусами, одного офицера на грот-марсе или салинге, для наблюдения при батальном огне за направлением своих выстрелов, а буде они не достигают своей цели, офицер сообщает о том на шканцы для направления шпринга.

9) Фрегатам «Кагул» и «Кулевчи» во время действия остаться под парусами для наблюдения за неприятельскими пароходами, которые, без сомнения, вступят под пары и будут вредить нашим судам по выбору своему.

10) Завязав дело с неприятельскими судами, стараться по возможности не вредить консульским домам, на которых будут подняты национальные их флаги.

В заключение я выскажу свою мысль, что все предварительные наставления при переменившихся обстоятельствах могут затруднить командира, знающего свое дело, и потому я предоставляю каждому совершенно независимо действовать по усмотрению своему, но непременно исполнить свой долг. Государь император и Россия ожидают славных подвигов от Черноморского флота; от нас зависит оправдать ожидания.

Впервые опубликовано в журн. «Морской сборник», 1853, № 12, стр. 137—139.

№ 76

ВЫПИСКА ИЗ ШХАНЕЧНОГО ЖУРНАЛА КОРАБЛЯ «ТРИ СВЯТИТЕЛЯ»

17 ноября 1853 г.

В 11 часов командир корабля капитан 1-го ранга Кутров воротился на корабль и объявил, что завтра вице-адмирал Нахимов с судами, с ним плавающими, намерен итти в Синоп для истребления стоящего там на якоре турецкого флота; распоряжения вице-адмирала Нахимова сообщены приказом следующего содержания [1]:

ЦГВМА, ф. Шханечные журналы, Черноморский флот, корабль «Три святителя», 1853, кн. III, лл. 20—21. Подлинник.

[1] См. документ № 75.

№ 77

ВЫПИСКА ИЗ ШХАНЕЧНОГО ЖУРНАЛА КОРАБЛЯ «ТРИ СВЯТИТЕЛЯ»

18—19 ноября 1853 г.

Часы	Узлы	Курсы	Ветры	Дрейф	В 18-й день ноября 1853 года, находясь у Анатольских берегов с эскадрою вице-адмирала Нахимова, с полуночи случаи
9	I ¼	SWtW	ONO	2 ½	Ветер бом-брамсельный, тихий, пасмурно, шел мелкий дождь, по берегу туман. В ¼ часа по сигналу легли в дрейф на левый галс
					В 20′ телеграфом велено спустить один барказ и полубарказ; спустивши с ростер барказ и полубарказ, положили в них верп с кабельтовами
10	¼ 2	D / SWtW	D	2 ½	В ½ часа по сигналу снялись с дрейфа. В 45′ сигналом велено приготовиться к бою
11	3 ½	N	D	„	В исходе часа телеграфом велено иметь шпрингу более приказа десятью саженями
12	3	D / NWtW	D	„	В начале часа фрегат „Кагул“ спрашивал у адмирала, держаться ли ему у адмирала, на что сигналом адмирал отвечал „да“. В 12 часов сигналом адмирал показал эскадре момент полдня. В 12 часов входили на Синопский рейд, где стояло 7 фрегатов, 2 корвета, 1 шлюп, 2 транспорта и 2 парохода турецких
1			OtZ		Ветер тихий, облачно. В ¼ часа передовые корабли на Синопском рейде стали на якорь. В 30′ корабль наш стал на якорь на глубине 12 сажен, грунт мягкий ил, в расстоянии от неприятельских судов около 180 сажен и вытянул шпринг в лац-порт. В сие время турецкие фрегаты и батареи открыли по нашим судам огонь, с наших всех судов открыли по них тоже огонь. В скорости стоящий на рейде турецкий батарейный пароход[1] под парами отправился в море, где встречен был фрегатами „Кагул“ и „Кулевчи“, держащимися под парусами, которые дали ему залп из орудий; из-за мыса показались пароходы „Одесса“, „Херсонес“ и „Крым“ и погнались за турецким пароходом. Вытянувши шпринг, сделали с левого борта по два залпа с каждой батареи по двум неприятельским фрегатам и батарее, но в 45′ перебили нам шпринг, и корабль некоторое время оставался без шпринга и действовал по неприятелю ретирадными орудиями и несколькими кормовыми из всех батарей. В 1 час был завезен на барказе новый шпринг, и, вытянувши, корабль принял прежнее положение и действовал по батарее и трем фрегатам

[1] 20-пушечный пароход „Таиф“ под командой состоявшего на турецкой службе капитана англичанина Слэда (Мушафер-паша).

Часы	Узлы	Курсы	Ветры	Дрейф	Того же ноября 18-го дня 1853 года с полудня случаи
2			D		На барказе, с самого его спуска на воду, находился 32-го флотского экипажа мичман Варнитский 2-й, который был контужен в руку и, на корабле сделав перевязку, отправился опять на барказ. Стоящий же у борта полубарказ был разбит и пошел ко дну; люди, находящиеся на оном, были пересажены на барказ. На полубарказе, который был 14-весельный, находился верп с железным штоком в 38 пудов 1 с одним кабельтовым в 8 дюймов и перлинем в 6 дюймов; весел ясеневых 16; крючьев отпорных со штоками 4; брезент на ростры 1; боченок окованный, в два ведра, 1; лейка деревянная 1; ведро окованное 1. Все сие с полубарказом перебитым пошло на дно. В 15′ увидели, что шлюп и транспорт потонули. В 2 часа увидели взрыв фрегата и заметили, что прочие суда, некоторые перерубивши канаты, отправились на мель
4			D		В ½ часа заметили, что неприятельские суда прекратили пальбу: некоторые из них были разбиты, потоплены, а некоторые горели. В ½ часа и у нас прекратили пальбу: одержали победу над турецкими судами и предавали их огню. В 4 часа пароходы „Одесса“, „Херсонес» и „Крым“ воротились к нам, не догнавши турецкого парохода
5			0		Ветер тихий, облачно. В продолжение сражения на корабле убито матроз—7, кантонист—1; раненых: мичман Варнитский, матроз—19 человек. Корабль получил пробоин в корпусе 48, из коих 4 в подводной части; в рангоуте до 100, в парусах до 500. Перебиты мачты, штаги и ванты. Сбито неприятельскими выстрелами бом-утлегарь, бом-кливер, утлегарь, фор-брам-стеньга, фор-бом-брамсель, фор-бом-брам-рей, лисель-спирг, грот-брам-стеньга; 12-весельный катер сбит с шлюп-балок и потонул со всеми принадлежностями. Приступлено к исправлению повреждений
6			D		
7			D		В 7 часов пароход „Херсонес“ буксиром поставил нас на глубину 21 сажен, вне батарейных выстрелов. Прочие корабли пароходы выводили дальше от берега
8			D		
9			ONO		Ветер тихий: облачно
10			D		
11			D		До 11 часов спущали побитый рангоут: брам-стеньги, стеньги, реи, убирали побитый бегучий такелаж; сплеснивали и клали стопора на стоячий такелаж, закладывали сей-тали в помощь штагам и вантам; поднимали шкалы на мачты и клали на них найтовы

Часы	Узлы	Курсы	Ветры	Дрейф	Того же ноября 18-го дня 1853 года с полудня случаи
12			D		В 12 часов пароход „Крым“ вывел турецкий фрегат на глубину, у которого лопнул канат, и он, другого якоря не имея, был навален на нас, завязши бизань-вантами за наш бушприт. Для отбуксирования его ночным сигналом уведомили адмирала, что имеем нужду в гребных судах, на что сигналом адмирал велел фрегату „Кагул“ послать барказ с взводами. Во все время горели неприятельские суда. Во время сражения сделано выстрелов из пушек 36-фунтовыми гранатами 50, брандскугелями 28, ядрами 639, дальной картечью 30, древгаглами 300; из единорогов 1-го пуда бомбами 8, брандскугелями 4, картечью в жестяных корпусах 15, ядрами 102, из пушек-каронад 36- и 24-фунтовых гранатами 43, брандскугелями 44, ядрами 568, картечью 20; из каронад 24-фунтовых ядрами 42, брандскугелями 12. Итого сделано всех выстрелов 1923, тысяча девятьсот двадцать три
1			ONO		Ветер средний; облачно, шел по временам дождь
2			D		
3			D		
4			D		В 4 часа турецкий фрегат, навалившийся на нас, был отведен от нас и пароходом отбуксирован к берегу на мель и запален
5			ONO		Ветер средний, облачно, по временам шел дождь
6			D		
7			D		
8			NO		
9			NO		Ветер средний, облачно. В 9 часов тела убитых 8 человек по совершении над ними погребения опущены в воду
10			D		В 10 часов был сделан от нас телеграф: „Не могу поднять барказа и сняться с якоря без парохода: грота-рей и мачта сильно повреждены“
11			D		До 11 часов исправляли повреждения в рангоуте; отвязали побитые паруса, привязали другие, крепкие; тянули стоячий такелаж. В 11 часов посетил корабль начальник штаба Черноморского флота г. вице-адмирал Корнилов, прибывший к эскадре на пароходе „Одесса“; осмотрев повреждения корабля, отправился на другие суда
12			D		
1			NOtO		**С полудня случаи:** Ветер средний, облачно, шел дождь. Суда, стоящие с нами на Синопском рейде: под вице-адмиральским флагом корабль „Императрица Мария“, под контр-адмиральским флагом „Париж“

Часы	Узлы	Курсы	Ветры	Дрейф	Того же ноября 19-го дня 1853 года по полудню случаи
					и пароход „Крым", под ординарными вымпелами корабли „Великий князь Константин", „Чесма", „Ростислав", фрегаты „Кагул" и „Кулевчи", пароходы „Одесса" и „Херсонес". В 1 час навалившийся на нас турецкий фрегат, будучи запален, взорван на воздух; для отбуксирования турецкого фрегата был употреблен кабельтов в 8 дюймов один, который по зажжении взять обратно не было возможности
2			D		В начале часа сигналом уведомили адмирала,
3			D		что готовы сняться с якоря
4			D		В 4 часа прибыл к нам пароход «Громоносец": показал свое имя, салютовал вице-адмиральскому флагу 11 пушечными выстрелами, на что с корабля „Императрица Мария" был сделан сигнал: „Примите сей сигнал за ответ на ваш салют"
5					Ветер тихий, облачно, накрапывал дождь. Якорное место определено пеленгами. Синоп-город-мол NO 7°, мыс NO 44°, от берега расстояние 1 ½ мили, глубина 21 сажен; грунт ил. По сигналу адмирала эскадра показывала число убитых и раненых. Корабль „Париж": убитых матроз—1; раненых: старший офицер корпуса штурманов, матроз—7; „Вел. кн. Константин": убитых младший офицер корпуса штурманов, матроз—7, раненых: матроз—26; „Ростислав": убитых матроз,—3; раненых: старший артиллерийский офицер, матроз 104; „Чесма" раненых 4. Мы показали убитых матроз 8, раненых мичман и матроз 19 человек. В ¾ часа сигналом с корабля «Императрица Мария" велено эскадре дать нижним чинам по чарке водки не в зачет. В исходе часа пошел дождь

ЦГВМА, ф. Шханечные журналы, кн. III, лл. 22—24. Подлинник.

№ 78

ИЗ ШХАНЕЧНОГО ЖУРНАЛА КОРАБЛЯ «ТРИ СВЯТИТЕЛЯ» ЗА 1853 ГОД

Прибавление к описанию сражения на Синопском рейде ноября 18-го

В полдень, когда открылись турецкие суда, эскадра наша, построенная в две сжатые колонны, шла при брамсельном ровном ветре от OtS на Синопский рейд. Проходя построенные на внутренней стороне полуострова батареи, означенные номерами 1, 2, 3, 4, на них не было видно ни малейшего движения, но бежавшие из деревни Ада-Киой турки спешили, вероятно, занять свои места; однако ж

эскадра наша успела пройти мимо батарей, не быв встречена. Турецкие фрегаты и корветы были установлены дугою, выгнутою серединою к самому городу и совершенно сообразно с направлением берега; мелкие суда: транспорты и купеческие, а также и пароходы в промежутке между берегом и линией.

Правый фланг неприятельский был под прикрытием батареи № 4, левый граничил батарею № 6, а центром владела батарея № 5. Корабль наш шел под марселями, фоком и гротом, в ¼ часа отдали марса-фалы, дабы следовать на своем месте за кораблем «Париж», который взял марсели на гитовы. В 0 ч. 25′ корабль «Париж» бросил якорь в центре неприятельских судов, а через 5′ и наш корабль бросил якорь и остался на шпринге, кормою на ветер и к неприятелю бортом. Все корабли заняли свои места, как показано на плане.

Вместе с отдачею якорей по всей линии турецких судов открыли сильный огонь залпами; расстояние от неприятеля было от 150 до 180 сажен. Корабль «Императрица Мария» открыл огонь в один момент с неприятелем, а через две минуты и мы открыли огонь и в продолжение получаса сперва разрушительными залпами, а потом сильным батальным огнем громили стоящие против нас фрегаты и батарею № 6.

Нам перебили шпринг, но в скором времени завезли другой и, вытянувши, действовали левым бортом и кормовыми орудиями по фрегатам и батарее.

Турецкие суда стояли тоже с завезенными шпрингами; несмотря на выстрелы неприятельских судов, которые наносили большой вред рангоуту нашему, суда наши непрерывным метким огнем своих орудий стали поражать неприятеля. Так, корабль «Великий князь Константин» через 10′ от начала боя срыл батарею, находившуюся под его выстрелами, и неприятельский фрегат, стоявший близ оной, взлетел на воздух, а через 30′ от начала боя увидели корвет и транспорт потонувшими. Громовое «ура!» огласило воздух и было предвестником скорой победы. Действительно, после оного от метких выстрелов наших кораблей огонь неприятельский стал ослабевать. Фрегаты «Дамиад» и «Каиди-Зефер», выдерживая большой огонь от нас и с корабля «Париж», подрейфовали к берегу и выстрелами нашими и корабля «Париж» заставили в 2¼ часа замолчать как фрегаты, так и батарею № 6. Хотя никто еще из неприятельских судов не спускал флага (впоследствии узнали, что об этом было вовсе забыто), но бой в 2½ часа почти прекратился. Правый фланг, не имея у себя ни одного противника, умолк, между тем как на левом были слышны изредка выстрелы с фрегата «Дамиад», который, лежа на мели под прикрытием навалившего на него фрегата «Низамие», снова открыл огонь; мы и «Париж» по ним действовали, но в 3 часа все смолкло и бой был окончен совершенно: неприятельской эскадры не существовало. С корабля «Императрица Мария» адмирал послал офицера-парламентера в город объявить местному турецкому начальству, что если с батареи или с берега будет сделан хотя один выстрел, то адмирал разрушит и сожжет город до основания. Офицер сей, пробыв около часа на берегу, не мог оты-

скать не только местного начальства, но никого из турок: они разбежались по деревням. В 3 часа, прекративши бой, турецкие суда замечены были в следующем порядке: фрегат «Навек-бахри» взорван и сбит на мель; «Несеми-Зефер», корвет «Неджми-фешан» и фрегат «Фазли-Аллах» были объяты пламенем и лежали на мели; фрегат «Ауни-Аллах» и корвет «Фейзли-меабуд» лежали тоже на мели южнее батареи № 6; фрегаты «Дамиад», «Каиди-Зефер», «Низамие» и пароход «Эрекли» лежали на означенных местах, и фрегат «Низамие» горел от бранскугелей, брошенных с нашего корабля. Транспорты и купеческие два судна потонули, и виднелись одни мачты; турецкая часть города горела в двух местах. Вечером, всю ночь и день на горевших судах по мере того, как раскалялись орудия, они палили ядрами, не нанося никакого вреда нашим судам. Наконец, когда огонь достигал крюйт-камеры, они взлетали на воздух. Горящие обломки падали на турецкую часть города и зажигали ее: все пространство, обнесенное каменной стеной, горело, часть города, обитаемая греками, осталась невредима.

Из всех военных турецких судов, стоявших на Синопском рейде, успел уйти один батарейный пароход «Таиф» о 20 орудиях в 450 сил: он еще при начале боя вышел из-под выстрелов и хотя был перехвачен в углублении бухты фрегатами «Кагул» и «Кулевчи», завязавшими с ним бой, но ушел от них и был уже близок к выходу в море, когда его встретили пришедшие пароходы «Одесса», «Крым» и «Херсонес». Однакож, имея против их гораздо лучший ход, после незначительной перестрелки ускользнул от них. На нем ушел, говорят, второй флагман Гусейн-паша. В 4 часа наши пароходы воротились; на пароходе «Одесса» был начальник штаба Черноморского флота генерал-адъютант Корнилов; проходя мимо кораблей, с парохода приветствовали нас громким «ура!», на что от нас отвечали тем же. После боя закрепили паруса и приступили к исправлению повреждений. Более всех избиты корабли «Императрица Мария», «Ростислав», «Три святителя». С 8 часов пароходы отбуксировали корабли и поставили их вне неприятельских выстрелов. Ночь была темная, шел дождь, но большое зарево пылавшего во многих местах города, а также и пламя от горевших судов освещали горизонт на далекое расстояние, и Синоп мог служить в эту ночь для моряков чудным маяком. Начальник штаба Черноморского флота приказал пароходу отвезти от берега фрегат «Дамиад», желая привести в Севастополь; на нем оказалось 100 человек турок; командир и офицеры оставили фрегат, забрав все гребные суда, и старались спастись постыдным бегством на берег. Сей фрегат навалил на наш корабль, и [мы] увидели у него много подводных пробоин, почему утром отвели фрегат на мель, забрав пленных турок, предали огню. Гребным судам фрегата «Кагул» велено было зажечь шлюп. Офицер, посланный для исполнения сего, нашел на шлюпе начальника турецкой эскадры Осман-пашу, раненого в правую ногу, командира и 80 нижних чинов, которые были взяты военнопленными и доставлены в Севастополь. Во время ухода эскадры на рейде не было на воде ни одного турецкого судна. Впоследствии узнано, что эскадра Синопская снаряжалась для овладения Сухумом и со-

действия горцам и планы турецкого правительства разрушились. Имена турецких судов, показанных на плане, сообщены военнопленными турками.

Корпуса штурманов поручик *Максимов*

Капитан 1-го ранга *Кутров*

ЦГВМА, ф. Шханечные журналы, кн. III, лл. 30—32. Подлинник.

№ 79

ИЗ ШХАНЕЧНОГО ЖУРНАЛА КОРАБЛЯ «СВЯТОСЛАВ»

22 ноября 1853 г.,
12 часов пополуночи

В исходе часа мы получили словесное приказание от начальника Главного морского штаба его императорского величества генерал-адъютанта г. адмирала князя Александра Сергеевича Меншикова, что при входе на рейд кораблей, возвратившихся с Синопской победы, кораблям под ординарными вымпелами салютовать семью пушечными выстрелами и, поставив команду по реям, кричать «ура!», а начальнику 5-й флотской дивизии г. вице-адмиралу и кавалеру Нахимову салютовать одиннадцатью пушечными выстрелами и также, поставив людей по реям, кричать «ура!» Приказание сие получалось через лейтенанта Попова.

ЦГВМА, ф. Шханечные журналы. Корабль «Святослав», Черноморский флот, 1853, кн. 4, л. 131. Подлинник.

№ 80

ПРИКАЗ П. С. НАХИМОВА С ВЫРАЖЕНИЕМ БЛАГОДАРНОСТИ ЛИЧНОМУ СОСТАВУ ЭСКАДРЫ ЗА ДОБЛЕСТНОЕ ПОВЕДЕНИЕ В СИНОПСКОМ БОЮ

23 ноября 1853 г.

Истребление турецкого флота в Синопе эскадрою, состоящею под начальством моим, не может не оставить славной страницы в истории Черноморского флота. Изъявляю душевную мою признательность второму флагману как главному моему помощнику, и который, идя передовым в своей колонне, так неустрашимо вел ее в бой. Гг. командирам кораблей и фрегатов за хладнокровное и точное постановление своих судов по данной диспозиции во время сильного неприятельского огня, равно и за непоколебимую их храбрость в продолжение самого дела, обращаюсь с признательностью к офицерам за неустрашимое и точное исполнение их своего долга, благодарю команды, которые дрались, как львы.

Затем мне не остается ничего, как исполнить свой приятный долг донести государю императору как об общем деле, так и о действии каждого в частности и ходатайствовать о наградах.

Скрягин С. А. «Сборник приказов и инструкций адмиралов», стр. 110.

№ 81

ПРИКАЗ П. С. НАХИМОВА О ПОСЕЩЕНИИ ИМ СУДОВ ЕГО ЭСКАДРЫ ДЛЯ ПОЗДРАВЛЕНИЯ КОМАНД С ПОБЕДОЙ

23 ноября 1853 г.

Предлагаю завтрашнего числа на всех судах вверенной мне эскадры в 10 часов отслужить благодарственный молебен господу богу и потом ожидать моего прибытия на суда. Я хочу лично поздравить командиров, офицеров и команды с победой и благодарить их за благородное содействие моим предположениям и объявить, что с такими подчиненными я с гордостью встречусь с любым неприятельским европейским флотом.

Скрягин С. А. «Сборник приказов и инструкций адмиралов», стр. 110.

№ 82

ПРИКАЗ П. С. НАХИМОВА С БЛАГОДАРНОСТЬЮ ЛИЧНОМУ СОСТАВУ ПАРОХОДОВ, ПРИШЕДШИХ С В. А. КОРНИЛОВЫМ, ЗА СОДЕЙСТВИЕ РУССКОЙ ЭСКАДРЕ ВО ВРЕМЯ СРАЖЕНИЯ У СИНОПА

23 ноября 1853 г.

Пароходы, пришедшие во время самого сражения с генерал-адъютантом Корниловым и с начальником пароходного отряда контр-адмиралом Панфиловым, содействовали весьма много к последнему истреблению турецкого флота.

Окончательное же действие пароходов — вывод флота из Синопа с поврежденным рангоутом при огромной зыби и ввод его в Севастополь — выказало как глубокие сведения флагмана, командиров пароходов, так и готовность их на всякий высокий подвиг.

Изъявляю им глубокую мою признательность за действие их; я буду ходатайствовать о наградах их и прошу представить мне офицеров, которые более им содействовали.

Скрягин С. А. «Сборник приказов и инструкций адмиралов», стр. 111.

№ 83

ГРАМОТА О НАГРАЖДЕНИИ П. С. НАХИМОВА ОРДЕНОМ ГЕОРГИЯ 2-й СТЕПЕНИ

28 ноября 1853 г.

Нашему вице-адмиралу начальнику 5-й флотской дивизии Нахимову.

Истреблением турецкой эскадры при Синопе вы украсили летопись русского флота новою победою, которая навсегда останется памятною в морской истории.

Статут военного ордена святого великомученника и победоносца Георгия указывает награду за ваш подвиг.

Исполняя с истинною радостью постановление статута, жалуем вас кавалером святого Георгия 2-й степени большого креста, пребывая к вам императорскою милостью нашею благосклонны.

Николай

ЦГВМА, ф. ИДММ, 2-е отделение, 2-й стол, 1853, д. 602, л. 3. Копия. Опуб. Н. Дубровин. «Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя», вып. 1, стр. 175.

№ 84

ДОНЕСЕНИЕ П. С. НАХИМОВА А. С. МЕНШИКОВУ О СИНОПСКОМ СРАЖЕНИИ

29 ноября 1853 г.

По обозрении отряда турецких судов, расположенных в Синопе под защитою 6 береговых батарей, я решился с 84-пушечными кораблями «Императрица Мария», «Чесма» и «Ростислав» тесно блокировать этот порт, поджидая из Севастополя корабли «Святослав» и «Храбрый», поврежденные штормом 8 ноября, дабы вместе с ними атаковать неприятеля. С того времени погода была постоянно мрачная: шли дожди, ветер был свежий, восточный, волнение довольно сильное NO, но, несмотря на то, я держался очень близко к берегу, из опасения, чтоб неприятель не вышел из порта ночью и, пользуясь попутным ветром, не возвратился бы в Константинополь. 16 ноября присоединилась ко мне эскадра контр-адмирала Новосильского, состоящая из 120-пушечных кораблей «Париж», «Вел. кн. Константин», «Три святителя» и фрегатов «Кагул» и «Кулевчи». На другой же день, воспользовавшись несколько прояснившеюся погодой, я созвал на свой корабль второго флагмана и всех командиров для сообщения им плана атаки и нужных при том наставлений.

Предполагая атаковать неприятеля двумя колоннами, я назначил в первую, ближайшую к неприятелю корабли «Императрица Мария», под флагом моим, «Вел. кн. Константин» и «Чесма»; вторую поручил вести контр-адмиралу Новосильскому, имевшему флаг на корабле «Париж»; за ним, в линии, должен был следовать «Три святителя» и потом «Ростислав». Фрегатам «Кагул» и «Кулевчи» предписано остаться под парусами для наблюдения за неприятельскими пароходами, в случае, если, вступив под пары, они вздумали бы вредить кораблям или предприняли бы бежать из бухты. Якоря приказано бросать по возможности ближе к неприятелю, со шпрингами, имея, кроме того, верп и кабельтовы на барказе на случай завоза. Консульские дома и вообще город предписано щадить, поражая рассчитанным огнем неприятельские суда и батареи.

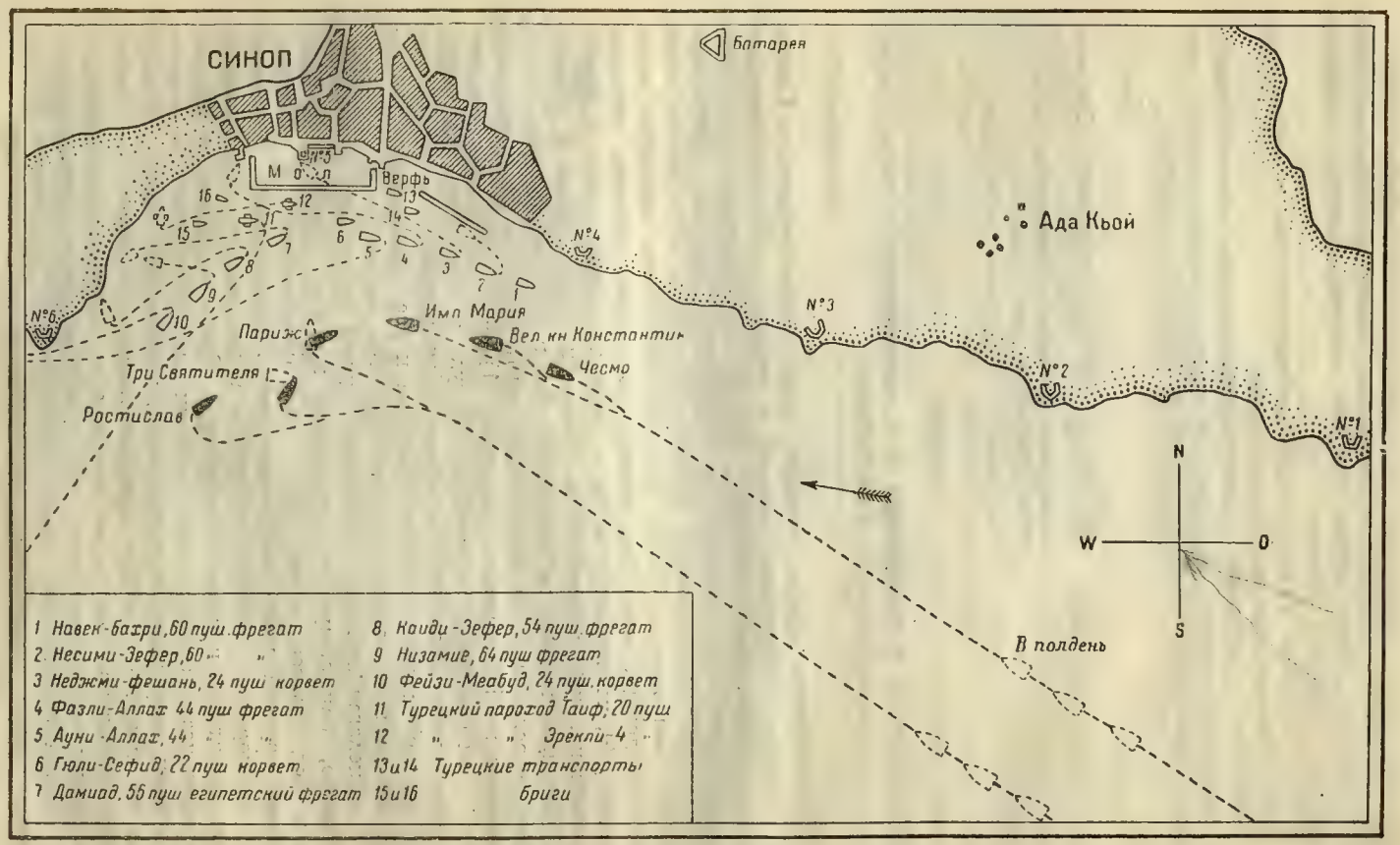


Схема Синопского сражения 18 ноября 1853 г.

Утром 18-го числа шел дождь и дул шквалами OSO ветер, самый неблагоприятный в отношении к завладению неприятельскими судами, ибо разбитый неприятель мог легко при нем броситься на берег.

В 9 часов пополуночи мы спустили гребные суда, а в 9½ пошли в Синоп, исполнив все по предначертанию; когда показан был полдень, корабли, готовые к бою [1], летели на рейд под национальными флагами на брам-стеньгах. Несмотря на дождь, неприятель нас заметил: над его пароходами клубился дым, суда начали исправлять свои шпринги. Приблизясь еще, я увидел, что семь турецких фрегатов и три корвета расположены были лунообразно, под прикрытием четырех батарей: одной о восьми и трех о шести орудиях; за боевою линиею стояли два военные турецкие парохода и два транспорта, а в глубине залива — два турецкие купеческие брига и купеческая шкуна под ионическим флагом.

В 28 минут 1-го часа по первой пушке турецкого флагманского 44-пушечного фрегата «Ауни-Аллах» открыт был огонь со всех якорь вскоре после адмиральского корабля «Императрица Мария» (капитан 2-го ранга Барановский) был засыпан ядрами и книпелями. Большая часть рангоута и стоячего такелажа перебиты, у грот-мачты осталась только одна нетронутая ванта. «Императрица Мария», имея ветер с кормы, шел вперед, действуя батальным огнем по судам, которые проходил, и отдал якорь против адмиральского фрегата «Ауни-Аллах». Фрегат этот не выдержал и получаса огня, отклепал цепь и, не спуская флага, бросился на берег к батарее № 6. Тогда корабль «Императрица Мария» обратил огонь свой исключительно на 44-пушечный фрегат «Фазли-Аллах» (называвшийся прежде «Рафаилом» и взятый у нас в 1829 году); вскоре этот последний, загоревшись, последовал примеру своего флагмана, также бросился на берег и стал на мель против города; за сим на корабле, не имея противника, ударили дробь и завезли верп на SSW, чтобы, поворотясь, действовать по батарее № 5 и по судам, сопротивлявшимся второй колонне с большим ожесточением, но последнее оказалось излишним: вторая колонна действовала превосходно.

Корабль «Вел. князь Константин» (капитан 2-го ранга Ергомышев), приняв правою скулою град ядер, книпелей и картечи, стал на якорь вскоре после адмиральского корабля «Императрица Мария» и, задержавшись на шпринге, открыл сильный батальный огонь правым бортом по батарее № 4 и по 60-пушечным фрегатам «Навек-Бахри» и «Несими-Зефер». Меткими бомбическими выстрелами «Константин» взорвал на воздух фрегат «Навек-Бахри» через 20 минут по открытии огня; взрыв этот осыпал обломками и телами батарею № 4, которая, временно прекратив огонь, начала потом снова действовать, но уже заметно слабее. Поворотившись на шприн-

[1] В «Морском сборнике» № 12 за 1853 г. следует дальше фраза: «Под всевозможными парусами» и т. д. Этот же текст воспроизведен и в «Материалах для истории Крымской войны и обороны Севастополя» Дубровина (стр. 168). А. Жандр считает, что эта фраза попала в текст приказа случайно (см. А. Жандр, Материалы для истории обороны Севастополя, стр. 106).

ге, корабль «Вел. кн. Константин» стал бить тогда фрегат «Несими-Зефер» и 24-пушечный корвет «Неджми-Фешан»; в час пополудни цепь фрегата была перебита, и его отбросило ветром на остатки мола против греческого предместия; вскоре корвет также отброшен на берег к батарее № 5 и на корабле «Великий князь Константин» ударили отбой.

Корабль «Чесма» (капитан 2-го ранга Микрюков) до взрыва неприятельского фрегата «Навек-Бахри» действовал также по нем и по батареям № 4 и 3; потом, поворотившись к батареям, срыл обе.

Корабль «Париж» (капитан 1-го ранга Истомин) под флагом контр-адмирала Новосильского при наступлении на неприятеля шел рядом с кораблем «Императрица Мария» и вслед за ним занял место по диспозиции. Открыв страшный батальный огонь по батарее № 5, по 22-пушечному корвету «Гюли-Сефид» и по 56-пушечному фрегату «Дамиад», он взорвал на воздух корвет в 1 час 15 минут пополудни. В то время дрейфовал мимо него адмиральский фрегат «Ауни-Аллах»; поразив его продольными выстрелами и отбросив на берег фрегат «Дамиад», корабль «Париж» потравил цепь, вытянул шпринг и стал бить 2-полосный 64-пушечный фрегат «Низамие» [1]. В 2 часа фок- и бизань-мачты «Низамие» были сбиты, а фрегат сдрейфовало к берегу, где он вскоре потом загорелся. Тогда «Париж» снова потравил шпринг и начал действовать по батарее № 5. Нельзя было налюбоваться прекрасными и хладнокровно рассчитанными действиями корабля «Париж»; я приказал изъявить ему свою благодарность во время самого сражения, но не на чем было поднять сигнал: все фалы были перебиты.

Корабль «Три святителя» (капитан 1-го ранга Кутров) начал действовать по фрегатам «Каиди-Зефер» и «Низамие», но одним из первых выстрелов перебило у него шпринг; повернувшись по ветру, он подвергся метким продольным выстрелам батареи № 6, через что рангоут его сильно пострадал. Завезя на барказе верп под сильным неприятельским огнем и заворотив снова корму, он очень хорошо действовал по 54-пушечному фрегату «Каиди-Зефер» и другим судам и принудил фрегат броситься к берегу.

Корабль «Ростислав» (капитан 1-го ранга Кузнецов) прекрасно поместился против батареи № 6 и 24-пушечного корвета «Фейзи-Меабуд». Сначала он действовал также по фрегату «Низамие», но потом, оставя фрегат кораблю «Париж», сосредоточил свой решительный огонь на корвет и на батарею № 6, сильно вредившую кораблю «Три святителя»; корвет был отброшен на берег, а батарея уничтожена.

Между тем, в исходе 1-го часа, вышел из-за своей линии турецкий батарейный 20-пушечный пароход «Таиф» в 450 сил. Фрегаты «Кагул» и «Кулевчи» погнались за ним, но пароход, лежавший сначала на SW, стал беспрестанно менять курс, то останавливая машину, то идя вперед, то назад; наконец, пустил машину полным ходом вперед и, обменявшись с фрегатами несколькими залпами,

[1] Двухполосный, т. е. двухдечный.

быстро вышел из их выстрелов. В половине 2-го часа показался из-за мыса пароходо-фрегат «Одесса» под флагом генерал-адъютанта Корнилова. На пароходе «Одесса» был поднят сигнал следовавшим за ним пароходам «Крым» и «Херсонес»: «Атаковать неприятеля, поставив его в два огня». Фрегаты спустились ко флоту и пособляли, где еще продолжалось сопротивление. Пароход «Таиф», шедший к SSO, увидя наши пароходы, снова переменил курс; «Одесса» лег на пересечку его курса, сближаясь с ним. Вскоре мрачность закрыла от нас действие пароходов. В 4-м часу, в решительный момент битвы, пароходы подошли ко флоту, где они произвели общее «ура!» и тотчас поместились для соответствующих их назначению действий и отвода кораблей от берега. Погоня за пароходом «Таиф» оказалась неуспешна по значительному преимуществу его хода, хотя пароход «Одесса» и за ним «Крым» и завязали жаркую перестрелку, при которой на пароходе «Одесса» был убит унтер-офицер, ранен рядовой и подбит штурвал.

Батареи № 5 и 6 продолжали до 4-го часа беспокоить нас, изредка, уже каленными ядрами, но, по счастию, эти последние не произвели никакого особенного вреда. Корабли «Париж» и «Ростислав» разрушили эти батареи.

Неприятельские суда, брошенные на берег, были в самом бедственном состоянии. Я велел прекратить по ним огонь, хотя они и не спускали флагов, как оказалось, от панического страха, которым были объяты экипажи, ибо на фрегате «Несими-Зефер» спустили флаг без сопротивления, по приказанию проезжавшего мимо него парламентера, который был послан для объявления городовому начальству, что эскадра пришла для истребления турецких военных судов и не желает вредить городу. Транспорт и купеческие суда затонули от попавших в них ядер. Фрегаты «Фазли-Аллах» («Рафаил»), «Низамие» и «Кайди-Зефер», корвет «Неджими-Фешан» и пароход «Эрекли», зажженные, повидимому, своими экипажами, взрывались на воздух один за другим. Взрыв фрегата «Фазли-Аллах» («Рафаил») покрыл горящими обломками турецкий город, обнесенный древнею зубчатою стеной; это произвело сильный пожар, который еще увеличился от взрыва корвета «Неджми-Фешан»; пожар продолжался во все время пребывания нашего в Синопе, никто не приходил тушить его, и ветер свободно переносил пламя от одного дома к другому.

Пленных взяли с фрегатов «Ауни-Аллах» и «Несими-Зефер» и с корвета «Фейзи-Меабуд»; в числе их был начальник эскадры вице-адмирал Осман-паша, командир фрегата «Фазли-Аллах» («Рафаил») и командир корвета «Фейзи-Меабуд». По свозе раненых и пленных, фрегат «Ауни-Аллах» и корвет сожжены фрегатом «Кагул», а фрегат «Несими-Зефер» пароходом «Одесса» по отбуксировании его вне города, ибо все они были так избиты, что не могли быть приведены в Севастополь.

Ночью пароходы отводили корабли от берега из опасения, чтобы с переменой ветра не нанесло горящие турецкие суда на эскадру. На кораблях также работали: тотчас после сражения они начали исправлять повреждения такелажа и рангоута и, конечно, только

неутомимая ревность к службе и знание морского дела офицеров и нижних чинов могли в полутора суток поставить эскадру, потерпевшую капитальные повреждения в корпусе, рангоуте, такелаже и парусах, в состояние предпринять плавание в глубокую осень через все Черное море.

20-го утром корабли начали сниматься: более всех обитый корабль «Императрица Мария» с сильными повреждениями мачт, с грот-брам-стеньгою вместо грот-стеньги, грот-марса-реем вместо грота-рея и вместо тех штагов и вант, которых сплеснить не представлялось возможности, — кабельтовы, предоставлено было буксировать пароходу «Крым» при конвое фрегатов «Кулевчи» и «Кагул». На пароходе «Крым» находился начальник пароходного отряда контр-адмирал Панфилов, которому и было поручено довести корабль до Севастополя. Корабль «Великий князь Константин» под флагом моим, без брам-стенег и за повреждением мачт и стенег не имея возможности ставить марсели иначе, как в три рифа, вышел на буксире парохода «Одесса». Корабль «Три святителя» также без брам-стенег и без крюйс-стеньги — с пароходом «Херсонес», а «Ростислав» также с поврежденными мачтами и стеньгами — с пароходом «Громоносец», накануне прибывшим из Севастополя. Остальные корабли «Париж» и «Чесма», менее поврежденные, следовали без помощи пароходов. За Синопским мысом эскадра встретила большую зыбь от NO, так что пароходы принуждены были отдать буксиры; ночью ветер скрепчал, отойдя к O, и суда направились под парусами в Севастополь.

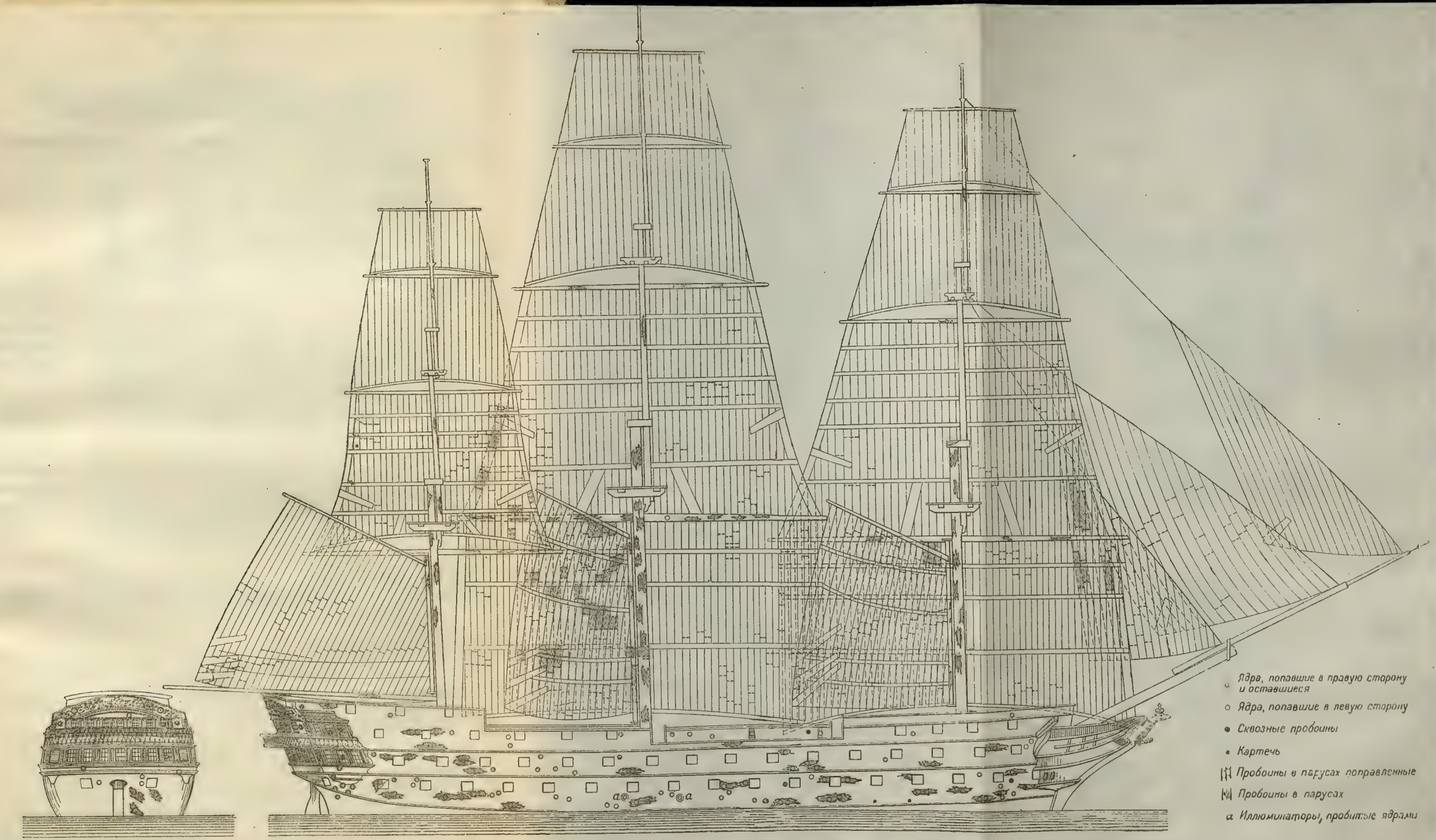
22-го утром ветер стих, пароходам велено было опять взять корабли на буксир; после полудня три корабля вошли в порт благополучно, а к ночи и остальные.

Прибытие эскадры в такой крепкий ветер и волнение доказало, что исправления были сделаны с совершенным знанием морского дела.

При сем прилагается ведомость о числе убитых и раненых на каждом из судов эскадры...

Вице-адмирал *Нахимов*

А. Жандр, «Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии вице-адмирала В. А. Корнилова», Спб. 1859, стр. 360, 366.



Чертеж линейного корабля «Императрица Мария», на котором держал флаг П. С. Нахимов, с указанием повреждений, полученных кораблем в Синопском сражении

Ш
О
У
Р

О
У
Р

№ 85

ВЕДОМОСТЬ
О ЧИСЛЕ УБИТЫХ И РАНЕНЫХ ПРИ ИСТРЕБЛЕНИИ ТУРЕЦКОГО ОТРЯДА НА СИНОПСКОМ РЕЙДЕ[1]

	Корабли						Фрегаты		Пароход	Итого
	„Императрица Мария"	„Париж"	„Великий кн. Константин"	„Три святителя"	„Чесма"	„Ростислав"	„Кулевчи"	„Кагул"	„Одесса"	
Раненых:										
Штаб-офицеров . . .	1	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Обер-офицеров . . .	3	1	—	1	—	1	—	—	—	6
Унтер-офицеров . .	3	—	3	—	2	10	—	—	—	18
Рядовых	52	18	21	19	2	94	2	1	1	210
Всего . . .	59	19	24	20	4	105	2	1	1	235
Убитых:										
Обер-офицеров . .	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1
Унтер-офицеров . .	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1
Рядовых	16	1	7	7	—	5	—	—	—	36
Всего . . .	16	1	8	7	—	5	—	—	1	38

Вице-адмирал *Нахимов*

А. Жандр. „Материалы для истории обороны Севастополя...", стр. 360—366

[1] Приложение к документу № 84.

№ 86

ВЕДОМОСТЬ
О СНАРЯДАХ, ИЗРАСХОДОВАННЫХ РУССКОЙ ЭСКАДРОЙ В СИНОПСКОМ СРАЖЕНИИ

	68 ф. снарядов	36 ф. снарядов	24 ф. снарядов	Итого	Примечания
С корабля „Париж“	893	2111	940	3944	Во время боя было сделано выстрелов 16 865; из них: 15 675 с одним снарядом 15 675 снар. 1 190 с двумя снарядами 2 380 снар. 16 865 выстрелов 18 055 снар.
„ „ „Вел. кн. Константин“ .	457	1561	584	2602	
„ „ „Три святителя“	147	1419	357	1923	
„ „ „Императрица Мария“ .	176	1361	643	2180	
„ „ „Ростислав“	400	3802	760	4962	За исключением кораблей „Вел. кн. Константин“, „Императрица Мария“ и „Ростислав“, все другие суда производили стрельбу одним снарядом
„ „ „Чесма“	88	1144	307	1539	
С фрегата „Кулевчи“	—	—	260	260	
„ „ „Кагул“	—	—	483	483	
С парохода „Одесса“	29	—	50	79	
„ „ „Крым“	37	—	46	83	
Итого . . .	2227	11 398	4430	18 055	

Кротков, „Повседневная запись замечательных событий в русском флоте“. Спб., 1893, стр. 490.

№ 87

РАПОРТ П. С. НАХИМОВА А. С. МЕНШИКОВУ О НАГРАЖДЕНИИ ОФИЦЕРОВ И МАТРОСОВ, ОТЛИЧИВШИХСЯ В СИНОПСКОМ СРАЖЕНИИ

29 ноября 1853 г.

Поставляя непременным долгом своим свидетельствовать перед вашей светлостью об отлично усердной службе вообще гг. офицеров и команд на судах, состоявших в нынешнем лете под моим начальством, и о примерном мужестве, храбрости и искусстве, оказанных ими во время истребления отряда турецких судов и батарей в Синопе, имею честь покорнейше просить ходатайства вашей светлости о награде особенно отличившихся гг. флагманов, командиров судов и офицеров, как в прилагаемом у сего списка значится. Нижним же чинам вообще за истинно русскую храбрость и присутствие духа во время боя, за неутомимую их деятельность во время продолжительного крейсерства до сражения и при исправлении повреждений судов после оного почтительнейше прошу исходатайствовать денежное награждение для всех и знаки Георгия Победоносца числом по положению статута сего ордена, соразмерно составу команд судов для особенно отличившихся.

Осмеливаюсь присовокупить, что таковое ходатайство вашей светлости поставляю выше всякой личной мне награды.

Вице-адмирал *Нахимов*

ЦГВМА, ф. ИДММ, 2-е отделение, 2-й стол, 1853, д. 602, л. 42. Подлинник.

№ 88

ОПИСАНИЕ СИНОПСКОГО СРАЖЕНИЯ

30 ноября 1853 г

В нижеследующем сообщаются некоторые, более подробные сведения о победе, одержанной при Синопе, собранные с изустных рассказов.

Вице-адмирал Нахимов, крейсируя у берегов Анатолии, усмотрел с моря на Синопском рейде отряд турецких военных судов. На другой день жестокий шторм от W воспрепятствовал ему приблизиться к Синопу. Немедленно был отправлен в Севастополь пароход «Бессарабия» с извещением, что есть неприятельские суда на Синопском рейде.

По получении сего известия приказано было трем 120-пушечным кораблям «Париж», «Вел. кн. Константин» и «Три святителя» итти под флагом контр-адмирала Новосильского на меридиан Синопа и соединиться с вице-адмиралом Нахимовым. Между тем, вице-адмирал Нахимов с тремя кораблями и бригом, пользуясь благоприятным ветром, произвел рекогносцировку Синопского рейда и осмотрел расположение неприятельского отряда, состоявшего из 7 фрегатов, 1 шлю-

па, 2 корветов, 2 транспортов и 2 пароходов. Суда сии были расположены дугообразно по направлению берега с завезенными шпрингами, дабы при всяком ветре составить одну линию. На берегу, против интервалов судов устроено было 5 батарей. С 15 на 16-е число присоединился контр-адмирал Новосильский с своим отрядом. Вице-адмирал Нахимов в тот же день отдал приказ по эскадре, что с первым благоприятным ветром адмирал намерен атаковать неприятеля двумя колоннами, из коих правую поведет вице-адмирал Нахимов, имея флаг свой на корабле «Императрица Мария», за ним пойдут корабли «Великий князь Константин» и «Чесма». Левой колонне под начальством контр-адмирала Новосильского состоять из кораблей «Париж», «Три святителя» и «Ростислав».

18-го числа при тихом попутном ветре от ONO в 10-м часу утра сигналом адмирала приказано было эскадре приготовиться к бою и итти на Синопский рейд. Корабли двух колонн под лиселями стали приближаться к неприятелю, который, за господствующим туманом и дождем, открылся лишь в полмили расстояния. Вице-адмирал Нахимов, подойдя на расстояние около 250 сажен к двум неприятельским фрегатам, на одном из коих был усмотрен вице-адмиральский флаг и за кормою которого, на берегу, была батарея из 12 орудий, бросил якорь со шпрингом. Корабль «Париж» стал на якорь в то же время; остальные корабли, подходя, занимали назначенные им места по диспозиции. Едва адмиральский корабль отдал якорь, как неприятель открыл по нашим кораблям жестокий огонь со всех своих судов и батарей; выстрелы его наносили большой вред рангоуту, но корабли тотчас же вытянули шпринги и непрерывным метким огнем своих орудий стали поражать неприятеля; корабль «Великий князь Константин» не более как в 5 минут времени срыл батарею, находившуюся под его выстрелами; неприятельский фрегат, стоявший близ оной, по которому он преимущественно действовал из бомбических орудий нижнего дека, взлетел на воздух. В скором времени после того корабль «Париж» бомбами взорвал еще один турецкий фрегат. Через час времени от метких выстрелов наших кораблей огонь неприятельский стал ослабевать; между тем, на кораблях «Императрица Мария» и «Три святителя» неприятель перебил шпринги, но они имели на полубарказах верпы с кабельтовыми, которые и завезли под неприятельскими выстрелами.

В 2 часа огонь с неприятельских судов почти прекратился: три фрегата, в том числе адмиральский 74-пушечный, горели, а от двух разбитых выстрелами и затонувших транспортов виднелись только мачты. Турецкая часть города горела в двух местах; в ½ 3-го часа по сигналу адмирала велено было прекратить бой, и в то же время был послан офицер парламентером в город объявить местному турецкому начальству, что если с батарей или с берега будет сделан хотя один выстрел, то адмирал разрушит и выжжет город до основания. Офицер сей, пробыв около часа на берегу, не мог отыскать не только местных начальств, но никого из турок: они разбежались по ближайшим деревням.

Фрегаты «Кагул» и «Кулевчи» находились при начале боя по приказанию адмирала на рейде под парусами, дабы в случае, если бы

некоторые неприятельские суда вздумали спасаться бегством, им в том воспрепятствовать. Они присоединились к флоту в конце сражения и преимущественно действовали по корвету и шлюпу, которые находились за кормою корабля «Ростислав».

17-го числа, немедленно по изготовлении пароходов «Одесса», «Крым» и «Херсонес», генерал-адъютант Корнилов отправился с ними из Севастополя к Синопу к эскадре вице-адмирала Нахимова, 18-го числа в начале 1-го часа с парохода «Одесса», на котором находился генерал-адъютант Корнилов, увидели через перешеек, на котором расположен город Синоп, начало сражения нашей эскадры, и пароходы стали употреблять всевозможные усилия, чтобы скорее достигнуть рейда; при прохождении мимо мыса Синопского открылся турецкий 20-пушечный пароходо-фрегат «Таиф», который в продолжение боя успел развести пары и старался спастись бегством от общего поражения.

Генерал-адъютант Корнилов приказал поднять на пароходе «Одесса» свой флаг и держать на пересечку курса турецкого парохода, который, заметив это, переменил прежнее направление и пошел вдоль берега; когда пароход «Одесса» приблизился на расстояние пушечного выстрела, то с него открыли огонь; после часовой перестрелки, к величайшему сожалению, убедились, что неприятельский пароход имел преимущество в ходе и, несмотря на то, что почти был втрое сильнее парохода «Одесса», не решился принять сражения, а старался только уйти; когда он уже был вне пушечного выстрела, генерал-адъютант Корнилов возвратился из погони к эскадре вице-адмирала Нахимова, приказав пароходам «Крым» и «Херсонес» следовать за ним. Пароходам «Крым» и «Херсонес» велено сейчас же отбуксировать корабли из-под выстрелов береговых батарей на случай, если бы неприятель вздумал возобновить ночью стрельбу. Пароходу «Одесса» приказано было овладеть и отвести от берега 50-пушечный фрегат «Дамиад», который казался наименее пострадавшим от наших выстрелов; на нем оказалось около 100 человек команды и более 50 человек раненых. Командир и офицеры оставили фрегат в начале дела, забрав все гребные суда и стараясь спастись постыдным бегством на берег.

Вечером на горевших судах по мере того, как раскалялись орудия, они палили ядрами по рейду, не нанося, впрочем, почти никакого вреда нашим судам. Наконец, когда огонь достигал крюйт-камер, они взлетали на воздух; горящие обломки падали на турецкую часть города и зажигали ее; около полуночи все пространство, обнесенное каменной стеной, горело; часть города, обитаемая греками, осталась невредимою от пожара, 19-го числа, с рассветом, из 12 судов, составлявших турецкую эскадру, оставались на рейде фрегат «Дамиад» на бакштове парохода «Одесса», шлюп и корвет на мели, совершенно обитые, у южного берега бухты. При внимательном осмотре оказалось, что фрегат «Дамиад» имел 17 подводных пробоин, вся подводная часть, рангоут и снасти до того повреждены, что без значительных исправлений, потребовавших бы много времени, его невозможно было бы привести до Севастополя и потому приказано было бросить его на берег и сжечь.

Гребным судам фрегата «Кагул» велено было зажечь шлюп и корвет. Офицеры, посланные для исполнения сего, нашли на шлюпе начальника турецкой эскадры Осман-пашу, раненного в правую ногу, командира фрегата, командира корвета и 80 нижних чинов. Турецкие начальники и команда были взяты военнопленными и отвезены: первые — на пароход «Одесса», вторые — на корабль «Чесма». К вечеру на рейде Синопском не было более на воде ни одного турецкого судна.

Лишь только прекратился бой, команды наших кораблей, так славно действовавшие орудиями, принялись с новым усердием исправлять повреждения, нанесенные неприятелем, которые большею частью заключались в рангоуте и снастях. Корабли, наиболее пострадавшие в своем вооружении, были «Императрица Мария», «Три святителя», «Великий князь Константин» и «Ростислав».

Вся эскадра вице-адмирала Нахимова 20-го числа снялась с якоря с Синопского рейда; поврежденные корабли буксировали пароходы, а 22-го корабли «Императрица Мария», «Три святителя» и «Великий князь Константин» прибыли на Севастопольский рейд.

«Собрание донесений о военных действиях и дипломатических бумаг и актов, относящихся до войны 1853—1856 гг.», Спб., 1858, стр. 37—39.

№ 89

А. Д. САТИН[1] О СИНОПСКОМ СРАЖЕНИИ

(Из записок офицера Черноморского флота)

По присоединении 17-го ноября эскадры контр-адмирала Новосильского Нахимов располагал следующими силами: корабли — «Императрица Мария» — 84 пушки, под его флагом, «Париж» — 120 пуш., под флагом контр-адмирала Новосильского, «Три святителя» — 120 пуш., «Вел. кн. Константин» — 120 пуш. «Чесма» — 84 пуш., «Ростислав» — 84 пуш. и два фрегата «Кагул» — 44 пуш., «Кулевчи» — 56 пуш., всего шесть кораблей и два фрегата. Оба фрегата по расписанию должны были остаться у входа в бухту и стараться не пропускать пароходов, в случае если б они захотели прорваться в море. Линейные же корабли должны были в две колонны, адмиральские впереди, войти на рейд и, разойдясь веером, стать против неприятеля на глубине шести сажен. Расстояние между сражающимися должно было быть около 200 сажен[2]. Турецкая эскадра стояла дугообразно, имея на флангах и в интервалах сильные береговые батареи с ядро-калительными печами. Она состояла из 12 парусных фрегатов и корветов, при двух пароходах, из которых один «Таиф» пароходо-фрегат.

Числом орудий и калибром мы были сильнее турок, но принимая во внимание, что одно орудие на берегу равняется четырем на море

[1] Аркадий Дмитриевич Сатин в чине мичмана на корабле «Три святителя» участвовал в Синопском сражении, за отличие в котором был награжден орденом св. Анны 4-й степени «за храбрость» и произведен в лейтенанты.

[2] Корабль «Ростислав» стоял на расстоянии 150 сажен.

и что турки около десяти минут могли ранее открыть пальбу, покуда мы становились на якорь и тянули шпринг, можно положительно сказать, что первое время они имели преимущество над нами.

18-го числа в 10 часов команде был дан обед. В 11 в исходе отслужили молебен, иеромонах обошел палубы, окропил всех святой водой, и ровно в 11 часов, построившись в две колонны, мы пошли на рейд.

Тревоги еще не было, но уже каждый стоял на своем месте, все ждали с нетерпеньем. Ровный попутный ветер нас быстро приближал к врагу; наконец, уже он и виден, бьют тревогу, смачивают палубу, опускают сукно над крюйт-камерами, комендоры берутся за шнурки ударных замков, у всех напряженное внимание, все ждут. Уж мы на пушечном выстреле, уж ближе, видно, как турки наводят орудия, но пальбы не начинают. Было 12 час. 20 мин. Но вот на турецком адмиральском фрегате показался клуб дыму, раздался первый выстрел, и не успело ядро просвистать, как неприятельская эскадра опоясалась белой пеленой и ураган ядер проревел над нами. За залпом последовал батальный огонь. Ставши бортом, мы, не крепя парусов открыли огонь. Турки, кажется, этого не ожидали. Они воображали, что, бросив якорь, мы пошлем людей по реям убирать паруса, а потому орудия их были наведены по мачтам, и первый залп не причинил нам почти никакого вреда. Потом под нашим огнем и при густом дыме им было трудно взять верный прицел. Этим только и можно объяснить наш сравнительно малый урон. Что было первые пять, десять минут, сказать трудно. Мы стреляли, по нас стреляли. Не только в батареях, но даже с палуб ничего от дыму не было видно. Палили прямо перед собой по старому направлению.

Гром выстрелов, рев ядер, откат орудий, шум людей, стоны раненых — все слилось в один общий адский гвалт. Бой был в разгаре.

Я был в мидель-деке помощником батарейного командира. Ко мне подбегает штурманский кондуктор М., ординарец капитана, и с ужасом на лице кричит в ухо: «Бейте отбой!» Меня это удивило; но велено — значит, надо. Барабанщик бьет, никто не слышит. Бегу по орудиям, останавливаю комендоров, по дороге сообщаю о том же командиру батареи лейтенанту Т. «Вы с ума сошли!» — отвечал он. — «Велено!». Побежал и он останавливать.

Пальба прекратилась, порыв ветра рассеял немного дым, и что же мы видим? Шпринг у нас перебит, мы стоим кормой к неприятелю, а передние орудия нашего корабля приходятся против корабля «Париж», и несколько выстрелов попало в него. Полубарказ пустили ко дну и сидевшего на нем мичмана В. ранили картечью. Мы могли отстреливаться только половинным числом орудий. Бой продолжался; все тот же адский гвалт; вдруг он покрылся каким-то могучим треском, но еще более могучее «ура!» покрыло его!

Взорвали турецкий фрегат. В это время на корме у нас в деке закричали: «пожар!» Бросаюсь туда, вижу конопать от сотрясения выпала и от своих же выстрелов загорелась. Потом уже я узнал, что у нас был пожар на кубрике гораздо опаснее от каленого ядра, но, к счастью, ядро было не очень накалено и его успели потушить.

Ко мне подбегает опять ординарец и кричит: «Капитан требует!» Отправляюсь наверх: еще кричат «ура!». Что такое? Другой фрегат пустили ко дну.

Я подошел к капитану.

— Ступайте на грот-марс. Видите, как все перебито? Приведите в порядок и смотрите за полетом ядер.

В это время, когда капитан отдавал мне приказание, ядро ударило в сетки, вырвало три койки, и одна из них вместе с ядром пролетела над нашими головами. Сигнальщик, стоявший возле, пригнулся, но не успел он нагнуть головы, как капитанская труба уже была у него на плечах.

— Чему кланяешься, болван?

— Виноват, ваше высокоблагородие! — отвечает матрос, бойко смотря в глаза.

Я полез на марс. Бой, видимо, стихал. Сверху картина была восхитительная. Посредине рейда, как громадные кресты над могилами, торчали мачты потопленного фрегата с реями поперек. На отмели горел турецкий пароход. Город пылал в нескольких местах. В инструкции вице-адмирала Нахимова было сказано, чтобы по городу не стреляли, в особенности, чтоб ядра не попадали в дома, где подняты консульские флаги. Но бомбы, перелетая через турецкие суда, попадали в город, и первое загоревшееся здание было австрийское консульство. Русские корабли в дыму, как в облаках, извергали смерть и огонь. Турки не могли более бороться, они начали садиться на гребные суда, спасаясь на берег; другие, расклепывая цепи, бросались на отмели и оттуда спасались вплавь. В 4-м часу все было кончено; только два фрегата, свалившись на отмели, перпендикулярно один к другому, продолжали бой, наконец, и их турки начинали оставлять, лишь несколько фанатиков отстреливались из трех орудий, и что ни выстрел — ядро у нас в корме или в корабле «Париж». Федор Михайлович Новосильский рассердился. «Париж» дал залп, и Синопский бой отошел в историю.

Участнику в сражении невозможно видеть все; «могу только сказать, что соседи наши «Ростислав» и «Париж» действовали, как на маневрах. Когда на последний приехал Павел Степанович, то сказал адмиралу Новосильскому: «Я приказал во время сражения поднять вам сигнал: «адмирал изъявляет свое удовольствие», но все сигнальные фалики были перебиты».

В самом начале сражения турецкий пароходо-фрегат «Таиф» (капитан англичанин) прорезал линию наших кораблей, ловко отманеврировался от парусных фрегатов и прорвался в море. В это время шли из Севастополя три наши парохода[1]: «Крым», «Одесса» и «Херсонес», под командой контр-адмирала Панфилова, они завязали бой и погнались за ним, но «Таиф», имея громадное преимущество в ходе, ушел. Он-то и привез в Константинополь весть о Синопском разгроме.

Корабли были избиты страшно. Больше всех пострадали флагманский «Императрица Мария» и наш «Три святителя». Потеря

[1] На одном из них был вице-адмирал Корнилов, который шел принять начальство над соединенными эскадрами.

наша людьми была незначительна, всего 265 человек и только 5 офицеров. Турок же погибло до 3000, если не более. Пропорция может показаться невероятною, но надо принять во внимание, что в начале сражения один фрегат был взорван, другой пущен ко дну, что дает уже около 1000 человек, также много тонуло, не достигая берега. Не могу воздержаться, чтобы не отдать должной похвалы русскому матросу; про офицеров я ничего не скажу, но команда вела себя выше всякой хвалы. Что за молодецкая отвага, что за дивная хладнокровная храбрость! Как теперь вижу: стоит красавец-комендор, знаменосец 32-го экипажа, Дехта, и держит большим пальцем правой руки запал у только что выстрелившего орудия. Вырвало ядром рядом с ним двух человек, он бровью не пошевельнул, только скомандовал, когда орудие было готово: «к борту!» И этот же самый Дехта, бледный, как полотно, через две недели дрожащей рукой вынимал жребий на Георгиевский крест. Достойных было слишком много!

Когда наступила ночь, картина сделалась еще величественнее, но ужаснее. Турецкая часть города пылала, фантастически освещая горы. Мириады белых голубей, выгнанные из своих жилищ, летали над пожарищем. Фрегаты горели и, догорая до крюйт-камер, взрывались, подымая столп дыма и пламя чуть не до облаков. На обгорелых остовах видно было ползающих людей. Турки с такой поспешностью оставляли свои суда, что, убегая, даже не разряжали по нас свои орудия. Теперь при пожаре они накаливались и стреляли. Сначала думали, что это из города, так что Павел Степанович послал парламентера объявить городским властям: «что если еще хоть один выстрел будет сделан по эскадре, то завтра утром не узнают места, где был Синоп». Парламентер не только не нашел властей, но даже ни одного турка не было в городе, все убежали в горы. Остались одни греки, которые с воплями умоляли взять их на эскадру, иначе турки нас перережут», говорили они. Всех желающих переселиться в Россию было до 380 семейств; но адмирал не мог исполнить их просьбу — они остались. Всю ночь и следующий день мы чинились. Неприятельские суда, которые не сгорели во время сражения, на другой день отводили на отмель и, сняв оставшихся турок, сжигали. На одном из этих фрегатов нашли раненного в ногу командира турецкой эскадры вице-адмирала Осман-пашу. В их же глазах был сожжен и «Фазли-Аллах» («Данный богом»), бывший русский фрегат «Рафаил». В 1829 г., когда Казарский на 18-пушечном бриге «Меркурий» отбился от двух линейных турецких кораблей, один в 110 пушек, другой в 74 пушки, и ушел, фрегат «Рафаил» с рассветом очутился среди неприятельского флота. Командир растерялся и спустил флаг. Государь император приказал: «отнять его обратно и сжечь его в виду русского флота». Но вскоре заключен был мир.

Князь Меншиков имел это в виду, когда доносил государю: «Приказание вашего императорского величества исполнено самым блестящим образом. Первая турецкая эскадра, показавшаяся на водах Черного моря, истреблена на Синопском рейде эскадрой вице-адмирала Нахимова».

«Русский Вестник», 1872, № 8, стр. 770—782.

№ 90

ПРЕДПИСАНИЕ А. С. МЕНШИКОВА М. Б. БЕРХУ О ЗАКЛАДКЕ КОРАБЛЯ «СИНОП»

8 декабря 1853 г.

Имею честь уведомить ваше превосходительство для зависящего в свое время распоряжения, что государю императору угодно, чтобы первый корабль, который заложен будет в Черноморском флоте, наименован был «Синоп».

Начальник Главного морского штаба
генерал-адъютант *Меншиков*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1853, д. 6367, л. 1. Подлинник.

№ 91

ОТРЫВОК ПИСЬМА СОВРЕМЕННИКА[1] О СИНОПСКОМ БОЕ ПО ПОКАЗАНИЯМ ПЛЕННОГО ТУРЕЦКОГО ВИЦЕ-АДМИРАЛА ОСМАНА-ПАШИ

24 декабря 1853 г.

...Айвазовский воротился из Севастополя; он видел там всех и долго говорил с Осман-пашею и Абдил-беем. Первый 62 лет, второй молодой человек, оба ранены и лежат. Вот рассказ Осман-паши. Мустафа-паша, старший, чем он, адмирал, объезжал на трех пароходах Абхазские берега и скинул там до шестидесяти бочонков пороху и много свинца в пластинах, провозглася черкесам, что турецкий флот около 20 ноября высадит к ним многочисленный десант из Синопа и взятого у нас Николаевского поста. Воротясь оттуда, Мустафа-паша встретился с нашим фрегатом «Флора» и напал на него; сражались долго, и один пароход был так разбит, что двое других повлекли его на буксире прямо в Константинополь. Между тем Осман-паша ждал Мустафу и не смел выйти из Синопа, видя три русские корабля, ибо Нахимов стерег его и послал уже в Севастополь за подкреплением. Как скоро пришел Новосильский с тремя еще кораблями, Нахимов начал атаку и в два с половиною часа заставил замолчать и крепость и турецкие фрегаты, но взорвание их продолжалось еще и ночью. Ветер был к берегу, почему сгорел и город. Турецкий экипаж бежал на берег, но много его и погибло. Осман-паша считает последних до 3000, а бежавших до 1700. Сам он провел ужасную ночь. Его сильно ранило в ногу; он лежал почти без чувств, отчасти в воде, которою стал наполняться их корабль; кругом вопли и плач раненых и умирающих. У него свои же люди вынули ключ и обокрали его, сняли с него шубу— ужасно! Когда пересадили его на русский корабль, все изменилось: за ним стали ухаживать, покоить его. Он удивляется и благодарит бога. Матросы наши отдавали пленным даже куртки свои. За то он не может довольно ругать своих. Когда спросили его, почему он не взял с собой в Синоп линейных кораблей, — «с нашими матросами

[1] Автора письма установить не удалось.

было бы все то же!» отвечал он. Герой победы Нахимов, с которого Айвазовский хотел нарисовать портрет, не позволил того и держит себя простодушно скромно: «Не важность, — говорит он, — побить турок, иное дело если бы были вместо их другие, мы всем обязаны Лазареву».

«Северная пчела», 1854, № 2.

№ 92

ИЗ ОТЧЕТА О ПЛАВАНИИ СУДОВ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА ЗА 1853 ГОД

Эскадра вице-адмирала Нахимова, состоявшая из кораблей «Императрица Мария», «Чесма», «Ростислав» и фрегата «Кагул», по соединении с судами отряда контр-адмирала Новосильского, кораблями «Париж», «Великий князь Константин» и «Три святителя» и фрегатом «Кулевчи» 18 ноября в полдень при умеренном восточном ветре с дождем атаковала турецкую эскадру из 7 больших фрегатов, шлюпа, 2 корветов, 2 транспортов и 2 пароходов, стоявшую между батареями на Синопском рейде, и в 2½ часа совершенно ее уничтожила; суда были отброшены на отмель и два фрегата взорваны на воздух, батареи срыты.

В бою этом корабли наши хотя потерпели значительные в корпусах своих и особенно в рангоуте повреждения, но по возможности исправлены, и те, которые нуждались в помощи, назначено было буксировать фрегатами и пароходами «Громоносец», «Одесса», «Крым» и «Херсонес», пришедшими к эскадре из Севастополя, во время самого сражения с генерал-адъютантом Корниловым и начальником сего пароходного отряда контр-адмиралом Панфиловым. Неприятель же потерял все суда, из них которые не были взорваны нашими бомбами во время сражения или сожжены самими турками, были впоследствии сожжены нашими фрегатами и пароходами по свозе пленных и раненых и по отведении в места, отдаленные от города. Укрепления все срыты, каменные батареи возле верфи и в стенах древней зубчатой стены, окружающей собственно турецкий квартал, уничтожены, причем, к сожалению, произошел пожар во всей этой части города. Начальник эскадры Осман-паша и несколько офицеров сдались военнопленными. По окончании дела послан был вице-адмиралом Нахимовым парламентер для объявления городовому начальству, что флот его императорского величества пришел на Синопский рейд для истребления турецкого и что даже было приказано, сколь возможно, избегать от стрельбы по городу, что и исполнено, сколько собственная оборона от выстрелов с батарей дозволяла. Начальства в городе не найдено, а впоследствии явились депутации от греков с просьбою взять их с семействами на корабли для охранения от турок, в чем им по неимению приказаний отказано и предложено обратиться к европейским консулам. С нашей стороны убитых 37, раненых 233 человека вообще; флагмана и капитаны выказали и знание своего дела и самую непоколебимую храбрость, равно как и подчиненные им офицеры, нижние же чины дрались, как львы, и, несмотря на утомление в сра-

жении, работали без отдыха, дабы привести суда в возможность плыть, что по случаю позднего осеннего времени представляло большие затруднения, ибо бо́льшая часть кораблей имела сквозные пробоины в мачтах и реях. Стрельба с кораблей производилась с особенным искусством; корабли «Великий князь Константин» и «Париж», снабженные бомбической артиллерией, стреляли с неимоверным искусством и взорвали своих противников в начале сражения, по окончании же оного эскадра прибыла в Севастополь.

ЦГВМА, ф. ВПК, 1853, д. 64/155, лл. 27—29. Копия.

№ 93

ПИСЬМО П. С. НАХИМОВА ДВОЮРОДНОМУ БРАТУ А. М. НАХИМОВУ В ОТВЕТ НА ПОЗДРАВЛЕНИЕ С ПОБЕДОЙ ПРИ СИНОПЕ

19 марта 1854 г.,
Севастопольский рейд, корабль «Двенадцать апостолов»

Любезный и дорогой мой друг
и брат Андрей Михайлович!

Ты, конечно, на меня сердишься и не поверишь, если я тебе скажу, что до сих пор не имел времени отвечать тебе и благодарить за твое радушное и приятное приветствие, в котором ты меня так мило поздравляешь с победой. После Синопского дела, возвратясь в Севастополь, я вскоре опять поднял свой флаг на корабле «Двенадцать апостолов», а с тех пор каждый из нас постоянно был занят — готовились достойно встретить грозных врагов драгоценной нашей отчизны.

Итак, вот четвертый месяц, что я на рейде и ни разу не был на берегу. К тому же нынешняя крымская зима была ужасная, поверишь ли: в каюте доходило иногда до 4° мороза, а вода в графине замерзала довольно часто, то после служебных занятий, спустясь в каюту, право, приходилось не до писем, и я откладывал почту за почтой. Теперь погода поправилась, но я захворал лихорадкой. Впрочем, нет худа без добра: доктор предписал несколько дней не выходить наверх, и я, пользуясь свободой, спешу отвечать тебе, дорогой мой друг, и благодарить за родственное твое расположение и внимание.

Ты пишешь, что вся Россия приветствует меня с Синопской победой, я же должен сознаться, что бодрым состоянием духа наших команд, прекрасной материальной частью флота Россия обязана покойному благодетелю Черноморского флота адмиралу Михаилу Петровичу Лазареву. Мне же остается благодарить всевышнего, что он даровал мне плоды неусыпной заботливости и постоянных трудов бывшего нашего начальника и друга. Право, всякий на моем месте сделал бы то же, что я.

Теперь вся Европа в волнении, надо думать о новых предстоящих действиях. Один бог знает, когда мы увидимся с тобой. Ах, если бы года через два или три все успокоились и мне дозволили бы годик

прожить в деревне в кругу моих добрых родных; право, я поздоровел и помолодел бы! К тому же вдали от всех вас я совсем одичал. Был при мне один близкий родной Платон Воеводский[1], да и тот теперь почти два года в отсутствии, за границей. Здесь кстати и мне приятно тебе сказать, что Керн[2] молодец, прекрасно вел себя в сражении, получил чин и фрегат и в весьма непродолжительном времени будет командиром корабля и экипажа. Прошу тебя, любезный друг Андрей Михайлович, засвидетельствовать мое душевное почтение сестре Надежде Яковлевне и перецеловать за меня милых дочерей. С какою бы радостью я познакомился с ними лично. Прощайте, да благословит вас всех господь всеми благами в мире! Не забывайте душевно любящего и преданного вам друга и брата.

P. S. Если ты видишься или переписываешься с сестрой Ириной Павловной, то засвидетельствуй ей мое душевное почтение. Сергей Михайлович Фиглиев всегда был ко мне внимателен, передай ему, что я всегда это помню и ценю.

«Русская старина», 1901, № 5, стр. 395—396.

---

[1] Племянник П. С. Нахимова, сын его сестры Анны. В чине капитан-лейтенанта командовал бригом «Орфей» и плавал в это время в Средиземном море и Архипелаге. В 1854—1855 гг. — защитник Севастополя, состоял в штабе П. С. Нахимова. Впоследствии вице-адмирал. Умер в 1885 г.

[2] **Керн,** Федор Сергеевич, командуя пароходом «Одесса», участвовал в Синопском сражении, за что был произведен в капитаны 2-го ранга и получил в командование фрегат «Кулевчи». Защитник Севастополя и кавалер орденов св. Георгия 4 и 3-го класса. Умер адмиралом в 1890 г.

Раздел пятый

П. С. НАХИМОВ—ОРГАНИЗАТОР И ВДОХНОВИТЕЛЬ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ

№ 94

ПРИКАЗ А. С. МЕНШИКОВА О НАЗНАЧЕНИИ В. А. КОРНИЛОВА НАЧАЛЬНИКОМ ОБОРОНЫ СЕВЕРНОЙ СТОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ, А П. С. НАХИМОВА — ЮЖНОЙ СТОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ

№ 40

11 сентября 1854 г.,

на бивуаке под Севастополем

1) Генерал-лейтенанту Павловскому, окончившему возложенное на него поручение по Северному укреплению, сдать начальство над оным генерал-адъютанту Корнилову, на которого возлагается оборона всей Северной части Севастополя.

2) Заведывание морскими командами, отделенными для защиты южной части Севастополя, поручается вице-адмиралу Нахимову.

О чем объявляю по Севастопольскому гарнизону и вверенным мне войскам.

Генерал-адъютант князь *Меншиков 1-й*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5453, л. 7. Копия.

№ 95

ПРИКАЗ П. С. НАХИМОВА О ЗАТОПЛЕНИИ КОРАБЛЕЙ И ИСПОЛЬЗОВАНИИ КОМАНД ДЛЯ ЗАЩИТЫ СЕВАСТОПОЛЯ С СУШИ

14 сентября 1854 г.

Неприятель подступает к городу, в котором весьма мало гарнизона; я в необходимости нахожусь затопить суда вверенной мне эскадры, а оставшиеся на них команды с абордажным оружием присоединить к гарнизону. Я уверен в командирах, офицерах и командах, что каждый из них будет драться, как герой; нас соберется до трех тысяч; сборный пункт на Театральной площади. О чем по эскадре объявляю.

Богданович, М. И. Восточная война 1853 — 1856 гг., Спб., 1876, т. III, стр. 55.

№ 96

ИЗ ВАХТЕННОГО ЖУРНАЛА 84-ПУШЕЧНОГО КОРАБЛЯ «РОСТИСЛАВ»

14 сентября 1854 г.

В 8¼ часов утра получено с флагманского корабля «Двенадцать апостолов» от вице-адмирала Нахимова приказание, что если поднимется на сем корабле на грот-брам-стеньге 2-й заменительный флаг, то все корабли затопить, а когда поднимется 4-й знак, то все корабли сжечь, затопив прежде порох. В ½ 9-го часа утра по приказанию командующего флотом вице-адмирала Нахимова командир корабля «Ростислав» и контр-адмирал Вукотич 2-й[1] приказали затопить корабль «Ростислав» сейчас же. Почему открыты были прорубленные 12-го числа сентября в подводной части дыры и пущена вода также чрез кран. В это же время стали свозить с корабля на берег провизию, служительские чемоданы, мелкое орудие и все, что полегче и за скоростию можно было бросить на гребные суда. Чрез ½ часа, когда по открытии дыр воды в трюме было 5½ футов, получено чрез лейтенанта Жандра приказание генерал-адъютанта Корнилова не затоплять кораблей. Дыры опять были заткнуты пробками, но часть провизии и пороху были подмочены; в 3 часа была слышна пальба близ Черной речки.

ЦГВИА, ф. 3, д. 60, л. 9614 и об. Копия.

№ 97

ОТНОШЕНИЕ П. С. НАХИМОВА В. А. КОРНИЛОВУ О СФОРМИРОВАНИИ БАТАЛЬОНОВ ИЗ МОРЯКОВ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

21 сентября 1854 г.

Сформирование батальонов из чинов одного экипажа я полагаю произвести таким образом: экипажных командиров, командующих батальонами, оставить на тех же местах, где они ныне находятся, присоединив к ним офицеров и нижних чинов из экипажей, 38-й экипаж, как вновь сформированный, перевести на Малахов Курган под начальство контр-адмирала Истомина вместо отделенных от него двух батальонов, составленных из абордажных партий.

О чем имею честь уведомить ваше превосходительство впоследствии отношения № 2184.

Вице-адмирал *Нахимов*

ЦГВИА, ф. 3, д. 54, л. 35. Копия.

---

[1] Вукотич, Петр Маркович. Контр-адмирал с 1849 г. Участник обороны Севастополя — капитан Севастопольского порта.

№ 98

ОТНОШЕНИЕ П. С. НАХИМОВА В. А. КОРНИЛОВУ О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ ВОЗМОЖНОСТИ СМЕНЫ БЕЛЬЯ МАТРОСАМ, НАХОДЯЩИМСЯ НА ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ЛИНИИ СЕВАСТОПОЛЯ.

24 сентября 1854 г.

Многие из команд морского ведомства, находящиеся в батальонах для защиты оборонительной линии, не переменяли до сих пор белья, почему я имею честь покорнейше просить ваше превосходительство приказать начальникам линий дать средства нижним чинам переменять белье, что крайне необходимо для сохранения здоровья нижних чинов.

Вице-адмирал *Нахимов*

ЦГВИА, ф. 3, д. 54, л. 28. Копия.

№ 99

ДОНЕСЕНИЕ А. С. МЕНШИКОВА НИКОЛАЮ I О МУЖЕСТВЕ ЧЕРНОМОРСКИХ МОРЯКОВ И П. С. НАХИМОВА, ПРОЯВЛЕННОМ НА СЕВАСТОПОЛЬСКИХ БАСТИОНАХ

6 октября 1854 г.

В дополнение к всеподданнейшему донесению моему от сего числа обязываюсь довести до высочайшего сведения вашего императорского величества, что морские чины, от офицера до матроса, которым исключительно вверена защита города с батарей и бастионов, явили 5-го числа во время бомбардировки примерное и достохвальное мужество и стойкость.

На бастионе № 3 три раза орудийная прислуга была заменяема, а между тем, люди с веселием и песнями, соперничая друг перед другом, исполняли свое дело.

Не могу при этом случае не упомянуть о вице-адмирале Нахимове, который деятельностью и распорядительностью своею подвигал как эти нравственные средства, так и материальные к упорному и успешному отражению ударов неприятеля[1].

«Собрание донесений..., относящихся до войны 1853—1856 гг.». Спб., 1858, стр. 231. Впервые опубликовано в газ. «Русский инвалид» № 229 за 1854 г. и в газ. «Северная пчела» № 229 за 1854 г.

№ 100

СООБЩЕНИЕ П. С. НАХИМОВА М. Н. СТАНЮКОВИЧУ О ВЫЛАЗКЕ ПАРОХОДОВ «ВЛАДИМИР» И «ХЕРСОНЕС»

24 ноября 1854 г.

Вследствие разрешения его светлости князя Александра Сергеевича Меншикова сего дня в 1 час пополудни я отделил от вверенной

[1] Во время бомбардировки Севастополя 5 октября 1854 г. П. С. Нахимов был легко ранен.

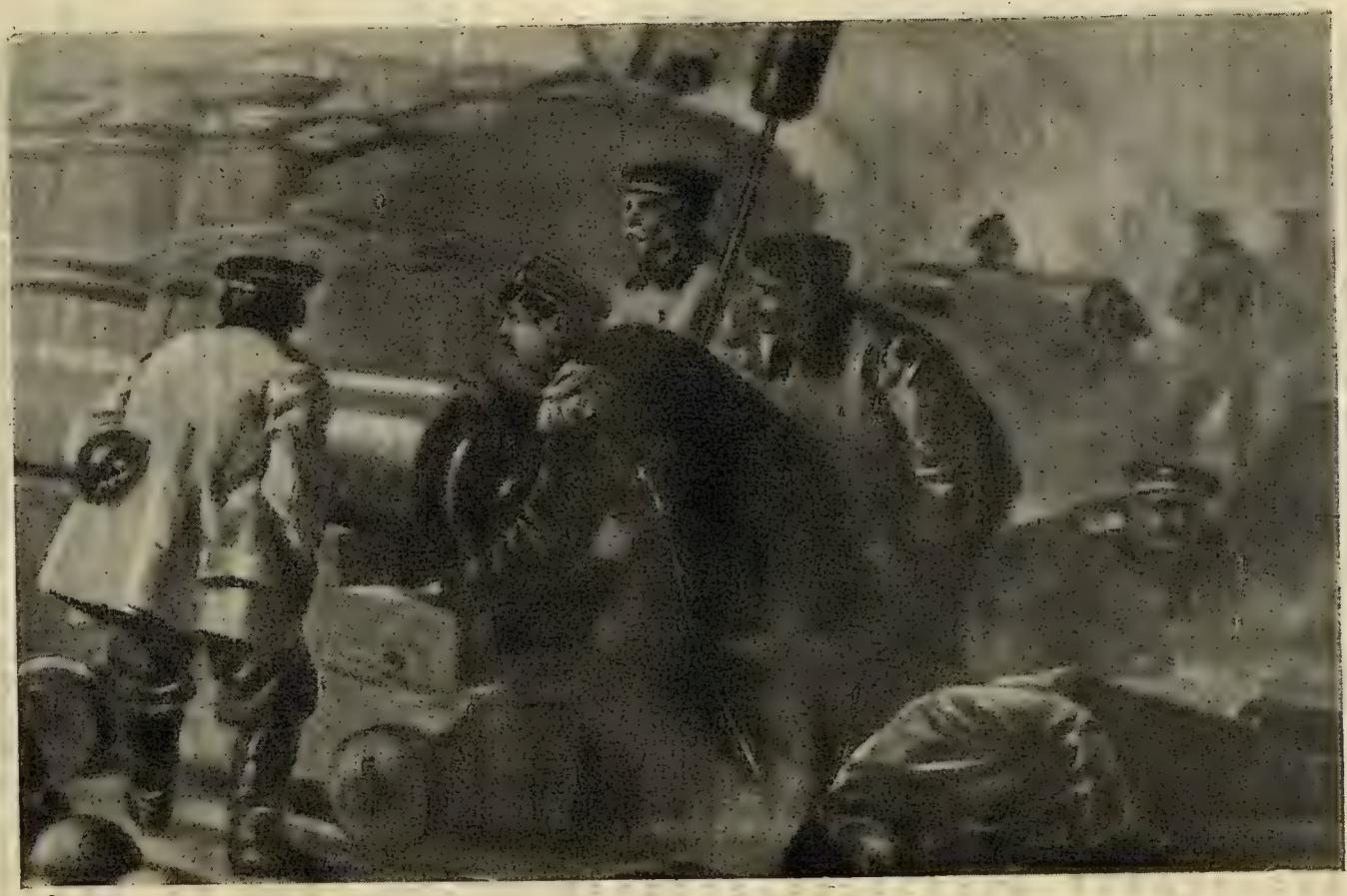
мне эскадры пароходы «Владимир» и «Херсонес», поручив их в ведение командира первого из них капитана 2-го ранга Бутакова; я предписал ему атаковать железный винтовый пароход, стоявший на фарватере против Песочной бухты для наблюдения за движениями наших судов на рейде. Капитан 2-го ранга Бутаков взял на себя атаку этого парохода, предоставив командиру парохода «Херсонес» капитан-лейтенанту Рудневу наблюдение и действие по Стрелецкой бухте, где в глубине залива стояли на швартовах два неприятельские парохода. Выбежав из-за бонов, «Владимир» полным ходом следовал к своему противнику, на пути приветствовал несколькими метками выстрелами неприятельский лагерь, расположенный по восточному склону Стрелецкой бухты, и пароходы в ней находившиеся.

Заметив намерение «Владимира», винтовый пароход сделал сигнал флоту и спешил поднять пары; бросив несколько неудачных ядер по «Владимиру», он выпустил цепь, торопясь укрыться под выстрелами кораблей, расположенных у Камышевой бухты; «Владимир» преследовал его за Песочную бухту, действуя по нем двумя носовыми выстрелами. Видя безуспешность погони и уже почти под выстрелами кораблей, он положил лево руль и продолжал огонь по бежавшему всеми орудиями левого борта до тех пор, покуда выстрелы его были действительны; тогда, поворотив к Стрелецкой бухте, «Владимир» присоединился к «Херсонесу», с живостью бросавшему бомбы по лагерю и пароходам; чтобы не помешать выстрелам «Владимира», идя контргалсом, «Херсонес» также поворотил и продолжал действие с правой стороны, так же как и первый. Быстрый и меткий огонь двух пароходов произвел большое смятение как на берегу, так и в бухте, отчего выстрелы неприятельских пароходов и нескольких полевых орудий, выдвинутых ими к берегу, были недействительны; на одном из первых показавшийся из-под палубы в большом количестве пар дает право заключить, что у него был пробит паровой котел.

Между тем, еще по первому сигналу винтового беглеца все паровые суда флота, не исключая даже кораблей, задымились; бывшие же незадолго перед тем в движении два английских парохода, а за ними и один французский под вице-адмиральским флагом вскоре стали приближаться к нашим пароходам, в то же время пароход, находившийся у р. Качи для работ, у выброшенных судов, снялся с якоря, а потому, чтобы не быть атакованным превосходным неприятелем, пароходы наши начали подвигаться к Севастополю. Передовой английский пароход, приблизясь между нашими пароходами, не причинял никакого вреда, «Владимир», следуя в кильватер «Херсонеса», отстреливался из кормовых орудий.

Убитых и раненых на наших пароходах нет, на «Владимире» неприятельское ядро попало в фок-мачту у чиксы, отбив 1/6 диаметра мачты, причем перебило несколько снастей.

Присутствие английской эскадры у Качи, а французской у Камышевой бухты вселило самоуверенность о безнаказанности позиции винтового парохода в виду нашего разоруженного флота. Молодецкая вылазка наших пароходов напомнила неприятелям, что суда наши, хотя разоружены, но по первому приказу закипят жизнью; что, метко стреляя на бастионах, мы не отвыкли от стрельбы на качке; что, со-



П. С. Нахимов наводит орудие на батарее

ставляя стройные бастионы для защиты Севастополя, мы ждем только случая показать, как твердо помним уроки покойного адмирала Лазарева, и что каждый из нас жаждет доказать, как государь справедлив, почтив память Корнилова.

Вице-адмирал *Нахимов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1854, д. 6480, лл. 5—6. Заверенная копия.

№ 101

РАПОРТ П. С. НАХИМОВА А. С. МЕНШИКОВУ О РАЗРУШЕНИИ ПРЕГРАДЫ ИЗ ЗАТОПЛЕННЫХ КОРАБЛЕЙ У ВХОДА НА СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ РЕЙД

15 декабря 1854 г.,
Севастопольский рейд

Крепкие западные ветры и большое волнение разрушили преграду из затопленных кораблей у входа в Севастопольский рейд; тщательный промер, сделанный по моему приказанию, показывает, что по всей линии глубина превышает 28 футов. Важность этого обстоятельства обязывает меня, не соблюдая формы, поспешить донести прямо вашей светлости.

Вице-адмирал *Нахимов*

ЦГВМА, ф. АМ, карт. 74, 1854, д. 253, л. 52. Подлинник.

№ 102

ИЗ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ А. С. МЕНШИКОВА УПРАВЛЯЮЩЕМУ МОРСКИМ МИНИСТЕРСТВОМ ВЕЛ. КН. КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ О НАГРАЖДЕНИИ П. С. НАХИМОВА ЗА ДОБЛЕСТНОЕ РУКОВОДСТВО ОБОРОНОЙ СЕВАСТОПОЛЯ

31 декабря 1854 г.

Долгом поставляю свидетельствовать о заслугах трех нижепоименованных адмиралов, об исходатайствовании которым монарших наград позвольте просить ваше императорское высочество войти с докладом к государю императору.

...Вице-адмирал Нахимов.

Командуя эскадрою судов на рейде и в гавани, заведует также всеми морскими чинами, служащими на батареях и бастионах и храбро и упорно защищающими Севастополь.

Распорядительно и всегда лично наблюдая за своевременным их снабжением всеми материальными к защите средствами, он сверх того одушевлял войска непрестанным своим присутствием всюду, где опасность, подавая собою пример мужественного хладнокровия при исполнении священного долга.

Такое достохвальное служение вице-адмирала Нахимова, который, несмотря на контузию и легкую рану, не переставал разде-

лять труды других неутомимых своих сослуживцев, обязывает меня ходатайствовать ему всемилостивейшей награды орденом Белого Орла.

Независимо от Георгия 2-й степени, старший орден у сего адмирала св. Владимир 2-й степени, полученный за высадку войск 18 ноября 1853 года.

Генерал-адъютант *Меншиков*

Резолюция Николая I: «*Дать*».

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1855, 2-й отд., 2-й стол, д. 15, лл. 3—4. Подлинник.

№ 103

РЕСКРИПТ УПРАВЛЯЮЩЕГО МОРСКИМ МИНИСТЕРСТВОМ П. С. НАХИМОВУ О НАГРАЖДЕНИИ ЕГО ОРДЕНОМ БЕЛОГО ОРЛА

13 января 1855 г.

Павел Степанович! Генерал-адъютант князь Меншиков, свидетельствуя перед государем императором о заслугах ваших во время обороны Севастополя, ходатайствовал о награде вас орденом Белого Орла, и его величество на сие высочайше соизволил. Орденские знаки вы получите вместе с грамотою, а я вменяю себе в удовольствие выразить вам ныне личные чувства мои и всего Балтийского флота; мы уважаем вас за ваше доблестное служение; мы гордимся вами и вашей славой как украшением нашего флота; мы любим вас как почтенного товарища, который сдружился с морем и который в моряках видит друзей своих. История флота скажет о ваших подвигах детям нашим, но она скажет также, что моряки-современники вполне ценили и понимали вас. Примите, почтеннейший Павел Степанович, в этом письме доказательство тому и верьте, что я всегда пребуду искренно к вам доброжелательным.

Константин

«Морской сборник», 1855, № 1, стр. XIII.

№ 104

РАПОРТ П. С. НАХИМОВА А. С. МЕНШИКОВУ О МЕРАХ ПО ОХРАНЕ ВХОДА В СЕВАСТОПОЛЬСКУЮ БУХТУ

29 января 1855 г.

Земляные батареи, устроенные в начале прошлого года в восточной части Севастопольской бухты, весьма естественно наводят на мысль, что, несмотря на полное вооружение и далеко превосходное противу нынешнего состояния внешних укреплений рейда, при полном составе флота, предполагалась возможность покушения неприятеля на внутренность бухты; теперь, когда все обстоятельства изме-

нились не в пользу нашу, такое предположение принимает вид еще более вероятный, тем более, что вашей светлости уже известно, что затопленные наши суда не служат преградою для входа на рейд даже кораблям. Бон, протянутый поперек бухты, при предварительной обдуманности со стороны неприятеля, также не может служить серьезным препятствием для движения неприятельского флота внутрь бухты, ничем в глубине не защищенной и в которой расположены наши суда, совершенно лишенные возможности оказать какое бы то ни было сопротивление. В прилагаемой ведомости ваша светлость изволите усмотреть, что за исключением кораблей «Чесма» и «Ягудиил», занимающих определенные позиции в случае штурма, только три корабля — «Вел. кн. Константин», «Париж» и «Храбрый» — имеют часть своей артиллерии, остальные же вовсе не имеют. Приняв во внимание численность команд этих кораблей, показанную в этой же ведомости, ваша светлость изволит убедиться, что в настоящем положении эти суда совершенно не соответствуют своей грозной наружности, а потому я считаю долгом почтительнейше изложить свое мнение относительно защиты рейда от покушения неприятеля.

Получив разрешение вашей светлости и дополнив команды кораблей «Вел. кн. Константин», «Париж» и «Храбрый» до цифр, показанных в последней графе ведомости, я бы думал расположить их поперек бухты между батареями Павловскою и № 4.

Решившись прорваться на рейд, неприятель, конечно, не атакует этих кораблей иначе, как уже пройдя их линию, чтобы не быть под перекрестным огнем кораблей и батарей; расположив пароходы во второй линии на высоте Голландии, мы дадим самую ничтожную помощь атакованным кораблям и только в таком случае, если против пароходов не поместится сильнейший неприятель. А потому я считаю необходимым поставить несколько больших орудий на правом бастионе, которые действовали бы через банк по рейду. Для пятиорудийной батареи на высоте между Панаитова балкою и Голландиею, усиленной еще несколькими орудиями, сделать другую насыпь, за которою в случае нужды, передвинув пушки, можно было бы обстреливать обширное пространство рейда. Батареи на высотах Голландии и маяки должны иметь такие же насыпи, чтобы при надобности сосредоточить весь свой огонь по рейду. Несколько орудий на правом фланге третьего бастиона и на высоте адмиралтейства Лазарева отнимут у неприятеля возможность безопасно хозяйничать в Южной бухте. Высота местности лучше всяких мерлонов прикроет прислугу и орудия от поражения с неприятельских судов. Разместив два дивизиона батарейных орудий в доковой части города, мы будем иметь возможность в случае надобности действовать с высот и тем облегчить наши усилия на пунктах, наиболее угрожаемых неприятелем. Другие два дивизиона, помещенные в Северном укреплении или его окрестностях, еще более послужат залогом к надежде на успех, в особенности если при каждом из упомянутых четырех дивизионов будет находиться по одному надежному офицеру с флота.

Я надеюсь, что при доверии, которого я не раз имел счастие

удостаиваться от вашей светлости, вы не припишете мне убеждения в безопасности рейда от принятия этих мер. Кто не поймет опасность, в которой мы теперь находимся, имея проход на рейд свободным?

Оканчивая изложение своей мысли, я уверен, что ваша светлость найдете в ней только искреннее желание быть полезным в деле, общем каждому русскому и в особенности моряку. Припомните при этом, ваша светлость, что флаг мой развевается в виду неприятельского флота, на корабле без пушек и людей, и вы легко найдете справдание моей смелости, с которой я решился откровенно высказать вам свое мнение.

Вице-адмирал *Нахимов*

ВЕДОМОСТЬ О ЧИСЛЕ КОМАНД И ОРУДИЙ НА КОРАБЛЯХ, ИМЕЮЩИХ ЧАСТЬ АРТИЛЛЕРИИ

	Число орудий	Число наличной команды	Число людей, необходимое для действия
Корабль „Париж“:			
В гон-деке	32		
„ мидель-деке	26		
„ квартер-деке	24		
Итого	82	214	644
Корабль „Вел. кн. Константин“:			
В гон-деке	32		
„ мидель-деке	34		
„ квартер-деке	24		
Итого	90	337	696
Корабль „Храбрый“:			
В гон-деке	32		
„ опер-деке	27		
Итого	59	248	500

Вице-адмирал *Нахимов*

ЦГВМА, ф. АМ, карт. 74, 1855, д. 253, лл. 53—55. Подлинник.

№ 105

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА П. С. НАХИМОВА А. С. МЕНШИКОВУ О ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ МЕРАХ ПО УСИЛЕНИЮ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ С МОРЯ

3 февраля 1855 г.

В докладной записке от 30 числа за № 5[1] я имел честь изложить вашей светлости свое мнение о мерах, которые до принятия более действительных если не обезопасят Севастополь и флот, то по крайней мере усилят небольшие средства нашей внутренней обороны.

Одобрение, которым вы меня удостоили, налагает на меня обязанность подробно представить вашей светлости положение, в котором флот наш будет теперь находиться.

Громадные усилия союзников, употребленные против Севастополя, бесспорно могли быть удерживаемы до сих пор только при содействии средств, разрушивших Черноморский флот; первый период бомбардирования кончается, средства наши наполовину уже истощились. Тяжкий удар, нанесенный флоту, не тайна для наших неприятелей; мы находимся в таком положении, что не можем быть страшны на море по крайней мере в продолжение нескольких лет; приложение винтового двигателя окончательно решает вопрос о нашем настоящем ничтожестве на море Черном; итак, нам остается одно будущее, которое может существовать только с Севастополем; враги наши знают цену этому пункту и употребляют все усилия, чтобы завладеть им.

По мнению моему, они могут достигнуть этого двумя путями: отбросив армию от сообщений с городом или атакою с рейда.

Расстроить армию на крепких позициях, которыми она владеет, дело весьма сомнительное и может окончиться совершенным поражением их собственной; последствия этого поражения угадать не трудно.

Внимательно следя за каждым нашим движением на рейде, они, конечно, знают не хуже нашего счет орудий, свезенных нами с флота и вновь поставленных на три корабля, и потому, чтобы решиться на атаку с рейда, нужна только уверенность в свободном проходе чрез затопленные нами корабли. Пятнадцать-двадцать минут под огнем наших батарей, который за дымом, вероятно, не будет должным образом направлен; потом ничтожная преграда из трех кораблей, не вполне вооруженных, с прислугою, набранною наскоро из разных команд и не приобученной к действию; вот препятствия, за вероятным преодолением которых останутся несколько полевых орудий и три-четыре батареи, раскинутые на огромном пространстве и не представляющие никакого сосредоточенного действия. Батареи, расположенные на высотах, если и будут беспокоить неприятеля в глубине бухты, то, конечно, не настолько, чтобы принудить пре-

[1] Упоминаемую докладную записку отыскать не удалось. Возможно, что П. С. Нахимов имеет в виду свой рапорт от 29 января 1855 г. (см. документ № 104).

кратить действие в тыл наших атакованных бастионов и по не прикрытому с этой стороны ничем гарнизону. Двадцать-пятнадцать кораблей и несколько пароходов составят число судов, превышающее число орудий, на них направленных.

Расстройство, которое при этом понесет гарнизон, даст неисчислимые выгоды неприятелю при штурме, который, вероятно, затем последует. Возможна ли при этом надежда на успешное сопротивление?

Положим даже, что полный успех увенчает наши усилия, — потеря неприятеля нисколько не решает участи экспедиции; после такой почти невероятной для нас удачи положение неприятеля не сделается нисколько хуже нынешнего, — у него останутся те же средства для береговых операций, а Черноморский флот окончательно не будет существовать; корабли, расположенные на позиции, выдержав, как я уже сказал, самый удачный бой, вероятно, не будут в состоянии принять участие в нынешней войне до ее окончания; остальные же затем суда, как совершенно беззащитные, будут разрушены или сожжены.

Предполагая удачу, естественно надо взять и другую сторону; если неприятельские корабли утвердятся на рейде, то, кроме того, что мы потеряем Севастополь и флот, мы лишимся всякой надежды в будущем; имея Севастополь, мы будем иметь и флот; однажды же отданный отнять без содействия флота невозможно, а без Севастополя нельзя иметь флота на Черном море; аксиома эта ясно доказывает необходимость решиться на всякие меры, чтобы заградить вход неприятельским судам на рейд и тем спасти Севастополь. Прибавлю ко всему сказанному, что потеря Севастопольского гарнизона, естественное следствие появления неприятеля на рейде, лишит армию весьма значительной части необходимых и прекрасных войск, а флот огромной массы сословия, которое развивалось в продолжение полутора века.

Может быть, ваша светлость, найдете в этом изложении односторонний взгляд моряка, но тем не менее я уверен, что вы отдадите справедливость прямодушию, с которым оно писано; конечно, только полное и глубокое убеждение заставило меня возвысить свой голос перед вашей светлостью; не мне решать вопросы столь сложные. Но если вы найдете хотя немного истины во всем мною сказанном, то для собственного вашего спокойствия позвольте обсудить его в военном совете.

Этим средством вы положите конец опасениям тех, кому известно настоящее положение затопленных кораблей, или в противном случае решитесь без душевного беспокойства на меры, указываемые необходимостью.

Чрезвычайные обстоятельства, в которых мы находимся, послужат мне оправданием перед вашей светлостью в настоящем моем поступке.

Вице-адмирал *Нахимов*

ЦГВМА, ф. АМ, карт. 74, 1855, д. 253, лл. 56—57. Подлинник.

№ 106

РАПОРТ П. С. НАХИМОВА М. Б. БЕРХУ ОБ ИСПОЛНЕНИИ ПРИКАЗА А. С. МЕНШИКОВА О ДОПОЛНИТЕЛЬНОМ ЗАТОПЛЕНИИ СУДОВ ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА

13 февраля 1855 г.

Г. командующий эскадрою судов Черноморского флота донес мне, что по словесному приказанию его светлости г. главнокомандующего войсками в Крыму корабли «Двенадцать апостолов», «Святослав», «Ростислав», фрегаты «Кагул» и «Месемврия» сего числа ночью затоплены между Николаевской и Михайловской батареями, фрегат же «Мидия» при первом удобном случае будет также затоплен, о чем вашему превосходительству имею честь донести.

Исправляющий должность командира Севастопольского порта

вице-адмирал *Нахимов*

ЦГВМА, ф. ШЧФ, 1854, д. 6491. Подлинник.

№ 107

РАПОРТ П. С. НАХИМОВА М. Н. СТАНЮКОВИЧУ О ПОВРЕЖДЕНИЯХ, НАНЕСЕННЫХ НЕПРИЯТЕЛЬСКОЙ БАТАРЕЕЙ ПАРОХОДУ «ХЕРСОНЕС»[1]

22 февраля 1855 г.

Неприятель в эту ночь, поставив на батарею, построенную им на приморской высоте подле устья Черной речки, три орудия, сего числа в 6½ часов утра открыл огонь по пароходу «Херсонес», стоящему вблизи сухарного завода.

Отвечая ему своим бортом, «Херсонес» для сбережения машины подался на швартовых к южной стороне бухты и тем вышел из-под неприятельского огня. Пароход «Громоносец» и наши батареи Северного берега бухты немедленно открыли огонь по неприятельской, [батарее], которая к 7½ часам прекратила свой.

На пароходе «Херсонес» убитых—44-го флотского экипажа вольные матросы Петр Демский, Михаил Гребенюк; раненых — Яков Белый и 43-го флотского экипажа матрос 1-й степени Иван Лебединский. Пробоин в пароходе: противу машины в подводную часть — 3, в кают-компанию выше ватерлинии — 1, в ватер-вейс ютовой — 1, в кожуховую каюту с правой стороны — 1.

О чем вашему высокопревосходительству имею честь донести.

Вице-адмирал *Нахимов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5970, л. 317—317 об. Подлинник.

[1] 24 февраля командир Севастопольского порта вице-адмирал М. Н. Станюкович направил аналогичный рапорт главному командиру Черноморского флота и портов адмиралу М. Б. Берху (ЦГВМА, ф. ШЧФ, д. 6488, л. 75).

№ 108

РАПОРТ Д. Е. ОСТЕН-САКЕНА[1] УПРАВЛЯЮЩЕМУ МОРСКИМ МИНИСТЕРСТВОМ ВЕЛ. КН. КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ С ХОДАТАЙСТВОМ О ПРОИЗВОДСТВЕ П. С. НАХИМОВА В АДМИРАЛЫ

25 февраля 1855 г.

Вице-адмирал Нахимов во все время 165-дневной осады Севастополя, сначала не принадлежа к ее обороне, потом с 28 ноября в качестве помощника и замещения меня в случае смерти или раны, чрезвычайно способствовал успешной обороне Севастополя: блистательною неустрашимостью, влиянием на войска, приобретенною любовью и уважением, неусыпною деятельностью, доходящею до того, что непрестанным осмотром бастионов, редутов, батарей и траншей ему известно направление орудий в каждой амбразуре.

Вице-адмирал Нахимов имеет неисчислимые заслуги.

Производство вице-адмирала Нахимова в следующий чин, о чем я считаю священным долгом испрашивать ходатайства вашего императорского высочества, порадовало бы морские и сухопутные войска и принесло бы существенную пользу общему делу и службе государя императора.

Генерал-адъютант барон *Остен-Сакен*

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1-е отд. 1-й стол, 1855, д. 140, лл. 2—3. Подлинник.

№ 109

ПРИКАЗ П. С. НАХИМОВА[2] ПО СЕВАСТОПОЛЬСКОМУ ГАРНИЗОНУ О НЕОБХОДИМОСТИ БЕРЕЧЬ ЛИЧНЫЙ СОСТАВ БАТАРЕЙ ВО ВРЕМЯ БОМБАРДИРОВОК

2 марта 1855 г.

Усилия, употребленные неприятелем против Севастополя 5 октября и в последующие затем дни, дают основательный повод думать, что, решившись продолжать осаду, враги наши рассчитывают на средства еще более громадные. Но теперь шестимесячные труды по укреплению Севастополя приходят к концу, средства обороны нашей почти утроились, а потому кто из нас, верующий в правосудие божие, усомнится в торжестве над дерзкими замыслами неприятеля? Но разрушить их при большой потере с нашей стороны не есть еще полное торжество, а потому я считаю долгом напомнить всем начальникам священную обязанность, на них лежащую, а именно: предварительно озаботиться, чтобы при открытии огня с неприятельских батарей не было ни одного лишнего человека не только в открытых местах и без

[1] **Д. Е. Остен-Сакен** с отъездом А. С. Меншикова из действующей армии в феврале 1855 г. до приезда М. Д. Горчакова 9 марта 1855 г. исполнял должность командующего Крымской армией.

[2] **П. С. Нахимов** вступил в должность командующего севастопольским гарнизоном 2 марта 1855 г.

дела, но даже прислуга у орудий и число людей для неразлучных с боем работ было бы ограничено крайней необходимостью. Заботливый офицер, пользуясь обстоятельствами, всегда отыщет средства сделать экономию в людях и тем уменьшить число подвергающихся опасности. Любопытство, свойственное отваге, одушевляющей гарнизон Севастополя, в особенности не должно быть допускаемо начальниками. Пусть каждый будет уверен в результате боя и спокойно останется на указанном ему месте, что особенно относится к гг. офицерам. Я надеюсь, что гг. дистанционные и отдельные начальники войск обратят полное внимание на этот предмет и разделят своих офицеров на очереди, приказав свободным находиться под блиндажами и в закрытых местах. При этом прошу внушить им, что жизнь каждого из них принадлежит отечеству и что не удальство, а только истинная храбрость приносит пользу ему и честь умеющему отличить ее в своих поступках от первого. Пользуюсь этим случаем еще раз повторить запрещение частой стрельбы. Кроме неверности, естественного следствия торопливости, трата пороха и снарядов составляет такой важный предмет, что никакая храбрость, никакая заслуга не должны оправдывать офицера, допустившего ее. Заботливость об охранении города, вверенного государем нашей чести, пусть будет ручательством меткости и хладнокровия наших артиллеристов [1].

ЦГВИА, ф. 3, д. 39, л. 13561. Копия. Опубл. Богданович. Восточная война 1853—1856 гг., Спб., 1876, т. III, стр. 250—251.

№ 110

РАПОРТ П. С. НАХИМОВА Д. Е. ОСТЕН-САКЕНУ ОБ ОТРАЖЕНИИ АТАКИ НЕПРИЯТЕЛЯ НА КАМЧАТСКИЙ РЕДУТ

6 марта 1855 г.

Начальник 4-го отделения оборонительной линии контр-адмирал Истомин 2-й донес мне, что вчерашнего числа вскоре после сумерок, только что наша ночная цепь успела занять свои места впереди Камчатского редута, неприятель, обстреливавший передовые наши ложементы, вдруг прекратил ружейный огонь и все действия своей артиллерии обратил на редут. В то же время три неприятельские колонны

[1] По поводу этого приказа и. о. командующего Крымской армией генерал-адъютант Остен-Сакен писал в приказе от 6 марта 1855 г.: «С невыразимым удовольствием прочел я приказ командующего Севастопольским гарнизоном вице-адмирала Нахимова от 2 настоящего месяца № 54. В нем выражаются: знание дела, опытность и пламенное усердие к службе.

От помянутого приказа ожидаю и существенной пользы относительно артиллерийской службы в Севастопольском гарнизоне, которого основные правила, предлагаемые вице-адмиралом Нахимовым, имеют тесное соотношение со службою полевой артиллерии.

Сообщая в списке приказ этот войскам, предписываю принять его к руководству.

Я желаю, чтобы каждый артиллерийский офицер имел у себя упомянутый приказ» (ЦГВИА, ф. 3, д. 40, лл. 14307 (об) и 14308).

с рассыпанною впереди цепью бросились чрез интервалы наших передовых ложементов и обхватили их с тыла.

Встретив их вначале сильным батальным огнем из ложементов, полковник Свищевский атаковал их тремя ротами Волынского пехотного полка и штыками отбросил к нашим ложементам. Пользуясь расстройством и беспорядком неприятеля, храбрые якутцы, удержавшиеся в ложементах, ударили на врагов с тыла. Поставленные между двумя рядами штыков, зуавы только бегством могли найти спасение за своими траншеями.

Неприятель, приняв отброшенные свои колонны, вновь открыл из своей траншеи сильный ружейный огонь. Тогда храбрый полковник Бялый вывел один из двух батальонов Якутского полка, занимавших Камчатский редут, с тем, чтобы встретить неприятеля, если бы он покусился на новое нападение.

С обоих флангов поведено было по две роты Томского егерского полка в ротных колоннах. Только что неприятельские колонны вышли из траншей, чтобы снова броситься на наши ложементы, колонны наши, заблаговременно приготовленные полковником Бялым, ринулись к ним навстречу с барабанным боем. Неприятель, не ожидая этой атаки, был вторично откинут штыками в свою траншею, куда ворвались вместе с ним и наши удальцы. После кратковременного рукопашного боя в неприятельской траншее полковник Бялый вывел свои войска и построил их впереди ложементов. Затем перестрелка прекратилась и в продолжение всей ночи более не возобновлялась.

Взятые нами пленные показали, что участвовало в деле 12 тысяч войска с решительным намерением овладеть Камчатским редутом и что будто бы им объявлено, что не прежде приступлено будет к бомбардированию и атаке Севастополя, как по занятии наших новых 3 редутов. Судя по огромному протяжению, на котором производился ружейный огонь, и по настойчивости в нападении, можно заключить, что введенные неприятелем в бой войска были очень значительны.

Контр-адмирал Истомин свидетельствует о блистательном мужестве полковника Бялого и всех гг. штаб- и обер-офицеров. Только примерною неустрашимостию воинских чинов можно было столь решительно отразить нападения многочисленного неприятеля, почему имею честь покорнейше просить ваше высокопревосходительство о дозволении войти с представлением о награждении наиболее отличившихся в этом блистательном деле.

Потеря наша состоит из убитых:

Волынского пехотного полка	унтер-офицеров . . .	1
„ „ „	рядовых	6
Якутского „ „	унтер-офицеров	1
„ „ „	рядовых	5
Томского егерского „	рядовых	2
	Итого . .	15

Раненых:

Волынского пехотного полка	обер-офицеров . . .	2
„ „ „	унтер-офицеров . . .	2
„ „ „	рядовых	26

Якутского пехотного полка	унтер-офицеров	4
„ „ „	рядовых	26
Томского егерского „	унтер-офицеров	1
„ „ „	рядовых	26
	Итого	87

Контуженных:

Волынского пехотного полка	рядовых	29
Якутского „ „	унтер-офицеров	3
„ „ „	рядовых	21
Томского егерского полка	офицеров	3
„ „ „	рядовых	13
	Итого	69

В числе контуженных находится командир Томского егерского полка полковник Пустовойтов.

Неприятель оставил на месте до 50 тел, в плен взято: офицер 1, 8 зуавов и 1 венсенский стрелок.

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5970, лл. 450—452. Копия.

№ 111

ДОНЕСЕНИЕ П. С. НАХИМОВА О СМЕРТИ В. И. ИСТОМИНА[1]

9 марта 1855 г.

Контр-адмирал Истомин убит неприятельским ядром на вновь воздвигнутом Камчатском люнете. Хладнокровная обдуманность при неутомимой деятельности и отеческом попечении, соединенная с блистательной храбростью и благородным возвышенным характером,—вот черты, отличавшие покойного. Вот новая жертва, принесенная искуплению Севастополя. Качества эти, взлелеянные в нем бессмертным нашим учителем адмиралом Лазаревым, доставили ему особенное исключительное доверие и падшего героя Севастополя вице-адмирала Корнилова. Духовная связь этих трех лиц дала нам смелость, не ожидая вашего разрешения, действовать по единодушному желанию всех нас, товарищей и подчиненных убитого адмирала: обезглавленный прах его удостоен чести помещения в одном склепе с ними.

Принимая живое, горячее участие во всем, касающемся Черноморского флота, и зная лично Истомина, вы поверите скорби, удручающей Севастополь с минуты его смерти, и разрешите согласием это распоряжение,

Вице-адмирал *Нахимов*

«Русский архив», кн. 1-я 1877, стр. 141.

[1] Заголовок «Русского архива». В публикации отсутствует указание об адресате, которому было направлено это донесение.

№ 112

ПИСЬМО П. С. НАХИМОВА К. И. ИСТОМИНУ О ГИБЕЛИ В. И. ИСТОМИНА НА БОЕВОМ ПОСТУ

9 марта 1855 г., г. Севастополь

Любезный друг Константин Иванович![1]

Общий наш друг Владимир Иванович убит неприятельским ядром; вы знали наши дружеские с ним отношения, и потому я не стану говорить о своих чувствах, о своей глубокой скорби при вести об его смерти. Спешу вам только передать об общем участии, которое возбудилось во всех потерею товарища и начальника, всеми любимого. Оборона Севастополя потеряла в нем одного из своих главных деятелей, воодушевленного постоянно благородною энергией и геройскою решительностью; даже враги наши удивляются грозным сооружениям Корнилова бастиона и всей четвертой дистанции, на которую был избран покойный как на пост самый важный и вначале самый слабый.

По единодушному желанию всех нас, бывших его сослуживцев, мы погребли тело его в почетной и священной могиле для черноморских моряков, в том склепе, где лежит прах незабвенного адмирала Михаила Петровича и первая, вместе высокая, жертва защиты Севастополя — покойный Владимир Алексеевич. Я берег это место для себя, но решил уступить ему.

Извещая вас, любезный друг, об этом горестном для всех нас событии, я надеюсь, что для вас будет отрадною мыслью знать наше участие и любовь к покойному Владимиру Ивановичу, который жил и умер завидною смертью героя. Три праха в склепе Владимирского собора будут служить святынею для всех настоящих и будущих моряков Черноморского флота.

Посылаю вам кусок георгиевской ленты, бывшей на шее у покойного в день его смерти; самый же крест разбит на мелкие части. Подробный отчет о его деньгах и вещах я не замедлю прислать вам. Прощайте и не забывайте преданного и уважающего вас друга.

П. Нахимов

Л. Салом. Адмирал Павел Степанович Нахимов, «Морской сборник», 1902, №№ 5, 6.

№ 113

РАПОРТ П. С. НАХИМОВА М. Д. ГОРЧАКОВУ ОБ ОСВОБОЖДЕНИИ ЕГО ОТ ОБЯЗАННОСТЕЙ КОМАНДУЮЩЕГО ЭСКАДРОЙ В СВЯЗИ С НАЗНАЧЕНИЕМ ВОЕННЫМ ГУБЕРНАТОРОМ СЕВАСТОПОЛЯ

12 марта 1855 г.

Эскадра судов Черноморского флота, расположенная в Севастополе, состоит по сие время под моею командою. Вновь возложенные на меня обязанности командира порта и временного военного губернатора, требуя моего присутствия на берегу, отымают у меня возможность выполнять первую согласно морского устава, поставляющего непре-

[1] Брат погибшего героя Севастопольской обороны контр-адмирала В. И. Истомина.

менным правилом безотлучное пребывание адмирала на вверенной ему эскадре, а потому, докладывая об этом вашему сиятельству, я имею честь покорнейше просить разрешения спустить свой флаг, поручив начальство над эскадрою г. контр-адмиралу Юхарину.

При этом имею честь присовокупить, что командование это и следовало бы поручить старшему по мне г. вице-адмиралу Новосильскому, но по незначительности настоящего состава эскадры и еще более по важности с особенною честью занимаемого г. Новосильским поста [1] я избрал свободного от занятия г. контр-адмирала Юхарина.

Вице-адмирал *Нахимов*

Резолюция Горчакова: «*Разрешить. 13 марта*».

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5970, л. 436—436 об. Подлинник.

№ 114

ПИСЬМО П. С. НАХИМОВА ВДОВЕ М. П. ЛАЗАРЕВА О ПОГРЕБЕНИИ В. И. ИСТОМИНА РЯДОМ С МОГИЛОЙ М. П. ЛАЗАРЕВА

24 марта 1855 г., г. Севастополь

Ваше высокопревосходительство, Екатерина Тимофеевна!

Священная для всякого русского могила нашего бессмертного учителя приняла прах еще одного из любимейших его воспитанников. Лучшая надежда, о которой я со дня смерти адмирала мечтал — последнее место в склепе подле драгоценного мне гроба, я уступил Владимиру Ивановичу Истомину! Нежная, отеческая привязанность к нему покойного адмирала, дружба и доверенность Владимира Алексеевича [2] и, наконец, поведение его, достойное нашего наставника и руководителя, решили меня на эту жертву. Впрочем, надежда меня не покидает принадлежать этой возвышенной, благородной семье; друзья-сослуживцы в случае моей смерти, конечно, не откажутся положить меня в могилу, которую расположение их найдет средство сблизить с останками образователя нашего сословия. Вам известны подробности смерти Владимира Ивановича, и потому я не буду повторять их; твердость характера в самых тяжелых обстоятельствах, святое исполнение долга и неусыпная заботливость о подчиненных снискали ему общее уважение и непритворную скорбь о его смерти. Свято выполнив завет, он оправдал доверие Михаила Петровича и подтвердил новым фактом, как много потеряла Россия в преждевременной кончине нашего общего благодетеля... [3]

С чувством глубочайшего почтения и искренней преданности имею честь быть и пр.

Павел Нахимов

Журнал «Русский архив», № 3, 1868 г., перепечатано в сб. «Материалы для истории Крымской войны под ред. Дубровина», Спб., 1871, приложение, вып. 2-й, стр. 93—94.

---

[1] Вице-адмирал Ф. М. Новосильский руководил обороной 2-го отделения оборонительной линии Севастополя.

[2] Корнилова.

[3] Тут выпущено несколько слов, относящихся единственно до семейства Екатерины Тимофеевны (примечание «Русского архива»).

№ 115

ПИСЬМО П. С. НАХИМОВА ВИЦЕ-АДМИРАЛУ Л. М. СЕРЕБРЯКОВУ О СМЕРТИ НА БОЕВОМ ПОСТУ ЕГО СЫНА КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТА М. Л. СЕРЕБРЯКОВА

24 марта 1855 г.
г. Севастополь

Милостивый государь Лазарь Маркович!

Доблестная военная жизнь ваша дает мне право говорить с вами откровенно, несмотря на чувствительность предмета. Согласившись на просьбу сына, вы послали его в Севастополь не для наград и отдыха; движимые чувством святого долга, лежащим на каждом русском и в особенности моряке, вы благословили его на подвиг, к которому призывал его пример и внушение, полученные им с детства от отца своего; вы свято довершили свою обязанность, он с честью выполнил свою. Почетное назначение — наблюдать за войсками, расположенными в ложементах перед Камчатским люнетом — было возложено на него как на офицера, каких не легко найти в Севастополе, и только вследствие его желания. Каждую ночь осыпаемый градами пуль, он ни на минуту не забывал важности своего поста и к утру с гордостью мог указывать, что бдительность была не даром; с минуты его назначения неприятель, принимаясь вести работы, не подвинулся ни на вершок.

Несмотря на высокое самоотвержение свое, ни одна пуля его не задела, а всемогущему богу угодно было, чтобы случайная граната была причиною его смерти — в один час ночи с 22 на 23-е число он убит!!

В Севастополе, где весть о смерти почти уже не производит впечатления, сын ваш был одним из немногих, на долю которого досталось искреннее соболезнование всех моряков и всех знавших его; он погребен в Ушаковой балке. Провожая его в могилу, я был свидетелем непритворных слез и грусти окружающих.

Сообщая эту горестную весть, я прошу верить, что вместе с вами и мы, товарищи его, разделяем ваши чувства.

Прекрасный офицер, редких душевных достоинств человек, он был украшением и гордостью нашего общества; а смерть его мы будем вспоминать как горькую жертву необходимости для искупления Севастополя.

Оканчивая письмо, я осмеливаюсь просить вас доставить мне случай хотя косвенным образом быть полезным его несчастной супруге и его семейству. Великий князь генерал-адмирал в своей отеческой заботливости не откажет моей просьбы почтить память и заслуги одного из благороднейших и достойных защитников Севастополя. Ожидая на это вашего уведомления, я с искренним почтением и непритворною грустью имею честь быть всегда готовый к услугам.

Павел Нахимов

Л. Салом. Адмирал Павел Степанович Нахимов, «Морской сборник», 1902, №№ 5, 6.

№ 116

РАПОРТ П. С. НАХИМОВА М. Д. ГОРЧАКОВУ О ВЫРУБКЕ ЛЕСА МЕКЕНЗИЕВОЙ ДАЧИ НА НУЖДЫ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ

29 марта 1855 г.

По словесному приказанию его светлости главнокомандовавшего в Крыму генерал-адъютанта князя Меншикова в принадлежащей Черноморскому управлению лесной Мекензиевой даче производилась и теперь продолжается вырубка леса для дров действующей армии и для выделки туров и фашин для укреплений г. Севастополя, — тринадцать участков из сорока двух уже очищены.

Не имея письменного разрешения, я почтительнейше испрашиваю предписания вашего сиятельства по этому предмету и вместе с тем осмеливаюсь просить распоряжения о соблюдении войсками, употребляемыми для вырубки лесов, указаний смотрителя дачи относительно порядка участков[1].

Вице-адмирал *Нахимов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5975, л. 141. Подлинник.

№ 117

РАПОРТ М. Д. ГОРЧАКОВА УПРАВЛЯЮЩЕМУ МОРСКИМ МИНИСТЕРСТВОМ ВЕЛ. КН. КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ С ХОДАТАЙСТВОМ О ПРОИЗВОДСТВЕ П. С. НАХИМОВА В АДМИРАЛЫ

30 марта 1855 г.

Вице-адмирал Нахимов в числе храбрых защитников Севастополя; о заслугах его не нужно упоминать. Ваше императорское высочество изволите ценить в полной мере подвиги сего героя, ксего имя будет украшением наших морских летописей. Контр-адмиралу Метлину, столь отличному по уму, способностям и деятельности, мы главнейше обязаны и снабжением Севастополя и приведением Николаева в оборонительное состояние; он, так сказать, создал средства обороны столь важного для России Николаевского морского заведения.

Осмеливаюсь просить ваше императорское высочество об исходатайствовании у государя императора всемилостивейшего производства сих достойных воинов по представляемому наградному списку в следующие чины: это повышение откроет им пространнейшее поприще к новым заслугам престолу и отечеству.

Генерал-адъютант князь *Горчаков*

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1-е отд., 1-й стол, 1855, д. 140, лл. 8—9. Подлинник.

[1] В ответном рапорте от 11 апреля 1855 г. генерал-квартирмейстер Бутурлин сообщил Нахимову об утверждении главнокомандующим Горчаковым мероприятий Нахимова по вырубке леса.

№ 118

ИЗ СПИСКА НАИБОЛЕЕ ОТЛИЧИВШИХСЯ РУКОВОДИТЕЛЕЙ ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ, ПРИЛОЖЕННОГО К РАПОРТУ М. Д. ГОРЧАКОВА ОТ 30 МАРТА 1855 ГОДА

Испрашивается о награде

Должность, чин, имя, отчество и фамилия и какого вероисповедания; с которого времени в офицерском звании и в настоящем чине и должности; какие имеет ордена и знаки отличия беспорочной службы; сколько получает в год жалованья и прочего содержания; был ли под судом и в штрафах, когда, за что и чем дело кончено	За что к награде представляется	Какую и когда получил последнюю награду	Испрашиваемая награда
Исправляющий должности командира Севастопольского порта, военного губернатора г. Севастополя и помощника начальника гарнизона сего города, вице-адмирал Павел Степанович Нахимов 1-й; исповедания православного, в офицерском звании с 9 февраля 1818 г.—настоящем чине с 2 октября 1852 г.—настоящих должностях с 25 февраля 1855 г. Имеет ордена св. Георгия 2-й и 4-й степени за храбрость, Белого Орла, св. Владимира 2-й степени, св. Анны 1-й степени с императорской короной, св. Станислава 1-й степени; греческий—Спасителя Золотого Креста и знак отличия беспорочной службы за XXX лет Получает в год жалования 1145 руб. серебром Под судом и в штрафах не был	За примерную службу и мужество при защите Севастополя, где со времени смерти вице-адмирала Корнилова принял начальство над чинами Черноморского флота, с такою честью споспешествующими славной обороне сего города	Орден Белого Орла в январе 1855 г.	Следующий чин

Генерал-адъютант князь *Горчаков*

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1-е отд., 1-й стол., 1855, д. 140, лл. 8—9. Подлинник.

№ 119

РАПОРТ П. С. НАХИМОВА Д. Е. ОСТЕН-САКЕНУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ПАРУСИНЫ ДЛЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ МЕШКОВ ДЛЯ УКРЕПЛЕНИЙ СЕВАСТОПОЛЯ

6 апреля 1855 г.

Контора над Севастопольским портом от 6 числа сего месяца доносит, что со дня вторжения неприятеля в Крым порт согласно предписанию начальства постоянно заготовлял мешки для обороны города, употребляя для этого вначале парусину клетневую, потом паруса с судов, парусину новую, холст подкладочный и равендук, и что в настоящее время материалы израсходованы все, осталось только по одному комплекту парусов на кораблях, фрегатах и пароходах да новой парусины до 50 тысяч аршин, как то: тик, и другое без особой крайности порт полагает не расходовать по своей ценности. Между тем, просит, чтобы были доставлены материалы на мешки в самом скором времени; ибо оных только остается на один день, а в день расходится их от 7 до 10 т[ыс.] мешков.

Как же на отпущенную парусину и прочий материал на пошитье мешков ни я, ни предместник мой не имели от начальства разрешения, то об этом считаю обязанностию представить вашему высокопревосходительству на благоусмотрение[1].

Вице-адмирал *Нахимов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5978, л. 6—6 об. Подлинник.

№ 120

РАПОРТ П. С. НАХИМОВА М. Д. ГОРЧАКОВУ О КОЛИЧЕСТВЕ ПАРУСИНЫ, ИЗРАСХОДОВАННОЙ НА ПОШИВКУ МЕШКОВ, С ПРОСЬБОЙ УТВЕРДИТЬ ЭТОТ РАСХОД

7 апреля 1855 г.

При крайней поспешности, с которою воздвигались укрепления Севастополя предместником моим вице-адмиралом Станюковичем, а потом и мною, согласно словесному разрешению г. главнокомандующего было дозволяемо отпускать на шитье мешков, которых по настоящее время сделано 499 429, необходимых материалов, как то: сперва парусина старая, потом парусина с судов, парусина новая, подкладочный холст, равендук и пр., как изволите усмотреть из прилагаемой ведомости.

Не имея на это письменного разрешения, я почтительнейше прошу ваше сиятельство снабдить предписанием и о расходовании упомянутых материалов.

Вице-адмирал *Нахимов*

[1] Аналогичная просьба была высказана П. С. Нахимовым и в рапорте Горчакову от 7 апреля 1855 г. (см. документ № 120).

Резолюция Горчакова: «Просить адмирала Нахимова отделить те материалы, которые отпущены до 9 марта, и затем представить две ведомости: одну — отпущенным до 9 марта, другую — после сего времени».

Помета: «Сообщено Нахимову 12 апреля № 912»[1].

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5978, л. 9. Подлинник.

№ 121

ВЕДОМОСТЬ

О СШИТЫХ ПРИ АДМИРАЛТЕЙСТВЕ ВНОВЬ МЕШКАХ К ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ ЛИНИИ ГОРОДА СЕВАСТОПОЛЯ С 17 СЕНТЯБРЯ 1854 ГОДА ПО 6 АПРЕЛЯ 1855 ГОДА[2]

По каким разрешениям		Число мешков	Количество парусины
По приказам господина командира Севастопольского порта 20 сентября и 2 декабря 1854 г. за № 1096 и 132	Из парусов и разных мелких вещей, удостоенных в клетенье:		
	Мешков больших	282 210	987 736
	Малых для минных работ	13 330	13 330
	Картечных	7 000	5 250
	Из хряща больших	600	1 800
	Из парусов, поступивших с судов флота	12 633	44 215
	Из нового канифасу	71 202	249 174
	Из принятых от мундирных магазинов:		
	Холста мешков больших	52 852	198 196
	Малых для минных работ	1 500	1 500
	Из равендуку больших	17 970	44 925
	Фланского полотна	5 000	10 000
	Тику	19 406	48 514
	Тулупного канифасу	15 756	39 390
	Итого	499 429	1 645 500

Капитан 1-го ранга *Ключников*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5978, л. 10. Подлинник.

[1] Согласно резолюции Горчакова Нахимов 4 мая 1855 г. представил в штаб Южной армии две ведомости, показывающие, что с 17 сентября 1854 г. по 9 марта 1855 г. в Севастополе было изготовлено 386 945 мешков, на что затрачено 1 301 475 аршин материалов, а в период с 9 марта по 23 апреля 1855 г. — 208 010 мешков, с использованием 583 800 аршин материалов (ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5978, лл. 34, 35). Горчаков утвердил расходы, произведенные с 9 марта, написав, что «за те материалы, которые израсходованы при кн. Меншикове, надобно просить у него утверждение» (там же, лл. 33, 79).

[2] Публикуемая ведомость приложена к рапорту П. С. Нахимова от 7 апреля 1855 г. (см. документ № 120).

№ 122

ИЗ ПИСЬМА П. И. ЛЕСЛИ[1] РОДНЫМ ОБ ОТВАГЕ П. С. НАХИМОВА

7 апреля 1855 г.,
г. Севастополь

...Очень много выбыло у нас из строя хороших офицеров, и мы так равнодушно слышим о том, что такого-то ранило, а такой-то контужен, что и представить себе нельзя, Да и не мудрено! Всякий из нас давно сроднился с мыслью, что должен отдать свою душу за эту осаду. От души желал бы, чтоб наш Павел Степанович остался жив и невредим, потому что никто не был столько под пулями и бомбами, сколько он; где только самый большой огонь, то он туда и лезет, поэтому можно твердо верить, что кому суждено остаться живым, то тот останется. Решительно нужно удивляться смелости и хладнокровию этого человека: даже не мигнет глазом, если бомба разорвется у него под носом. Он теперь сделан командиром Севастопольского порта, — это значит, самое старшее лицо у нас, флотских. Мы это назначение приняли с восторгом, потому что предшественника его никто не любил, да и не за что было любить, потому что он, кроме гадостей, ничего не делал. Дежурным штаб-офицером у Нахимова Воеводский, а старшим адъютантом штаба Леонид Ухтомский; одним словом, — смоленское управление[2]; не доставало бы меня туда еще чиновником особых поручений или чем-нибудь в роде этого...

«Сборник рукописей, представленных е. и. в. государю цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами», т. 2, 1872, стр. 356.

№ 123

ПРИКАЗ П. С. НАХИМОВА В СВЯЗИ С ПРОИЗВОДСТВОМ ЕГО В АДМИРАЛЫ С ВЫРАЖЕНИЕМ БЛАГОДАРНОСТИ АДМИРАЛАМ, ОФИЦЕРАМ И МАТРОСАМ ЗА ГЕРОИЧЕСКУЮ СЛУЖБУ РОДИНЕ

12 апреля 1855 г.

Геройская защита Севастополя, в которой семья моряков принимает такое славное участие, была поводом к беспримерной милости монарха ко мне, как старшему в ней. Высочайшим приказом от 27-го числа минувшего марта я произведен в адмиралы. Завидная участь иметь под своим начальством подчиненных, украшающих начальника своими доблестями, выпала на меня.

Я надеюсь, что гг. адмиралы, капитаны и офицеры дозволят мне здесь выразить искренность моей признательности сознанием, что, геройски отстаивая драгоценный для государя и России Севастополь, они доставили мне милость незаслуженную.

---

[1] Лейтенант Петр Иванович Лесли, участник Синопского боя и защитник Малахова кургана. В 1861 г. вышел в отставку капитан-лейтенантом.

[2] П. С. Нахимов, П. В. Воеводский, Л. А. Ухтомский и сам П. Л. Лесли — уроженцы Смоленской губернии.

Матросы! Мне ли говорить вам о ваших подвигах на защиту родного вам Севастополя и флота? Я с юных лет был постоянным свидетелем ваших трудов и готовности умереть по первому приказанию; мы сдружились давно; я горжусь вами с детства. Отстоим Севастополь, и, если богу и императору будет угодно, вы доставите мне случай носить мой флаг на грот-брам-стеньге с тою же честью, с какою я носил его благодаря вам и под другими клотиками; вы оправдаете доверие и заботы о вас государя и генерал-адмирала и убедите врагов православия, что на бастионах Севастополя мы не забыли морского дела, а только укрепили одушевление и дисциплину, всегда украшавшие черноморских моряков.

Прошу всех частных начальников приказ сей прочесть при собрании своих команд.

Исправляющий должность командира
Севастопольского порта адмирал *Нахимов*

ЦГВИА, ф. 3, д. 39, л. 13561. Копия. Опубл. «Морской сборник», 1855, № 6, неоф., стр. 16.

№ 124

ИЗ ПИСЬМА П. И. ЛЕСЛИ РОДНЫМ О ПРОИЗВОДСТВЕ П. С. НАХИМОВА В АДМИРАЛЫ

13 апреля 1855 г.

...Мы на-днях были обрадованы за нашего Павла Степановича Нахимова: он за бомбардировку и вообще за защиту Севастополя произведен в адмиралы. Нет ни одного черноморца, который бы в душе не отдал справедливость нашему благородному и неустрашимому Павлу Степановичу; теперь же тем более, потому что он один остался из наших, который нас всех знает, и мы знаем его. Корнилова и Истомина нет, и от этих трех наших начальников, которых любил флот, остался только один Нахимов. По случаю своего производства Павел Степанович отдал такой великолепный приказ, что я принужден его тебе написать как образец благородства этого человека. Вот приказ в подлиннике [1]:

...Каков приказ! Все он отдает нам, а себе не приписывает ничего. Зато же и все мы давно ему желали этой награды, потому что Павлу Степановичу мало всех наград за его теперешнюю храбрость и деятельность. Все молят бога, чтоб он остался живым и невредимым. Наши матросы чрезвычайно как любят его, и действительно он сроднился с ними, потому что постоянно был в море. Одно только беда, что он нисколько не бережет себя и ходит открыто по бастионам, хотя его и просят все этого не делать, но он не слушает никого, а суворовская пословица справедлива: что пуля дура; в самом деле, как-нибудь может задеть его, а в его лета всякая рана, хоть и легкая для другого, для него сделается трудною.

«Сборник рукописей... о Севастопольской обороне», т. 2, 1872, стр. 358—360.

[1] Далее полностью приводится приказ П. С. Нахимова от 12 апреля 1855 г. (см. документ № 123).

№ 125

ИЗ ПИСЬМА П. И. ЛЕСЛИ РОДНЫМ О ПРИСУТСТВИИ П. С. НАХИМОВА НА ПОХОРОНАХ ЛЕЙТЕНАНТА А. А. БУТАКОВА[1] ПОГИБШЕГО ПРИ ОБОРОНЕ СЕВАСТОПОЛЯ

18 апреля 1855 г.

...Два дня сряду приходилось мне быть на печальных церемониях; в первый — была панихида на могиле Истомина, по случаю сорока дней со времени его смерти, а вчера был на похоронах одного из своих товарищей, а именно, лейтенанта Бутакова, двоюродного брата Гр. Ив. Бутакова; его ранило в правую ногу штуцерною пулей и, к несчастью, слишком высоко, так что ему пришлось отрезать ногу, а подобные раны чрезвычайно редко когда залечиваются. Пребравый и превеселый был товарищ; он был прислан сюда из Балтийского флота для практики и служил на нашем корабле, а потом был вместе с нами в батальоне, откуда его взяли на батарею на другую дистанцию несколько месяцев назад. Похороны были очень приличны; все свободные от службы офицеры присутствовали, Павел Степанович нес гроб до пристани, откуда мы повезли его на другую сторону бухты на гребных судах. Приятно было видеть, что на похоронах простого лейтенанта присутствует адмирал и не ради того, чтоб выставить себя, а напротив, из участия к своей семье моряков. Я уверен, что никому так не горько при виде убитого или раненого флотского офицера, как Павлу Степановичу, который душою привязан ко всем нам...

«Сборник рукописей... о Севастопольской обороне», т. 2, 1872, стр. 361.

№126

ИЗ ПИСЬМА П. И. ЛЕСЛИ РОДНЫМ О ВОЗВРАЩЕНИИ ИЗ ОТПУСКА В СЕВАСТОПОЛЬ

31 марта 1855 г.

...«Я вступил в город на третий день бомбардировки; представьте себе, когда услышал опять свист ядер, то стал гораздо покойнее, и мне мой отпуск показался совершенным сном, потому что я увидел те же лица и тот же Севастополь, какой я оставил несколько недель. Сперва расскажу вам, как приняли меня мои начальники. Во-первых, я прямо на перекладной явился к князю Горчакову, который, спросивши, какими судьбами я прислан сюда, и узнавши, что я был уволен в отпуск князем Меншиковым, велел мне обратно явиться в свой экипаж. От него я отправился к начальнику штаба генерал-майору Семякину, который долгое время со мной разговаривал и очень удивился моему скорому возвращению; наконец, проговорив со мной около часа, он отпустил меня, и, вышедши за дверь, я слышал, как он хвалил меня

[1] Александр Александрович Бутаков командовал передовым люнетом между 5-м и 6-м бастионами, где и был смертельно ранен.

81—9

другому генералу. Уже поздно вечером я отправился к нашему любимцу — Нахимову; он в это время находился у полковника Тотлебена, и я принужден был прождать его несколько часов в другой комнате; наконец, когда он вышел, я к нему явился, и он вскрикнул от радости. Первое, что он сказал, так это было: «Вы воротились из отпуска, г. Лесли, очень рад, теперь хорошие офицеры мне нужны, и я сделаю распоряжение, чтоб вас назначили на хорошую батарею». Потом обратился к Тотлебену и сказал: «Каков молодец! Был в отпуску и так скоро воротился назад, бравый офицер!» Потом он пригласил меня ужинать к себе, и мы проболтали с ним до полуночи. Смеясь, он сказал мне, что я опоздал всего только три дня, т. е. не поспел к первому дню бомбардировки. Конечно, я ответил, что если бы от меня зависело, то я бы непременно поспел во-время, но что причиной этому дурная погода и лошади. Нахимов теперь сделан командиром Севастопольского порта и главное лицо между флотскими в Севастополе. Потом он меня отпустил, и я пошел на корабль спать. На другой день я явился к своему экипажному командиру, и он тоже обрадовался и удивился, что я приехал. Из всех этих приемов я заключил, что все думали, что я воспользуюсь своим поручением и пробуду дома несколько месяцев. Но вы знаете меня, что я довольно исправен по службе и опять также я фаталист и твердо верую в то, что все, что ни делается, то к лучшему...

...Потеря наша гораздо меньше, нежели в первую бомбардировку; много спасают теперь траверсы и блиндажи. Я могу вам верно сказать потери флотских чинов за первые два дня, т. е. за 28 и 29-е числа, а именно: в первый день 172 человека, а во второй — 190 человек. Я видел это в рапорте у Нахимова. Это еще слава богу, потому что неприятель выпускает страшное количество бомб и ядер. Первые две ночи неумолкаемо бросали бомбы, и не было ни одной минуты, чтобы в воздухе не рвалось несколько бомб, но теперь у них, кажется, запас поистощился, потому что сегодня пальба слабее, но все-таки довольно сильная. Кажется, офицеров флотских выбыло из строя до 10 человек, и все хорошие офицеры. Все думают, что бомбардировка продолжится еще несколько дней и потом будет штурм, дай-то бог нам силы отбить их. Войска идет к нам довольно, но поспеют ли они к штурму. Впрочем, по моим расчетам, 2 полка должны быть в Севастополе через 3 дня; авось до этих пор не будет штурма. Наши матросы, несмотря на ежедневную убыль, нисколько не унывают духом. Когда открылась бомбардировка, то с двух редутов, на которых было жарче всего, матросы просили офицера, который был прислан Нахимовым, узнать, как там идут дела, поздравить Павла Степановича с открытием канонады. Мне этот случай передал сам Нахимов. У нас здесь говорят, что на-днях должен приехать Наполеон и что вследствие того и открылась бомбардировка, чтобы несколько приготовиться к штурму»...

«Сборник рукописей... о Севастопольской обороне», 1872, т. 2, стр. 342—343, 346.

№ 127

ИЗ ПИСЬМА П. И. ЛЕСЛИ РОДНЫМ ОБ АВТОРИТЕТЕ П. С. НАХИМОВА СРЕДИ МОРЯКОВ

8 апреля 1855 г.

...Бывали дни, что на некоторых бастионах прислуга менялась несколько раз, но не от усталости, а от того, что перебивало всех. Кажется, скоро начнут уже хулить нас, черноморцев, и будут говорить, что худо делаем и худо деремся; тогда как у нас три четверти офицеров и матросов уже выбыло из строя и в запасе уже никого нет. Это всегда так бывает, сперва хвалят, а потом перестают да, кроме того, стараются отыскивать дурные стороны. Ну, да бог с ними! Мы чисты перед собой, и лучшее мнение для нас — это наших же товарищей и наших начальников, т. е. моряков, а не других. Один Павел Степанович может вполне оценить наши труды, и его отзывы о нас и внимание, какое он оказывает нам, конечно, дороже всех мнений и отзывов других»...

«Сборник рукописей... о Севастопольской обороне», т. 2, 1872, стр. 363.

№ 128

ИЗ ПИСЬМА П. И. ЛЕСЛИ РОДНЫМ О БЕССТРАШИИ П. С. НАХИМОВА

22 апреля 1855 г.

...Видя, как выбывает каждый день из нашего флота, подумаешь о его возобновлении и, рассуждая хладнокровно, увидишь, что это не так-то легко сделать, тогда как, кроме Павла Степановича, никого не осталось, да и тот, если будет продолжаться осада еще несколько месяцев, навряд ли останется цел и невредим, потому что нисколько не бережет себя и суется туда, где самый большой огонь ...

«Сборник рукописей... о Севастопольской обороне», т. 2, 1872, стр. 365.

№ 129

ДОНЕСЕНИЕ М. Д. ГОРЧАКОВА УПРАВЛЯЮЩЕМУ МОРСКИМ МИНИСТЕРСТВОМ ВЕЛ. КН. КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ С ХОДАТАЙСТВОМ П. С. НАХИМОВА О ЛЬГОТАХ ГРАЖДАНСКИМ ЧИНАМ ЗА СЛУЖБУ В СЕВАСТОПОЛЕ

24 апреля 1855 г.

Исправляющий должность военного губернатора города Севастополя и командира Севастопольского порта адмирал Нахимов ходатайствует о распространении на гражданских чиновников, как состоящих во всех управлениях и присутственных местах города Севастополя, так и в Морском ведомстве при Севастопольском порте, высочайшей милости, дарованной войскам, составляющим гарнизон города Севастополя, относительно зачета им каждого месяца пребывания их в Севастополе за год службы, по всем правам и преимуществам.

Ходатайство адмирала Нахимова имею счастье представить на благоусмотрение вашего императорского высочества.

Генерал-адъютант князь *Горчаков*

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1-е отделение, 1-й стол, 1854, д. 744. л. 11. Подлинник.

№ 130

ПРИКАЗ П. С. НАХИМОВА ПО СЕВАСТОПОЛЬСКОМУ ГАРНИЗОНУ О НЕОБХОДИМОСТИ БДИТЕЛЬНОГО НАБЛЮДЕНИЯ ЗА АМБРАЗУРАМИ ПРОТИВНИКА

3 мая 1855 г.

Возведение новых траншейных батарей на весьма близком расстоянии от нашей оборонительной линии вынуждает меня напомнить необходимые предосторожности, исполнение которых я возлагаю на особенную заботливость всех гг. частных начальников. В близком бою первый выстрел решает половину дела, а потому внимательное наблюдение при свете за открытием неприятельских амбразур послужит ручательством, что мы не будем предупреждены ими. Сосредоточив огонь преимущественно на ближайшие батареи, мы быстрым и метким действием артиллерии должны сбить их и тогда уже действовать по отдаленным с тем же хладнокровием и умеренностью, которые в последнюю бомбардировку заслужили удивление даже неприятелей; согласно разрешению г. командующего гарнизоном я утверждаю для такого рода действий по 60 выстрелов на орудие, рекомендуя гг. частным начальникам в случае нового бомбардирования руководствоваться этим положением двое суток, по истечении которых последующие обстоятельства укажут необходимые изменения в этом распоряжении.

Близкий бой — единственное средство к решительной победе на море — даст такой же результат на берегу и вознаградит бдительность, опытность и искусство доблестных моряков-артиллеристов.

Адмирал *Нахимов*.

ЦГВИА, ф. 3, д. 40, л. 14325. Копия.

№ 131

ИЗ ПИСЬМА П. И. ЛЕСЛИ РОДНЫМ О БЕССТРАШИИ П. С. НАХИМОВА

16 мая 1855 г.

...Павел Степанович Нахимов продолжает разъезжать по батареям, нисколько не стараясь отклонить от себя опасности от пуль, которые кругом него постоянно летают, как пчелы какие-нибудь. Матросы удивительно любят его: например, вчера он разъезжал по батареям, и когда проходил с одного фаса на другой, только и слышно было: «Наконец-то наш адмирал пришел на нас поглядеть, ведь когда пройдет, словно царь, так и душе легче!» Я думаю для Павла Степановича ничего не может быть приятнее, как слышать подобные отзывы и любовь своих подчиненных, и, конечно, он может гордиться ими. Мы, как уже привыкшие к неожиданностям, ждем и теперь, что вот-вот опять откроется бомбардировка...

«Сборник рукописей... о Севастопольской обороне», 1872, т. 2, стр. 374—375.

№ 132

РАПОРТ П. С. НАХИМОВА М. Д. ГОРЧАКОВУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КОРАБЕЛЬНОГО ЛЕСА НА СТРОИТЕЛЬСТВО СЕВАСТОПОЛЬСКИХ УКРЕПЛЕНИЙ

25 мая 1855 г.

Лесные запасы Севастопольского порта, как известно вашему сиятельству, совершенно истощены, а между тем нужды в лесе продолжаются и постоянно возрастают; настоящее бомбардирование вероятно еще более увеличит их, а потому я считаю обязанностью доложить, что источником к удовлетворению этой надобности могут служить рангоутные деревья и рангоуты мелких и затопленных судов, но большая ценность этих деревьев, простирающаяся при некоторых размерах от 100 до 500 рублей серебром за штуку, требует обсуждения степени важности инженерных работ, для которых будет употребляться такой высокой цены лес, испрашивая разрешения на отпуск его и не имея надлежащих познаний по инженерной части, я вынужденным нашелся обратить внимание ваше на изложенное выше обстоятельство, дабы столь решительная мера не была бы принесена в жертву для предметов несоответственной важности.

Адмирал *Нахимов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5974, л. 62. Подлинник.

№ 133

ИЗ ДНЕВНИКА УЧАСТНИКА ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ ЛЕЙТЕНАНТА А. П. ТИМИРЯЗЕВА[1]

25 мая 1855 г.,
5 часов пополудни

Каждую секунду ожидать штурма, видеть, как войска стягиваются и наполняют неприятельские траншеи, как туристы, желая любоваться кровавой драмой, собираются толпой в английскую, ближайшую к люнету, батарею — признаюсь, положение было самое не завидное для того, кто должен был защищать редут; 125 человек команды и надежда на помощь божию — вот были данные, на которых я полагал защиту люнета.

Но вдруг невидимо господь послал люнету Павла Степановича, который не задумался в эти критические минуты навестить тех, которым совет его был необходим. Адмиралу сопутствовал адъютант его лейтенант Фельдгаузен[2]. В коротких словах передал я адмиралу положение своего люнета и неизбежность штурма. Но все-таки он приказал показать повреждения в артиллерии. Едва лишь прошло пятнадцатое орудие, как доклад вахтенного офицера мичмана Харламова о наступлении неприятеля заставил меня просить адмирала удалиться

[1] Лейтенант 42-го флотского экипажа Александр Павлович Тимирязев находился в этот период на Камчатском люнете.

[2] В оригинале фамилия воспроизведена ошибочно — Финьгаузен.

и прислать подкрепления. Но, не внемля просьбе людей, адмирал, обнажая кортик, вскочил на банкет. Просьбу я повторил во второй раз и уверял его, что бесполезно его пребывание, но что можно будет сделать для защиты редута, будет исполнено. Удивило немало меня, однако, то, что адмирал в первый раз послушал убеждений. Не раз случалось говорить ему при посещении люнета, когда он, взойдя на банкет, довольно долго стоял открытым до половины груди. Обыкновенно в ответ его словами были: «Сойдите сами, если хотите!»

Неприятель из Килен-балки ударил во фланг батареи Ворнова, начал обходить нас с горжи. Люнет мой открыл с левого фаса картечный огонь, в верности оного невозможно ручаться: орудия стреляли с подошвы амбразур, некоторые били без дульной части.

С приближением неприятеля батареи союзников сделали по люнету общий залп и последний совершенно разрушили. Меня ранило в это время камнем в правый висок, но я был еще в состоянии постоять за себя. Штуцерная пуля прострелила мне ногу насквозь, лишив меня возможности долее сопротивляться. Майор Щепетников сбит с горжи и отступает. Пришлось и мне, наконец, сказать: «Заклепывай пушки! Бери принадлежности и отступай за прикрытие!»

При отступлении находился мичман Бегичев, а мичману Харламову поручено было заклепывать орудия с артиллерийскими кондукторами. Прикрытие было выбито из отступной траншеи штыками неприятеля, направилось на батарею Жерве, чему последовал мичман Бегичев. Но так как батарея Жерве открыла картечный огонь по преследовавшему нас неприятелю, то прикрытие люнета и матросы много пострадали. И когда меня проносили по этому же пути, я увидел убитого мичмана Бегичева. Думаю, что он был убит своей картечью, ибо лежал головой от батареи. Благополучно, лишившись своих, однако, конвоиров, я дополз уже до рва батареи.

Благодаря картечному огню преследование было замедлено и дало возможность спастись от плена или смерти. Меня подняли из рва, положили на носилки и принесли сначала к «Владимиру», а потом переправили на корабль «Ягудиил», где и была сделана владимирским медиком А. Н. Новиковым первая перевязка ноги. Падающие в корабль бомбы (одна из них даже сделала на корабле пожар) заставили переправить всех нас, раненых, на Северную сторону, в офицерский госпиталь, что было уже на третий день моей раны.

Не могу забыть до сих пор внимания, которым я пользовался в болезни своей, от капитана своего Г. И. Б.[1], от экипажного командира Б. И. Б., от смотрителя госпиталя И. И. К. и от сестер милосердия.

На третий день раны своей я подал рапорт с представлением донесения о 26 мая и просил назначить следствие во избежание нареканий, могущих быть, за оборону люнета. Результатом просьбы моей было письмо от Павла Степановича, которое при сем помещаю как живое доказательство справедливости всего журнала моего, так и внимания героя-начальника к своим питомцам.

Вот письмо, полученное мною (от 4 июня) на Северной стороне.

[1] Капитана 2-го ранга Г. И. Бутакова, командовавшего пароходо-фрегатом «Владимир», на котором плавал Тимирязев до своего назначения на Камчатский люнет.

«Бывши личным свидетелем разрушенного и совершенно беззащитного состояния, в котором находился редут ваш, и, несмотря на это, бодрого и молодецкого духа команды и тех усилий, которые употребляли вы к очищению амбразур и приведению в возможность действовать хоть несколькими орудиями, наконец, видевши прикрытие значительно уменьшенным огнем неприятеля, я не только не нахожу нужным назначение какого-либо следствия, но признаю поведение ваше в эти критические минуты в высшей степени благородным. Защищая редут до последней крайности, заклепавши орудия и взявши с собою хотя принадлежность [1], чем отняли у неприятеля возможность вредить вам при отступлении, и, наконец, оставивши редут последним, когда были два раза ранены, вы выказали настоящий военный характер, вполне заслуживающий награды, и я не замедлю ходатайствовать об этом перед г. главнокомандующим.

Адмирал *Нахимов.*

Из архива кн. Л. А. Ухтомского «Русская старина», 1911, 112, стр. 584—586.

№ 134

РАПОРТ П. С. НАХИМОВА М. Д. ГОРЧАКОВУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ КОРАБЕЛЬНОГО ТАКЕЛАЖА ДЛЯ ВЫДЕЛКИ ТРОСОВЫХ ЩИТОВ ДЛЯ БАТАРЕЙ

7 июня 1855 г.

По неимению при здешнем порте старого такелажа, потребного на бастионы и батареи оборонительной линии для поделки тросовых щитов к защите людей от неприятельских выстрелов, я разрешил конторе над портом по крайней необходимости в щитах расходовать новый такелаж.

О чем донося вашему сиятельству, имею честь испрашивать на это разрешение [2].

Адмирал *Нахимов*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5974, л. 55. Подлинник.

№ 135

ПРИКАЗ М. Д. ГОРЧАКОВА О ПРЕДОСТАВЛЕНИИ В РАСПОРЯЖЕНИЕ П. С. НАХИМОВА ЗНАКОВ ОТЛИЧИЯ ДЛЯ НАГРАЖДЕНИЯ ОТЛИЧИВШИХСЯ МОРЯКОВ

10 июня 1855 г.

В дополнение приказа моего № 309 назначаю по представлению начальника севастопольского гарнизона еще 107 знаков отличия Военного ордена для возложения их, по распределению адмирала Нахимо-

[1] Так в документе.

[2] 15 июня 1855 г. главнокомандующий Горчаков утвердил распоряжение Нахимова.

ва на нижних чинов морского ведомства, наиболее отличившихся при отбитии штурма 6-го сего июня.

Главнокомандующий генерал-адъютант *Горчаков 2-й*

ЦГВИА, ф. ВУА, д. 5870, л. 192. Подлинник.

№ 136

ОТНОШЕНИЕ Ф. П. ВРАНГЕЛЯ МИНИСТРУ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИМУЩЕСТВ О НАГРАЖДЕНИИ П. С. НАХИМОВА АРЕНДОЙ

16 июня 1855 г.

Государь император всемилостивейше пожаловать изволил адмиралу Нахимову в награду отличных воинских подвигов и оказанных при последнем отбитом штурме Севастопольских укреплений заслуг аренду по чину.

Имею честь уведомить о сей высочайшей воле ваше сиятельство для зависящего от вас распоряжения, прося о последующем уведомить.

Управляющий Морским министерством барон *Врангель*

ЦГВМА, ф. ИДММ, Орденская часть, 1855 д. 7, л. 28. Отпуск.

№ 137

ПРИКАЗ П. С. НАХИМОВА ПО СЕВАСТОПОЛЬСКОМУ ПОРТУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ В КАЧЕСТВЕ БОМБ БРАНДСКУГЕЛЕЙ

19 июня 1855 г.

Артиллерийский гарнизон за недостатком 5-пудовых бомб не может более производить отпуска их, а потому я приказал в 5-пудовых брандскугелях морского ведомства забить излишние дырья чугунными пулями, заливая края свинцом и снарядив их подобно бомбам, отпускать вместо них по требованиям на бастионы, но так как брандскугели имеют значительный зазор в мортирах сухопутного ведомства нового литья, то я предписываю всем гг. начальникам артиллерии на дистанциях по докладу гг. начальникам отделений озаботиться немедленным приемом их и пересортировкою таким образом, чтобы к мортирам нового литья употреблялись исключительно 5-пудовые бомбы; к мортирам же старого литья за недостатком бомб — брандскугели.

Адмирал *Нахимов*

ЦГВИА, ф. 3, д. 40, л. 14338. Копия.

№ 138

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ УЧАСТНИКА ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ А. И. ЕРШОВА

20 сентября 1857 г

Под вечер[1] посетил нашу батарею адмирал Нахимов, часто обходивший бастионы. Всегда твердый, спокойный, как ангел-утешитель, являлся он морякам, готовым в огонь и в воду по одному мановению своего отца-адмирала. Влияние Нахимова на матросов было неограниченное. В него веровали они, и мощный рычаг для них был слово Нахимова. Во время мартовского бомбардирования в один день неприятель особенно сильно стал громить 4-й бастион: «всего разворотил», как поразительно верно выражались моряки.

Донесли Нахимову, что нет сил исправить повреждения. Он тотчас приехал туда сам.

«Что это за страм-с,— с гневом обратился он к матросам, — шесть месяцев-с учат нас под огнем строиться и исправляться. Пора бы-с приноровиться, сметку иметь».

«Рады стараться!.. Будет сделано!» дружно вскричали матросы, у которых все закипело. И действительно, они исполнили почти невозможное.

Не забуду также следующего случая, которому я сам был свидетелем.

26 мая, в то время, как неприятель бросился на штурм редутов и Камчатского люнета, одна матроска, стоя у дверей своего домика, навзрыд плакала.

«Чего, баба, разревелась?» спросил ее проходивший матрос.

«О-о-ох! сердешный ты мой, как не плакать-то головушке моей бедной, сынок-то мой на Камчатском, а вишь ты... што там за страсти!»

«Ээ... баба! да ведь и Нахимов там».

«И вправду! Ну, слава те, господи!» проговорила матроска, будто ожившись и крестясь весело.

На вид Павел Степанович был угрюм и серьезен, особливо во время осады Севастополя. Речь его была отрывиста, но вместе с тем ясна и определительна. Иногда одного меткого слова его достаточно было для уразумения самого сложного обстоятельства. Одет он был теперь по обыкновению в сюртуке с эполетами и Георгием. Адмирал был выше среднего роста, но держался немного сутуловато. Сложенный плотно, лицом румяный, он казался совершенно здоровым, в сущности же Павел Степанович страдал как от давнишнего своего недуга, так и контузии[2], полученной им в Севастополе, о которой он не хотел и думать и только раз как-то проговорился.

Все матросы радостно высыпали навстречу своему любимому адмиралу. В то время, когда адмирал проходил по нашей батарее, неприятельское ядро подбило одно орудие: двадцатичетырехфунтовую пушку-каронаду, стоявшую на кремальере; Нахимов тотчас же подошел к ней и приказал снять занавесивший амбразуру щит. Один из

---

[1] 31 мая 1855 г.

[2] 26 мая, во время штурма Селенгинского и Волынского редутов и Камчатского люнета. Нахимов был контужен осколком бомбы в спину (прим. оригинала).

матросов, работавших около подбитого орудия, тотчас же полез исполнять приказание, но снял наперед фуражку перед адмиралом.

«Я ему дело говорю делать, а он-с фуражку ломает», с досадой сказал Нахимов. «А все-таки молодец», прибавил адмирал, видя, что матрос, несмотря на посыпавшиеся на него пули, стал снимать щит со стороны неприятеля. Со вниманием осмотревши направление амбразуры и позицию неприятеля, адмирал пошел далее, сказавши ласково матросу: «Когда дело велят делать, пустяками заниматься нечего-с».

Ершов А. И. Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера. Спб., 1856, стр. 192—195.

№ 139

ИЗ ПИСЬМА П. И. ЛЕСЛИ РОДНЫМ О БОЛЕЗНИ П. С. НАХИМОВА

13 июня 1855 г.

«...Павел Степанович продолжает ездить по бастионам, но на днях, бедный, заболел холериной; сегодня ему, слава богу, лучше. Благодаря бога у нас холера еще не в сильной степени, так что капли, употребляемые против нее, помогают. Да она, я думаю, и не будет сильна, потому что по случаю военных действий фруктов почти никаких нет и не будет, а матросы и солдаты находятся постоянно на батареях, и, следовательно, если б фрукты и были, то они не в состоянии ими объесться. Я вам сперва писал, что Шестаков[1] находится в плену, но теперь известно, что его там нет, потому что Нахимов просил чрез парламентера узнать о нем, но ни в французском, ни в английском лагере его не оказалось; между тем, и между мертвыми телами его не нашли; может быть, он не показал себя офицером, а простым солдатом; впрочем, он тогда, вероятно, написал бы сюда несколько слов. Если только он убит, то жаль его; славный был офицер и добрый товарищ; все до единого его жалеют...»

«Сборник рукописей... о Севастопольской обороне», т. 2, 1872, стр. 386.

№ 140

ИЗ ПИСЬМА П. И. ЛЕСЛИ РОДНЫМ

23 июня 1855 г.

...Наш Павел Степанович Нахимов такой молодец, что чудо! Постарел немного, но это не беда; лишь бы остался жив и не ранен; а то если и он выбудет из нашей семьи, то тогда мы останемся совершенно одни; теперь только он один и есть у нас...

«Сборник рукописей... о Севастопольской обороне», т. 2, 1872, стр. 398.

[1] Капитан-лейтенант Петр Алексеевич Шестаков, георгиевский кавалер за защиту Севастополя, пропал без вести при его обороне во время июньского штурма.

№ 141

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА АДМИРАЛА П. С. НАХИМОВА[1]

1854—1855 гг., г. Севастополь.

Хлеб к чаю. =
Водка для больных. =
Бревна буковые с Ключниковым. =
О фонарях Тотлебена. =
Бранспойт — и кадки Ловягину = сукно крюйт-камерное. =
Систерны 14 с «Марии», «Кулевчи» и «Коварны». =
О брандскугелях. =
Перечислить довольствие брига «Персей» с «Марии» на «Чесму». =
О больных греках горячешных в госпиталь, о раненых сюда, вообще сравнить их с нашими. = Не нужно медика и разных средств. = О греках, сколько и куда назначены? =
Где помещается 36-й экипаж во время бомбардировки? =
Гильхину о плотах в артиллерийской бухте. =
Сказать Васильчикову, чтоб осматривали, когда есть чесоточные и цынготные — нет медика на отделении. =
Водку продают. =
Требуют свидетельства о разломке судов. =
Приказ о провизии. =
Записку о раненых офицерах. =
О патронах, чтоб были в исправности кремни капсюлей в полтора раза. =
Не все снаряды, заряды. =
Претензии о водке. =
Пирогову или Гюббенету освидетельствовать или поверить аптеки.
Поверить казначейство. =
Систерны для воды. =
Пожарный инструмент. =
В случае пожара команды ближайшие идут тушить. =
О мясе. =
О гребцах. =
О гребных судах в отряде. =
Поставить 24-фунтовые пушки вместо 36-фунтовых, а те поставить в запас. =
Федоровский 2 на Эльбрусе. =
Эсмант на батарею Скарятина — есть Перфильев — узнать где? =
Выписывать приказы в штабе. =
Андреева к делам, о деньгах = о орденах = о раненых? Заниматься в конторе. = Криге-комиссар и провиантмейстер. =
Грозный с Дунаем очередоваться на трое суток, для экономии угля. =
Сухарный завод перенести в частные дома — муку приостановить возить — Александрова призвать. =
Прибойник с пыжевником вместе. =
О сохранении клоцов от банников. =
Грузить крупу. =
Устроить печи на Северной стороне. =
Елманович = выдана квитанция на 50 пудов — остальное сено было на хуторе, которого никто не трогал. =
Есть ли кирпич? = Для печей с Васильчиковым. =
Полковник Норов?[2] =
О водке откупщика у Макова[2]. =
Ливецкого назначить на 3 пункт. =

---

[1] Числа и месяцы не обозначены. Писана вся собственною рукой адмирала карандашом; на внутренней же стороне переплета его же рукою написано чернилами: «Павла Степановича Нахимова». После каждой фразы стоит знак =.

Это и дальнейшие примечания к документу № 141 принадлежат автору публикации в ж. «Русская старина» В. Новицкому.

[2] В подлиннике зачеркнуто.

Федорович. —
Леви. =
Макарову осмотреть погреба. =
Арестанты сказать Васильч. =
Для устройства печей Старченку = и кирпич с Васильчиковым об этом. =
Ядром нельзя палить по работам[1]. =
О батальонном командире. =
О печах, чтоб не перебирались с сухарного завода, а только бы заняли их. =
О горнисте 42 экипажа. =
С 1-го отделения ходили за ружьями и за кирками[1] =
Максютову о больных. = Зайти в штаб. = Старченкову о турах. =
Написать Павловскому о Старченке. =
У Пикана есть лес. =
Строевой рапорт показать дежурному штаб-офицеру. =
Мост осмотреть и переговорить с Редкиным. =
Гостинница Орловского, нет мелких денег — удерживают в церквах, на почте и в откупе, а также мелкие торговцы. =
До сих пор нет расписания, кому на какой батарее стрелять во время общей бомбардировки. =
О провианте, свезена ли провизия? =
Брун, прапорщик гарнизонной артиллерии. =
Щиты сделать тросовые. =
Артиллерийского офицера. =
Спускать лес для Малахова кургана. =
Людей с Чесмы[1]. =
О помощнике Морозова на кургане[1]. =
Сказать, чтоб часть отряда бы послать перевозить войска[1]. =
2 люнета[1]. =
2 кирок[1]. =
О мостах на гать. =
О солдате. =
О вылазках представить. =
Об отряде гребном. =
Юрьев военный полицмейстер. =
Петров в помощь полицмейстеру[1]. =
Сломать госпиталь. =
Устройство печей. Старченке обращаться за пособием к старшему моему адъютанту по эскадре, которому и спускать лес пароходом по ночам. =
Блиндажи на маленькие пароходы. =
С Васильчиковым о топливе, чтоб освидетельствовать о наличии угля. =
Аудитору взятых обходом отсылать в штаб. =
Бечерова представить главнокомандующему = о раненых. =
Матроз 43 экипажа. =
Шлюпку в распоряжение сестры милосердия. =
Чайники для раненых. =
Трапы на новые редуты. = По 4 на Малахов курган тоже. =
10 человек арестантов. =
Дежурным по караулам. =
Пленных на корабль. =
Калипсо-Тезей. =
Людей с пароходов и для подмостков с Михайловского собора. =
Девку выслать по этапу в деревню. =
Керна призвать. =
О клетневой парусине. =
Лазарева на 4 бастион. =
О денщиках присланных офицеров. =
За полицмейстером о....[2] =
Дом Никитина освидетельствовать.
Не отливать никому водки, а давать тем, кто пьет = присяжные листы. =

[1] В подлиннике зачеркнуто.
[2] Нельзя разобрать.

41 бойка. =

Письмо к адмиралу = о греке = усилить шитье картузов. =

Мещанин Переяславля Павел Орловской был в деле 24 октября в застрельщиках при 6-м белостоцком резервном батальоне. =

О теле утонувшем. =

Карантин — таможенные — объездные. =

Об обходах и порядке. =

Записать провизию экономическую в приход = требовать только на наличное число людей и полупорций не требовать. =

Отдать один пустой магазин.

О масле, о соли. =

Крылова, Щеглов. =

Кристофоров.

Дать штурманов. =

Лопаты. =

О воде Острено. =

Колодцы очистить и осмотреть = как в южной, так и на городовой. =

Матроз 34 э. подсуд. =

Поручить Ловягину осмотреть колодцы. = Катер с муд...[1] и людей. =

Сказать о пленных Коцебу = о Григорьеве тоже.

Тверитинова возвратить. =

Пленных на корабль. =

О провизии в городе, для жителей, будет ли недели на три, о чем и озаботиться. =

Варить пищу на «Владимире» и «Громоносце». =

Бомбические пушки с Михайловской батареи — на Николаевскую. =

Матвеева пробить стенку, где укажет Обезьянинов. =

Написать к Юрковскому, что люди на обоих редутах остаются не евши. =

Гюббенету шлюпку. =

Пароходу не ходить к Мортонову элингу, а возить на шлюпках от крана. =

Очистить бота, выгрузить = на 10 № резерв = по укреплении переправу между Волохова заведением чрез Адмиралтейство, дать знать сейчас на отделения. =

О Павловской батарее. =

Константиновская батарея может действовать во фланг черной батарее. =

Воду на боту. =

Узнать о всех наградах офицерских. =

Георгиевские кресты нижним чинам. =

Награды кондукторов и писарей. =

Награды офицеров. =

О 5-м отделении, сколько какого экипажа убито матросов и ранено. =

Приказ начальникам отделений, чтоб исключали выбылых. =

Составить верные ведомости о числе убитых и раненых. =

Вытребовать Новикова. =

Насколько сухарей? =

Бастионным командирам георгиевские кресты. =

Приказать, чтоб по 50 выстрелов не тратить на штурме. =

Кугорновых мортир Хрулеву. =

Копылья лежат под сараем употребить на мост, употребя мосты настоящего. =

Бревны шестимерные, доски на них с настоящего моста. =

Лес в Мортоновом элинге. =

Плот готов у Редкина. =

Марсы у манадского сарая. =

Мастеровых половину от Ползикова. =

Васильчикову сказать, что будем делать, если загорятся магазины. =

Стояков и банников не присылают. =

Кресты давать и тем, которые были и прежде представлены. =

О картузах Новосильскому. =

Отдан ли приказ иметь по 50 для штурма?

Сухари. =

---

[1] Нельзя разобрать.

Два бота для перевоза раненых. =
Один из сараев отдать Гильхину. =
О парусине с Ключниковым = и Герасимов. =
Мешки, из которых шьют торбы для лошадей, годны ли они. =
Шерстяной холст для рубах = для картузов. =
Негодные мешки свозить для починки. =
Прочесть донесение о работах. =
На 1-м отделение есть слесари. =
Командовать сухопутными войсками = Ком. Влади. = майор пьян (или полк)[1]. =
О деньгах ран. с Васил., о сигналах тоже. =
Офицеров перевести на корабли, казармы осмотреть. =
Собрать легко раненых офицеров. =
Узнать, каких экипажей на 4 №. =
28 фунт. = картечи нет пушек 5 бомбических пушек. =
Всю ночь Костомаров стрелял ядрами. =
Предписания нет о деньгах Попову. =
О лаборатории Попову. =
О Вецеле. =

«Русская старина», 1889, № 1, стр. 99—101

[1] Трудно разобрать.

Раздел шестой

РАНЕНИЕ И СМЕРТЬ П. С. НАХИМОВА

№ 142

ДОНЕСЕНИЕ М. Д. ГОРЧАКОВА УПРАВЛЯЮЩЕМУ МОРСКИМ МИНИСТЕРСТВОМ ВЕЛ. КН. КОНСТАНТИНУ НИКОЛАЕВИЧУ О РАНЕНИИ П. С. НАХИМОВА

29 июня 1855 г.

Вчера в 8 часов вечера доблестный адмирал Нахимов ранен на 3-м бастионе штуцерною пулею в голову. Состояние его безнадежно, и ожидают его кончины с часу на час.

Доводя до сведения вашего императорского высочества о сей невозвратной потере для флота и для России, считаю долгом донести, что для выгоды службы я нашел необходимым:

1) Оставив вице-адмирала Юхарина при настоящей обязанности начальника эскадры, поручил контр-адмиралу Панфилову временное исполнение должностей: помощника начальника севастопольского гарнизона по части морской, военного губернатора г. Севастополя и командира порта.

2) Пригласить вице-адмирала Метлина прибыть на несколько дней в Севастополь для устройства здесь хозяйственной и распорядительной частей Морского ведомства.

Генерал-адъютант князь *Горчаков*

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1-е отделение, 1-й стол. 1855, д. 555, л. 1. Подлинник.

№ 143

ИЗ ПИСЬМА ВОЕННОГО МЕДИКА П. ДЬЯКОНОВА О ПРЕДСМЕРТНЫХ ЧАСАХ П. С. НАХИМОВА[1]

29 июня 1855 г.,
г. Севастополь, 11 часов утра

Еще одна жертва России, еще не стало у нас одного севастопольского героя, не стало героя Синопа, не стало Павла Степановича Нахимова! Правда, великая душа его еще не разлучилась с телом, но это живой мертвец: он умер уже для медиков, скоро умрет и для всех. Вчера он ранен на Корниловском бастионе (на Мала-

[1] Адресат письма не указан.

ховом кургане) штуцерною пулею в левый висок на вылет; пуля пробила череп (всю височную кость) от лица к затылку и повредила мозг.

Вчера в восемь часов вечера его принесли к нам в госпиталь (на Северную сторону), а после перевязки перенесли в смежный с нашим госпиталем, морской.

Он лежит без чувств, жизнь его выражается одним сильным дыханием, пульсом и бессознательными движениями рук и ног.

Сейчас только я от него... Какая трогательная картина не только для русского, но даже для всякого сколько-нибудь чувствующего человека.

В теле нашего героя еще таится дух жизни, то же величие в чертах его лица, но эти черты уже более ничего собою не выражают: правый глаз его постоянно открыт, левый постоянно закрыт; изредка открываются оба глаза, изредка и оба закрываются; еще реже бывает, что он устремит глаза свои на того или другого человека, на ту или другую сторону; вот все, чем выражалась жизнь его в одиннадцатом часу утра... Когда я вошел, профессор киевского университета Гюббенет приготовлялся делать ему обливание головы тонкою струею холодной воды. Когда были вылиты два больших чайника воды на голову, легко было заметить благоприятную перемену в нашем полупокойнике: он обратился глазами на г. Гюббенета, потом закрыл глаза, как бы сбираясь заснуть под таким приятным ощущением. В промежутке между обливаниями он как будто просыпался, открывал глаза и смотрел на профессора, а когда поливали, снова закрывал их. Когда я выливал третий чайник, прибыли к нему с Инкерманских высот г. главнокомандующий кн. Горчаков с г. начальником главного штаба генерал-адъютантом Коцебу.

При первом взгляде на умирающего главнокомандующий горько заплакал, а Павел Степанович минут пять смотрел на князя, не сводя глаз. Профессор Гюббенет порывался еще вырвать у нашего героя хоть одно слово в присутствии его посетителей: в то время, когда я выливал на голову его 4-й чайник, профессор спросил: «Не холодно ли вам?» Но не только не последовало ответа, не было даже признака, чтобы наш незабвенный герой слышал эти слова. Г. Гюббенет несколько раз повторил этот вопрос и все без успеха: заметно было, что умирающий шевелил губами, слышался какой-то шопот, но бог весть, с сознанием ли это было? Главнокомандующий простоял несколько времени у кровати ратного сотрудника, удерживая рыдания, и вышел со слезами на глазах.

Вчера герой Синопа, желая посмотреть на траншеи и позицию неприятелей, остановился у амбразуры бастиона; в это время поразила его роковая пуля неприятеля из траншей.

Итак, и нашего незабвенного героя не стало. Может быть, дух не оставит бренного его тела еще несколько дней или часов, но все-таки его не станет. Так говорит нам наша наука, иначе едва ли может быть, если не прострет над ним свою десницу всемогущий.

Военный медик *П. Дьяконов*

Одесский вестник», 1855, № 80

№ 144

ИЗ ЗАПИСКИ ПРОФЕССОРА Х. Я. ГЮББЕНЕТА[1] О РАНЕНИИ И СМЕРТИ П. С. НАХИМОВА

[30 июня] 1855 г.

П. С. Нахимов, 28 июня около 7 часов вечера на Малаховом кургане раненый в голову штуцерною пулею, был немедленно перевезен через бухту в морской госпиталь на Северной стороне. Первое пособие было ему подано морскими медиками; оно состояло в соединении обоих отверстий раны, извлечений из нее осколков кости, очищений от крови, прикрытии раны корпиею, намоченною Aq. Haemostatica Нелюбина и наложении повязки.

Прибыв с Южной стороны Севастополя в 9-м часу вечера, я нашел больного в следующем состоянии: он был совершенно бледен и, повидимому, без всякого самосознания, не владел языком и лежал на спине, склонившись несколько на правый бок. Правые конечности оказались бездейственными, левою же рукою он постоянно хватался за рану. Левый глаз закрыт верхним веком, посиневшим несколько от подтека, а правый вскрывался от времени до времени; рот был полуоткрыт и левый угол его несколько приподнят. Во взоре больного выражалось еще несколько следов самосознания, которое, однакож, не обнаруживалось никакими знаками, ни движениями. На правой руке пульс был мал, 60 ударов в минуту, на левой несколько полнее. Дыхание редкое, но ровно и спокойно.

По снятии перевязки оказалось, что рана начиналась от левого бугра лобной кости на один дюйм выше левого глазного края и, простираясь горизонтально назад по краю левой височной и теменной кости, оканчивалась на один дюйм выше левого уха. Все протяжение раны занимало в длину 6, а ширину 2 поперечные пальца. Пуля прошла спереди назад; отверстие входа свободно пропускало указательный палец и было меньше отверстия выхода. По вскрытии раны, чрез соединение обоих отверстий, прежде моего прибытия извлечены были из раны 18 осколков раздробленной кости (10 больших и 8 мелких).

Во время самой операции, как передали мне морские медики, больной изредка стонал и подносил левую руку к ране; кровотечение при этом, вначале довольно обильное, скоро остановилось.

По снятии первой повязки я покрыл рану одною лишь корпиею и назначил холодные примочки на время, пока принесут лед.

В 10-м часу вечера пульс начал возвышаться и доходил до 75 в минуту, дыханий около 30 в минуту. В 11-м часу пульс 85, дыханий 30 в минуту. В 12 часов пульс 100, дыханий 35. Больному от времени до времени давали по чайной ложечке холодной воды, которую он глотал с большим трудом.

В это время явилась небольшая испарина и движения левою рукою сделались чаще; больной попрежнему лежал на спине, приклонившись на правый бок.

---

[1] Гюббенет Христиан Яковлевич — профессор хирургии Киевского университета. Во время войны заведывал госпиталем в Севастополе.

В исходе 1-го часа пульс упал на 80 ударов в минуту, дыхание на 32, конечности холоднее, правая рука неподвижна, левая постоянно протягивается к голове.

В 6 часов утра 29 июня пульс 76, дыхание 24 в минуту, больной начал открывать глаза и левую руку чаще проводить к ране. Когда ему мешали в этом, то он едва внятным голосом, по донесению дежурного медика, раз проговорил: «Эх, Боже мой, что за вздор!»

До 9 часов утра не обнаруживалось никакой перемены. Теперь я велел сделать больному обливание головы холодной водою с известной высоты. Но обливания эти, несколько раз повторенные, не обнаружили в это время непосредственной реакции.

Спустя лишь ½ часа больной стал чаще открывать глаза и пополудни движением левой руки, казалось, давал знак, чтобы ему дали одеться, и потом немного посидел.

В 6-м часу вечера эти следы самосознания опять совершенно исчезли; больной спал и дышал довольно спокойно.

Когда он проснулся, час спустя, я велел опять повторить довольно продолжительные холодные обливания, но действие их было не весьма значительно; пульс ускорился от 60 до 75 и стал несколько полнее; он открывал несколько раз глаза, но сознание не пробудилось. Корпия на ране была переменена. До 9 часов больной часто переворачивался, сколько ему это позволяло ограниченное владение членами, то на бок, то на спину, брался постоянно за голову и несколько раз покашливал.

При посещении моем в 12-м часу ночи я застал больного лежащего неподвижно, со значительным хрипящим и поверхностным, более брюшным дыханием (resp. Abdominalis). Пульс на обеих руках весьма слаб и мал (начало агонии).

30 июня с 2 часов пополуночи пульс, до того времени нитеобразный, то исчезает, то появляется снова; дыхание такое же, как с полуночи, сделалось только чаще, пальцы и подошвы ног холодны.

В 4 часа утра пульс стал опять несколько полнее, но сделался весьма частым.

В 6 часов судороги продолжались две минуты, пульс исчез почти совершенно при постоянном подергивании сгибательных мышц руки.

В 8 часов утра больной успокоился, но дыхание попрежнему ускоренное, поверхностное, а пульс едва слышен; это состояние продолжалось до 10, с которого времени дыхание стало более и более затрудняться.

В 10½ дыхание появлялось только чрез каждые ¼ минуты и в 11 часов и 5 минут больной совершил последнее дыхание.

«Морской сборник», 1855, № 8, отд. I, оф., стр. 347—350.

№ 145

ПРИКАЗ НАЧАЛЬНИКА СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ГАРНИЗОНА Д. Е. ОСТЕН-САКЕНА ПО СЛУЧАЮ СМЕРТИ П. С. НАХИМОВА

30 июня 1855 г.

Храбрые защитники Севастополя!

Провидению угодно испытать нас новою тяжкою потерею: адмирал Нахимов, пораженный неприятельскою пулею на Корниловом бастионе, сего числа (30 июня) скончался.

Не мы одни будем оплакивать потерю доблестного сослуживца, достойнейшего начальника, витязя без страха и упрека, — вся Россия вместе с нами прольет слезы искреннего сожаления о кончине героя синопского.

Моряки Черноморского флота! Он был свидетелем всех ваших доблестей, он умел ценить ваше несравненное самоотвержение, он разделял с вами опасности, руководил вас на пути славы и победы.

Преждевременная смерть доблестного адмирала возлагает на нас обязанность дорогою ценою воздать неприятелю за понесенную нами потерю.

Каждый воин, стоящий на оборонительной линии Севастополя, жаждет, я, несомненно, уверен, исполнить этот священный долг; каждый матрос удесятерит усилие для славы русского оружия.

«Морской сборник», 1868, № 3, отд. библиогр., стр. 25.

№ 146

РАСПОРЯЖЕНИЕ ШТАБА СЕВАСТОПОЛЬСКОГО ГАРНИЗОНА ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПОХОРОН П. С. НАХИМОВА

30 июня 1855 г.

Завтрашнего числа в 5 часов после обеда имеет быть погребение умершего от раны адмирала Нахимова, для чего назначаются: 4-й баталион Модлинского резервного пехотного полка в полном составе, имея во взводе по 17 рядов, с хором горнистов и барабанщиков, а другой сводный батальон от экипажей Черноморского порта по наряду от Управления командира порта, хор музыки от Екатеринбургского пехотного полка; 6 орудий от резерва полевой артиллерии по назначению генерал-майора Шейдемана, баталионам на ружье и на каждое орудие иметь по три холостых заряда; всем этим войскам прибыть к церкви адмиралтейского собора к 4½ часам после обеда, выслав заблаговременно линейных унтер-офицеров для занятия места, которое укажет генерального штаба подполковник Циммерман; отрядом этим господин начальник гарнизона приказать изволил командовать командующему 16-ю резервною дивизиею генерал-майору Липскому; независимо от сего, по распоряжению управления командира порта должен быть назначен почетный караул от войск Черноморского флота по чину покойника, от коего и поставить часовых, равно должно быть назначено определенное число штаб- и

обер-офицеров для несения орденов покойника и прочего по положению; к погребению покойника приглашаются те только гг. генералы, штаб-обер-офицеры, которые не заняты обязанностями службы; форма одежды для офицеров в параде и при погребении в сюртуках без эполет и без шарфов.

Генерал-майор князь *Васильчиков*

ЦГВИА, ф. 3, д. 40, л. 14345, 14346. Копия.

№ 147

ПИСЬМО П. И. ЛЕСЛИ РОДНЫМ О РАНЕНИИ И СМЕРТИ П. С. НАХИМОВА

30 июня 1855 г.,
г. Севастополь

Грустно мне писать это письмо, дорогие мои друзья, но что же делать? И вы, вероятно, еще прежде получения этого письма знали о незаменимой потере, которую испытал наш Черноморский флот. 28-го числа в 6 часов вечера ранен штуцерной пулей Павел Степанович Нахимов и ранен в голову, так что рана чрезвычайно опасна, но что грустнее для меня, это то, что он ранен на моей батарее. Вот подробности этого несчастия. 28-го числа вечером мы служили вечерню перед праздником, и во время нашего служения нам дали знать, что приехал Павел Степанович и отправился на мою батарею. Керн и я сейчас же побежали его встретить и застали его, осматривающего неприятельские работы. Я помню еще, как он, узнав, что Керн был на молитве, сказал ему: «Зачем вы пришли? Я вас вовсе не беспокою». Осмотревши работы неприятеля с одной стороны, и так как моя батарея расположена полукругом, он пошел на другую сторону и, взойдя на барбет, устроенный для полевых орудий, начал осматривать работы, и хотя его предупреждали, чтобы не высовывался слишком, но он, как и постоянно 10 месяцев, не поберег себя и продолжал осматривать работы, совершенно высунув из-за мешков голову, несколько пуль просвистало мимо, но он не обращал на них внимания и продолжал смотреть; наконец, какая-то проклятая ударила его в голову, и удар был так силен, что Павел Степанович моментально упал навзничь без чувств. Все окружавшие его так и охнули, и у всех опустились руки. Я побежал поскорее за носилками и потом уже увидел, как его сносят с моей батареи. Между прочим, кровь из раны струится, я схватил свой носовой платок и перевязал им голову Павла Степановича. Когда его принесли на перевязочный пункт, устроенный на кургане, то там сделала ему настоящую перевязку сестра милосердия, которая живет у нас на батарее. Оттуда Павла Степановича отвезли на Северную сторону в дом, и к этому времени успели собраться доктора, которые, перевязав рану, увидели, что кость черепа повреждена и череп вдался до мозга. Вот положение, в каком находится Павел Степанович в настоящее время: смотрит на всех пристально, ни слова не может выговорить, — должно быть, язык отнялся; одна рука разбита параличом, но сознание бывает порою; это можно

заключить из того, что ему предлагали напиться морсу, — он отодвинул стакан рукой; потом ему хотели снять примочку с головы, думая, что она согрелась, — он рукой придержал ее, а через ¼ часа сам стал тащить ее; видно, бедный, чувствует себе облегчение, когда примочка холодна. Формально ничего не ест и не пьет. Рана его вот какая: пуля ударила выше правого глаза и вышла позади виска. Страдание должно быть очень сильно. Доктора говорят, что они не надеются, но что бывают чудеса, а вообще эти раны чрезвычайно трудные. Вы, конечно, можете себе представить все наше горе, когда всеми любимый, как отец родной, и уважаемый, как хороший и справедливый начальник, уже не в состоянии распоряжаться нами, а мы без него сироты; он один только у нас и остался, который заботился о нас и поддерживал дух. Матросы жалеют его, как отца родного; они знают его давно и знают, как он о них всегда заботился; все свое довольствие он раздавал им. Курган наш, это проклятое место, где был убит Корнилов, ранен Павел Степанович и убит тоже Истомин, хоть и не на этом самом кургане, но он был начальником на нем все время. Итак, мы лишились всех трех адмиралов, на которых имели огромную надежду. Теперь из адмиралов, которые были главными действующими лицами при обороне Севастополя, остался только один, — это контр-адмирал Панфилов, бывший все время начальником 3-го бастиона. Воображаю, как огорчило Константина Николаевича известие о ране Павла Степановича; он его чрезвычайно как любил и уважал. Дай господи, чтоб Павел Степанович выздоровел, тогда, может быть, деревенский воздух ему и помог бы несколько. Но только, кажется, надежды питать нечего; рана слишком тяжела, да и лета его не молодые. А жаль его, старика, всем; даже солдаты, которые почти совсем его не знают, и те интересуются о нем и приходят с участием спрашивать о его здоровье. Теперь у нас во флоте нет никого, кто б мог заменить Павла Степановича. Уж не говорю про то, что добрых и благородных людей, как он, трудно и поискать на всем белом свете. Панфилов пока занял место Нахимова, но, вероятно, приедет из Николаева Новосильский. Но и десять адмиралов не сделают того, что делал один Павел Степанович. Будем надеяться, что авось господь сжалится над нами и пошлет ему облегчение; по крайней мере хоть еще несколько бы времени прожил. Да, признаться сказать, никто из нас не думал, что Павел Степанович будет ранен прежде нас; все как-то твердо верили в его счастливую звезду, потому что с самого начала осады он нисколько не берег себя и являлся всегда там, где больше опасности. Сию секунду прислали нам сказать, что Павел Степанович умер. Мир праху твоему, добрый наш начальник, и вечная память. Вот как скоро переходит человек в вечность. Пожалуйста, друзья мои, отслужите по нем панихиду. Хоть вы его и не знали, но должны были любить, во-первых, потому, что он был верный слуга царю и отечеству, а во-вторых, и человек такой благородной души, каких мало. Оно, может быть, и к лучшему, что он скончался; по крайней мере, не будет страдать. Жаль, что я не буду на похоронах — нельзя отлу-

читься с батареи, но помолюсь за него один искренно. Грустно, друзья мои, потерять такого человека, как Павел Степанович; поверите ли, что при одной мысли об этом слезы навертываются на глазах.

«Сборник рукописей... о Севастопольской обороне», т. 2, 1872, стр. 402—406.

№ 148

ДОНЕСЕНИЕ СТАТСКОГО СОВЕТНИКА Б. П. МАНСУРОВА В МОРСКОЕ МИНИСТЕРСТВО О СМЕРТИ П. С. НАХИМОВА

30 июня 1855 г.

Сегодня настала тяжкая, печальная минута, которой Севастополь так долго страшился. Сегодня Черноморский флот лишился своего героя-вождя и облекся в тот сердечный траур, который не знает ни меры, ни срока! Доблестный наш адмирал незабвенный Нахимов скончался сего числа в 11 часов и 10 минут утра и скончался, не увидав конца начатого им достославного дела, в то именно время, когда все ожили в ожидании того блаженного часа, в который черноморской семье суждено будет отпраздновать освобождение Севастополя под победоносным флагом своего возлюбленного начальника. Павел Степанович так часто и так явно был храним промыслом, что все невольно привыкли считать его жизнь завегною, по крайней мере, до тех пор, пока сам Севастополь не погребет его в своих развалинах.

Среди общей скорби я едва смею говорить о собственной своей печали; нет матроса и офицера, который бы не оплакивал в Нахимове заботливого отца; нет храброго воина, который бы не потерял в нем путеводителя на стези долга и отваги.

С последних чисел минувшего мая, в особенности после бедственного занятия неприятелем наших редутов, адмирал был постоянно мрачен и очень страдал от полученных им 3 или 4 контузий, хотя всегда это скрывал. Счастливое отражение штурма его обрадовало, но не увлекло, как всех других; вообще, не будучи оптимистом, он оставался озабоченным, а о себе не переставал повторять: «Что ведь когда же нибудь да убьют его». Деятельность его не ослабевала ни на минуту; раз только изнуренный усталостью он решился два дня не выходить из дому, но беспокойство взяло верх над телесным утомлением, и Павел Степанович продолжал попрежнему беспрестанно посещать самые опасные места, пренебрегая всеми просьбами и увещаниями. Когда вследствие приближения неприятельских верков вся Екатерининская улица и площадь вокруг Дворянского Собрания, следовательно, и дом, занимаемый адмиралом, стали подвергаться ежеминутной опасности, г. главнокомандующий просил Павла Степановича перебраться под своды Николаевской батареи, где можно хотя спать в некотором покое, но адмирал ни за что не согласился выехать из своей квартиры, считая излишним искать защиты в доме, когда почти целые сутки должно ему быть на бастионах. Последнюю неделю пред своею кончиною адмирал был сравнительно покойнее, но 27-го числа, когда на 3-й бастион

внезапно открылась усиленная канонада, был опять в тревожном состоянии; 28-го числа около 4 часов пополудни адмирал собрался ехать снова на бастионы; племянник и постоянный сотрудник его капитан 2-го ранга Воеводский уговаривал его не ездить туда при неимении особенной надобности, но П. С. возразил, что он обязан исполнить свое намерение для успокоения души, и отправился на 3-й бастион, где продолжалась довольно сильная перестрелка. Обошедши все батареи невредимо, адмирал пошел на Малахов курган, стоивший Севастополю столько уже драгоценной крови; огня здесь почти вовсе не было, одни штуцерные пули изредка показывали, что неприятельские стрелки зорко следят за неосторожными храбрецами. Желая высмотреть что-то в траншеях осаждающих, адмирал не хотел послушать увещаний и просьб окружавших его лиц и поднялся так, что голова и эполеты ясно стали видны неприятельским сторожевым; одна пуля, попавшая в мешок подле самого П. С., послужила доказательством, что опасность близка. Адмирал только пошутил над неудачею стрелка, как другая пуля, бессмысленное орудие бездушного врага, поразила героя нашего в голову и пробила череп насквозь выше левого виска. Адмирал упал без памяти, не выговорив ни слова, и через Ушакова балку без памяти же перенесен был прямо в бараки — в домик, занимаемый аптекою Морского госпиталя. Принесли адмирала в 6½ часов вечера, и, несмотря на все медицинские пособия, он в память не входил, был постоянно в безнадежном положении и скончался бессознательно; несколько раз доблестный страдалец открывал глаза, но, повидимому, не узнавал окружающих, редко стонал и только изредка инстинктивно отводил руки врачей, перевязывавших его рану.

Сегодня можно было удостовериться, наконец, в действительности контузий, в которых бедный адмирал наш не хотел признаваться, — спина его была совершенно синяя.

Одев покойного, совершили над ним литию и понесли на госпитальной кровати к пристани в Куриной балке, где приготовлены были барказы для перенесения тела усопшего в квартиру его.

В этот день дул чрезвычайно сильный ветер; последнее путешествие совершено было синопским победителем через родную для него Севастопольскую бухту, и еще раз, в последний, случилось ему бороться с волнами и ветром, которые он 37 лет побеждал к чести и славе возлюбленной нашей России.

Завтра после вечерни должно быть совершено погребение тела хранителя и души Севастополя, в месте, уготованном им для себя — около Корнилова и Истомина, жертв товарищей его по Малахову кургану, и возле Лазарева, общего их наставника. Таким образом никого уже не осталось из трех любимцев Михаила Петровича, все трое пали на одном месте, вместе будут покоиться и нераздельно будут жить в памяти Черноморского флота и всего отечества.

Не нужно мне, конечно, говорить о глубокой и душевной скорби всего Севастополя: здесь нет единой души, которая не была бы им облагодетельствована, посему, надеюсь, нет равнодушных.

«Морской сборник», 1855, № 7, стр. 182—186.

№ 149

ИЗ ПОХОДНЫХ ЗАПИСОК УЧАСТНИКА ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ П. В. АЛАБИНА О СМЕРТИ И ПОХОРОНАХ П. С. НАХИМОВА

[28 июня — 1 июля 1855 г.]

28 июня

Господи боже, какая горькая весть сейчас пронеслась между нами: Нахимова убили или смертельно ранили на Малаховом кургане! Вот жертвенник, на котором богу брани принесены уже три великие жертвы: Корнилов, Истомин, Нахимов! Печаль и горе видимо распространились по Севастополю; всех потрясла страшная весть о новой незаменимой потере.

Вечер

К общему сокрушению весть о ране Нахимова подтверждается: говорят, она смертельна.

Нахимов составил себе имя, славу, народность в одну войну как человек и герой. Если Черноморскому флоту суждено было бы подняться со дна морского, можно надеяться, что Нахимов к венцу, свитому им на Синопском рейде, прибавил бы лучезарные листки. Этот морской Суворов, боготворимый моряками, конечно, наделал бы чудес с этим едва ли не самым геройским флотом в мире и страшную бы совершил месть своим врагам, по злобе которых величавый флот этот должен был погибнуть не в честном бою, а как невинная жертва, гибнущая в темнице, потрясая своими цепями.

Сейчас пришел ко мне от женина брата Вас. Вас. Безобразова, с батареи, комендор Сосин; спрашиваю: «Правда ли, что Нахимова убили?»

«Помилуйте, ваше благородие, разве возможно? Ранили пулею в грудь и руку, как это-с? Будет, слава тебе господи, жив!»

30 июня

Нахимов умер!.. Уныло звонит колокол единственной севастопольской церкви, ему жалобно вторит колокол Корабельной стороны; эти печальные звуки, сливаясь в один общий потрясающий звук, с редкими выстрелами орудий, несутся по бухте, будто стоны Севастополя над свежим прахом своего славного вождя, стремятся на ту сторону бухты, чтобы пронестись по обширному пространству нашего отечества, везде вызывая сердечные слезы, везде потрясая души горем и печалью...

1 июля

Итак, больше нет сомнения: Нахимова не существует! Приказ, приглашающий на похороны героя, ясное тому доказательство.

Да, Россия понесла тяжелую потерю...

28 июня полковник Малевский послал о чем-то спросить приказания Нахимова по делу обороны.

«А вот сейчас я сам к нему приеду», отвечал адмирал и, действительно, не более как через полчаса он явился на третий бастион и сел

на скамье у блиндажа батарейного командира, капитана 2-го ранга Никонова. Тут стояло еще несколько человек морских и пехотных офицеров, толковали о служебных делах, как вдруг слышат, спускается бомба в нескольких от них шагах; все бросились в блиндаж и едва успели вскочить в него, как она лопнула в самом близком расстоянии, осыпав место, где они стояли, землею, осколками и камнями, но Нахимов как сидел, так и не шевельнулся, казалось, и не думая о своем спасении, хотя не прошло еще нескольких дней, как он предписывал своим подчиненным правила благоразумной осторожности и самоохранения. Опасность миновалась, офицеры вышли из блиндажа, на мгновенье прерванный разговор стал продолжаться; о бомбе и помину не было. Кончив дело на 3-м бастионе, Нахимов поехал дальше на своей маленькой серенькой лошадке. На Малаховом кургане он долго наблюдал в трубу неприятельские работы, резко отличаясь от других черным цветом своего сюртука и золотыми эполетами, — костюм, который мы все, кроме Нахимова, давно променяли на солдатские шинели. Кто-то из людей решился напомнить ему о грозящей ему опасности, он отвечал: «Это дело случая!» Но вслед за произнесенными словами он был уже смертельно ранен.

Да, смерть Нахимова, как будто весть о проигранном сражении, уронила нашу нравственную силу и, конечно, возвысила нравственную силу неприятеля.

Вечер [*1 июля*]

Сию минуту воротился с церемонии истинно печальной — с похорон Нахимова. Да, несколько минут как мы похоронили славу Черноморского флота!

Боцман, старик почтенного вида, вез меня с Графской. Мы разговорились с ним о случившемся. «Эх, ваше благородие, — отвечал он мне, — если б у покойного вначале руки не были связаны, не то бы было!» — «А что ж, например?» — «Да вот что: он с флотом беспременно вышел бы в море тогда, как они шли выгружать войска в Евпаторию! Тогда они были загружены, они не могли бы действовать, как следует, а мы-то налегке, мы бы их и прихлопнули. Им тогда не то войска высаживать, не то в бой вступать!» — «Послушай, старинушка, подумай только, что у них конвой, верно, был, всегда готовый к бою, да и то сообрази, в драку вступить легко сказать, а ведь их по десяти корабликов, я чай, на наш один пришлось бы, да еще наши-то парусные, неповоротливые, нашим-то все приходится плясать по дудке ветра, а те паровые, так они бы нам такого чесу задали, что и Севастополя некому было бы защищать и бухту нечем было бы запрудить». — «Может быть, ваше благородие, слова нет, может, мы и погибли бы и флот погиб бы, да разве он теперь не погиб, а тогда, по крайности, знали бы, каков он есть Черноморский-то флот! Да и мы знали бы, как погибнуть! Не то, что тут в хате лежишь аль сидишь, а тебя, гляди, ежеминутно норовить или бомба разорвать, или ядро пришибить; там бы сцепился с любым корабликом, который потрузнее, да и поднялся бы с ним на воздух!»

Быть может, эта идея так дерзка и безрассудна, что она никогда не приходила в голову Нахимову, но она, высказанная простым чело-

веком, показывает то значение, какое придают моряки своему Нахимову.

Приехав утром на Графскую, я еще застал прах Нахимова в его скромном домике; он лежал в углу небольшой комнаты; моряки составляли почетный караул; три флага приосеняли славный прах, четвертый, тот, который развевался на корабле «Императрица Мария» в славный Синопский день, прикрывал знаменитого покойника. Этот флаг, изорванный в битвах, изъеденный временем, был почетнейшим покровом Нахимову. На столах лежали ордена; со стены смотрел на боевой катафалк единственный в комнате портрет — Лазарева. Медленно, внятно у гроба читал поп, в углу Берг рисовал простую, но полную глубокого значения картину гроба, к которому теснились для последнего прощания любезная покойному его семья — моряки, тут же теснились офицеры и солдаты всех родов оружия и ведомств, каждый, кто был только свободен от службы, спешил в последний раз поклониться Нахимову.

Модлинский батальон и моряки были уже построены с артиллериею. Не волновались обвитые траурным крепом знамена. Суровы казались лица присутствующих. Но вот выносят покойника. Загремел полный поход. Корабли приспустили флаги до половины мачт; корабль «Великий князь Константин» стал салютовать. Гроб героя синопского несли главнокомандующий — он плакал, граф Сакен, генерал-адъютант Коцебу и толпа генералов и адмиралов. Величественно было это безмолвное шествие в церковь посреди двух рядов солдат, с ружьями на караул и при множестве военных зрителей... Церемония тянулась долго. Все матросы простились с своим любимым командиром. Конечно, мы проводили Нахимова до могилы, устроенной рядом с могилою, им себе приготовленною, но добровольно им уступленною опередившему его на кровавой стезе Истомину.

Алабин П. Четыре войны. Походные записки в 1849, 1854—1856, 1877—1878 гг., часть III. Защита Севастополя, 1854—1856, стр. 439—443.

№ 150

ИЗ ПИСЬМА ХУДОЖНИКА Н. В. БЕРГА М. Н. ПОГОДИНУ О РАНЕНИИ И СМЕРТИ П. С. НАХИМОВА[1]

5 июля 1855 г.
Утро, лагерь на Инкермане

...Вы, конечно, знаете: мы лишились Нахимова, бесценного, незаменимого! Он пал почти там же, где пал Корнилов, — на Малаховом

[1] Публикуемое письмо за подписью «Б» было впервые напечатано в журнале М. Н. Погодина «Москвитянин», № 11 за 1855 г. Из друзей и сотрудников М. Н. Погодина в Севастополе в этот период был художник Берг, издавший впоследствии «Записки об осаде Севастополя». Сличение записок и письма Погодину показывает, что оба документа принадлежат Н. Бергу, который сделал зарисовку с П. С. Нахимова в день его ранения (см. Берг, Записки, стр. 214). Помимо этого, целый ряд абзацев письма и «Записок» совпадают текстуально, что делает бесспорным вывод о Берге как авторе письма Погодину. Ему же принадлежит и письмо от 5 июля 1855 г., написанное на фрегате «Коварна», куда он прибыл к вечеру 5 июля (см. документ № 156).

кургане, в нескольких шагах от Корниловского креста[1]. Вот небольшие подробности печального события: 28-го числа июня была сильная стрельба на 3-м бастионе; это занимало адмирала, и он (впрочем, очень веселый и разговорчивый с самого утра) сказал за обедом (в 1-м часу) адъютантам: «Вы, господа, не расходитесь: после обеда поедем по бастионам!» (Он всякий день объезжал бастионы и всегда в сюртуке и в эполетах. Это был единственный человек, ходивший в Севастополе в эполетах.) На бастионах вел себя необыкновенно смело, высовывался из-за вала, так что иногда его почти оттаскивали. Настойчиво увлекать его было невозможно — он не любил и наперекор еще дольше оставался в опасном месте. Обыкновенно отводили его с некоторой хитростью: «А вот, не угодно ли пожаловать сюда, здесь любопытнее: неприятель возвел новые траншеи...» Что-нибудь в этом роде. Он никогда не был ранен [2], и это делало его беспечным. Эти люди всегда немного верят, что их не ранят. Впрочем, он был раз контужен в спину осколком бомбы. Не знаю, известно ли это кому-нибудь, но я слышал от него сам. Сколько могу припомнить, это случилось в день занятия неприятелем Камчатского редута, где чуть было не захватили его в плен. Я приехал к нему тотчас, разумеется, не совсем спокойный и огорченный потерей редутов. Он горячо меня ободрял и указывал в окно на бодрых солдат: «Нет-с, у нас здесь нет уныния и быть не может... Я бы на месте главнокомандующего расстрелял того, кто приведет в уныние. А что они будут теперь бить наши корабли, пускай бьют-с! Не конфектами, не яблочками перебрасываемся! Вот меня сегодня самого чуть не убило осколком — спины не могу разогнуть... Да это ничего еще, слава богу, не слег!»

После обеда он лег отдыхать и встал около 3-го часа. Стрельба было стихла, но в 4 часа началась опять. Адмирал велел оседлать лошадь. «Господа, не угодно ли, пальба усилилась!» сказал он адъютантам, и они выехали втроем. Обыкновенно же он говорил: «Ну-с, на коней-с!» На дороге к 3-му бастиону, близ Адмиралтейства, бомба пролетела над самыми их головами. Он сказал какую-то шутку: «Видите, приветствуют!» И был весел до конца. Всю дорогу говорили. На 3-м бастионе он осмотрел все, что сделали вновь как у нас, так и у неприятелей, и поехал на Малахов. Во весь путь не свистнула ни одна пуля. Пройдя башню, он поднялся на один из передних банкетов, обращенный к Камчатскому редуту, высунулся из-за вала и стал смотреть. Пуля пробила мешок. Командир бастиона Керн сказал ему, что в башне служат вечерню; не угодно ли ему? Адмирал отвечал: «Я вас не держу-с!» Нередко в подобных случаях говорил: «Не всякая пуля в лоб-с!» И нужно же было случиться, что пуля, назначенная ему, именно попала в лоб. После ответа Керну он смотрел, однакож, не долго и, обернувшись, стал отдавать трубу, как вдруг упал на руки Кернова ординарца, матроса с фрегата «Коварна», Короткого (который мне и рассказывал об этих минутах); пуля попала ему в лоб над левым глазом, наискось, пробила череп и вышла около левого уха. Падая, он заговорил;

[1] Крест, сложенный из ядер, на том месте, где был убит В. А. Корнилов.

[2] Это неверно. П. С. Нахимов был легко ранен в голову 5 октября 1854 г. во время первой бомбардировки Севастополя.

окружающие нагнулись; Керн был ближе всех и слышал, как адмирал произнес: «Боже милосердный!» Его отнесли на перевязочный пункт, устроенный на кургане же. Когда ему вспрыснули водою голову и грудь, он пришел в себя, осмотрелся и что-то проговорил, но ничего нельзя было разобрать. После этого адмирала понесли на простых солдатских носилках в Аполлонову балку, на пристань, и положили в первый попавшийся ялик, но с парохода «Владимир» был уже послан катер, с которым встретясь оставили ялик, и на катере перевезли адмирала в один из северных бараков.

Между тем, в городе разнеслась ужасная весть. Все видели, как провели лошадь адмирала, как поскакали адъютанты. Говорили разно: кто говорил убит, кто — ранен. Говорили, что он отвезен в Михайловское укрепление. Я был в городе и бросился тотчас в Михайловское. Там знали уже, но не говорили прямо. Кто-то сказал, что он в северных бараках за 4-м номером. Я пошел туда (было уже темно) и скоро отыскал барак, где лежал адмирал. Окно было растворено. Комната полна докторами. Адъютанты стояли, утирая слезы. Под окнами толпилось несколько офицеров. Адмирал лежал, тяжело дыша, с закрытыми глазами и немного шевелил рукой. Меня просили снять с него очерк, пока он не скончался, что я сделал немедля. Очерк нашли грустно схожим. На другой день утром в 7-м часу я зашел к адмиралу: ему, казалось, было лучше. Где-то достали льду и приложили к голове. (После ходил рассказ, что один из бывших его адъютантов, Шкотт, съездил в 7 часов в Симферополь туда и обратно — 120 верст, и привез льду, поливая его на дороге эфиром. Шкотта не было в Севастополе, и за льдом никто не ездил. Лед достали в Корабельной, в трактире «Ростов-на-Дону», и то последний. Но я все-таки привожу этот рассказ потому, что он создан всеобщею любовью к адмиралу.) Адмирал открывал глаза и останавливал их на входящих но, кажется, без мысли. Зайдя в 1 часу, я нашел его еще лучше. Мне сказали, что он вставал с постели с помощью других, указал на сапоги и надел их; показал на шею — ему повязали галстух и потом накинули шинель. Он трогал осторожно повязку, не думая ее срывать, что делал прежде. Однако во все это время с начала прибытия в барак он не говорил ничего. К утру 3-го ему стало хуже. В 7-м часу я нашел его лежащим в постели не прямо, как прежде, а боком. Он очень тяжко и часто дышал. В 10 часов с четвертью его не стало.

Около 2-го часа баркас, буксируемый катерами (потому что было сильное волнение; море, потерявшее своего адмирала, сочувствовало общему волнению), вез с Северной стороны тело, как обыкновенно, со священником и крестом, на Графскую пристань. Народ, замечая далеко печальный баркас, стекался к пристани толпами, снимая шапки и крестясь. Это были, разумеется, все матросы и солдаты. Другого народа в Севастополе почти нет. Тело приняли морские офицеры и контр-адмирал Панфилов и отнесли в дом, где тотчас отслужили панихиду. Адмирала накрыли флагом с корабля «Императрица Мария», на котором он дрался в синопский бой. Флаг был в нескольких местах пробит ядрами. Потом было объявлено народу, что могут прощаться. Один за другим входили в комнату матросы, солдаты, офицеры и простые обыватели, и даже женщины, которым адмирал в последнее

время приказал выехать из Севастополя. Я видел одного горько плачущего мужчину в обыкновенной одежде. Женщины почти все плакали.

На другой день в 6 часов вечера назначен был вынос. Адмирала положили в гроб и осенили тремя флагами — контр-адмиральским, вице-адмиральским и адмиральским. На стенах против принятого обычая оставили не снятыми две картины: изображение штурмуемого фрегата «Крейсер», на котором адмирал служил в первых чинах под командою капитана Лазарева, и портрет Лазарева. Я снял эту комнату со всем, что в ней было в ту минуту, и, кроме того, 3 портрета и все это подарил морякам. Прибыл главнокомандующий со всем штабом. Тело вынесли на руках адъютанты покойного и другие моряки и пронесли до церкви между двумя батальонами матросов и солдат, стоявших вдоль улицы под ружьем. Несметные толпы народа наполняли улицу и все высоты. Казалось, Севастополь никогда не видал на своих холмах столько народа. Неприятель не стрелял. Даже распространился слух, что английские корабли скрестили реи и спустили флаги. Но я до сих пор не знаю, точно ли это было. Когда, по окончании службы в Михайловском соборе и после того, как матросы простились с адмиралом (они прощались, подходя по два, что продолжалось больше часа), мы все поднялись на гору, провожая гроб в могилу, солнце уже село, а в это время на море кончаются все церемонии. Мы увидали и их, и наши корабли в обыкновенном виде.

Адмирала положили подле трех других: Лазарева, Корнилова и Истомина, на месте, где заложен Владимирский собор... Кругом теснились рыдающие матросы; всякому хотелось бросить горсть земли... Прогремели почетные залпы. Нахимова не стало...

Едва разошлись толпы народа, как в бухту полетели ракеты и бомбы.

Я послал в последнем письме к Степану Петровичу[1] очерк с лица адмирала. Не худо бы отпечатать. Он похож, если сохранять малейшие оттенки. Только надо сделать на камне наоборот, чтобы вышло так, как у меня. На той стороне была рана. Ответ на остальные пункты в следующем письме. Теперь поздно. Сажусь на коня и скачу на почту: почтовый день.

Ваш душевно *Б[ерг]*

«Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя под ред. Дубровина», вып. 1, Спб., 1871, приложение, стр. 70—74.

№ 151

ИЗ ПИСЬМА П. И. ЛЕСЛИ РОДНЫМ О ПОХОРОНАХ П. С. НАХИМОВА

7 июля 1855 г.

...Я писал вам в прошлом письме о смерти П. С. Нахимова[2], а теперь скажу, как его хоронили. Он умер на Северной стороне, в бес-

[1] С. П. Шевырев — общественный деятель и публицист.
[2] См. документ № 147.

памятстве, и его в тот же день перевезли в город на квартиру. Когда тело везли мимо флота, то он приспускал свои флаги до половины; этим у нас отдается честь покойнику. Пока он лежал на квартире, то над его телом читали постоянно монахи, в полном облачении, по собственному их желанию. В параде участвовали сводный флотский батальон, один армейский при 6 полевых орудиях. Панихиду в церкви служили 14 священников, из коих большая часть синопских монахов. Потом все матросы, бывшие на параде, прощались с покойником, почему и продолжалась церемония долго. При опускании тела из этих батальонов и орудий сделаны были залпы, а когда тело покойного выносили из дома в церковь, то тогда наши корабли приспускали флаги и салютовали тем числом выстрелов, какое ему полагалось при жизни. Жаль было расстаться с ним, друзья мои! Тем более, что в военное время он у всех у нас был в мыслях постоянно как единственная наша надежда и опора. На его похоронах мы увиделись друг с другом и встретились после долгой разлуки; меня многие считали из наших офицеров убитым во время приступа на Камчатский редут и чрезвычайно удивились, видя меня целым и невредимым. Нахимова положили вместе с тремя его товарищами: Лазаревым, Корниловым и Истоминым. В короткое время мы лишились наших самых славных адмиралов, украшавших собой русский флот. Тоска страшная...

Сборник рукописей... о Севастопольской обороне, т. 2, 1872, стр. 410—411.

№ 152

РАПОРТ М. Д. ГОРЧАКОВА УПРАВЛЯЮЩЕМУ МОРСКИМ МИНИСТЕРСТВОМ О СМЕРТИ И ПОХОРОНАХ П. С. НАХИМОВА

10 июля 1855 г.

Долгом считаю представить вашему императорскому высочеству донесение о смерти адмирала Нахимова, составленное находящимся при севастопольском гарнизоне ординарным профессором императорского университета св. Владимира коллежским советником Гюббенетом[1].

Адмирал Нахимов ранен был смертельно штуцерною пулею в голову 28 июня около 7 часов вечера на Корниловском бастионе, в ту минуту, когда он, невзирая на явную опасность, стоя на бастионе, рассматривал в зрительную трубку осадные работы неприятелей.

Предсмертные страдания доблестного Нахимова длились более сорока часов: он умер в 11 часов и 5 минут пополуночи 30 июня.

Тело адмирала, в сопровождении приличной духовной и военной процессий и в присутствии всех свободных от службы генералов, штаб- и обер-офицеров морского и сухопутного ведомств, предано земле в склепе адмирала Лазарева, при строящемся соборе имени св. Владимира, рядом с могилами падших при обороне Севастополя со-

[1] См. документ № 144.

служивцев его: вице-адмирала Корнилова и контр-адмирала Истомина.

Генерал-адъютант князь *Горчаков*

ЦГВМА, ф. ИДММ, 1-е отделение, 2-й стол, 1855, д. 483, лл. 1—2. Подлинник.

№ 153

ИЗ ПИСЬМА ЛЕЙТЕНАНТА М. Е. КОЛТОВСКОГО[1] ОТЦУ О ПОСЛЕДНИХ МИНУТАХ ЖИЗНИ П. С. НАХИМОВА

28-го числа июня покойный адмирал, г. Фельдгаузен[2] и я поехали на 3-е и 4-е отделения (ибо там была бомбардировка); не доезжая еще до доковой стены, покойный адмирал послал г. Фельдгаузена к г. Воеводскому сказать, чтобы он приказом назначил лейтенанта Янушевского на 3-й бастион (потому что в этот день командиру 3-го бастиона лейтенанту Викорсту оторвало ногу и бастион остался без командира) и чтобы он сам остался дома и не приезжал обратно. Оставшись вдвоем, мы поехали сперва на 3-е отделение, начиная с батареи г. Никопова, потом зашли в блиндаж к А. И. Панфилову, напились у него лимонаду и отправились с ним же на 3-й бастион; осмотревши его и остальную часть 3-го отделения окончательно — конечно, я уж и не говорю, под самым страшным огнем, — мы сели на коней и распрощались с А. И. Панфиловым и с офицерами вообще; мы поехали шагом на 4-е отделение в сопровождении, можно сказать, прицельных бомб, ядер и пуль на всем пути: господь нас миловал, ничто не смело, по его воле, нас тронуть.

Во время этой дороги покойный адмирал был чрезвычайно весел и любезен против обыкновения и все говорил: «как приятно ехать такими молодцами, как мы с вами; так нужно, друг мой, ведь на все воля бога и ежели ему угодно будет, то все может случиться: что бы вы тут ни делали, за что бы ни прятались, чем бы ни укрывались, ничто бы не противостояло его велению, а этим показали бы мы только слабость характера своего. Чистый душой и благородный человек будет всегда ожидать смерти спокойно и весело, а трус боится смерти, как трус». После этих слов адмирал задумался, но лицо его сохраняло попрежнему покойную и веселую улыбку.

Мы подъехали к батарее Жервэ (начало 4-го отделения) и сошли с коней; адмирал, видя, что огонь неприятельской артиллерии тут совсем слаб, приказал собрать вокруг себя всех матросов и прислугу орудий. И когда люди были собраны, он, обратившись к ним по обыкновению со словами: «здорово, наши молодцы», сказал: «ну, друзья, я осмотрел вашу батарею, она далеко не та, какою была прежде: она теперь хорошо укреплена; ну, так неприятель не должен знать и думать, что здесь можно каким бы то ни было способом

[1] Автор письма лейтенант Митрофан Егорович Колтовской, сын вице-адмирала Е. И. Колтовского, в течение осады Севастополя состоял флаг-офицером П. С. Нахимова.

[2] Лейтенант А. В. Фельдгаузен — один из адъютантов П. С. Нахимова.

вторично прорваться. Смотри ж, друзья, докажите французу, что вы такие же молодцы, какими я вас знаю, а за новые работы и за то, что вы хорошо деретесь, спасибо, ребята».

Не только слова, но одно присутствие покойного адмирала в самую критическую минуту делало матросов чрезвычайно веселыми и более энергическими, потому что они видели перед собой начальника, которого они любили, как дети своего отца, готового умереть с ними вместе.

Отдав кое-какие приказания самому г. Жерве, адмирал направил свой путь на Малахов курган; взойдя туда, мы увидели, что в башне служили вечерню; адмирал, перекрестившись, пошел со мной вдвоем (потому что начальник 4-го отделения Ф. С. Керн был у вечерни); но едва мы успели пройти несколько шагов, как г. Керн нас догнал, отрапортовал адмиралу, что все исправно, и, предложив зайти к вечерне, просил ни о чем не беспокоиться, но адмирал не слушал и шел вперед, захотевши, вероятно, осмотреть по обыкновению новые работы неприятельские.

Он взошел на банкет, взял трубу у сигнальщика и стал смотреть не в амбразуру из мешков, нарочно для того сделанную, а прямо через бруствер, открыв себя почти по пояс. Тут г. Керн и я начали его уговаривать смотреть пригнувшись или в амбразуру, но он не слушал предостережения, как и всегда. В это время одна пуля попала прямо в мешок около его левого локтя; вторая ударила в бруствер и камешком от нее у меня разорвало козырек у фуражки.

Видя что это — прицельные пули, мы опять просили адмирала сойти с банкета, но он не хотел, говоря, однакож, что «они сегодня довольно метко целят». Только что успел он произнести эти слова, как мгновенно упал без крика и стона. Все были поражены, когда увидели, что пуля попала ему в левый висок на вылет. Я взял его за руку и пощупал пульс; оказалось по несчастию, что он не бился. Мне ничего более не оставалось делать, как приказать отнести на время адмирала в блиндаж к г. Керну. Сам же я поскакал к графу Сакену известить о смертельной ране нашего начальника. От графа я прискакал домой и все комнаты опечатал. Возвращаясь на курган, я узнал дорогой от своего казака, что адмирал еще жив и что его повезли на Северную сторону в госпиталь. Я тотчас же воротился и поехал туда.

Здесь я узнал, что рана Павла Степановича не дает никакой надежды на его спасение и что вдобавок бок и легкие у него парализованы. В таком положении он лежал до 30 июня. Во все время он был без чувств и кое-как выговаривал только слова: «это вздор, все пустяки». Более ничего не говорил и в 9 часов и 30 минут утра скончался. 1 июля его хоронили с чрезвычайными почестями. Успели кое-как снять с него портрет. Царство ему небесное, он нас любил, как своих детей.

«Одесский вестник», 1855, № 83, перепечатано в «Русском инвалиде» 7 июня 1855 г. и в «Материалах для истории Крымской войны и обороны Севастополя под ред. Дубровина», вып. I, приложения, стр. 87—90.

№ 154

ИЗ ПИСЬМА КАПИТАНА 2-го РАНГА П. В. ВОЕВОДСКОГО О СМЕРТИ П. С. НАХИМОВА[1]

[Июль] 1855 г.

...Весть о горестной, тяжелой утрате нашей дошла уже до вас. Право, не могу свыкнуться с мыслью; все еще не верится, что его уже нет. Не только мы, родные[2], но весь флот оплакивает адмирала, и только в эти минуты выказалось, какою всеобщею любовию он пользовался.

Что потеряли в нем защитники Севастополя, того не выразишь никакими словами.

Вот некоторые подробности: 28-го числа с утра открылась сильная канонада против бастиона № 3. П. С. собрался ехать, но у меня было много бумаг, и мне удалось его удержать. В 4 часа пополудни он велел оседлать лошадей. Уговорить не ехать мне не удалось; помню последние слова его: «Как едешь на бастион, так веселее дышишь». Меня в то же время послал он совсем в другую сторону, а с собою взял флаг-офицеров Фельдгаузена, Костырева и Колтовского.

Побывши около часа на 3-м бастионе, он поехал на бастион Корнилова. Артиллерийского огня там не было, но ружейный довольно сильный. В то время, когда, осматривая неприятельские траншеи, он взошел на банкет и сделался открыт до пояса, ружейная пуля ударила в мешок, у которого он стоял, но он не хотел оставить рокового места и продолжал смотреть в трубу. В ту самую минуту, как он повернулся, чтоб спуститься, пуля ударила его выше левого виска, и он упал без чувств. До самой кончины П. С. ни на минуту не пришел в себя. Никакая медицинская помощь не могла его возвратить к жизни.

Он скончался 30-го числа в 11 часов 7 минут пополуночи и погребен рядом с Михаилом Петровичем Лазаревым вечером 1 июля.

«Морской сборник», 1855, № 7, учено-лит., стр. 167.

№ 155

ИЗ СТАТЬИ Х. Я. ГЮББЕНЕТА О РАНЕНИИ И СМЕРТИ П. С. НАХИМОВА

15 августа 1855 г.

28 июня часов в 7 вечера я находился у раненого, всему Севастополю дорогого Тотлебена и делал перевязку полученной им 8-го числа штуцерной раны, принявшей сомнительный оборот от наступившего воспаления жилистой оболочки. В это время вошел в комнату один из подчиненных Тотлебену инженерных офицеров и, отозвав меня в сторону, сообщил, что Нахимов убит штуцерною пулею на Малаховом

[1] Адресат в публикации «Морского сборника» не указан.

[2] П. В. Воеводский приходился П. С. Нахимову племянником. См. примечание к документу № 93.

кургане; он просил меня, чтобы я передал осторожно Тотлебену эту печальную весть. Тотлебен с покойным адмиралом был в самых близких отношениях. Эти два мужа, надежда Севастопольской обороны, питали один к другому высокую степень уважения, чувствовали взаимное друг к другу влечение и, устремляясь к одной и той же цели, в мыслях и действиях своих представляли много общего. Мне досталось счастие иметь с обоими частые, близкие и искренние сношения, и потому я знаю, чуть ли не лучше всякого, как высоко каждый из них ценил достоинства другого. При опасном состоянии раны Тотлебена и сильной раздражительности, в какую его привели перенесенные при девятимесячной беспримерной деятельности труды, я побоялся за последствия такого тяжкого удара и запретил было сообщать ему об оном, как вдруг внезапно вошедший офицер пригласил меня на помощь Нахимову, перенесенному из Корабельной на Северную сторону с опасною раною. Я поспешил туда и нашел его, окруженного врачами, но в безнадежном состоянии. Пулею пробило череп навылет через мозг. Адмирал лежал в предсмертных муках, которые продолжались с вечера 28 до 11 часов 7 минут 30 июня, когда он испустил последний вздох. 1-го июля последовало погребение.

Чего в лице этого мужа лишились Севастополь, флот, вся Россия, того не в силах выразить мое неискусное перо. Я был свидетелем тех восторженных чувств к нему, которыми одушевлен был флот и целое войско; видел неограниченное доверие и беспредельную к нему любовь простого солдата. При частых свиданиях с ним я имел случай открывать в его сердце такие струны, которые не всякому были так доступны, как мне. Всей Европе известны его высокое мужество и блестящая храбрость, по мнению многих не имевшая границ. Он ежедневно подвергал себя без малейшей осторожности неприятельскому огню, избирал места самые опаснейшие, по крайней мере, никогда не обходил их; останавливался на самых беззащитных пунктах бастионов, а когда окружавшие почти насильно увлекали его прочь от опасности, то он как бы с намерением замедлял шаги свои.

Все это делалось без малейшего тщеславия: напротив того, все поступки его носили явный отпечаток величайшей скромности, и, конечно, имея единственной целью возвысить общее мужество и показать, что минута смерти определена провидением, независимо ни от каких человеческих предосторожностей. И, действительно, его пример имел беспредельное влияние на дух наших храбрых матросов, и за упорную оборону порта отечество ему невыразимо обязано. Он до того пренебрегал собственною безопасностью, что вся армия, наконец, стала смотреть на него, как бы на человека, застраховавшего жизнь свою, видя, в течение девяти месяцев сряду, в самом жарком огне, что ядра как бы сами избегали встречи с ним. А казалось, небольшого стоило бы труда врагу узнать Нахимова, ростом высокого, единственного во всем Севастополе офицера, носившего эполеты, которых он никогда не снимал с плеч. Мне случалось встречать его во всякое время дня, и всегда при эполетах (он даже спал в них, ибо, как сам мне признавался, что во все время 9-месячной осады он ни разу не ложился спать раздетый). Таким образом он представлял постоянно цель для неприятельских выстрелов, тем более, что весьма часто пренебре-

гал всяким прикрытием во время наблюдения неприятельских действий и выказывался сверх бруствера, что сделал и в ту самую минуту, когда получил последнюю рану.

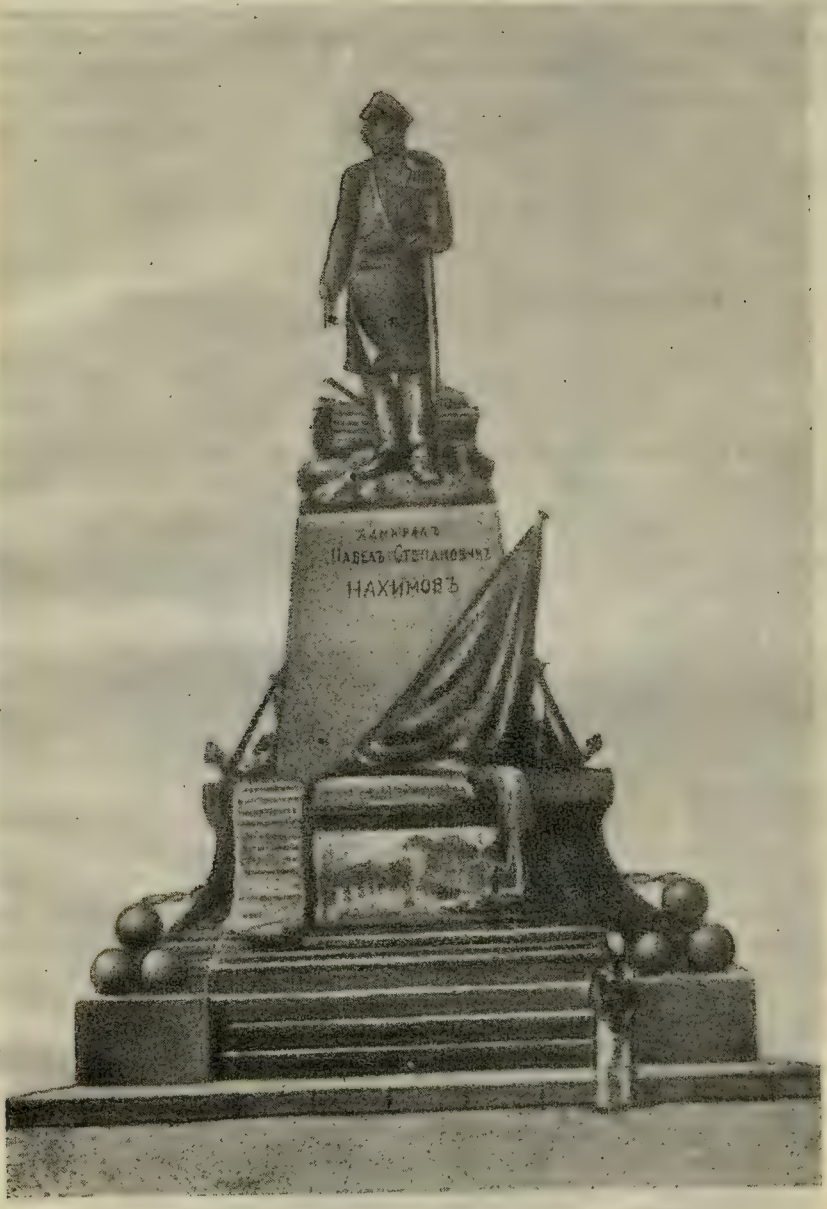
О многочисленных его заслугах говорить не стану; приведу только некоторые черты его характера, какие я успел узнать, состоя врачом при севастопольском гарнизоне.

Деятельность его была неутомимая, неисчерпаемая. Помню, что в самый разгар его трудов по званию начальника всего Черноморского флота, главного командира порта, севастопольского губернатора и помощника начальника гарнизона не только не останавливалось самое малейшее дело, но никто не приходил к покойному адмиралу не вовремя, коль скоро дело шло об облегчении положения больных — будь это просьба, повидимому, самая ничтожная. Дела у него не ограничивались словами или обещаниями: дело, представленное адмиралу и им одобренное, можно было считать исполненным. С отрадным чувством вспоминаю и поныне о его благородном стремлении и живом, восторженном участии, какое он принимал во всяком добром деле! Напротив того, с какою нещадною ненавистью клеймил он всякое злоупотребление, особенно такое, от которого могли пострадать его матросы; с какою готовностью выслушивал всякое предложение, могущее повести хотя к малейшему улучшению. Неутомимый враг всякого педантства, всякой бумажной деятельности, он отверг все стеснительные при настоящих бедственных обстоятельствах формальности, и этим только достиг возможности быстро и успешно осуществлять свои намерения. Все его действия отличались юношескою пылкостью; все доброе находило в нем заступника самого горячего и искреннего, и потому собственно он мог порою казаться крутым и суровым, ибо мысль высказывал прямо и откровенно и не стесняясь выражал свое презрение к мелочности и самолюбию. Чуждый всякого притворства, он никогда не скрывал своего мнения и высказывал его прямо и откровенно даже и в тех случаях, когда личный расчет не требовал этого. Одним словом, он был патриот, каких мало. Он не считал достойным хвалить все существующее и скрывать недостатки, а находил пользу в обличении последних и в неусыпном стремлении к улучшениям.

Я помню, что по всем бесчисленным мелочным желаниям и нуждам больных постоянно приходилось обращаться к Нахимову. Часто встречались нужды, повидимому, не легко или даже вовсе неудовлетворяемые, но от которых для раненого ожидалось благодеяние или облегчение, и Павел Степанович непременно находил средство уладить дело. Можно было подумать, что покойный адмирал владеет каким-нибудь неисчерпаемым источником, благодаря которому может удовлетворять нуждам всех и каждого. Источник этот заключался единственно в его неутомимой деятельности, энергии, внимании ко всему, что его окружало, и в его теплом сердце! Он говорил, что ненавидит поэзию, но сам имел самую поэтическую душу. Во время осады один поэт доставил к синопскому герою хвалебное стихотворение. «Если этот господин хотел сделать мне удовольствие, — сказал мне при этом случае Павел Степанович, — то уж лучше бы прислал несколько сотведер капусты для моих матросов». Удостоившись по окончании последней бомбардировки Севастополя получить в награду от государя

императора значительную аренду, он только и мечтал о том, как бы деньги эти употребить с наибольшею пользою для матросов или на оборону города! По многочисленным занимаемым им должностям и долговременной службе Нахимов получал значительное содержание, но, не имея семейства и живя со скромностью древнего философа, он не только никогда не имел денег, но постоянно прибегал к кошельку своих адъютантов для раздачи милостыни бедным, а в особенности на пособие матросским семействам и пр. Не могу удержаться, чтобы не привести случаев, которыми выражалась его заботливость о страждущих, потому что они могли только проистекать из беспредельно нежного сердца. Мне нередко случалось находить у раненых офицеров различного рода лакомства, не легко доступные. На расспросы мои, откуда достаются они, я получал постоянно один и тот же ответ: «Прислал Нахимов!» Во время болезни Тотлебена я всегда находил у постели его свежие цветы, доставленные, само собою разумеется, от Нахимова! Итак, при тяжелом бремени должностных занятий, под самым градом бомб, герой наш находил время повиноваться благородным побуждениям своего нежного сердца! В таких подвигах гораздо более поэзии, нежели в целой сотне поэм.

Разговор его был всегда занимательный, одушевленный, полный внимательности к предмету. Единственная, постоянная его забота была о Севастополе и флоте! Не мне описывать то горе, с каким оплакивал он потерю своих доблестных сподвижников: Корнилова, Истомина, Юрковского, и увядание под вражьими выстрелами лучшего цвета Черноморского флота! Таким образом на его глазах погибли его храбрейшие товарищи, его любимейшие питомцы, и это было для него невыносимым. Он неоднократно говорил мне в искренней беседе, что пережив двукратное бомбардирование Севастополя, третьего пережить не в состоянии! (Адмирал пережил пять бомбардирований.) В последнее время он страдал различными припадками — болями в желудке, рвотою, головокружением, даже обмороком. Состоявшие при нем преданные ему офицеры никогда не пропускали уведомлять меня об этих случаях. Сам он всегда говорил мне откровенно о своем положении, которое тщательно старался скрывать от всех прочих, но уверял, что о лечении теперь и думать нечего: стоит ему только прекратить сегодня обычный круг деятельности, чтобы впасть завтра в совершенное изнеможение. «Да,—присовокупил он к этому,—если мы сегодня заключим мир, то я убежден, что, наверное, завтра же заболею горячкою: если я держусь еще на ногах, то этим я обязан моей усиленной, тревожной деятельности и постоянному «волнению». И в самом деле деятельность его, не прекращавшаяся до самой последней минуты, возрастая почти до лихорадочного состояния и держа его целых десять месяцев в беспрерывной тревоге, переступала почти границы естественного. Лучшим для него утешением были поездки верхом по бастионам, где находился он между матросами, столько им любимыми, среди которых и постигла его, наконец, смерть. 28 июня поехал он на 3-й бастион, откуда слышалась жестокая перестрелка. Все усилия желавших остановить его под предлогом болезни остались напрасными. «Мне дышится свободнее на бастионе», сказал он и поехал далее для того, чтобы возвратиться трупом в свою квартиру. Он благополучно миновал 3-й бастион,



Памятник адмиралу П. С. Нахимову

но на Корниловском, где пали Корнилов и Истомин, нашел смерть и он. С тех пор протекло полтора месяца; гарнизон и Севастополь перенесли много тяжких испытаний, пролито ручьями много благородной крови, но имя Нахимова остается незабвеннейшим из имен, — это имя напишется золотыми буквами как в истории России, так и в сердцах грядущих поколений.

Морской сборник», 1855, № 9, учено-лит., стр. 253—260.

№ 150

ИЗ ПИСЬМА М. А. БЕСТУЖЕВА[1] М. Ф. РЕЙНЕКЕ О П. С. НАХИМОВЕ

1 января 1856 г.[2]

г. Селенгинск

...Севастополь пал, но пал с такою славою, что каждый русский, в особенности каждый моряк, должен гордиться таким падением, которое стоит блестящих побед. К сожалению, подобная слава не покупается дешево. Россия потеряла трех героев, черноморские моряки — трех славных адмиралов[3]. Вы — одного из друзей[4]; а я — двух товарищей моей юности[5].

С П. С. Нахимовым я был дружен еще бывши кадетом, когда его и мой брат были корпусными офицерами[6]. Впоследствии судьба нас свела в Архангельске[7], кажется, в то же время, когда и вы там были, а это были самые счастливые дни моей юности. Время быстро летело в дружеских беседах с ним, в занятиях по службе и приятных развлечениях, какими был так обилен в то время город Архангельск, как вы это сами, вероятно, помните. Я живо помню бал в клубе и потом ужин. Там мы танцовали и пировали с ним в последний раз. Я пошел на «Крейсер» в Кронштадт, а он был вызван М. П. Лазаревым для кругосветного путешествия...

...Из этого вы можете заключить, добрый старый друг наш Михаил Францевич, сколько драгоценного, святого заключал для нас Севастополь в стенах своих, для нас, не имеющих ничего, кроме

---

[1] Михаил Александрович Бестужев — товарищ Нахимова по учебе в Морском кадетском корпусе. После окончания корпуса до 1825 г. служил во флоте, потом перевелся на службу в лейб-гвардии Московский полк, с которым принял участие в восстании декабристов. После подавления восстания 14 декабря 1825 г. был сослан на вечное поселение в Сибирь.

[2] На полях пометы М. Ф. Рейнеке: «Получено 9 марта», «Ответ 13 мая».

[3] В. И. Истомин, В. А. Корнилов, П. С. Нахимов.

[4] П. С. Нахимова.

[5] П. С. Нахимова и В. А. Корнилова.

[6] Речь идет о Платоне Нахимове и Н. А. Бестужеве.

[7] М. А. Бестужев находился в Архангельске с 1819 г. по 22 июня 1821 г. Рейнеке был командирован туда же в марте 1821 г.

Памятник кораблям Черноморского флота, затопленным для преграждения входа на Севастопольский рейд.

прошедшего, и потому сколько мы ценили ваши письма, заключающие в себе множество интересных подробностей о Севастополе. К сожалению, брат не мог дождаться последнего из них и посылок, его сопровождавших...[1]

Рукописное собрание НИО УГЛ НКВД СССР. д. 1, л. 1.

[1] Н. А. Бестужев, брат Михаила Александровича, умер в ссылке в Селенгинске 15 мая 1855 г.

В посылке М. Ф. Рейнеке были, между прочим, присланы семена акации из сада П. С. Нахимова. М. А. Бестужев мечтал посадить эти семена на берегу Амура. В письме М. Ф. Рейнеке от 4 февраля 1857 г. он писал: ...Теперь же я даю себе непременный зарок — одно: посадить по всему течению Амура на каждом нашем ночлеге по нескольку семечек севастопольских акаций и особенно ниже города Сахалан-Ула, т. е. там, где Амур, склонясь к югу, орошает самую благоприятную почву виноградов, дубов и вязов. К ним присоединяю я косточки одной из лучших родов владимирской вишни, и когда со временем эта великолепная амурская аллея разрастется, то грядущее поколение юных моряков, отправляясь Амуром на службу в будущий Севастополь на Тихом океане, будет отдыхать под их сенью, составляя планы будущей жизни, — незабвенная слава трех погибших под Севастополем адмиралов и их учителя (М. П. Лазарева) навеет на душу их благородную решимость подражанья таким высоким образцам и они поблагодарят старого моряка, насадившего эти деревья...

Раздел седьмой

СОВРЕМЕННИКИ О П. С. НАХИМОВЕ

№ 157

ИЗ ПИСЬМА Н. В. БЕРГА М. П. ПОГОДИНУ О П. С. НАХИМОВЕ

5 июля 1855 г.
Вечер, фрегат «Коварна»

...Вот несколько черт о Нахимове: прежде всего он был добр и прост. Допускал всякого и выслушивал. Часто матросы на батареях выражали ему свои мысли, как бы надо поступить, и он нередко слушался. Матросы звали его отцом матросов: «Ребята, отец матросов идет». В службе он был требователен и строг. Выходя в море, он уж не любил заходить в порты, а все время проводил на воде, в ученье. Его за это даже недолюбливали, но это было до Синопа. В Синопе все переменилось. Море и корабль знал хорошо. Бумаг и переписки не терпел. «Вот, — сказал он однажды мне, — возненавидел своего родного племянника за то, что он всякий день является с портфелем. Заваливают-с. Иногда можно бы прислать казака, и он сказал бы на словах, и все бы сейчас сделали, а тут пишут два листа, и читай, когда надо делать, делать». Он был неоценим, когда говорил искренно, откинув всякую официальность. Тут, по двум иным словам, можно было узнать дух войска, велика ли опасность и что думают и делают в Петербурге. Иным словом вдруг он освещал прошедшее, известное вам в туманном сбивчивом рассказе... Адъютантов любил, как детей; нередко вместо того, чтоб кликнуть сам забегал к ним в комнату и что-нибудь приказывал или просто так, как бы взглянуть, что делают дети. Я сам видел это. Кажется, ни один генерал не вел себя так с офицерами, как он. Думаешь, простился с ним и не увидишь. А он вдруг прибежит в комнату адъютантов, заглянет, убежит опять. Прикажет кому-нибудь, что передать им, и сам же догоняет его и с ним вместе входит и дополняет приказание. Счетов и денег также не любил. Все это было на руках его адъютанта Фельдгаузена, кажется, самого любимого. В беседах с ними был весел, шутлив, остер и умен, но как скоро дело касалось начальства, он как-то жался, не придавал себе никакой власти, со всем соглашался, разыгрывал простачка. Что-то суворовское, но без мысли подражать. В одежде

был прост, не затейлив. Надевал какой хотите сюртук, но только непременно сюртук и эполеты. С утра облекался в эту форму. Эполеты были очень плохие и вице-адмиральские. Он не думал об их перемене, сделавшись адмиралом. К другим в отношении одежды был по большей части не требователен: приходи в чем хочешь. Но иногда вдруг что-то делалось с ним, и он как-будто был недоволен, заметив, что вы пришли в шинели или без шпаги. Так же точно иногда с откровенного тона сходил на официальную речь и говорил не то, но как-будто убежденный, что ему верят и слушают. Вообще некоторые неровности и странности его характера объяснить трудно. Он не позволял снимать с себя портрета, считая это тщеславием или, по крайней мере, говоря, что это тщеславие. Вероятнее всего, ему не хотелось оставить в памяти людей свою не так красивую физиономию. Он даже раз сказал: что снимать с меня, старика; вот рисуйте с Н. (офицера очень хорошего собою).

Мы ждем со дня на день бомбардировки. Это будет что-нибудь необыкновенное. Покойник адмирал говорил мне: «Кажется, вам на фрегате скоро будет неловко».

Я был сегодня в доме, где жил адмирал. Там теперь живет Панфилов, назначенный военным губернатором Севастополя. Адъютанты Нахимова пока при нем. Двоих из них я увез оттуда на «Коварну» и прочел им то, что написал вам о смерти адмирала. Они сделали несколько замечаний, и вы увидите поправки. Переписывать было некогда. Завтра почта.

Ваш душевно *Б[ерг]*

Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя», вып. 1, 1871, стр. 74—76.

№ 158

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ А. П. РЫКАЧЕВА [1]

1855 г.

Павла Степановича Нахимова как товарища по воспитанию коротко знал в молодых летах. Мы сошлись близко с ним в 1817 году, когда были назначены, в числе двенадцати гардемарин, на бриг «Феникс» для плавания в Балтийском море, по портам Швеции, Дании и России. Самое назначение было сделано из числа отличных воспитанников по успехам в науках. Назначены были трехкампанцы П. Станицкий, З. Дудинский, П. Нахимов и Н. Фофанов; двухкампанцы П. Новосильский, С. Лихонин, Д. Завалишин [2], И. Адамович, А. Рыкачев, В. Даль [3] и И. Колычев и однокампанец И. Бутенев. Тогда уже между всеми нами Нахимов заметен был

[1] А. П. Рыкачев — участник наваринского сражения, автор известных записок «Год наваринской кампании», оставил морскую службу в 1833 г. капитан-лейтенантом.

[2] Д. И. Завалишин — известный моряк-декабрист.

[3] В. И. Даль — впоследствии известный писатель и лексикограф, доктор медицины.

необыкновенной преданностью и любовью к морскому делу, и тогда уже усердие или, лучше сказать, рвение к исполнению своей службы, во всем, что касалось морского ремесла, доходило в нем до фанатизма. Я помню, как впоследствии, когда знаменитому моряку Михаилу Петровичу Лазареву, назначенному командиром фрегата «Крейсер», предоставлено было право выбора офицеров и он предложил Нахимову служить у него, с каким восторгом Нахимов согласился. Он считал за верх счастья службу в числе офицеров фрегата «Крейсер», который тогда, по всей справедливости, был признан товарищами и моряками вообще за образец возможного совершенства военного судна. Фрегат «Крейсер» отправлялся в дальний вояж на три года.

Потом я знал Нахимова под начальством того же знаменитого моряка лейтенантом на корабле «Азов». В наваринском сражении он получил за храбрость георгиевский крест и чин капитан-лейтенанта. Во время сражения мы все любовались «Азовом» и его отчетистыми маневрами, когда он подходил к неприятелю на пистолетный выстрел. Вскоре после сражения я видел Нахимова командиром призового корвета «Наварин», вооруженного им в Мальте со всевозможною морскою роскошью и щегольством на удивление англичан, знатоков морского дела. В глазах наших, тогда его сослуживцев в Средиземном море, он был труженик неутомимый. Я твердо помню общий тогда голос, что Павел Степанович служит 24 часа в сутки. Никогда товарищи не упрекали его в желании выслужиться тем, а веровали в его призвание и преданность самому делу. Подчиненные его всегда видели, что он работает более их, а потому исполняли тяжелую службу без ропота и с уверенностью, что все, что следует им или в чем можно сделать облегчение, командиром не будет забыто.

«Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя», вып. 1, стр. 188—189.

№ 159

ИЗ СТАТЬИ В. И. ЗАРУДНОГО[1] О П. С. НАХИМОВЕ

1855 г.

Об адмирале Нахимове можно было слышать самые разнообразные толки и суждения, прежде чем судьба выказала свету высокие достоинства этой личности. Разнообразие отзывов будет продолжаться, без сомнения, и после смерти героя, который остался не разгаданным многими. Напрасно будем мы приписывать биографиям значение образцов для подражания. Каждый прокладывает себе путь по-своему, повинуясь влечениям своих природных наклонностей. Нахимов выходил из разряда людей обыкновенных по

[1] В. И. Зарудный — черноморец, плававший под начальством П. С. Нахимова на ряде кораблей; автор статьи «Фрегат «Бальчик», посвященной П. С. Нахимову («Морской сборник», 1856, № 13).

своему громадному характеру и силе воли. Необыкновенная деятельность, светлый ум, отличавшийся оригинальным, практическим направлением. Ошибается тот, кто называет его человеком простым и подражателем. Павел Степанович вовсе не был так прост и так подражателен, как он сам старался выказаться большинству. Направление у него было вполне самостоятельное, не зависимое от влияния наставника; слово это мы понимаем исключительно в специальном значении, а никак не в нравственном. Кто служил долгое время под личным начальством Павла Степановича и был коротко с ним знаком, тот никогда не согласится с автором статьи, из которой можно понять, что Павел Степанович был когда-нибудь нравственным мучеником. Имя Нахимова не нуждается в защите; мы высказываемся, удовлетворяя своей потребности поделиться мыслями о таком близком для каждого из нас предмете, и совершенно отказываемся от права критика и биографа, сознаваясь откровенно в своей неспособности и неопытности на литературном поприще.

Встречая препятствия на пути жизни, Павел Степанович непоколебимо следовал к предназначенной великой цели, вполне сознавая свое могущество, и, как Джервис [1] русского флота, он, больше чем кто-нибудь другой, способствовал образованию типа русского матроса и морского офицера. Под личиной простяка и старого моряка он, живя на берегу, сближался и даже дружился с молодежью, страстно любил спорить и толковать о морском ремесле, с удовольствием прислушивался на Графской пристани Севастополя к критическим суждениям об управлении судами и в особенности шлюпками под парусами. Понимая совершенно дух русского простолюдина, он умел сильно действовать на матросов и всеми силами старался вселить в них гордое сознание великого значения своей специальности.

Это сближение сановника с толпой было понято различным образом; многие слова и выходки Павла Степановича принимали буквально; отсюда произошли разные анекдоты, истинные и вымышленные, которые вредили ему во время жизни. Начали говорить: Павел Степанович устарел, отстал от века; причина: вчера он встретился на Графской пристани с мичманом NN и спросил его, где он служит; тот отвечал, что на пароходе. «Не стыдно ли вам, г. NN, в ваши лета на самоваре служить». Эта выходка, подхваченная с истинным восторгом веселой молодежью, многими была понята и истолкована превратно. Неужели Павел Степанович называл пароходы самоварами, желая выразить преимущество парусных судов перед первыми? Кому не понятно, что молодой морской офицер должен начать свое служебное поприще на мелком парусном судне, которое, по справедливости, должно назвать колыбелью моряка. Говоруны Графской пристани называли Михаила Петровича Лазарева также устарелым, потому что он любил тендера, как будто Лазарев не знал всех недостатков тендера, как мореходного судна.

Пользуясь кампанией в море, Павел Степанович обнаруживал

[1] Джервис — английский адмирал конца XVIII века, создатель боевой школы английского флота, из которой вышел адмирал Нельсон, и выдающийся организатор боевой подготовки.

такую деятельность, которая дается в удел немногим. Строгость его и взыскательность за малейшее упущение или вялость на службе подчиненных не знали пределов. Самые близкие его береговые приятели и собеседники не имели минуты нравственного и физического спокойствия в море: требования Павла Степановича возрастали в степени его привязанностей. Можно было подумать, что его приближенные люди ему совершенно чуждые и которых он сильно притесняет. Постоянство его в этом отношении и настойчивость были истинно поразительны.

Не осмеливаясь осуждать покойного адмирала за подобный способ действовать на подчиненных, позволим себе заметить, что, вероятно, побудительною причиною была ненасытимая потребность деятельности, которая иногда уклоняет в сторону от главной цели. Неестественная деятельность в продолжение многих месяцев и в особенности напряжение нравственных сил человека, находящегося постоянно настороже, неминуемо ослабляют его энергию. Можно согласиться с тем, что это хорошая морская школа, но без дальнейших эпитетов. Нравственная морская школа есть выражение совершенно однозначащее честному исполнению своей обязанности человека, служащего где бы то ни было. Бдительный надзор начальника за каждым шагом подчиненных необходим везде и всегда, потому что не все подчиненные одинаково понимают чувство долга...

В адмиральской каюте, за обеденным столом, Павел Степанович снова делался общим добродушным собеседником; имея веселый нрав, он отличался гостеприимством русского человека, любил угостить тех, которым от него сильно доставалось на службе, и развеселить общество своей живой, занимательной беседой. Выговоры и замечания Павла Степановича, впрочем, не были очень тягостны, потому что они всегда имели отпечаток добродушия; после первой вспышки, выраженной очень просто и лаконически, не задевая глубоко за живое, что свойственно менее опытным начальникам, он через несколько времени старался смягчить впечатление молодого человека разными сентенциями в таком роде: «Как же это, г. N, у вас сегодня брам-шкоты не были вытянуты до места. Это дурно; вы никогда не будете хорошим адмиралом. Знаете ли, почему Нельсон разбил французско-испанский флот под Трафальгаром? Артиллерия у него была хорошая. Мало того, что артиллерия была хороша; этого мало-с. Паруса хорошо стояли, все было вытянуто до места; брамсели у него стояли, конечно, не так, как у вас сегодня; французы увидели это, оробели — вот их и разбили». Мичман NN, конечно, не пропустил случая рассказать в кают-компании, что Павел Степанович приписывает успех трафальгарского сражения вытянутым до места брам-шкотам.

Команда под руководством Павла Степановича быстро развивалась и знакомилась с своим делом. Строгий до крайности за вялость, он умел привязать к себе матросов; никто лучше его не умел говорить с ними; немногие знают, какое таинственное влияние он имел не на одни суда, которые носили флаг его, а на многие другие, независимо от влияния начальника дивизии. Знают это немногие, потому

это истинное достоинство, как всякая добродетель, не любит выставлять себя наружу, а остается скрытым до тех пор, пока добросовестный историк выработает его из лабиринта ветхих материалов.

«Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя», вып. 1, стр. 57—60.

№ 160

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ УЧАСТНИКА ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ ПОЛКОВНИКА П. К. МЕНЬКОВА

...Во время бомбардирования[1] ранен легко адмирал Нахимов. Адмирал Нахимов тип оригинального, отменно честного моряка, любимый всеми, он имеет много странных сторон.

Государь император, отправив в Крым полковника флигель-адъютанта Альбединского, приказал ему передать поклон его и поцелуй Нахимову.

Альбединский исполнил поручение государя. Нахимов принял царский привет со слезами на глазах.

Через неделю позже Нахимов, озабоченный обороною Севастополя, после обхода батарей возвратился к себе; является флигель-адъютант, чтобы передать генералу Нахимову новый поклон государя, сообщенный им в письме к Меншикову.

«Милостивый государь-с! — начал Нахимов, — Вы опять с поклоном-с, благодарю вас покорно-с, я от первого поклона был целый день болен-с, не надобно нам поклонов-с, попросите нам плеть. Плеть-с, пожалуйте, милостивый государь, у нас порядка нет...

«Вы ранены?» спросил кто-то Нахимова. — «Неправда-с, — отвечал он, заметив на лице кровь, прибавил, — слишком мало-с, слишком мало-с...»

ЦГВИА, ф. 3, д. 48, л. 21955. Копия.

№ 161

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ЗАЩИТНИКА СЕВАСТОПОЛЯ КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТА В. Г. РЕЙМЕРСА[2]

Никогда не забуду тот момент, когда в первый день бомбардирования Корнилов, Нахимов, Тотлебен и почтенный священник с крестом, благословляя всех, обходили бастионы. С каким чувством каждый из нас подходил к кресту и как одушевляли нас своим спокойным духом все эти достойные люди. Но, к сожалению, в первый же день мы должны были лишиться героя нашего Корнилова. Ежедневными посетителями моего бастиона были начальник оборонительной линии адмирал Нахимов, главный инженер Тотлебен и жившие у нас на бастионе начальники 2-го отделения, сначала ад-

[1] 5 октября 1854 г.

[2] Впоследствии контр-адмирал.

мирал Новосильский, а потом капитаны 1-го ранга Кутров, Спицын и Микрюков. От начала бомбардирования и, можно сказать, до конца его 4-й бастион находился более всех под выстрелами неприятеля, и не проходило дня в продолжение всей моей 8-месячной службы, который бы оставался без пальбы. В большие же праздники французы на свои места сажали турок и этим не давали нам ни минуты покоя. Случались дни и ночи, в которые на наш бастион падало до 2 тысяч бомб и действовало несколько сот орудий. Но подобные сильные угощения случались довольно редко, отплачивать за них приходилось большою потерею людей и разорением какого-нибудь бруствера, который мы должны были всегда создавать к утру вновь, а также переменять подбитые орудия и станки под сильным неприятельским огнем. Приятно было видеть, с какою любовью каждый командир орудия хлопотал об исправлении своей амбразуры, траверзы и орудия и вообще о приведении всего в порядок, и как хватало сил у этих молодцов работать день и ночь, для каждого из нас было непонятно. В первые 2 месяца на 4-м бастионе не было блиндажей для команды и офицеров; все мы помещались в старых казармах, но когда неприятель об этом разведал, то направил на них выстрелы и срыл их. Вообще внутренность бастиона представляла тогда ужасный беспорядок. Снаряды неприятельские в большом количестве валялись по всему бастиону; земля для исправления брустверов, для большей поспешности бралась тут же около орудий, а потому вся кругом была изрыта и представляла неудобства даже для ходьбы. Адмирал Нахимов, приходя ко мне, каждый раз выговаривал обратить внимание на приведение бастиона в порядок и устройство блиндажей. Но мне казалась эта работа тогда невозможною, так как под сильным огнем и беспрерывным разорением брустверов, нам едва хватало времени поспевать исправлением к утру повреждений брустверов. Но как у нас в Черном море невозможного ничего не было, то я и начал отделять по нескольку человек прислуги от орудий на эту работу и через 2 недели усиленных трудов с помощью инженеров я успел сделать 6 блиндажей, выровнять по возможности землю, подобрать в кучи бомбы, ядра и осколки и привести бастион в лучший вид. Блиндажи мы делали довольно скоро, потому что дубовые кряжи брались из Адмиралтейства, на верхний накат. Сверху насыпалось около аршина земли, потом клали в два ряда фашинник, пересыпанный землею. Но несмотря на эту настилку и насыпь, все-таки 12-пудовые бомбы, падавшие иной раз в одну точку одна за другой, пробивали и блиндажи. Также случалось, что некоторые бомбы, вкатываясь в блиндаж и разрываясь внутри, убивали и ранили находящихся там. Я сам два раза был свидетелем появления в блиндаже подобной непрошенной гостьи, но меня бог в те разы миловал. Разумеется, от синяков, контузий и легких ран нельзя было уберечься, равно как и от земли, которая, обваливаясь с брустверов и траверзов, засыпала зачастую. Но пока силы дозволяли, до последней своей раны, я оставался на бастионе. Ядра и бомбы, приходившиеся нам по калибру, мы обратно посылали к неприятелю. Ежедневно же эта приборка производилась на заре, так как пальба в это время была

слабее, и каждый комендор после своего утреннего обеда, т. е. около 3 часов утра, имел обыкновение убирать часть бастиона около своего орудия.

Впоследствии я вполне согласился, что подобные усиленные занятия заставляют солдата забыть тягостное его положение, не дают ему времени думать об окружающей его опасности и тем делают его совершенно хладнокровным. По приведении бастиона в порядок адмирал Нахимов благодарил меня за сделанное и сказал: «Теперь я вижу-с, что для черноморца невозможного ничего нет-с».

Сборник рукописей о Севастопольской обороне. 1872. т. 1. стр. 30—33.

№ 162

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ КН. Л. А. УХТОМСКОГО[1]

...Павел Степанович Нахимов, будучи строг и взыскателен по службе, в то же время был очень добр и заботлив о своих подчиненных — офицерах и матросах. Корабельные чиновники, шкипер, комиссар и другие были им почтены: им даны были и рабочие, и экономические материалы, чтобы построить дома.

Нахимов про них говорил: «Они заведуют большим казенным имуществом, на десятки тысяч рублей; жалованье же получают маленькое. Так чтобы они не крали и были не только исправны, но и ретивы, нужно поддержать их».

Заботливость Нахимова о матросах доходила до педантизма: ни за что, например, не позволялось потребовать матроса во время отдыха или посылать на берег шлюпку без особой надобности.

Нахимов был холостой и всегда восставал против того, чтобы молодые офицеры женились. Бывало, ежели какой-либо мичман увлечется и вздумает жениться, его старались отправить в дальнее плаванье для того, чтобы эта любовь выветрилась.

«Женатый офицер — не служака», говаривал адмирал.

Особенно же сердечность Павла Степановича высказалась во время Севастопольской обороны.

Помню, как Нахимов в походе на фрегате «Коварна» сделал мне замечание за то что моя «десятка»[2] плохо выкрашена или уключины были не в порядке.

Характеристика Нахимова будет не полная, ежели мы не коснемся, хоть вкратце, состояния Черноморского флота того времени.

Всеми экипажными командами обращалось большое внимание на пищу матросов. Экипажные хутора, где выращивались разные овощи, находились на берегу Южной бухты, как раз против северных укреплений и ниже. Они были отличны. Между ними первое место занимал хутор 42-го экипажа, где был тогда командиром Вукотич. На одном бриге, например, пробовали из тех же рацио-

[1] Кн. Л. А. Ухтомский (служил на флоте 1842—1889 гг.) — черноморец, защитник Севастополя, окончил службу вице-адмиралом.

[2] «Десятка» — десятивесельная шлюпка.

нов делать два и три кушанья. Чай казенный тогда еще не полагался.

Денег у матросов было много, так называемых «масляных»[1], и некоторые матросы, уходя в отставку, уносили с собою по нескольку сот рублей.

Были мелкие суда, на которых совсем не употреблялись линьки[2].

Перейдем к гонкам гребных судов.

Сколько бывало приготовлений, например, при состязании вельботов![3] Некоторые офицеры даже смазывали подводную часть их портером по примеру английских моряков.

Или также гонки гребных судов под парусами, когда старались проходить под кормою адмиральского корабля, чтобы при этом все было исправно до мелочей.

А мелкие суда прямо щеголяли своими маневрами и уборкою парусов.

Мне памятен бриг «Орфей» под командою Стройникова и старшего офицера Шестакова, когда этот бриг, пройдя Графскую пристань Севастополя, тотчас же весь рангоут убрал по-зимнему и команда, забрав койки, с песнями ушла в казармы.

Также помню, как корвету Завадовского[4] велено было с 24 или 48 человеками команды с зимнего положения все принять и выйти в море — в наблюдательный пост.

Надо заметить, что перед войною весь наш флот был на рейде и суда по очереди выходили для практики и наблюдений в море.

Сколько нужно было при этом искусства, чтобы все вышло хорошо!..

Все это перетолковывалось и обсуждалось потом, по вечерам, на Графской пристани, морскою публикой.

Также интересовались, видел ли Павел Степанович Нахимов и что сказал.

Вообще это четырехмесячное плаванье с Нахимовым осталось мне памятным: все суетились, волновались из-за пустяков и, как говорится, лезли вон из кожи.

---

[1] О «масляных деньгах» существует в русском флоте такое предание: Петр Великий не раз кушал пищу моряков и, вероятно, кушал ее изрядно, почему и размер порции для матросского обихода тоже определил изрядный; при этом он завещал, что матрос по трудной своей службе должен быть сыт. Кто из его, Петра, преемников увеличит матросскую порцию — да поможет ему бог, а кто оную порцию убавит — да отсохнут у того руки...

Этой провизии было так много, особенно масла, что излишек возвращался в казну, а людям выдавалось деньгами. И эти деньги были немалые, так что за год плаванья на корабле получалось иногда по нескольку сот рублей.

Такой порядок продолжался до 60-х годов, и во время управления флотом великого князя Константина Николаевича эти «масляные деньги» были уничтожены.

Насколько помню, на эти суммы стали давать матросам чай, сахар, табак и т. п. предметы обихода. (Из письма кн. Ухтомского к Жиркевичу от 25 июня 1908 года.)

[2] Линек — отрезок тонкого троса, которым телесно наказывали матросов.

[3] Вельбот — шестивесельная легкая шлюпка.

[4] Кажется «Оресту». (Примечание кн. Ухтомского.)

Бывало перед авралом[1] снимались батарейные трапы[2] для того, чтобы по свистку люди быстрее лезли бы наверх, а отстающих боцмана подгоняли линьками. Все смотрели в оба, чтобы не получить выговора от адмирала.

Припоминаю такой случай: при спуске брам-рей и брам-стенег[3] Нахимов остался недоволен грот-марсом и, съезжая на берег, приказал двадцать раз сряду поднять и спустить брам-рей и брам-стеньгу. Особенно досталось салинговым[4], которым приходилось бегать по вантам[5] вверх и вниз, едва переводя дух.

Во время адмиральского обеда или при других случаях Павел Степанович объяснял нам, молодым офицерам, что требовательность и строгость на службе необходимы, что только этим путем вырабатываются хорошие матросы. Он говорил еще, что необходимо, чтобы матросы и офицеры были постоянно заняты; что праздность на судне не допускается и что, ежели на корабле все работы идут хорошо, то нужно придумать новые (хоть перетаскивать орудия с одного борта на другой), лишь бы люди не сидели сложа руки. Офицеры, по его мнению, тоже должны были быть постоянно занятыми: если у них есть свободное время, то пусть занимаются с матросами учением грамоты или пишут за них письма на родину...

«Все ваше время и все ваши средства должны принадлежать службе, — поучал меня однажды Нахимов: — Например, зачем мичману жалованье? Разве только затем, чтобы лучше выкрасить и отделать вверенную ему шлюпку или при удачной шлюпочной гонке дать гребцам по чарке водки... Поверьте-с, г. Ухтомский, что это так! Иначе офицер от праздности или будет пьянствовать, или станет картежником или развратником. А ежели вы от натуры ленивы, сибарит, то лучше выходите в отставку! Поверьте, я много служил, много видал и говорю это вам по опыту. Я сам прошел тяжелую, служебную школу у М. П. Лазарева и за это ему очень благодарен, потому что стал человеком».

«А школа эта была тяжелая, — продолжал Нахимов: — Например, мы были с Лазаревым на фрегате три года в кругосветном плаванье. Мы, гардемарины[6], исполняли все матросские работы. И раз за упущенье или непослушанье приказано было обрезать выблинки на бизань-вантах[7], и мы, гардемарины, должны были снова итти на марс и продолжать ученье».

«Берите пример с вашего старшего офицера Ст. Ст. Лесовского, — говорил мне в другой раз адмирал. — Он вечно начеку, и днем, и ночью. А заметьте, что Ст. Ст. окончил курс в офицер-

---

[1] «Аврал» работа, производимая всем экипажем корабля (например, постановка или уборка всех парусов).

[2] Трап — лестница на судне.

[3] Брам-стеньга — рангоутное дерево, служащее продолжением стеньги и идущее вверх от нее.

[4] Салинговые матросы, работающие на верхней части мачты (на салинге).

[5] Ванты — веревочные лестницы, по которым лазили на мачты.

[6] Здесь Ухтомский делает ошибку: П. С. Нахимов во время своего кругосветного плавания с М. П. Лазаревым был уже мичманом.

[7] Бизань-ванты — веревочная лестница на бизань-мачте; выблинки — ее веревочные ступеньки.

ских классах, знаком с иностранными языками. Теперь посмотрите на него!.. Как он знает матросские работы! Он может указать каждому матросу, как и что сделать, знает, сколько и какой работы матрос может исполнить. А это дается только учением и настойчивостью, т. е. убеждением, что это необходимо. Вот из каких офицеров будет толк. И только от них выиграет морская служба...»

...Однажды, во время кампании, за адмиральским обедом, когда Нахимов при мне говорил о взглядах и идеалах иностранных моряков, кто-то из присутствующих рассказал, что великий князь Константин Николаевич во время морского путешествия своего был в гостях в Мальте у английского адмирала Паркера и между прочим спросил адмирала, с какого дня тот считает себя счастливым? «О! — отвечал англичанин, — я считаю себя счастливым с того дня, когда мы, после наполеоновских войн, на шпиле флагманского корабля, делили призы и мне достался на мою долю полный миллион фунтов стерлингов». На это Павел Степанович заметил: «Что это за счастье, ежели подумать, сколько пришлось сжечь неприятельских транспортов, сколько погубить людей для того, чтобы одному адмиралу получить плату в миллион фунтов стерлингов!.. ...Я полагаю, что это совсем не прельстило бы русского адмирала, например, М. П. Лазарева... Вот было бы лестно итти драться с неприятелем, когда ваши корабли в боевой готовности, когда вы уверены в своих офицерах и командах... Да, это я понимаю!.. И когда после одержанной славной победы вы можете с гордостью сказать, что исполнили свой долг...»

К характеристике Нахимова прибавим, что он всегда участвовал в экзаменационной комиссии мичманов, задавая сам им разные вопросы из морской практики, что и заносилось им в его памятную книжку, а в собрании флагманов и капитанов принималось в расчет при назначении офицеров в предстоящее плаванье.

О морском офицерском собрании адмирал очень заботился, как один из старших: обед там бывал хороший, недорогой; азартные же игры и ночные засиживанья не допускались.

Наш фрегат «Коварна» простоял в Новороссийске более месяца: нам предстояла трудная работа — поднять затонувший тендер «Струя» [1].

Зима предыдущего года была очень бурная. У берегов Кавказа и Новороссийска свирепствовала «бора» [2] с морозом. Суда, стоявшие на рейде, заковывало толстым слоем льда. И счастливы были те, кто мог или уйти в море, или расклепать якорные цепи и выброситься на берег!..

Тендер «Струя» не был в состоянии сделать то или другое и весь обледенелый, через несколько суток ужасного положения, затонул со всей командою. Над поверхностью воды можно было видеть

---

[1] Подъем этого тендера описан в «Морском сборнике» (1849 или 1850 года) лейтенантом Македонским, бывшим в составе офицеров фрегата «Коварна». (Примечание кн. Ухтомского.) См. документ № 52.

[2] «Бора» — жестокие бури на восточном побережье Черного моря, особенно сильные в районе Новороссийска, сопровождаемые морозом.

салинг и клотик[1], как бы могильный крест. Конечно, будь на рейде несколько бочек и мертвых якорей, такого несчастья не могло бы случиться.

Для подъема тендера пришлось ожидать привода шаланд[2] и водолазов из Севастополя.

Окончив эту работу, мы выходили в море крейсировать и осматривать берега, ближайшие бухты, нет ли военных контрабандистов, а увидя где-нибудь на берегу вытащенную чектырму, разбивали ее ядрами.

Во время этой кампании мне часто приходилось бывать за адмиральским столом у Нахимова.

Обед был хороший, вкусный и разнообразный, а вино — неизбежная марсала. Разговоры велись служебные. Конечно, говорили только старшие. Старые лейтенанты вступали в разговоры и даже иногда спорили с адмиралом, а мы, молодые мичманы, молчали и слушали.

Павел Степанович был англоманом, получал «Таймс», читал постоянно английские газеты. Он высоко ставил английский флот и хвалил английских моряков за то, что они занимаются своим делом, причем ворчал на русских моряков, которые, выйдя из морского корпуса недоучками, забрасывают свои учебные книги и морскою службою совсем не занимаются, зная все, кроме этой службы.

Между современными ему русскими адмиралами Нахимов высоко ставил (считая его идеалом моряка) М. П. Лазарева, бывшего в то время главным командиром.

Лазарев в тридцатых годах, будучи назначен в Черное море, перевел к себе выдающихся офицеров — Путятина, Вл. Истомина, Нахимова, Шестакова, Унковского и многих других.

Эти офицеры были вполне учениками его, Лазарева. В свою очередь они давали тон остальным морякам.

Таким образом и составилась та блестящая школа черноморских моряков, те стойкие морские команды, которые так отличились во время знаменитой обороны Севастополя.

После наполеоновских войн и во время сближения нашего с Англиею в последнюю послано было несколько молодых людей для практики в английском флоте, в том числе и М. П. Лазарев.

Сохранилось в памяти людей, как Лазарев впоследствии геройски отстаивал свою самостоятельность в качестве командира компанейского корабля[3] у знаменитого Баранова, в Северо-Американской компании. Затем он командовал фрегатом «Надежда» и в продолжение трех лет совершил кругосветное путешествие. На этом фрегате было несколько гардемарин, в том числе и Нахимов. Рассказывая об этом интересном плавании во время нашей кампании, Павел Степанович говорил, что это было трудное плаванье, что гардемарины обучались на бизань-мачте, а во время парусных маневров ставили и убирали крюйсель[4].

---

[1] Клотик — верхний конец мачты.

[2] Шаланда — грузовая баржа.

[3] Т. е. корабля, принадлежавшего Российско-американской торговой компании.

[4] Крюйсель — нижний парус на бизань-мачте.

Тут-то однажды по жалобе на гардемарин старшего офицера Лазарев велел на вантах обрезать выблинки и затем послал гардемарин на марс продолжать ученье. На берег гардемарины съезжали только наливаться водою [1], делать промеры или обучаться на гребных судах.

«Биография М. П. Лазарева была бы весьма поучительна для наших моряков, если бы нашлись люди, которые ее разработали бы», говорил Павел Степанович.

К сожалению, за подобный труд, кажется, еще никто не брался.

Эти месяцы плаванья под флагом Нахимова явились временем, когда я мог его видеть близко.

К тому же плаванью относится рассказ В. И. Зарудного под заглавием «Фрегат «Бальчик».

К сожалению, этой статьи талантливого рассказчика нет у меня под рукою.

Со времени этого плаванья прошло еще несколько лет. К России приближалась грозная Крымская кампания — кампания, убийственная для Черноморского флота. Во время нее мы, моряки, еще более сблизились с Нахимовым, на которого мы смотрели с особым уважением и любовью.

Припоминаю, что после Синопской победы, когда Черноморский флот стоял на рейде Севастополя под флагом адмирала Корнилова, я увидел однажды Нахимова, прогуливающегося на Графской пристани с зрительной трубкой под мышкою. Я поздоровался с Павлом Степановичем, и он сам завел разговор о том, что на каком судне, по замечанию его, делается.

«Вот-с, г. Ухтомский, — с горечью в голосе сказал мне Нахимов: — Я теперь, как курица, которая вывела утят, бегает по берегу и смотрит с берега, как они плавают...»

Известно, что после Синопской победы император Николай I щедро наградил моряков: адмирал Нахимов получил орден св. Георгия 2-й степени; командиры судов были тоже награждены, а все офицеры получили следующие чины. Недаром же государь сказал: «Меня удивили черноморские моряки, удивлю и я их».

По поводу наград чинами Нахимов выражался, что этого не следовало делать; что такое производство только вызовет путаницу по службе, ибо морской офицер обязательно должен пройти все чины согласно положению, «без выскочек», а иначе он будет лишним балластом во флоте.

В Синопском сражении, к сожалению моему, я не участвовал, будучи командирован в то время к берегам Кавказа, почему и никаких личных подробностей о нем сообщить не могу...

...Между прочим про Синопское сражение передавали, что велено было кормовые флаги прибить гвоздиками, чтобы перебитый фалик [2] не означал еще, что флаг спущен. Главная потеря во время сражения на судах была тогда, когда по диспозиции «Завози

[1] Наливаться водою — делать запасы воды для корабля, перевозя ее в бочках с берега.

[2] Фалик от слова «фал» — тонкая снасть, служащая для подъема и спуска флага.

шпринги»[1] не велено было стрелять и лишь потом, когда шпринги были уже вытянуты, начался наш убийственный огонь. Во время самого боя, когда пороховой дым застилал небо, мешая и смотреть, и говорить, Нахимов послал сигнальщика принести стакан воды из адмиральской каюты. Возвращая стакан матросу, Павел Степанович заметил ему: «Смотри, не разбей! Это мне подарок Михаила Петровича Лазарева». Потом немало смеялись над матросом, когда он, желая уберечь стакан, так крепко сжал его в руках, что тот раздавился.

Нахимов рассказывал, что когда уходили из Синопа, то было свежо, а многие корабли имели большие повреждения. Между прочим Кутров, командир корабля «Трех святителей», делает сигнал: «Не могу итти!» Получается адмиральский ответ: «Возвратиться в Синоп!» Ну, и корабль справился, благополучно вернувшись в Севастополь...

...Во время обороны Севастополя адмирал Нахимов, будучи назначен помощником начальника севастопольского гарнизона генерала Остен-Сакена, а вскоре и командиром Севастопольского порта, бывал повсюду.

Как адъютант штаба, припоминаю, что переписки он терпеть не мог, а запросов министерства просто боялся.

В это время Павла Степановича можно было назвать душою обороны: он постоянно объезжал бастионы, справлялся, кому что надо — кому снаряды, кому материалы на блиндажи, кому артиллерийскую прислугу и пр. Нужно было постоянно торопиться, чтобы за ночь исправить то, что разрушал днем неприятель. Он настоял на том, чтобы матросам, находящимся на береговых батареях, привозилась морская провизия, а впоследствии ее выдавали и солдатам, поставленным к нашим орудиям взамен все убывавших матросов. Квартира адмирала преобразилась в лазарет для раненых морских офицеров; личные же деньги его шли на помощь огъезжающим семействам моряков. И бывало для каждого бастиона большим удовольствием видеть у себя адмирала. Служащие на батареях при его посещениях показывали ему «фарватер», т. е. те тропинки, по которым меньше падали неприятельские бомбы...

Кажется, что это было в конце июля — в тот период обороны, когда неприятель особенно обратил свои удары на Малахов курган. Адмирал поехал туда, взошел на бруствер для того, чтобы лучше высмотреть, откуда сильнее бьет француз, где надо прибавить орудие, где усилить стрелков, ибо французы траншеями уже подошли к нашему рву. Несмотря на предостережение начальника бастиона, Павел Степанович смотрел в зрительную трубу, и этот блестящий предмет был заметной мишенью: неприятельская пуля попала адмиралу в висок, остановившись в задней части черепа. Он упал к общему нашему ужасу и огорчению. Его перенесли на Северную сто-

[1] Шпринг — перлинь (толстый трос), проходящий с кормы корабля и ввязываемый в якорную цепь или в самый якорь. Выбирание шпринга давало возможность, стоя на якоре, подтягивать корму корабля так, что он поворачивался бортом в нужном (например, для боя) направлении, по которому могла действовать по указанной цели артиллерия всего борта.

рону, положили в лазарет, где два дня он пролежал, не приходя в сознание, и тихо скончался.

Хоронили Нахимова в Михайловской церкви торжественно, насколько позволяли боевые обстоятельства. Гроб его покрыт был простреленным кормовым флагом с корабля «Императрица Мария», на котором адмирал находился в Синопском сражении.

Так умер герой флота. Вечная ему память!

«Русская старина» за октябрь и ноябрь 1911 г., стр. 171—174 и 354—361. Подстрочные примечания принадлежат А. Жиркевичу, опубликовавшему воспоминания Л. А. Ухтомского.

№ 163

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ УЧАСТНИКА ОБОРОНЫ СЕВАСТОПОЛЯ КОНТР-АДМИРАЛА В. А. СТЕЦЕНКО[1]

4 апреля 1871 г.

Нельзя... достаточно сильно выразить того значения, которое имел адмирал Нахимов в эти трудные для Севастополя минуты. Не взывая в приказах ни к геройству, ни к мужеству моряков, он поддерживал в них последнюю энергию простым, но самым действительным способом: он сам поступил на бастионы, как по справедливости можно выразиться, ибо он ежедневно туда являлся, умышленно или нечаянно останавливался для отдачи приказаний и расспросов на самых открытых и опасных местах, а когда ему замечали, что здесь бьют, то он отвечал что-нибудь в роде того, чтобы пустяков не говорили, что из пушки в человека целить не станут и тому подобное.

Останавливаться для беседы в таких местах, конечно, было не очень приятно, многие находили это странным, но если адмирал делал это умышленно, то расчет его был верен. Из трех способов действовать на подчиненных: наградами, страхом и примером, последний есть вернейший. Результат выходил тот, что, делая это ежедневно в продолжение нескольких месяцев, адмирал вселял убеждение, что жертвовать собою для исполнения долга — дело самое простое, обыденное, и вместе с тем в каждом являлась какая-то уверенность в своей собственной неуязвимости. Имевший с адмиралом ежедневное дело И. П. Комаровский (бывший смотритель госпиталя) рассказывал мне, что, придя однажды по службе, он был встречен адмиралом вопросом: «Видали ли вы подлость?» Думая, что это относится к какой-либо неисправности, И. П. Комаровский ожидал разъяснений; адмирал, повторив свой вопрос, сказал: «Разве не видели, что готовят мост чрез бухту?» Другой офицер Г., начальник бастиона, при посещении адмирала доложил ему, что англичане заложили батарею, которая будет поражать его в тыл. «Что ж такое? — спросил адмирал, и потом в виде ободрения сказал: — Не беспокойтесь, гос-

[1] В чине капитан-лейтенанта с марта по август 1855 г. состоял начальником артиллерии 1-й дистанции оборонительной линии Севастополя.

подин Г., все мы здесь останемся». Такие и подобные идеи, высказанные то там, то здесь, ясно показывают, что другого исхода, как стоять и умереть в Севастополе, адмирал не видел.

Но невзирая на эти малоутешительные слова, появление адмирала на бастионах всегда приносило какое-то успокоение и примирение с своим положением, потому что все видели в нем самом не только человека с полным самоотвержением и полной готовностью умереть для своего долга, но и все знали, что адмирал не пожалеет ни трудов, ни себя не только для того, чтобы уменьшить потери и сохранить жизнь и здоровье подчиненных, но для доставления личных удобств каждому. С того момента, когда при выходе из Севастополя князь Меншиков поручил адмиралу защиту Южной стороны, он не переставал быть самым верным представителем той мысли, что Севастополь нужно каждому отстаивать всеми силами; с своей стороны он это исполнил до фанатизма, жертвою которого он и сделался, но фанатизм этот был направлен к славе и пользе государства и был полезен потому, что он сообщился многим и в высшей степени способствовал тому, что при многих неблагоприятных обстоятельствах моряки до конца осады оставались теми же, какими явились вначале, и заслужили себе почетное место в истории.

Со смертью адмирала Нахимова, хотя не было никаких громких выражений печали потому, что тогда демонстрации не были еще в обыкновении, но всеми чувствовалось, что недостает той объединяющей силы и той крепости убеждения в необходимости держаться до крайности. Хотя оставались еще весьма почтенные и уважаемые личности, но они не могли заменить Нахимова. Тотлебен был сам сильно ранен; князь Васильчиков и Хрулев пользовались большою популярностью, первый более между офицерами, а последний и между офицерами и между солдатами, но ни популярность эта, ни их значение и влияние не имели такой всеобщности, как влияние Нахимова. В продолжение сорока лет все действия и жизнь адмирала были постоянно на виду у подчиненных и начальников в своем морском сословии, а в 10 месяцев осады весь гарнизон — и моряки и сухопутные — успели хорошо узнать и усвоить себе и наружность, и мысли, и открытые действия адмирала, а без этой способности быть скоро понятым массою можно достигнуть только временной так называемой популярности и то между офицерами, но ни авторитета, ни нравственного влияния на массу, столь необходимых начальнику и с которыми он может быть уверен, что не только его слова, но его взгляд будут поняты так, как он хочет.

Сборник рукописей... о Севастопольской обороне. 1872, т. 1, стр. 275—278.

№ 164

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ИНЖЕНЕР-ПОЛКОВНИКА БУЛЬМЕРИНГА

10 апреля 1871 г., г. Тифлис

... Вскоре по прибытии на 4-й бастион, после одной из утомительных рабочих ночей, я был разбужен и узнал, что требует меня адмирал. Выбежавши из блиндажа по траншеям бастиона, я увидел неизвестного мне адмирала, который, спросив меня, знаю ли я дорогу на редут Шварца, просил провести его туда кратчайшим путем. Я направился на правый фланг бастиона, а адмирал с незначительной свитой шел за мною. Затем я не пошел по наружной ограде, тянувшейся к редуту Шварца, а повернул за линию батарей, так как упомянутая стенка была ниже грудной высоты и я счел неуместным провести адмирала со свитой его под выстрелами французских стрелков, неотступно стороживших тут каждую появлявшуюся голову. Адмирал громким голосом остановил меня: «Куда вы меня ведете-с?» Я заметил, что по стенке придется итти совершенно открыто, между тем как за батареями безопаснее. «Вас извиняет, молодой человек, только то-с, что не знаете, кого вы ведете-с. Я Нахимов-с и по трущобам не хожу-с!» Слова эти были сказаны резко. Он добавил: «Извольте итти по стенке-с!» Мы прошли по стенке, где один из боцманов, шедших за адмиралом, убит был на месте штуцерною пулею. Французские пули провожали нас учащенным огнем до самого редута. На редуте адмирал попросил у меня трубу и долго рассматривал положение неприятельских подступов, спрашивая изредка мое мнение. Затем, обратившись ко мне, ласково подал мне руку, спросил мою фамилию и сказал: «Теперь знакомы-с мы с вами — уж больше ссориться не будем-с».

После того я встречал почти ежедневно знаменитого адмирала на 4-м бастионе и всегда по утрам, нередко преодолевая утомление после рабочих ночей. Каждый раз Павел Степанович брал у меня трубу и внимательно рассматривал новые неприятельские работы, интересуясь каждым моим замечанием по ходу этих работ и обвораживая меня простою речью и меткими замечаниями. В каждой фразе Нахимова обнаруживалось понимание всех последствий неприятельских работ и стремление к изучению способов противодействия неприятелю. Его слова дышали сердечным желанием отстоять родной ему Севастополь.

Последний раз я видел Нахимова 25 мая. Прошло с того времени почти 16 лет, но твердо я помню это число. Последние слова его ко мне, сопровожденные искренним пожатием моей руки, были: «Отстоим или помрем с честью, любезнейший-с». Как известно, на другой день Нахимов принимал деятельное участие в выбитии французов из Камчатского редута, причем едва не попал в плен. 27 мая я был контужен и во время моего нахождения в госпитале Нахимова

[1] Бульмеринг в чине подпоручика прибыл в апреле 1855 г. в Севастополь и принимал участие в обороне города.

уже не стало. Весть о его смерти меня истинно поразила. Я не знавал более благородного, боевого труженика. Но Нахимов не умер... С гордостью имя его будет произноситься и в будущих поколениях русской армии, обожавшего его Черноморского флота и всего великого русского народа...

«Сборник рукописей... о Севастопольской обороне», т. 1, 1872, стр. 50—52.

№ 165

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ПОЛКОВОГО АДЪЮТАНТА ВЛАДИМИРСКОГО ПЕХОТНОГО ПОЛКА ПОРУЧИКА Н. А. ГОРБУНОВА

18 марта 1871 г.,
Москва

... На второй или третий день неприятель опять возобновил канонаду и усилил штуцерный огонь, который до того наносил нам вред, что нельзя было зарядить орудия без того, чтобы кого-нибудь не ранило. Даже щиты, повешенные в амбразурах, мало помогали. Нельзя было пройти мимо амбразуры без того, чтобы в это мгновение возле не пролетело несколько пуль.

В эти-то дни вечером был смертельно ранен храбрый адмирал Нахимов. Подходя к 3-му бастиону из Корабельной слободки, я встретил толпу матросов, которые с осторожностию и грустным почтением несли его на руках.

Нужно было находиться в то время между моряками, чтобы понять и оценить их глубокую печаль, когда дошла весть, что синопского победителя не стало. Передать этого тяжелого впечатления, безмолвного отчаяния словами невозможно. Надобно было быть очевидцем всего этого...

«Сборник рукописей... о Севастопольской обороне», 1872, т. 1, стр. 85.

№ 166

ИЗ РАССКАЗА В. З[АРУДНОГО] «ФРЕГАТ «БАЛЬЧИК»[1]

АРТИЛЛЕРИЙСКОЕ УЧЕНЬЕ

Артиллерийское, так же как и всякое другое, ученье производилось на «Бальчике» всегда под непосредственным надзором Павла Степановича. Как заклятый враг бесполезной формальности, стесняющей не вполне развитых простолюдинов, Павел Степанович доводил все приемы до возможной простоты и свободы, но требовал стро-

[1] Рассказ «Фрегат «Бальчик» в большей своей части является вымышленным. Однако, как оговаривается автор, личность П. С. Нахимова «со всеми его монологами, изображена здесь с такою добросовестностью, которая зависела от памяти рассказчика». Сведения эти подтверждаются и статьей В. З[арудного], опубликованной в 1855 г. в «Морском сборнике», «Московских ведомостях» и «Северной пчеле» (см. № 159).

гого исполнения всего необходимого и полезного; он не любил также сухости и бесплодной строгости артиллерийских педагогов, часто сам вмешивался в объяснения и был неподражаем в этом отношении. В последнее время вошли в моду в Черноморском флоте вопросы и ответы, относящиеся до артиллерийского дела, род уроков и экзаменов для матросов. Эти экзамены составляли камень преткновения для многих. Умный, лихой матрос, который не задумался бы решиться на самое отчаянное дело, робел перед экзаминатором и с бледным лицом давал нелепые ответы; у иных губы дрожали и это, по непростительной ошибке, некоторые относили к трусости и неспособности к военному морскому делу. Тысячи примеров доказывали неосновательность подобных заключений. Павел Степанович упрощал и облегчал подобные экзамены до-нельзя.

— Что за вздор-с, — говорил он офицерам, — не учите их, как попугаев, пожалуйста, не мучьте и не пугайте их; не слова, а мысль им передавайте.

— Муха, — сказал Павел Степанович одному молодому матросу, имевшему глуповатое выражение лица, — чем разнится бомба от ядра?

Матрос дико посмотрел на адмирала, потом ворочал глазами во все стороны.

— Ты видал бомбу?

— Видал.

— Ну, зачем говорят, что она бомба, а не ядро?

Матрос молчал.

— Ты знаешь, что такое булка?

— Знаю.

— И пирог знаешь, что такое?

— Знаю.

— Ну вот тебе: булка — ядро, а пирог — бомба, только в нее не сыр, а порох кладут. Ну, что такое бомба?

— Ядро с порохом, — отвечал матрос.

— Дельно, дельно! Довольно с тебя на первый раз.

Не все понимали величайшее значение подобного вмешательства адмирала в военную педагогию, и редко кто постигал всю утонченность ума, избирающего кратчайший путь к цели. Некоторые слушали подобные объяснения с двусмысленной улыбкой и приписывали счастливой простоте то направление, которое внушено высшим умом и оправдано трудовым опытом.

Нужно быть истинным патриотом для того, чтобы пренебрегать открыто выраженными насмешками и равнодушно встречать оппозицию, вызываемую чувствами, а не убеждениями. Ничто так не возбуждает зависть во всех слоях общества, как нравственный успех человека, ясно обнаруживающий полезное влияние его на других. Зависть соперничества нередко высказывалась самому Нахимову, иногда в остроумных выражениях и изящной форме. Сановник должен быть героем, чтобы рисковать утратить от сближения с толпой с трудом приобретенное почетное место в общественном мнении, потому что люди не всегда расположены смотреть благопоятными глазами на подобное уменьшение наружного блеска начальника. Рассмат-

риваемое таким образом сближение начальника с нижними чинами далеко не так опасно, как короткие отношения его с молодыми офицерами. Нахимов был до такой степени храбр и благороден и так сильно было в нем развито чувство патриотизма, что он не боялся и этого последнего сближения. С благоразумною умеренностью в беседах своих с молодыми офицерами Павел Степанович постепенно воодушевлял их чувством патриотизма и бескорыстным стремлением к служебной деятельности. При этом в нем обнаруживалась ясно выраженная система, принятая им для обеспечения успеха. Без всякого сожаления к себе выставлял он свои прежние ошибки; с юношескими увлечениями обозначал влияние их на свою судьбу, вероятно, для того, чтобы обратить внимание слушателя на его собственные недостатки и без малейшего оскорбления самолюбия объяснить невыгодные стороны дурного направления. В противоположность этому молодой офицер смело мог хвастать Павлу Степановичу своими житейскими и служебными подвигами и находил в нем теплое сочувствие.

— Нужно быть деятельным, — говорил Павел Степанович, — деятельность великое дело-с, у нее есть большие права.

Все можно отнять у человека: славу, значение в обществе; можно приписать ему дурные качества, которые служат ему побудительными двигателями, например честолюбие, эгоизм, глупость, все что хотите; одного невозможно отнять: благодетельных последствий деятельности, ежели она направлена на что-нибудь полезное для общества и правительства.

Павел Степанович никогда не говорил порядочному молодому человеку: будьте таким, как я, а не таким, как вы; напротив того, он говорил: во мне вот что было дурно, желал бы я, чтобы у вас этого не было, и не показывал вида, что он знает своего собеседника насквозь, со всеми хорошими и дурными его качествами. Вот что послужило источником многих анекдотов и насмешек, оттого Нахимов и заслужил двусмысленную репутацию простого человека. Павел Степанович видел это и понятно, что огорчался ежедневными разочарованиями в молодых офицерах, подававших, повидимому, надежду на нечто хорошее и в то же время для красного словца распространявших о нем без всякой жалости неблагоприятные слухи, которые доставляли много удовольствия некоторым соперникам адмирала как морского педагога. Я сам имел несчастие принадлежать к числу подобных молодых людей. Это, конечно, несчастие, потому что похвала, отдаваемая человеку после смерти, есть ничто в сравнении с огорчениями, сделанными ему при жизни его.

Несмотря на ежедневные неудачи, Павел Степанович с удивительною стойкостью продолжал держаться своей системы и был неизменен до конца жизни; вероятно, его поддерживало внутреннее сознание своего достоинства. При ясном уме он, конечно, постигал всю пользу своего влияния на общество и предчувствовал славу, которую он заслуживал в будущем. Странно видеть, как некоторые писатели в прозе и стихах положительно утверждают, что Нахимов по добродушию и чистоте сердца не сознавал своего значения в обществе. Ежели Павел Степанович не высказывался другим, что доказывает

его скромность, то из этого не должно заключать, что он не понимал самого себя.

Впрочем, репутация Нахимова как морского педагога никогда не уступала его известности как военного человека, и во время жизни своей Павел Степанович был достаточно вознагражден сочувствием бескорыстных специалистов, которые умели понять и оценить его поразительное и оригинальное влияние на морское сословие наше. Но совершенства нет в природе. Если бы Павел Степанович был более воздержен в деятельности, имел бы умеренный темперамент и более обширное поле действия, то он удивил бы весь свет результатами морского воспитания, совершил бы переворот изменением направления умов у всех молодых морских офицеров и сделал бы это без прибавки даже и одного вершка к масштабу своего образования...

ОБЕД У АДМИРАЛА

В этот день Павел Степанович пригласил к своему столу по обыкновению несколько офицеров. Командир фрегата постоянно обедал вместе с ним...

С удовольствием сели мы за стол.

— Просматривал я газеты, полученные с последней почтой, — сказал Павел Степанович, садясь за стол, — думал найти в фельетоне что-нибудь о новой книжке «Морского сборника». Нет ни слова, а как много пишут они пустяков! Споры ни на что не похожи-с; я был заинтересован последним спором, захотел узнать, из чего они бьются, как скучно ни было, прочел довольно много. Дело вот в чем-с. Один писатель ошибся, слово какое-то неверно написал-с; другой заметил ему это довольно колко, а тот вместо того, чтобы поблагодарить его за это, давай браниться! И пошла история недели на две; что ни почта, то все новая брань. Нет право-с, эти литераторы непонятный народ-с; не худо бы назначить их хоть в крейсерство у кавказских берегов, месяцев на шесть, а там пусть пишут, что следует.

Все засмеялись и Павел Степанович также.

— Да не досадно ли, право-с, — продолжал адмирал, — ведь вот хоть бы «Морской сборник», — радостное явление в литературе! Нужно же поддержать его, указывая на недостатки, исправляя слог не в специальных, а в маленьких литературных статьях. Наши стали бы лучше писать от этого-с.

— Как критиковать начнут, так и охота пропадет писать, — сказал один из мичманов хриплым голосом.

— Не то, не то вы говорите-с: критиковать — значит указывать на достоинства и недостатки литературного труда. Если бы я писал сам, то был бы очень рад, если бы меня исправлял кто-нибудь, а не пишу я потому, что достиг таких лет, когда гораздо приятнее читать то, что молодые пишут, чем самому соперничать с ними.

— У нас и без того хорошо пишут, — заметил тот же хриплый господин.

— Едва ли так-с. Мне, по крайней мере, кажется, что у нас чего-то недостает: сравните с другими журналами, увидите разницу,

иначе и быть не может. Всякое дело идет лучше у того, кто посвятил на него всю свою жизнь. Что же хорошего в нашем журнале, когда он весь покрыт одной краской, когда не видишь в нем сотой доли того разнообразия, которое мы замечаем на службе?

Я решился возразить Павлу Степановичу и заметил ему, что, по моему мнению, в специальном журнале все должно быть подведено под одну форму.

— Не в том дело-с, г. Корчагин[1], не о форме говорю я, а о содержании.

— Да и на службе все однообразно, здесь каждый день одно и то же делается.

— Неужели вы не видите-с между офицерами и матросами тысячу различных оттенков в характерах и темпераментах? Иногда особенности эти свойственны не одному лицу, а целой области, в которой он родился. Я уверен, что между двумя губерниями существует всегда разница в этом отношении, а между двумя областями и подавно. Очень любопытно наблюдать за этими различиями, а в нашей службе это легко: стоит только спрашивать всякого замечательного человека, какой он губернии; через несколько лет подобного упражнения откроется столько нового и занимательного в нашей службе, что она покажется в другом виде.

Мысль эта необыкновенно поразила меня. В первый раз я услышал ее от Павла Степановича, и с тех пор она не выходила из моей головы. Наблюдения над людьми, в особенности, когда они спорят, исследование нрава человека, с которым мы сами приведены в столкновение, очень любопытны. Преодолевая порывы собственного негодования и отстраняя влияние пристрастия, можно упражнять наблюдательные способности свои; тогда, не допуская помрачения ума, случающегося в минуту вспыльчивости, можно с удивительною ясностью определять отличительные черты характера и темперамента людей. В этом отношении действительно каждая губерния и каждый человек должен иметь свою особенность, зависящую от климатических и других внешних условий, особенность, которую безбоязненно можно назвать оригинальностию. Павел Степанович Нахимов обладал в высшей степени подобною наблюдательною способностью, которая развивается житейской практикой, следовательно, не легко приобретается.

Кроме того, Нахимов, как народный юморист имел доступ ко всякому подчиненному; кто говорил с ним хоть один раз, тот его никогда не боялся и понимал все мысли его и желания. Такие качества составляют не простоту, понимаемую в смысле простодушия, а утонченность ума и энергию светлой воли, направленные к известной цели. Этими обстоятельствами и объясняется очевидное, могущественное влияние Нахимова на большие массы разнохарактерных людей. Как специалист и превосходный практик он быстро достигал своей главной цели: приучить и приохотить подчиненных ему матросов и офицеров к военному морскому ремеслу.

---

[1] В «Фрегате Бальчик» рассказ об адмирале П. С. Нахимове ведется от имени моряка в отставке — Корчагина.

Счастливый результат куплен им ценою бесчисленных неприятностей и самых разнообразных огорчений, употребленных в пользу философией твердого ума, который не избегал, а искал неприятностей, когда ожидал от них хороших последствий. Подобные характеры, редкие по своей силе и настойчивости, развиваются не под влиянием надзора товарищей и нравоучений начальников, а напротив, укрепляются под гнетом зависти и злобы первых и себялюбивых угнетений последних. Ничто не в состоянии подавить творческую силу природы хорошо созданного человека, силу, которая, подобно стальной пружине, выпрямляется при малейшем облегчении. Вот выгодная сторона службы на море, вот что развивает характеры многих моряков. Но та же причина убивает энергию молодых, неукрепившихся умов и дает им ложное направление в жизни.

— Мало того, что служба представится нам в другом виде, — продолжает Павел Степанович, — да сами-то мы совсем другое значение получим на службе, когда будем знать, как на кого нужно действовать. Нельзя принять поголовно одинаковую манеру со всеми и в видах поощрения бичевать всех без различия словами и линьками. Подобное однообразие в действиях начальника показывает, что у него нет ничего общего со всеми подчиненными и что он совершенно не понимает своих соотечественников. А это очень важно. Представьте себе, что вдруг у нас на фрегате сменили бы меня и командира фрегата, а вместо нас назначили бы начальников, англичан или французов, таких, одним словом, которые говорят, пожалуй, хорошо по-русски, но не жили никогда в России. Будь они и отличные моряки, а все ничего не выходило бы у них на судах; не умели бы действовать они на наших матросов, вооружили бы их против себя бесплодной строгостию или распустили бы их так, что ни на что не было бы похоже. Мы все были в корпусе; помните, как редко случалось, чтобы иностранные учителя ладили с нами; это хитрая вещь, причина ей в различии национальностей. Вот вся беда наша в том заключается, что многие молодые люди получают вредное направление от образования, понимаемого в ложном смысле. Это для нашей службы чистая гибель. Конечно, прекрасно говорить на иностранных языках, я против этого ни слова не возражаю и сам охотно занимался ими в свое время, да зачем же прельщаться до такой степени всем чуждым, чтобы своим пренебрегать. Некоторые так увлекаются ложным образованием, что никогда русских журналов не читают и хвастают этим; я это наверно знаю-с. Понятно, что господа эти до такой степени отвыкают от всего русского, что глубоко презирают сближение со своими соотечественниками-простолюдинами. А вы думаете, что матрос не заметит этого? Заметит лучше, чем наш брат. Мы говорить умеем лучше, чем замечать, а последнее уже их дело; а каково пойдет служба, когда все подчиненные будут наверно знать, что начальники их не любят и презирают их? Вот настоящая причина того, что на многих судах ничего не выходит и что некоторые молодые начальники одним только страхом хотят действовать. Могу вас уверить, что так. Страх подчас хорошее дело, да согласитесь, что ненатуральная вещь несколько лет работать напропалую ради страха. Необходимо поощрение сочувствием; нужна любовь к своему делу-с.

тогда с нашим лихим народом можно такие дела делать, что просто чудо. Удивляют меня многие молодые офицеры: от русских отстали, к французам не пристали, на англичан также не похожи; своим пренебрегают, чужому завидуют и своих выгод совершенно не понимают. Это никуда не годится!

Павел Степанович вспыхнул; яркий румянец покрыл его лицо, и он быстро начал мешать ложкой в супе.

Эта мысль, удивившая меня тогда еще больше той, которая ей предшествовала, сменилась скоро другими впечатлениями и не долго держалась в голове; в одно ухо вошла, а из другого вышла. Но когда эхо Синопского боя долетело до этих самых ушей, когда весь мир был поражен неслыханным в истории фактом — истреблением крепости и значительной эскадры в несколько часов полдюжиной парусных линейных кораблей, тогда возобновилась в уме моем давно забытая мысль и отозвалась в сердце каким-то упреком.

В Нахимове могучая, породистая симпатия к русскому человеку всякого сословия не порабощалась честолюбием; светлый ум его не прельщался блеском мишурного образования, и горячее сочувствие к своему народу сопровождало всю жизнь его и службу. Неужели мы будем приписывать одной сухой науке успех победы, зависевший от энергической деятельности множества людей?..

«Морской сборник», 1856, № 13, стр. 200—204, 219—226.

№ 167

ВОСПОМИНАНИЯ Э. И. ТОТЛЕБЕНА О П. С. НАХИМОВЕ

Потеря Нахимова была громовым ударом для всех защитников Севастополя. Здесь не место касаться важных заслуг, оказанных им флоту. Они слишком хорошо известны нашим морякам, которые знают, что Нахимов, более чем кто-либо, содействовал выработке типа русского моряка и развитию в Черноморском флоте того геройского духа, который так блистательно выказался в войну 1854—1856 годов. В этом отношении его справедливо называют Джервисом русского флота.

Но мы коснемся несколько подробнее заслуг, оказанных доблестным адмиралом при обороне Севастополя. Все, имевшие счастье близко знать Павла Степановича, не могли не понять, какое величие души, какой сильный характер таил он в себе под своим скромным и простодушным наружным видом. Нахимов не имел никаких личных интересов, он был чужд всякого эгоизма и честолюбия. Для него его собственное «я» решительно не существовало. Все его мысли и действия были направлены постоянно и исключительно на общую пользу, на неутомимое служение отечеству. В этом отношении его можно сравнить только с героями древности, так как они изображены Плутархом, потому что в действительной жизни едва ли кому из знавших Павла Степановича удалось встретить другую такую же высокую и светлую личность.

Нахимов ежедневно обходил оборонительную линию, презирая все опасности. Своим присутствием и примером он возвышал дух не только в моряках, благоговевших перед ним, но и в сухопутных войсках, также скоро понявших, что такое Нахимов. Всегда заботливый к сохранению жизни людей, адмирал не щадил только самого себя. Так, например, во время всей осады он один только всегда носил эполеты, делая это для того, чтобы передать презрение к опасностям всем своим подчиненным. Никто лучше него не знал духа русского простолюдина, — матроса и солдата, — не любящего громких слов, потому он никогда не прибегал к красноречию, но действовал на войска примером и строгим требованием от них исполнения служебных обязанностей. Он всегда первый являлся на самые опасные места, где наиболее нужны были присутствие и распорядительность начальника. Опасаясь опоздать, он даже ложился спать ночью, не раздеваясь, чтобы не терять ни одной минуты на одевание. Что касается административной деятельности адмирала во время обороны, то не было ни одной части, о которой не заботился бы он более всех. Он сам всегда приходил к другим начальникам, хотя бы и к младшим в чине, для того, чтобы узнать, нет ли каких-либо затруднений, и предложить им свое содействие. В случае несогласия между ними он всегда являлся примирителем, стараясь направить всех и каждого единственно на служение общему делу. Раненые офицеры и нижние чины не только находили в нем опору и покровительство, но всегда могли рассчитывать на помощь из его собственного небогатого кармана.

Вот слабый очерк того, чем был Нахимов для Севастополя. Со смертью его все защитники Севастополя, от генерала до солдата, почувствовали, что не стало человека, при котором падение Севастополя было почти немыслимо.

Тотлебен Э. И. «Описание обороны г. Севастополя», Спб., 1872, отд. II, стр. 20—22.

№ 168

ИЗ СТАТЬИ ЗАЩИТНИКА СЕВАСТОПОЛЯ КАПИТАН-ЛЕЙТЕНАНТА Д. М. АФАНАСЬЕВА

П. С. Нахимов был тип моряка-воина, личность вполне идеальная, а потому и трудно доступная пониманию, в особенности в нашем русском обществе, совершенно чуждом всего, что касается моря. С самых молодых лет, служа для товарищей и подчиненных образцом правды, чести, строгого исполнения долга и выслеживания пользы дела, он всю жизнь отдал своему призванию. Доброе, пылкое сердце; светлый, пытливый ум; необыкновенная скромность в заявлении своих заслуг. Он умел говорить с матросом по душе, называя каждого из них при объяснении друг, и был действительным для них другом. Преданность и любовь к нему матросов не знали границ. Всякий, кто был на севастопольских бастионах, помнит необыкновенный энтузиазм людей при ежедневных появлениях ад-

мирала на батареях: истомленные до-нельзя матросы, а с ними и солдаты воскресали при виде своего любимца и с новой силой готовы были творить и творили чудеса. Это лучшая черта к характеристике Нахимова и лучшая оценка его нравственных достоинств. Матрос простодушен, но умел ценить этого человека и любить его по его качествам. Нам, воспитанным в другой среде, не всегда выпадает талант понять матроса или солдата и овладеть им; надо иметь много личных достоинств, чтобы уметь найти в такой полноте это дорогое чувство преданности подчиненных. Это секрет, которым владели немногие только избранники и который составляет душу войны.

Я служил под флагом П. С. Нахимова на корабле «Ягудиил» три месяца юнкером, делая первую кампанию, и командовал его гичкой. Всегда на грот-марсе или возле адмирала я постоянно, весь день, бывал на палубе, как и адмирал, и никогда не видел, чтоб он вышел из себя, кричал, топал и т. п.; всегда справедливый, ровный, спокойный, но быстрый в своих движениях, он краснел только, когда сердился, и в то время заметно сдерживал себя и говорил медленнее. В продолжение этих трех месяцев, замечая от всех, в кают-компании и наверху, беспредельное уважение к слову адмирала и необыкновенную преданность к нему матросов, я, конечно, не мог найти границ своего удивления к его достоинствам; каждое его слово, сказанное мне лично, глубоко ложилось в мою душу и вспоминается теперь, хотя с тех пор прошло 20 лет. Впоследствии, во время осады, случай опять толкнул меня близко к адмиралу, и, состоя в его штабе, я имел возможность поверить свои первые о нем впечатления; я остался верен своему взгляду и навсегда сохраню благоговейное воспоминание о нем, как о разумном, ласковом начальнике и необыкновенно симпатичном человеке.

П. С. Нахимов был большого роста, несколько сутуловатый и не тучный; всегда опрятный, он отличался свежестью своих воротничков, называвшихся у черноморцев «лиселями»; наружная чистота, любимая им во всем, соответствовала его высоким нравственным качествам; скуластое, живое лицо выражало всегда состояние духа, а мягкие голубые глаза светились добром и смыслом; характер энергический и вполне понятный морякам; человек высоких талантов и притом хорошо образованный и много читавший.

П. С. Нахимов пользовался большим доверием М. П. Лазарева, с которым он познакомился в молодых летах и под командою которого служил в кругосветном плавании на фрегате «Крейсер» и в наваринскую кампанию на корабле «Азов». За Наваринское сражение он получил георгиевский крест и чин капитан-лейтенанта. Потом, командуя в Балтийском море фрегатом «Паллада», он считался замечательным командиром. Старики наши до сих пор рассказывают необыкновенный случай, наделавший в свое время много шума: как молодой капитан «Паллады», плавая в эскадре адмирала Беллинсгаузена, поднял своему адмиралу сигнал: «Флот идет к опасности» и в то же время поворотил, не ожидая приказаний; пока адмирал поверил свое место и сделал сигнал флоту поворотить, ко-

110—2

рабль «Арсис» был уже на камнях[1]. Лазарев вызвал Нахимова в Черное море как старого друга и надежного помощника и поставил его образцом для черноморцев.

Вице-адмирал В. А. Корнилов был человек иного склада. Живой, пылкий, горячий, с блестящими талантами, он, с увлечением принимаясь за всякую деятельность, работал до истощения и был разностороннее Нахимова, зато не был так глубок в морском деле. При своих замечательных административных способностях он был хороший, опытный моряк и достойный адмирал, но далек был от той типичности, которая выработалась в Нахимове при исключительном морском направлении последняго. Нахимов охотно подчинялся первенству Корнилова в последнее время в ежедневной деятельности по устройству флота и защиты Севастополя, подчинялся столько же по своей прямодушной скромности, как и по сознанию высоких достоинств и полезных действий Корнилова. С своей стороны, Корнилов умел понимать эту уступчивость Нахимова и, ценя в нем, по справедливости, редкие морские дарования, сознавал неподражаемость Нахимова во всем, что касается моря и боевой жизни на нем, и уступал ему на этом поле. Вот причина редкого согласия и честного единодушия, ознаменовавшего совокупную деятельность соперничествовавших в славе адмиралов и доставившего нашей истории блестящие страницы Синопа и Севастополя.

«С.-Петербургские ведомости», 1868, 26 января. № 25.

[1] См. документы № 24 и 25.

110—2

УКАЗАТЕЛЬ

А

Абдил-бей турец. морской офицер взят в плен при Синопе 130
Абукирское сражение 35
Абхазия 62, 65, 66, 71
Абхазский, берег 130
Авинов А. П., вице-адмирал, командир Севастопольского порта 64, 72
Авсов П. Н., лейтенант 12
«Агатополь», фрегат 56
Ада-Киой, турец. дер. 110
Адамович И. С., товарищ П. С. Нахимова по Морскому кадетскому корпусу 22, 200
«Адрианополь», корабль 54
«Азия» («Asia»), англ. корабль 32, 35—37
«Азов», линейный корабль 13, 14, 22, 29, 36, 44, 201, 224
Айвазовский И. К., художник 130, 131
Алабин П. В., писатель, участник обороны Севастополя 182, 184
«Альбион» («Albion») англ. корабль 32, 36
Альбединский, полковник, флигель-адъютант 204
Альбрант А. Л., лейтенант 58
Александр I 19
«Александр Невский», корабль 34, 36
Александрия 31, 32
Александров 169
Алексеев С. Г., капитан 1-го ранга, командир корабля «Варна» 86
Альминское сражение 17
«Армида» («Armide») франц. корабль 36
«Альцион» («Alcion»), франц. корабль 36
Амастро, порт 17, 98
Амосов И. А., капитан корпуса корабельных инженеров 43—45.
Амур, река 198
«Амфитрида», фрегат 50
Анакрия, местечко 17, 81—85, 90, 93
Анапа, город 15, 52
Анатолия 82, 98, 100, 101, 104, 107, 123
Анатолийское побережье 17
Англия 29, 45, 210
Английские корабли 32, 36
Английский флот 29, 31—33, 37, 38, 210
Андреев 169
«Андромаха», корвет 83, 86, 92
Анненков М. Д., лейтенант 25
Антоний, иеромонах 64
Антоньев, друг П. С. Нахимова 38
«Аргонавт», паровая шхуна 80, 83, 88, 92
«Арсис», корабль 14, 48, 225
Архангельск, город 13, 196
Архипелаг греческий 14, 31, 133
«Ауни-Аллах», турец. фрегат 112, 117—119
Афанасьев Д. М., капитан-лейтенант, защитник Севастополя 223
Ахлестышев А. Д., лейтенант 12

Б

«Балаклава», транспорт 81, 83, 88, 92
Балтийское море 14, 39, 200, 224
«Бальчик», фрегат 211, 216
Баранов первый правитель русских владений в Северной Америке 210
Баранов М. М., мичман 25
Барановский П. И., капитан 2 ранга, командир корабля «Императрица Мария» 86, 117
Баратынский П. А., генерал-майор 22, 23
Барташевич А. И., лейтенант 25
Барладян М. Т., лейтенант 52
Бартенев Ф. Д., капитан 1 ранга, командир корабля «Храбрый» 86

Бартнюк Якуб, матрос 1-й степени 37-го флотского экипажа 69
Барыбин М. С., гардемарин 23
Барятинский 82, 84
Бдительность, приказ П. С. Нахимова 162
Бебутов 82, 84
Бегичев, мичман, участник обороны Севастополя 164
Безобразов В. В. 182
Беллинсгаузен Ф. Ф., адмирал 14, 42, 48, 49, 224
Белое море 39
Беллона», фрегат 49
Белаго А. Г., гардемарин 40
Белый Яков, матрос 145
Берг Н. В., художник-портретист 8, 184, 187, 199, 200
Березань», фрегат 80, 81, 83, 88, 92
Беренс Е. А., лейтенант 25
Бертье-Делагард Л. А., капитан-лейтенант, командир фрегата Синополь» 86
Берх М. Б., адмирал, с 1851 года главный командир Черноморского флота и портов 90, 96, 98, 100, 130, 145,
Бессарабия», пароходо-фрегат 73, 77, 81—84, 88, 92, 93, 96, 97, 98, 100—103, 123
Бестужев Н. А., брат Бестужева М. А., декабрист 198
Бестужев М. А., товарищ П. С. Нахимова по Морскому кадетскому корпусу, декабрист 196, 198
Бечеров 170
Благодарности личному составу 37, 38, 51, 52, 54, 55, 61, 113, 114, 118
Бодиско Ф. Н., мичман 25
«Боец» пароход 81
Бомборы, укрепление 64, 65, 80
Борзенков, мичман 25
Босфор, пролив 78, 79, 100
«Браилов», фрегат 60, 61
«Бреславль» («Breslaw»), франц. корабль 34, 36
«Бриск» («Brisk»), англ. бриг 36
Броневский В. Б., морской писатель 29
Броун 170
Брюн Сент-Катерин, генерал-лейтенант, инспектор корпуса корабельных инженеров 47
«Буг», транспорт 83, 88, 92
Будберг А. П., генерал-майор, начальник Черноморской береговой линии 58, 62, 66
Бульмеринг, инженер-полковник, участник обороны Севастополя 215
Бутаков Г. И., капитан 2-го ранга, командир пароходо-фрегата «Владимир», участник обороны Севастополя 86, 137, 159, 164
Бутаков А. А., лейтенант, погиб в Севастополе 159
Бутенев И. П., капитан 2-го ранга 22, 25, 36, 200
Быченский, генерал-маиор, директор кораблестроительного департамента 47
Бялый, полковник, командир Якутского полка 148

В

«Варна», корабль 78, 83, 86, 90, 92
Варна, город 78
Вардан, ущелье 72
Вардан, местечко 69
Варнитский П. Н., мичман, участник Синопского боя и защитник Севастополя 108
Васильев, флота генерал-интендант, контр-адмирал 47
Васильчиков В. И., князь, генерал-майор, начальник штаба севастопольского гарнизона 169—172, 178, 214
«Великий кн. Константин», корабль 17, 78, 83, 85, 86, 90, 92, 110, 111, 115, 117, 118, 120—124, 126, 131, 132, 140, 142, 184
«Великий кн. Михаил», корабль 50
Вельяминовский, форт 65, 71
Вестник», шкуна 62
Вецель 172
Викорст Н. И., капитан-лейтенант, командир транспорта «Гагры» 88
Викорст Е. И., лейтенант, командир 3-го бастиона 189
«Виндава», транспорт 47
Винк А. Х., капитан 2-го ранга 86
«Владимир», пароходо-фрегат 80, 81, 82, 83, 85, 86, 92, 93, 98, 103, 104, 136, 137, 164, 171, 186
Власьев В. А., капитан 2-го ранга 54
Винсента С-т, мыс 29
Воеводский П. В., капитан 2-го ранга, дежурный штаб-офицер штаба П. С. Нахимова 133, 157, 181, 189, 191
Войсковые соединения:
Белостокский полк 84, 87, 89
Брестский полк 87
Виленский полк 81, 84, 87, 89
Владимирский полк 216
Волынский полк 148, 149
2-я легкая артиллерийская батарея 87, 89
Екатеринбургский полк 177
Литовский полк 82, 84, 87, 89
Модлинский батальон 184
Модлинский резервный пехотный полк 177

Отдельный кавказский корпус 92
1-я артиллерийская батарея 87, 89
5-я флотская дивизия 113
Тенгинский полк 52
13-я пехотная дивизия 80, 82, 87, 89, 90, 92
Черноморский линейный батальон 52
14-я пехотная дивизия 92
Воронцов М. С., наместник Кавказа, главнокомандующий Кавказским корпусом 80, 82, 84
Воронов 164
«Восточная звезда», турец. корвет 41
Врангель, генерал-майор, начальник 3-го отделения Черноморской береговой линии 59
Врангель Ф. П., вице-адмирал, управляющий морским министерством 166
Вукотич П. М., контр-адмирал, участник обороны Севастополя 135
Вукотич, капитан 1-го ранга, командир корабля «Три иерарха» 56
Вукотич, командир 42-го экипажа 206
Вульф Н. П., контр-адмирал, командир 3-й бригады 5-й флотской дивизии 56, 80—82, 84, 93
Высадки 81—92

Г

«Гавриил», корабль 54, 78, 83, 86, 90, 92
«Гагры», транспорт 83, 88, 92
Гагры, город 71
Гамильтон Е. А., вице-адмирал, командующий эскадрой Балтийского моря 42
«Гангут», корабль 34—36
Гебауер В. П., лейтенант 38
Гейден Л. П., контр-адмирал 13, 29, 39—41, 74
Геленджик, город 60, 61, 65, 71
«Генуя» («Genoa»), англ. корабль 32, 36
Герасимов 172
«Гонец», шхуна 58—60, 62—64
Горчаков М. Д. князь, генерал-адъютант, с февраля месяца до конца 1855 года главнокомандующий сухопутными и морскими силами в Крыму 146, 150, 151, 153—156, 159, 161, 163, 165, 166, 173, 174, 188, 189
Гибралтарский пролив 29
Гильхин 169, 171
«Глазгов» («Glasgow») англ. фрегат 36
Головинский форт 16, 58—63, 66, 71
Готланд, остров 14
Горбунов Н. А., поручик, адъютант Владимирского пехотного полка 216
Городок, имение Вяземского уезда, Смоленской губернии 12, 19
Горцы 52, 58—63
«Град», шхуна 46
Гребенюк М., матрос 145
«Гремящий», корвет 38
Греция 29, 31
«Греческий вопрос» 13
Григорьев 171
«Грозный», пароход 80, 81, 83, 88, 92, 169
«Громоносец», пароход 110, 120, 131, 145, 171
Гриневский В. Ф., капитан-лейтенант, командир транспорта «Днепр» 88
Гусейн-паша, второй флагман турецкой эскадры, находившейся в Синопе 112
Гурия 71
Гюббенет Х. Я., профессор хирургии 169, 171 174, 175, 188, 191
«Гюли-Сефид», корвет 118

Д

Даго, остров 48
Даль В. И., товарищ П. С. Нахимова по Морскому кадетскому корпусу, впоследствии писатель и лексикограф 22, 200
«Дамиад», турец. фрегат 111, 112, 118, 125
Дания, пребывание П. С. Нахимова 12, 200
«Дартмут» («Dartmuth»), англ. фрегат 33, 36
«Дафна» («Daphne»), франц. корабль 36
«Двенадцать апостолов», корабль 17, 78, 83, 85, 86, 90, 92, 132, 135, 145
Десанты корабельные 58—62
Дехта, комендор 129
Демский П., матрос 145
Джервис, англ. адмирал 202, 222
«Диомид», бриг 44, 46
«Днепр», транспорт 83, 88, 92
«Днестр», транспорт 81, 83, 88, 92
Домашенко А. А., мичман 25, 29, 30
Дооб, мыс (Цемесская бухта) 58
Дорохов А. П., гардемарин 23
Дохтуров П. А., лейтенант, командир брига «Феникс» 12
Дудинский З. И., товарищ П. С. Нахимова по Морскому кадетскому корпусу 22, 23, 200
«Дунай», пароход 83, 84, 88, 92, 169
Дунайская флотилия 78

Дьяконов П., военный врач 173, 174

Е

Европа 132, 192
Евпатория, порт 183
Египетский флот 29, 31, 32, 34, 37
Егоров Д., канонир 26
«Екатерина», фрегат 49
«Елена», корабль 36
Елманович 169
«Еникале», пароход 82, 85
Ергомышев Л. А., капитан 2 ранга, командир корабля «Вел. кн. Константин», участник Синопского сражения и защитник Севастополя 86, 117
Ершов А. И., артил. офицер, участник обороны Севастополя 167

Ж

Жадовский, мичман 36
Жандр А. П., капитан-лейтенант, флаг-офицер В. А. Корнилова, участник обороны Севастополя 135
Железнов Г. И., лейтенант, адъютант В. А. Корнилова 82
Жерве П. Л., лейтенант, командир батареи его имени 164, 189, 190
Жиркевич 207, 213
Жохов Я. А., генерал-лейтенант, член Адмиралтейств-Коллегии 25

З

Завадовский, 207
Завалишин Д. И., товарищ П. С. Нахимова по Морскому кадетскому корпусу, декабрист 22, 25, 27, 28, 200
Зайончковский А. М., военный историк 11
Занте, остров 13, 31
Зарудный В. И., лейтенант, плавал под начальством П. С. Нахимова на ряде кораблей 201, 211, 216, 220

И

Ибрагим-паша, главнокомандующий турецко-египетским флотом и войсками 31—33, 35, 37
Иванов А., товарищ П. С. Нахимова по Морскому кадетскому корпусу 23, 29, 38
«Иезекииль», корабль 34, 36
«Императрица Александра», корабль 49, 50
«Император Александр I», корабль 48—50
«Императрица Мария», корабль 17, 78, 83, 86, 90, 92, 102, 103, 105, 109—112, 115, 117, 118, 120—122, 124, 126, 128, 131, 169, 184, 186, 213
Ингур, река 84
Инкерманские высоты 174
Ионические острова 31
Исакчи, крепость 101
Истомин В. И., контр-адмирал 40, 58, 86, 118, 135, 147—151, 158, 179, 181, 182, 184, 187—189, 194, 196, 210
Истомин К. И., контр-адмирал, брат В. И. Истомина 150
«Ифигения», корвет 62

К

Кавказ 52, 209, 211
Кавказское побережье 52, 58—63, 69, 79—83, 92
«Кагул», фрегат 16, 62, 63, 68, 78, 80, 83, 86, 90, 92, 98, 101, 106, 107, 109, 110, 112, 115, 118—122, 124, 126, 131, 145
Кадьян И. И., лейтенант 25
Кадьян С. И., гардемарин 23
Казарский А. И., капитан-лейтенант, командир брига «Меркурий» 129
«Канди-Зефер», турец. фрегат 111, 112, 118, 119
Калафат 102
Калинковский остров 47
«Калипсо», корвет 83, 86, 90, 92, 102
Кандия (Крит), остров 31
Капу-Суя, река 101
Карлскрона, порт 12
Карцов П. К., вице-адмирал, директор Морского кадетского корпуса 19, 20, 23, 25
«Кастор», корабль 36
Кача, река 137
«Кембриэн» («Cambrian») англ. корабль 36
Керемпе, мыс 17, 78, 98, 101, 103
Кери Ф. С., капитан-лейтенант, командир корвета «Калипсо», участник обороны Севастополя 133, 170, 178, 185, 186, 190
«Килия», транспорт 83, 88, 92
Кислинский П. И., капитан 1-го ранга, командир корабля «Ягудиил» 56, 86
Китаев Е. С., капитан 2-го ранга, командир парохода «Одесса», 88
Ключников А. А., капитан 1-го ранга, капитан над Севастопольским портом, 156, 169, 172
Ковалевский, генерал 82
Ковалевский Н. П., мичман 75
«Коварна», фрегат 16, 72, 73, 98, 101—103, 169, 184, 185, 199, 200, 206, 209
Кондор, река 81

Ковдрингтон, вице-адмирал англ. флота 31—33
Колосовский А., гардемарин 23
Колпино, поселок 46
Колтовской Е. И., контр-адмирал 62, 72
Колтовской М. Е., лейтенант, флаг-офицер П. С. Нахимова 189, 191
Колычев Ф. И., гардемарин 21
Колычев И. И., товарищ П. С. Нахимова по Морскому кадетскому корпусу 200.
Комаровский И. П., капитан, смотритель Севастопольского госпиталя 213
Конотопцев А. Г., контр-адмирал 59, 60, 61
«Константин», фрегат 31, 36
Константин Николаевич вел. кн., управляющий морским министерством 77, 92, 140, 161, 179, 207, 209
Константиновский, мыс 63, 64
Константинополь, город 31, 65, 97, 100, 115, 128, 130
Контрабанда и борьба с ней 52, 63, 66, 67, 69, 71, 72
Копенгаген, город-порт 12
Короткий, матрос 185
Корнилов В. А., вице-адмирал 17, 18, 79, 80, 83—86, 90, 92, 93, 95, 98, 99, 102—104, 109, 112, 114, 119, 120, 125, 128, 131, 134—136, 149, 151, 154, 158, 179, 181, 182, 184, 185, 187, 188, 194, 196, 204, 211, 225
Корчагин, мичман черноморского флота, действующее лицо в рассказе «Фрегат «Бальчик» 220
Коскуль Ф. Ф., мичман 68
Костомаров Н. И., лейтенант, 172
Костырев П. М., лейтенант, флаг-офицер П. С. Нахимова 191
Коцебу П. Е., генерал-адъютант, начальник штаба главнокомандующего в Крыму М. Д. Горчакова 171, 174, 184
Красная горка, форт 12
Краббе Н. К., капитан 1-го ранга 83
«Крейсер», фрегат 13, 25, 26—28, 187, 196, 201, 224
Крейсерства:
парохода «Бессарабия» 97—99
шхуны «Гонец» 58—60, 62—65
отряда судов контр-адмирала П. С. Нахимова 62, 69, 73, 99—101
корвета «Пилад», 62, 63, 69
брига «Птоломей» 70
корабля «Силистрия» 59, 60, 62
у Кавказского побережья 62, 69
Христофоров 171
Кронштадт, порт, база 12—14, 25, 42—47, 196
Кронштадтский рейд 12, 47
Кругосветное плавание: «Крейсер», фрегат 13, 25—29, 210, 224
Крылов 171
Крым, полуостров 8, 9, 145, 153, 155, 204
«Крым», пароход 107—110, 112, 119, 120, 122, 125, 128, 131
Крымская армия 147
Крюднер П. П., лейтенант 96—98, 100
Кузнецов А. Д., капитан 1 ранга, командир корабля «Ростислав», участник Синопского сражения 86, 118
Кузьмин, подполковник, сопровождал 13-ю дивизию из Севастополя на Кавказ 81, 82, 84
«Кулевчи», фрегат 92, 99, 106, 107, 110, 112, 115, 118, 120—122, 124, 126, 131, 133, 169
Кульчицкий Л. Я., капитан-лейтенант 88
Куприянов Н. Н., лейтенант, убит в Наваринском сражении 25, 36
Кутров, капитан 1 ранга, командир корабля «Три святителя», участник Синопского сражения 86, 106, 113, 118, 205, 212
Кучин А., гардемарин 23

Л

«Лаба», транспорт 60, 61
«Ладога», шлюп 25, 27
Лазарев М. П., адмирал, главный командир Черноморского флота и портов 7, 13, 15, 16, 18, 26—29, 38, 44—46, 51, 59—61, 66, 67, 69, 73, 74, 77, 131, 132, 139, 149—151, 170, 181, 184, 187, 188, 191, 196, 198, 201, 202, 208—212, 224, 225
Лазарев, форт 58, 63, 66, 69
Лазарева Е. Т., вдова М. П. Лазарева 151
«Ласточка», шкуна 62
Лебединский И. матрос 145
«Лебедь», тендер 46
Леви 170
Леонов П. А., капитан-лейтенант, командир тендера «Струя» 86
Леонтьев К. А., капитан 1 ранга, командир корабля «Святослав 86
Лесли П. И., лейтенант, участник Синопского боя, защитник Малахова кургана 157, 159—162, 168, 178, 187
Лесовский С. С., капитан-лейтенант 208
Либава, город-порт, 14, 42
Ливецкий 169
Линден М., гардемарин 23
Липский, генерал-майор, командующий 16-й резервной дивизией 177
Лихонин С., товарищ П. С. На-

химова по Морскому кадетскому корпусу 22, 200
Ловягин, 169, 171
Ломен А. Ф., мичман 25
Лондонский трактат 31

М

Макаров 169, 170
Македонский П. М., лейтенант 75, 209
Максимов, поручик корпуса штурманов, участник Синопского сражения 113
Максютов 170
Макухин Н. П., лейтенант 68, 69
Малевский, полковник, командир Охотского полка 182
Мальта, о-в 13, 14, 29, 31, 37, 41, 201, 209
Мансуров Б. П., статский советник 180
Матвеев 171
Матюшкин Ф. Ф. капитан-лейтенант 51
«Меджари-Теджарет», турец. пароход 98, 100
Меншиков А. С., адмирал, генерал-адъютант, начальник Главного морского штаба, с 1854 года по 1855 год главнокомандующий сухопутными и морскими силами в Крыму 8, 11, 47, 51, 52, 58, 60, 61, 66, 73, 77, 78, 81, 84, 90, 98, 102, 113, 115, 123, 129, 130, 134, 136, 139, 140, 143, 145, 146, 153, 156, 159, 204, 214
Меньков П. К., полковник, участник обороны Севастополя 204
«Меркурий», бриг 62, 129
«Мессемврия», фрегат 56, 145
Мессина, порт, 13, 31
Метлин Н. Ф., вице-адмирал 54, 153, 173
«Мидия», фрегат 80, 145
Микрюков В. М., капитан 1 ранга, командир корабля «Чесма», участник Синопского сражения и защитник Севастополя 86, 118, 205
Миронов, генерал-майор 82
«Могучий», пароход 52
Моллер Ф. В., вице-адмирал, главный командир Кронштадтского порта 20
«Молодец», пароход 59, 61, 81, 83, 88, 92
Морея 14, 29, 31, 32
Морозов 170
Морской кадетский корпус 12, 19, 20, 22—25
Москва 216
Муравьев П. М., лейтенант 25
«Мускит» («Mosquito»), англ. бриг 36
Мустафа-паша, турец. адмирал 130

Н

Навагинский, форт 59—61, 63—65
Наварин, город-порт 13, 22, 31, 32, 33, 35, 37, 40
«Наварин», корвет 14, 41, 42, 201
Наваринская, бухта 29, 32, 37
Наваринское сражение 7, 11, 13, 15, 29, 30, 33—35, 37—39, 201, 224
«Навек-бахри», турец. фрегат 112, 117, 118
Награждения личного состава 29, 39, 40, 123
Награждения Нахимова П. С. 40, 114, 115, 140, 166, 201, 211, 224
«Надежда», фрегат 210
Наполеон III, император 160
Наполеоновские войны 210
Наумовский С. И., капитан-лейтенант, командир транспорта «Прут» 88
Нахимов И. С., брат П. С. Нахимова 19, 20
Нахимов С. М., отставной майор, отец П. С. Нахимова 19
«Нева», фрегат 50
«Неджми-фешан», турец. корвет 112, 118, 119
Нельсон, англ. адмирал 33, 202, 203
«Несими-Зефер», турец. фрегат 112, 117—119
«Низамие», турец. фрегат 111, 112, 118, 119
Никитин 170
Николаев, город 15, 51, 58, 78, 97, 98, 100, 153, 179
Николай I, император 8, 51, 53, 61, 77, 90, 92, 115, 140, 211
Николая св. форт 82
Никольский Д. В., лейтенант 25
Никонов А. И., капитан 2 ранга 183, 189
Новиков 171
Новиков А. Н., врач, участник Севастопольской обороны 164
Новицкий В. 169
Новороссийск, город 15, 16, 52, 58—60, 62, 63, 65, 67, 72, 73, 209
Новороссийская бухта 16
Новосильский П., товарищ Нахимова по Морскому кадетскому корпусу 21, 22
Новосильский Ф. М., контр-адмирал, участник Синопского сражения и защитник Севастополя 54, 79,

86, 104, 115, 118, 123, 124, 126, 128, 130, 151, 171, 179, 200, 205
Ново-Троицкое укрепление 58
Норов, полковник 169
«Нырок», тендер 62

О

Обезьянинов 171
Обезьянов (Обезьянинов В. П.), мичман, погиб на тендере «Струя» 75
Оборона Севастополя 7, 140, 150, 167, 179, 188, 192, 204, 210, 212, 213, 214, 222
бомбардировки 136, 160, 167, 204, 205
затопление кораблей 134, 135, 139, 145
отражение атак неприятеля 147, 167
штурмы 18, 144, 160, 163, 166—168
Оборудование кораблей 43—46
Обручев, генерал 81, 82, 85
Оденсхольмский маяк 50
Одесса, город 15—17, 53, 78, 81, 92, 93
«Одесса», пароходо-фрегат 58, 81—84, 88, 92, 93, 101, 107—110, 112, 119, 120—122, 125, 126, 128, 131, 174
«Орест», корвет 71, 72, 207
Орловский П. 170, 171
«Орфей», бриг 133, 207
Осман-паша, вице-адмирал, командующий турецкой эскадрой взят в плен при Синопе 17, 112, 126; 129—131
Остен-Сакен Д. Е., генерал, начальник Севастопольского гарнизона 146, 147, 155, 177, 184, 190, 212
Острено, лейтенант, адъютант П. С. Нахимова 171
Охтенская верфь 14, 44, 46
Очаков, город 51
Очаковский рейд 51

П

Павловский, генерал-лейтенант 134
Павловский 170
«Паламед», бриг 62, 63, 66, 67, 69
Палеолог В. Д., мичман 101
Палермо, порт 13, 29, 31
«Паллада», фрегат 14, 43, 45—47, 224
«Память Азова», корабль 18, 48
Панфилов А. И., контр-адмирал, начальник 3-го отделения оборонительной линии Севастополя 51, 86, 114, 120, 128, 131, 173, 179, 185, 189, 200
Панфилов 38
«Париж», корабль 78, 83, 84, 86, 90, 92, 109—111, 115, 118, 119—124, 126—128, 131, 132, 140, 142
Паркер, англ. адмирал 209
Патрас, порт 31
Певцов А. С., капитан-лейтенант, командир парохода «Эльборус» 88
«Перваз-бахри» турец. пароход 98, 99
Перевозка сухопутных войск 79, 85, 90, 92
Переяславль, город 171
Перовский В. А., генерал-майор, директор канцелярии Главного морского штаба
«Персей», бриг 62, 169
Перфильев 169
Петербург, столица 12, 14, 28, 47
Петр I, император 10, 207
Петров 170
Пецер 83
«Пилад», корвет 62, 66, 67, 69, 78
Пирогов Н. И., хирург
Пицунда, укрепление 64, 84, 93
Плавания:
корабля «Император Александр I» 49
корабля «Силистрия» 51—53
корвета «Наварин» 42
шхуны «Гонец» 64—65
эскадр 29, 37, 60—62, 66, 114, 120
Пленные 112, 119, 126, 130, 131
Плутарх 222
Повреждения кораблей в бою 37
Погодин М. Н., историк 184, 199
Подушкин И. А., капитан-лейтенант, командир транспорта «Днестр» 88
Подушкин 38
Подъем затонувших судов и корабельного имущества 58, 72, 73—77, 99, 209, 210
Пожары на судах 108, 109, 111, 112, 118, 119, 127
Ползиков 171
Попов А. А., капитан-лейтенант, участник Севастопольской обороны 113, 172
Портсмут, англ, порт 13
Потери личного состава 35, 37, 38, 58, 59, 69, 75, 119, 121, 129—131, 148, 149, 160, 161
Поти, порт 52
Призы 34, 41, 63, 64—66, 96—100, 111, 112, 119, 125
«Проворный», корабль 36

«Прут», транспорт 83, 88, 92
Псезуапе см. Туапсе.
«Птоломей», бриг 71, 83, 93
Пустовойтов, полковник, командир Томского егерского полка 149
Путятин Е. В., капитан-лейтенант 25, 51, 210
Пушкин Л. С. 22
Пыхачев Л. Н., капитан-лейтенант, командир транспорта «Килия» 88

Р

Радзимовский И. А., капитан-лейтенант, командир транспорта «Дунай» 88
Ратч Ф. И., капитан 1 ранга 54
«Рафаил», фрегат, см. «Фазли-Аллах»
Ревель, порт 12, 14, 50
Редкин 170, 171
Редут-Кале, город 81, 82, 84, 85, 93
Реймерс В. Г., капитан-лейтенант командир 4-го бастиона 204
Рейнеке М. Ф., контр-адмирал, друг П. С. Нахимова 11, 23, 29, 30, 37—39, 196, 198
Рига, город-порт 12
Риньи-де, франц. контр-адмирал 32
«Рион», транспорт 80, 83, 88, 92, 93
«Роза» («Rose»), англ. бриг 36
Россия 7, 8, 129, 132, 151, 177, 181, 182, 192, 196, 200
Российско-американская компания 210
«Ростислав», корабль 78, 83, 85, 86, 90, 92, 98, 110, 112, 115, 118—122, 124—126, 128, 131, 135, 145
Роченсальм, порт 12
Руднев И. Г., капитан-лейтенант, защитник Севастополя 137
Рыкачев А. П., отставной капитан-лейтенант, участник Наваринского сражения 22, 200

С

Салюты 113, 188
Санитарное состояние (приказ П. С. Нахимова) 68
Сарычев Г. И., вице-адмирал 25
Сатин А. Д., лейтенант, участник Синопского сражения и защитник Севастополя 126
Сахалан-Ула, город 198
Свеаборг, порт 12, 14
Свищевский, полковник, командир Волынского пехотного полка 148
«Святослав», корабль 78, 83, 86, 90, 92, 98, 99, 113, 115, 145
Севастополь, город-порт 7—9, 15—18, 51, 53, 58—60, 62, 65, 68, 72, 73, 75, 77—80, 81, 83—85, 90, 92, 93, 95, 97—100, 102, 104, 112, 114, 115, 119, 120, 123, 125, 130—137, 139, 143, 144, 146, 147, 149, 150, 152—161, 163, 166, 167, 169, 173, 175, 177, 180—189, 191, 192, 194, 196, 198, 202, 204, 206, 210, 212, 215, 222, 223, 225
Артиллерийская бухта 18
Аполлонова балка 186
Голландия 140
Графская пристань 183, 184, 186, 202, 207, 211
Камышевая бухта 137
Килен-балка 18, 164
Корабельная слободка 216
Корабельная сторона 18, 182, 186, 192
Куриная балка 181
Панаитова балка 141
Песочная бухта 137
Северная сторона 134, 164, 178, 186, 187, 190, 192, 212
Стрелецкая бухта 137
Ушакова балка 152, 181
Южная бухта 18, 99, 141, 206
Южная сторона 134, 214
Севастопольский гарнизон 177, 212
Севастопольские укрепления 163, 166
Бастионы: Корнилова 18, 150, 177
3-й 179—183, 185, 191, 195, 216
4-й 204—206, 215
Батареи: Михайловская 145
Николаевская 145, 180
№ 4 140
Павловская 140
Люнет Камчатский 18, 149, 152, 167
Малахов курган 7, 18, 135, 157, 170, 173, 175, 181—185, 190, 191, 212
Михайловское укрепление 186
Оборонительная линия Севастополя:
1-я дистанция 213
2-е отделение 151, 156
Редуты: Волынский 18, 167
Камчатский 147, 148, 163, 185, 215
Селенгинский 18, 167
Шварца 215
Северное укрепление 134, 141
Севастопольский рейд 17, 53, 126, 132, 139, 140, 181, 211
«Селафаил», корабль 78, 92
Селенгинск, город 195
Семякин К. Р., генерал-майор,

начальник штаба главнокомандующего в Крыму 159
Сенявин Д. Н., адмирал 13, 29
Серебряков Е. Л., лейтенант, командир шкуны «Аргонавт» 88
Серебряков Л. М., вице-адмирал 83, 152
Серебряков М. Л., капитан-лейтенант, убит при защите Севастополя 152
«Сизополь», фрегат 62, 78, 83, 86, 92
«Силистрия», линейный корабль 15, 16, 51—53, 56, 58, 59, 60, 61, 68
«Симеон и Анна», бриг 12
Симферополь, город 186
Синицын П. А., контр-адмирал 82
Синоп, город 17, 94, 96—100, 104—107, 110, 112—115, 117, 123, 125, 129, 130, 132, 173, 174, 199, 212, 225
«Синоп», корабль 130
Синопский мыс 120, 125
Синопский рейд 7, 17, 121, 123, 124, 126, 129, 131, 182
Синопское сражение 7, 8, 99, 100, 104—106, 110, 111, 113, 115, 117—120, 122, 123, 126—128, 130, 132, 211, 213, 222
Сипягин В., гардемарин 23
«Сирена» (La Syrene), франц. фрегат 33
Ситха 26
Сицилия 29
Скарятин 169
Скоробогатов А. Н., лейтенант, командир шкуны «Гонец» 65
Скорочев, прапорщик, погиб на тендере «Струя» 75
«Скорый», тендер 83, 93
Скрягин С. А. 94—96
Слэд (Мушафер-паша), капитан-англичанин, командир турец. парохода «Таиф» 107
«Смелая», шкуна 62
Смоленская губ., родина Нахимова 19, 157
Снабжение строительными материалами для обороны Севастополя 153
Соколов В., унтер-офицер 23
Сосин, комендор 182
Сотири С. Н., капитан-лейтенант, командир парохода «Грозный» 88
Соча 65
Спицын А. П., капитан-лейтенант, командир фрегата «Кагул» 86, 205
Средиземное море 13, 14, 29, 39, 41, 133, 201
Станицкий П., гардемарин, унтер-офицер, товарищ Нахимова по Морскому кадетскому корпусу 22, 23, 38, 200
Станюкович М. Н., вице-адмирал, командир Севастопольского порта 54, 96—99, 136, 145, 155
Старченков 170
Степанов П. Д., капитан-лейтенант, командир транспорта «Балаклава» 88
Стеценко В. А., капитан-лейтенант, участник обороны Севастополя 213
Стокгольм, порт 12
Стоке, полковник, корабельный мастер 43—45, 47
Стройников Н. С., капитан-лейтенант, командир корвета «Андромаха» 86, 207
Строительство укреплений 141, 155, 163
«Струя», тендер 16, 62, 72—75, 209
Суворов А. В (сравнивается с П. С. Нахимовым) 182, 199
«Султан-Махмуд», корабль 54
Сутковой Ф. Е., лейтенант 69
Сухум-Кале, порт 17, 59, 62, 64, 80, 81—85, 90, 92, 93, 95, 102, 112
«Сципион» («Scipion»), франц. корабль 36

Т

Таир-паша, командующий турецким флотом в Наварине 35
«Таиф», турец. пароход 107, 112, 118, 119, 125, 126, 128
«Тальбот» (Talbot), англ. корабль 36
Тверитинов 171
Творогов М. Н., капитан-лейтенант, командир транспорта «Рион» 88
«Телемак», бриг 54, 56
Тимирязев А. П., лейтенант, участник обороны Севастополя 163, 164
Тифлис, город 82, 83, 215
Тихий океан 198
Токмачев, генерал-майор 14
Тотлебен Э. И. 7, 17, 160, 169, 191, 192, 195, 204, 214, 222, 223
Траверсе-де И. И., маркиз, адмирал, министр военных морских сил 20
Траверсе-де А. И., маркиз, капитан-лейтенант 38, 39
Трафальгарское сражение 35, 203
Трескин А. М. 38
«Тридан» («La Trident»), франц. корабль 36
«Три иерарха», корабль 56
«Три святителя», корабль 54,

78, 83, 86, 90, 92, 106, 107, 110, 112, 115, 118, 120—124, 126, 128, 131, 212
Туапсе (Псезуапе) 15
Турецкий флот 26, 29, 31—35, 37, 39, 106, 113, 115, 117, 118
Турция 13, 17, 35, 94 и 95

У

Унковский С. И., лейтенант, флаг-офицер М. П. Лазарева 210
«Урания», корабль 78, 92
Ухтомский Л. А., капитан-лейтенант, старший адъютант П. С. Нахимова 157, 206—209, 211, 213
Ушаков Ф. Ф., адмирал 63
Учения:
парусные 54—57
артиллерийские корабельные 78 95—96
артиллерийские береговые 78,

Ф

«Фазли-Аллах», турец. фрегат, бывший «Рафаил» 112, 117, 119, 129
«Фейзи-Меабуд», турец. корвет 112, 118, 119
Федоров, генерал 81
Федорович 170
Федоровский 169
Фельдгаузен Л. В., лейтенант, адъютант П. С. Нахимова 163, 189, 191, 199
Феникс, бриг 12, 20, 200
Феодосия, город-порт 15
Фиглиев С. М. 133
«Филомель», англ. корабль 36
Финский залив 14
«Флора», фрегат 78, 92, 130
Формирование морских батальонов 135
Фофанов Н., товарищ П. С. Нахимова по Морскому кадетскому корпусу 22, 25, 200
Франциска св., порт 26
Французский флот 29, 31—33, 36, 37, 38

Х

Харламов П. И., лейтенант 12
Харламов М. А., мичман, участник обороны Севастополя 163, 164
«Херсонес», пароход 107, 108, 110, 112, 119, 120, 125, 128, 131, 136, 137, 145
Херсонесский маяк 98
Хлюпин, полковник 52
«Храбрый», корабль 78, 83, 84, 86, 90, 92, 98, 99, 115, 140, 142
Хрулев С. А., генерал, участник обороны Севастополя 171, 214
Хрущев С. П., вице-адмирал, начальник штаба Черноморского флота и портов 14, 58, 74

Ц

Цебриков А., гардемарин 23
«Цемес», транспорт 83, 85, 88, 92
Цемесская бухта 15, 53, 58
Циммерман, подполковник генерального штаба 177

Ч

Черное море 15, 16, 129, 143, 144, 205, 209, 210, 225
Черноморский флот 14, 23, 24, 51, 52, 77—79, 83, 84, 105, 106, 110—112, 130—132, 135, 143—145, 149, 154, 177, 178, 180—183, 193, 194, 211, 216, 217, 222
Чернышев, капитан-лейтенант командир транспорта «Березань» 88
Чернышев А. И., князь, военный министр 52, 61
«Чесма», корабль 78, 83, 84, 86, 90, 92, 102, 110, 115, 118, 120, 121, 122, 124, 126, 131, 141, 169, 170
Чигирь А., унтер-офицер 23, 24
Чистяков П. Е., контр-адмирал 54, 57
Чусхаб, долина 15, 52

Ш

Шахэ, река 62, 66
Шварц М. П., лейтенант, участник Синопского сражения и защитник Севастополя, где командовал редутом своего имени 215
Швеция, пребывание Нахимова 12, 200
Шевырев С. П. 187
Шейдеман, генерал-майор 177
Шеман А. Л., лейтенант, ранен в Наваринском сражении 36
Шестаков П. А., капитан-лейтенант, пропал без вести при отражении штурма Севастополя 168
Шестаков И. А., лейтенант, флаг-офицер М. П. Лазарева 207, 210
Шихматов С. А. (кн. Ширинский-Шихматов), лейтенант 20—22
Шишмаров, гардемарин 40
Шкотт П. Я., капитан-лейтенант адъютант П. С. Нахимова 186

Щ

Щеглов, лейтенант, командир транспорта «Буг» 88
Щеголев, капитан-лейтенант, командир пароходо-фрегата «Бессарабия» 88

Щепетников, майор, участник обороны Севастополя 164

Э

«Эльборус», пароход 81—85, 88, 92, 93
Эльбрус, вершина 169
«Эмгейтен», корабль 50
«Эней», бриг 62, 63, 69, 70, 101
«Эрекли», пароход 112, 119

Ю

Юрковский Н. Ф., капитан 1 ранга, командир корабля «Гавриил», смертельно ранен при защите Севастополя 86, 171, 195
Юрьев Ф. А., вице-адмирал, начальник 2-й практической эскадры 78
Юрьев 170
Юхарин П. М., контр-адмирал 151, 173

Я

«Ягудиил», корабль 16, 17, 78, 83, 86, 90, 92, 99, 140, 164, 224
«Язон», бриг 103
Янушевский И. Я., лейтенант, защитник Севастополя 189
«Янус», тендер 12

БИБЛИОГРАФИЯ

Адмирал П. С. Нахимов. Спб., 1872.

Адмирал П. С. Нахимов. Биографический очерк. «Кронштадтский вестник», 1868, № 17, прибавление.

Адмирал П. С. Нахимов. Биографический очерк. «С.-Петербургские ведомости», 1854, № 44; перепечатано в сборнике «Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя» под редакцией Дубровина[1]. Спб., 1871, вып. I, приложение, стр. 19—32.

Алабин П. Четыре войны. Походные записки в 1849, 1854—1856, 1877—1878 гг., часть III. Защита Севастополя 1854—1856. М., 1892.

Асланбегов А. Адмирал Павел Степанович Нахимов. (Биографический очерк.) «Морской сборник», 1868, № 3, отд. библиогр., стр. 1—32; «Русский архив», 1868, № 3, стр. 373—410; «Русский инвалид», 1868, № 32; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, приложение, стр. 185—217.

Афанасьев Д. К истории Черноморского флота. «Русский архив», 1902, № 3, стр. 396—458; № 4, стр. 637—702; № 6, стр. 213—264.

Афанасьев Д. Ответ моряка «Русскому архиву». «Морской сборник», 1868, № 2, отд. библиогр., стр. 18—24; «С.-Петербургские ведомости», 1868, № 25, 26 января; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, приложение, стр. 175—183.

Б. [Берг Н.]. Смерть и погребение Нахимова (письмо к М. П. Погодину). «Москвитянин», 1855, № 11; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, приложение, стр. 69—76.

Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. XIV. Спб., 1900.

Барятинский В. И. Из воспоминаний. 1853 г. (о П. С. Нахимове). «Русский архив», 1905, № 1, стр. 92—106.

Белавинец П. И. Адмирал П. С. Нахимов. Севастополь, 1902.

Берг Н. Записки об осаде Севастополя. Т. I, М., 1858.

Богданович М. И. Восточная война 1853—1856 гг. Т. I—IV. Спб., 1877.

Богданович Е. В. 18 ноября 1853 г. Синоп—Севастополь. Спб., 1898.

Бородин С. Нахимов. «Агитатор», 1943, № 12, стр. 35—40.

Васильчиков В. И. Записки начальника штаба севастопольского гарнизона князя В. И. Васильчикова (о кончине Нахимова). «Русский архив», 1891, № 6, стр. 167—256.

В. З. [Зарудный]. Об адмирале Павле Степановиче Нахимове. «Морской сборник», 1855, № 10, отд. учено-литературный, стр. 469—473.

В. З. [Зарудный]. «Фрегат «Бальчик» (рассказ, посвященный памяти П. С. Нахимова), «Морской сборник», 1856, № 13, неофициальная часть, стр. 179—256.

Воеводский П. В. Извлечение из письма П. В. Воеводского (о смерти Нахимова). «Морской сборник», 1855, № 7, отд. учено-лит., стр. 167; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, приложение, стр. 96—97.

Возражение на суждение англичан о Синопском деле (из «Journal de francfort»). «С.-Петербургские ведомости», 1854, № 102; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, стр. 205—211.

[1] В дальнейшем будет именоваться Сборником Дубровина.

Впечатление, произведенное в Европе Синопским сражением. Сборник Дубровина, вып. I, стр. 180—203.

Высочайшая грамота Николая I на имя начальника 5-й флотской дивизии вице-адмирала Нахимова. «Морской сборник», 1853, № 12, официальный отдел, стр. 126; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I стр. 175.

Высочайшая грамота от 11 января 1855 г. начальнику 5-й флотской дивизии вице-адмиралу Нахимову. Сборник Дубровина, вып. I. приложение, стр. 32—33.

Высочайший рескрипт, на имя отставного капитан-лейтенанта Н. С. Нахимова. «Морской сборник», 1855, № 8, отдел 2-й, стр. LXXXV.

Гюббенет Х. Я. Извлечения из записки профессора Гюббенета о ранении и смерти П. С. Нахимова. «Морской сборник», 1855, № 8, отд. I, офиц., стр. 347—350; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, приложение, стр. 93—95

Гюббенет Х. Я. Несколько слов о П. С. Нахимове. Биографический очерк. «Морской сборник», 1855, № 9, учено-литературный отдел, стр. 253—260; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, приложение, стр. 50—56.

Гюббенет Х. Я. Воспоминания об обороне Севастополя 1854—1855 гг. Русская старина», 1889, стр. 75—99.

Дневник лейтенанта Л. Ф. Львова. 1850—1856 гг. Сборник старинных бумаг, хранящихся в музее П. И. Щукина. Ч. VIII. М., 1901.

Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя. Т. I—III, Спб., 1900.

Дубровин П. Трехсотсорокадевятидневная защита Севастополя. Спб., 1872.

Дьяконов П. Предсмертные часы адмирала П. С. Нахимова (Севастополь, 29 июня 1855 г.). «Одесский вестник», 1855, № 80; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, приложение, стр. 81—82.

Дьяконов П. Севастополь 14 июля 1855 года (погребение Нахимова). Одесский вестник», 1855, № 82; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I. приложение, стр. 85—86.

Ершов А. И. Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера. Спб., 1856.

Донесение статского советника Мансурова в Морское министерство о смерти Нахимова, «Морской сборник», 1855, № 7, отд. оф., стр. 175—189.

Жандр. Материалы для истории обороны Севастополя и для биографии В. А. Корнилова. Спб., 1859.

Завалишин Д. И. «Кругосветное плавание фрегата «Крейсер» в 1822—1825 гг. под командой Михаила Петровича Лазарева». «Древняя и новая Россия», 1877, № 5—7, 9—11.

Завалишин Д. И. Поход гардемаринов в Швецию и Данию в 1817 г. Русский вестник», 1874, № 7, стр. 112—148.

Зайончковский А. А. Оборона Севастополя. Подвиги защитников (краткий исторический очерк). Изд. 2-е. Спб., 1904.

Зайончковский А. А. Восточная война в связи с современной ей политической обстановкой. Т. I—II. Спб., 1908—1913.

Заметки неизвестного о декабристах и о русских моряках прежнего времени. «Щукинский сборник», М., 1905, вып. IV, стр. 183, 184, 190—193.

Зеленой (генерал-адъютант). Речь, произнесенная на севастопольском обеде 11 февраля 1868 г. в память о Нахимове и Корнилове. «Морской сборник», 1868, № 3, отд. библиогр., стр. 45—59; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, приложение, стр. 225—227.

Зонин А. Адмирал Нахимов. К 85-летию со дня смерти. «Партийно-политическая работа в РКВМФ», 1940, № 12—13, стр. 62—67.

Зонин А. Нахимов на Малаховом кургане. Исторический очерк. «Знамя», 1939, № 12, стр. 132—168.

Из записок севастопольца. «Русский архив», 1867, № 12, стр. 1591—1605.

Извлечение из письма из Севастополя от 8 июля 1855 года. (О похоронах П. С. Нахимова) «Морской сборник», 1855, № 8, стр. 351; перепечатано в сборнике Дубровина, вып. I, приложение, стр. 95—96.

Ильинский Д. В. Из воспоминаний и заметок севастопольца. «Русский архив», 1892, т. III, стр. 447—464; 1893, т. I, стр. 49—88; т. III, стр. 249—283; т. IV, стр. 323—336.

К... (лейтенант Колтовской М. Е.). Последние минуты адмирала П. С. Нахимова. «Одесский вестник», 1855, № 83; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, приложение, стр. 87—90.

Колчак В. Война и плен. 1853—1855 гг. Из воспоминаний о давно пережитом. С приложением посмертных записок последнего начальника Малахова кургана контр-адмирала П. А. Карпова. Спб., 1904.

Коробков Н. Как Нахимов воспитывал черноморцев. «Агитатор», 1943, № 19—20, стр. 32—38.

Коробков Н. Русские военно-морские традиции. «Большевик», 1944, № 5, стр. 50—64.

Краббе Н. К. По поводу статьи «Из записок севастопольца» (письмо от управляющего морским министерством Н. К. Краббе к издателю «Русского архива»). «Морской сборник», 1868, № 5, отд. библиогр., стр. 1—2.

Крашенинников С. Замечание на статью «Из записок севастопольца», помещенную в № 12 «Русского архива», 1867 г. «Морской сборник», 1868, № 2, отд. библиогр., стр. 1—17; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, приложение, стр. 155—175.

Кротков А. «Повседневная запись замечательных событий в русском флоте», Спб., 1893.

Кружков В. Адмирал Нахимов. В сб. «Флот нашей родины», М.-Л., Воениздат, 1940, стр. 108—114.

Кузмичев Ф. Блокада Одессы, Синопская битва и победитель Нахимов. М., 1855.

Лаговский А. Н. Оборона Севастополя. Крымская война 1854—1855 гг. М., Воениздат, 1939, 228 стр.

Лебедев А. И. Флот в царствование Николая I. В кн. «История русской армии и флота». М., «Образование». 1913, Т. X, стр. 119—170.

Лесли П. И. Письма отставного флота капитан-лейтенанта. В кн. «Рукописи о севастопольской обороне», т. II, 1872, стр. 294—432.

Лихачев И. В Севастополе. 50 лет назад. «Русская старина», 1904, № 5, стр. 337—345.

Лучков П. Выдающиеся русские флотоводцы Ушаков и Нахимов. «Пропаганда и агитация», 1944, №7—8, стр. 54—60.

Лялина М. А. Подвиги русских адмиралов. Спб., 1900, стр. 217—305.

Мамышев В. Адмирал П. С. Нахимов. Спб., 1904.

Марковин Н. Забота прославленных флотоводцев о матросах. «Агитатор», 1943, № 12, стр. 28—34.

Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. Сборник, издаваемый комитетом по устройству Севастопольского музея. Под ред. Н. Дубровина, вып. I—IV, Спб., 1871—1874.

Медведев Ф. Памяти адмиралов Нахимова и Корнилова. Севастополь, 1913.

Меншиков А. С. Донесение генерал-адъютанта князя Меншикова об истреблении турецкой эскадры Осман-паши у Синопа. «Морской сборник», 1853, № 12, перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, стр. 166—176.

Найда С. Ф. Адмирал П. С. Нахимов как воспитатель. «Морской сборник», 1944, № 8—9, стр. 45—58.

Нарбут Ф. Замечание на статью «Из записок севастопольца», помещенную в № 12 «Русского архива» 1867 г. «Николаевский вестник», 1868, № 16; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, приложение, стр. 217—222.

Нахимов П. С. Записная книжка, введенная им в Севастополе в 1854—1855 гг. «Русская старина», 1889, № 1, стр. 99—104.

Нахимов П. С. Приказ по севастопольскому гарнизону № 54 от 2 марта 1855 г. «Морской сборник», 1855, № 3, стр. LVII—LVIII.

Нахимов П. С. Приказ по эскадре Черноморского флота 17 ноября 1853 г. «Морской сборник», 1853, официальный отдел, стр. 137—139; перепечатано

в Сборнике Дубровина, вып. I, стр. 164—166.

Нахимов П. С. Синопское сражение 18 ноября 1853 г. (Из донесений вице-адмирала Нахимова). «Морской сборник», 1853, № 12, официальный отдел, стр. 158—167.

Нахимов П. С. Приказ по эскадре Черноморского флота перед вступлением в Синопский бой. «Морской сборник», 1868, № 3, отд. библиогр., стр. 12—13.

Нахимов П. С. Приказ по Севастопольскому порту 12 апреля 1855 г. «Морской сборник», 1855, № 6, правит. распор., стр. CXLI—CXLII.

Нахимов П. С. Письмо Нахимова к вдове М. П. Лазарева. «Русский архив», 1868, III; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, приложение, стр. 93—95.

Нахимов П. С. Письмо П. С. Нахимова в ответ на поздравление с победой при Синопе. Сообщил А. Х. Алколаев. «Русская старина», 1901, № 5, стр. 395—396.

Несколько слов о смерти адмирала Нахимова. «Одесский вестник», 1885, № 81; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, приложение, стр. 86—87.

Общий морской список, Спб., 1893, ч. VII, стр. 587—591.

Окунь С. Адмирал П. С. Нахимов. «Агитатор», 1944, № 7, стр. 31—33.

Отрывок из письма сестры Крестовоздвиженской общины, к рисунку: адмирал П. С. Нахимов в гробу. Русский художественный листок, издаваемый Тимом. 1856, № 19; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып.I. приложение, стр. 91—92.

Отрывок письма из Симферополя от 24 декабря 1853 г. «Северная пчела», 1854, № 2; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, стр. 203—204.

Палеолог В. 2-й (мичман). Плавание брига «Язон» в 1853 г. «Морской сборник», 1854, № 3; стр. 255—272; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, стр. 145—160.

Плакат «Адмирал П. С. Нахимов». Из серии «Великие русские флотоводцы». М., Воениздат, 1944.

П. П. Несколько слов о характере П. С. Нахимова. «Морской сборник», 1858, № 4, неофициальный отдел, стр. 352—359.

П. П. О кончине адмирала Нахимова (из письма из Севастополя от 3 июля 1855 г.). «Северная пчела», 1855, № 160; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, приложение, стр. 90.

Погодин М. В. Память о Нахимове. «Московитянин», 1855, № 11; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып., I, приложение, стр. 77—80.

Подробности о кончине адмирала Нахимова (письмо из Севастополя). «Московитянин», № 10, май, перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, приложение, стр. 65—69.

Плохово А. Падшие защитники Севастополя: Корнилов, Истомин и Нахимов. М., 1856, стр. 59—182.

Преснов В. Незабвенной памяти адмирала П. С. Нахимова, начальник Севастопольского порта. Спб., 1855.

Рескрипт великого князя генерал-адмирала Константина Николаевича вице-адмиралу Нахимову от 13 января 1855 г. «Морской сборник», 1855, № 1, правит. распор., стр. XIII; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, приложение, стр. 33.

Рыкачев Н. По поводу «Записок севастопольца», напечатанных в 12-й книжке «Русского архива» за 1867 г. «Морской сборник», 1868, № 3, отд. библиогр., стр. 32—45.

Салом Л. Адмирал П. С. Нахимов. «Морской сборник», 1902, № 5, стр. 1—51; № 6, стр. 1—27.

Сатин А. Синоп. Из записок черноморского офицера. «Русский вестник», 1872, № 8, стр. 770—782.

Сведения о победе, одержанной при Синопе, собранные из устных рассказов. «Северная пчела», 1853, № 268; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, стр. 176—180.

Скрягин С. А. Сборник приказов и инструкций адмиралов. Спб., 18[illegible].

Славонин Г. Севастопольские вести (смерть и погребение П. С. Нахимова). «Одесский вестник», 1858, № 82; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, приложение, стр. 83—85.

Смерть Нахимова. Некролог. «Русские богатыри», изд. Погосского; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, стр. 97—98.

Собрание донесений о военных действиях и дипломатических бумаг и актов, относящихся до войны 1853—1856 гг. Спб., 1858.

Собрание приказов и инструкций, составленное по приказанию е. и. в. генерал-адмирала. Спб., 1860.

Соколов А. Материалы для биографии адмирала П. С. Нахимова (статья). «Морской сборник», 1855, № 7, стр. 158—167; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, приложение, стр. 34—42.

Соколов А. О значении адмирала П. С. Нахимова в Севастопольской обороне. «Яхта», 1876, № 7.

Соколов А. Высадка войск на восточный берег и перевоз из Одессы к Севастополю. «Морской сборник», 1853, № 10, стр. 44—48, перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, стр. 125, 128.

Соколов А. Летопись крушений и пожаров судов русского флота от начала его по 1854 г. (1713—1853). Спб., 1855, стр. 221—224.

Сообщение венской газеты «Soldatenfreund» об осаде Севастополя. «Северная пчела», 1854, № 254; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. IV, стр. 92.

Тарле Е. В. Крымская война. М.-Л. Военмориздат, т. I—II, 1941—1943.

Тарле Е. В. Нахимов. М.-Л., Военмориздат, 1940.

Тимирязев А. П. Извлечения из дневника участника обороны Севастополя. «Русская старина», 1911, № 12, стр. 584—586.

Тотлебен Э. И. Речь, произнесенная на севастопольском обеде 11 февр. 1868 г. в память о Корнилове и Нахимове. «Морской сборник», 1868, № 3, библиографический отдел, стр. 49—59; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, приложение, стр. 222—225.

Тотлебен Э. И. Описание обороны Севастополя, составлено под руководством генерал-адъютанта Тотлебена. Спб., 1868, т. I—II.

Филипсон Г. И. Воспоминания (о П. С. Нахимове). «Русский архив», 1883, № 6, стр. 264.

Чертежи кораблей «Императрица Мария», «Великий князь Константин», «Париж», «Три Святителя», «Чесма» и «Ростислав» с показанием боевых повреждений в корпусе и рангоуте после Синопского сражения. «Морской сборник», 1854, № 2.

Хрущев А. П. История обороны Севастополя. Записки ген. А. П. Хрущева. Спб., 1857.

Шестаков И. Адмирал Нахимов (некролог). «Морской сборник», 1855, № 8, учено-лит. отд., стр. 169—179; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, приложение, стр. 42—50.

Шестаков И. Несколько слов на В. З. (Заруцкого), «Морской сборник», 1855, № 11, смесь, стр. 7—12; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, приложение, стр. 61—65.

Шестаков И. Обзор действий на море в течение настоящей войны. «Морской сборник», 1855, № 2, учено-лит. отд., стр. 207—239; перепечатано в Сборнике Дубровина, вып. I, стр. 217—235.

ПЕРЕЧЕНЬ ДОКУМЕНТОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В СБОРНИКЕ

№ 1. 1813 г. апреля 23. — Прошение Ивана и Павла Нахимовых об определении их в Морской кадетский корпус 19

№ 2. 1813 г. июль — Рапорт директора Морского кадетского корпуса вице-адмирала П. К. Карцова министру военных морских сил маркизу де-Траверсе о невозможности зачислить Ивана и Павла Нахимовых в Морской кадетский корпус ввиду отсутствия вакантных мест 20

№ 3. 1817 г. мая 20. — Отношение П. К. Карцова главному командиру Кронштадтского порта вице-адмиралу Ф. В. Моллеру об отправлении в заграничное плавание гардемарин Морского кадетского корпуса 20

№ 4. 1817 г. — Список обер-офицеров и гардемарин, назначенных в плавание на бриг «Феникс» в кампанию 1817 г. 21

№ 5. 1818 г. января 20. — Рапорт причисленного к морскому кадетскому корпусу генерал-майора П. А. Баратынского П. К. Карцову с представлением в унтер-офицеры 15 лучших по наукам гардемарин, окончивших Морской кадетский корпус. 22

№ 6. 1818 г. февраля 7. — Из протокола комиссии, составленной для экзаменования унтер-офицеров и гардемарин Морского кадетского корпуса, назначенных к выпуску во флот 23

№ 7. 1822 г. марта 17. — Указ государственной Адмиралтейств-коллегии П. К. Карцову о назначении офицеров в кругосветное плавание на фрегат «Крейсер» и шлюп «Ладога» 25

№ 8. 1823 г. ноября 20. — Из шханечного журнала фрегата «Крейсер» .. 26

№ 9. 1823 г. декабря 10. — Из рапорта капитана 2-го ранга М. П. Лазарева начальнику Морского штаба о подвиге мичмана П. С. Нахимова 26

№ 10. Из воспоминаний Д. И. Завалишина о подвиге П. С. Нахимова 20 ноября 1823 года во время кругосветного плавания на фрегате «Крейсер» 27

№ 11. 1827 г. ноября 4. — Письмо П. С. Нахимова М. Ф. Рейнеке о морском сражении в Наваринской бухте 29

№ 12. 1827 г. ноября 13. — Рапорт командующего эскадрой в Средиземном море контр-адмирала графа Л. П. Гейдена начальнику Морского штаба о представлении к наградам офицеров и матросов, отличившихся в Наваринском бою. Из списка штаб-и обер-офицеров, отличившихся в сражении 8 октября 1827 г. при Наварине 33

№ 13. 1828 г. сентября 7. — Отношение директора канцелярии Морского штаба генерал-майора В. А. Перовского управляющему Морским министерством о назначении капитан-лейтенанта П. С. Нахимова командиром корвета «Наварин» 41

№ 14. 1831 г. декабря 5. — Из ведомости о судах, бывших в кампании в 1831 году 42

№ 15. 1832 г. мая 6. — Предписание Кораблестроительного и учетного комитета командиру фрегата «Паллада» П. С. Нахимову о представлении ведомости на необходимое для фрегата оборудование 43
№ 16. 1832 г. мая 20. — Рапорт П. С. Нахимова в Кораблестроительный и учетный комитет с представлением ведомости на необходимое оборудование фрегата «Паллада» 43
№ 17. 1832 г. мая 27. — Предписание Кораблестроительного и учетного комитета П. С. Нахимову о представлении дополнительных данных по вопросу оборудования фрегата «Паллада» 45
№ 18. 1832 г. мая 31. — Рапорт П. С. Нахимова в Кораблестроительный и учетный комитет с ответами на вопросы, поставленные комитетом 45
№ 19. 1832 г. сентября 1. — Рапорт П. С. Нахимова в инспекторский департамент Главного морского штаба о спуске фрегата «Паллада» .. 46
№ 20. 1832 г. сентября 28. — Из высочайшего приказа по флоту с выражением благодарности П. С. Нахимову за постройку фрегата «Паллада» 47
№ 21. 1833 г. мая 1. — Рапорт П. С. Нахимова начальнику Главного морского штаба вице-адмиралу А. С. Меншикову о прибытии фрегата «Паллада» к Калинковскому острову 47
№ 22. 1833 г. мая 18. — Рапорт П. С. Нахимова дежурному генералу Главного морского штаба о прибытии фрегата «Паллада» в Кронштадт 47
№ 23. 1833 г. августа 17. — Из шханечного журнала корабля «Память Азова», веденного в кампанию 1833 г. 48
№ 24. 1833 г. августа 17. — Из флагманского журнала, веденного в кампанию 1833 года на корабле «Император Александр I» под флагом начальника 2-й флотской дивизии вице-адмирала Беллинсгаузена .. 49
№ 25. 1836 г. сентября 15. — Рапорт командира корабля «Силистрия» капитана 2 ранга П. С. Нахимова Николаю I о выходе корабля из Николаева в Очаков 51
№ 26. 1837 г. ноября 18. — Из письма М. П. Лазарева кн. А. С. Меншикову с аттестацией П. С. Нахимова 51
№ 27. 1840 г. октября 22. — Отношение военного министра А. И. Чернышева А. С. Меншикову об уничтожении у черноморских берегов контрабандного брига 52
№ 28. 1841 г. мая 8. — Рапорт П. С. Нахимова Николаю I о выходе его с кораблем «Силистрия» из Севастополя в Одессу 53
№ 29. 1842 г. сентября 19. — Ведомость о состоянии судов, действий и успехе в практических занятиях 2-й Черноморской практической эскадры во время плавания в лето 1842 года 54
№ 30. 1844 г. июля 7. — Рапорт начальника штаба Черноморского флота и портов вице-адмирала С. П. Хрущева А. С. Меншикову о поручении капитану 1 ранга П. С. Нахимову подъема в Новороссийске затонувших рейдовых и мертвых якорей и установки новых 58
№ 31. 1844 г. июля 28. — Рапорт П. С. Нахимова С. П. Хрущеву об оказании кораблем «Силистрия» помощи форту Головинскому 58
№ 32. 1844 г. августа 5. — Рапорт начальника Черноморской береговой линии генерал-майора А. П. Будберга главному командиру Черноморского флота и портов адмиралу М. П. Лазареву о помощи, оказанной П. С. Нахимовым форту Головинскому 59
№ 33. 1844 г. августа 17. — Рапорт М. П. Лазарева А. С. Меншикову о действиях П. С. Нахимова по оказанию помощи форту Головинскому 60
№ 34. 1844 г. августа 21. — Отношение А. И. Чернышева А. С. Меншикову с уведомлением о благодарности Николая I П. С. Нахимову за содействие гарнизону форта Головинского 61
№ 35. 1846 г. — Из отчета о плавании судов Черноморского флота за 1846 год 62
№ 36. 1846 г. — Исторический обзор плавания 16-пушечной шхуны «Гонец» за апрель месяц 1846 года 64
№ 37. 1846 г. июня 10. — Отношение А. П. Будберга командующему эскадрой судов, крейсирующих у Абхазских берегов, контр-адмиралу

П. С. Нахимову с просьбой об отправлении подкреплений к форту Головинскому 66
№ 38. 1846 г. июня 11. — Рапорт М. П. Лазарева А. С. Меншикову о захвате П. С. Нахимовым контрабандного судна 66
№ 39. 1846 г. июня 29. — Приказ П. С. Нахимова об упущениях командиров корвета «Пилад» и брига «Паламед» в действиях против контрабандных судов 67
№ 40. 1846 г. июня 22. — Приказ П. С. Нахимова о санитарном состоянии команды фрегата «Кагул» 68
№ 41. 1846 г. июля 3. — Приказ П. С. Нахимова о наложении взыскания на лейтенанта Макухина и мичмана Коскуль за небрежное исполнение ими служебных обязанностей 68
№ 42. 1846 г. июля 13.—Рапорт М. П. Лазарева и. о. начальника Главного морского штаба, о бое гребных судов с корвета «Пилад» и брига «Паламед» с контрабандными судами у Кавказского побережья 69
№ 43. 1846 г. августа 7. — Приказ П. С. Нахимова о недостатках, замеченных им на бриге «Эней» 69
№ 44. 1848 г. мая 17. — Предписание П. С. Нахимова командиру брига «Птоломей» о крейсерстве брига у восточных берегов Черного моря 71
№ 45. 1848 г. мая 17. — Предписание П. С. Нахимова командиру корвета «Орест» о строжайшем наблюдении за контрабандными судами 71
№ 46. 1848 г. мая 25. — Предписание П. С. Нахимова командиру корвета «Орест» о наблюдении за контрабандными судами у ущелья Вардан 72
№ 47. 1848 г. августа 5. — Рапорт П. С. Нахимова М. П. Лазареву о выполнении задания по поднятию тендера «Струя» 72
№ 48. 1848 г. августа 6. — Рапорт П. С. Нахимова М. П. Лазареву о присылке парохода для перевода тендера «Струя» в Севастополь 73
№ 49. 1848 г. августа 17. — Рапорт М. П. Лазарева А. С. Меншикову о выполнении П. С. Нахимовым задания по исправлению в Новороссийской бухте мертвых якорей и поднятию тендера «Струя 73
№ 50. 1848 г. сентября 13. — Отношение и. д. дежурного генерала Главного морского штаба Л. Л. Гейдена М. П. Лазареву о представлении доклада о состоянии поднятого из воды тендера «Струя» 74
№ 51. 1848 г. октября 12. — Рапорт П. С. Нахимова С. П. Хрущеву о ходе работ по подъему тендера «Струя» 74
№ 52. 1848 г. — Из воспоминаний мичмана Македонского, очевидца поднятия затонувшего тендера «Струя» 75
№ 53. 1853 г. — Из отчета управляющего Морским министерством вел. кн. Константина Николаевича Николаю I о «приготовлении Черноморского флота к военным действиям» 77
№ 54 1853 г. февраля 1. — Из списка аттестаций генералитета, штаб-и обер-офицеров Черноморского флота, составленного В. А. Корниловым 79
№ 55 1853 г. сентября 15. — Отношение В. А. Корнилова П. С. Нахимову о мерах для осуществления перевозки войск из Крыма на Кавказ.. 79
№ 56. 1853 г. сентября 19. — Рапорт В. А. Корнилова главнокомандующему Кавказским корпусом и наместнику Кавказа М. С. Воронцову о выходе в море флота, перевозившего 13-ю пехотную дивизию на Кавказ 80
№ 57. 1853 г. сентября 21. — Донесение В. А. Корнилова А. С. Меншикову о перевозке 13-й пехотной дивизии на Кавказ 81
№ 58. 1853 г. сентября 24. — Рапорт П. С. Нахимова М. Б. Берху о прибытии эскадры с десантом в Анакрию 83
№ 59. 1853 г. сентября 24. — Рапорт В. А. Корнилова М. С. Воронцову о завершении операции по перевозке 13-й пехотной дивизии 84
№ 60. 1853 г. сентября 24. — Донесение В. А. Корнилова А. С. Меншикову о завершении операции по перевозке 13-й пехотной дивизии на Кавказ 84
№ 61. 1853 г. сентября 24. — Строевой рапорт о состоянии эскадры под командой вице-адмирала П. С. Нахимова 86

№ 62. 1853 г. октября 3. — Донесение А. С. Меншикова Николаю I о роли В. А. Корнилова и П. С. Нахимова в перевозке 13-й дивизии 90
№ 63. 1853 г. октября 4. — Рапорт П. С. Нахимова М. Б. Берху о прибытии эскадры после перевозки десанта в Севастополь 90
№ 64. 1853 г. — Из отчета управляющего Морским министерством вел. кн. Константина Николаевича Николаю I о перевозке 13-й пехотной дивизии на Кавказ 92
№ 65. 1853 г. октября 10. — Приказ П. С. Нахимова о приведении судов в боевую готовность 94
№ 66. 1853 г. ноября 3. — Приказ П. С. Нахимова об объявлении Россией войны Турции 95
№ 67. 1853 г. ноября 3. — Приказ П. С. Нахимова о готовности кораблей к боевым действиям 95
№ 68. 1853 г. ноября 9.—Рапорт командира Севастопольского порта вице-адмирала М. Н. Станюковича М. Б. Берху о задержании П. С. Нахимовым турецкого парохода 96
№ 69. 1853 г. ноября 10. — Донесение П. С. Нахимова М. Н. Станюковичу о своем походе к Синопу 97
№ 70. 1853 г. ноября 10. — Донесение П. С. Нахимова М. Н. Станюковичу о результатах осмотра Синопа и повреждениях, полученных кораблями его эскадр во время шторма 97
№ 71. 1853 г. ноября 11. — Рапорт В. А. Корнилова М. Б. Берху о прибытии фрегата «Владимир» и взятых турецких пароходов «Первваз-Бахри» и «Меджари-Теджарет» на Севастопольский рейд 98
№ 72. 1853 г. ноября 11. — Рапорт П. С. Нахимова М. Н. Станюковичу о блокировании турецкого порта Синоп и необходимости присылки подкреплений 99
№ 73. 1853 г. ноября 13. — Рапорт М. Б. Берха управляющему Морским министерством о задержании турецкого парохода «Меджари-Теджарет» и прибытии его в Севастополь 100
№ 74. 1853 г. октябрь—ноябрь. — Из записок мичмана Палеолога о крейсерстве эскадры П. С. Нахимова в Черном море. 101
№ 75. 1853 г. ноября 17 — Приказ вице-адмирала П. С. Нахимова перед Синопским боем № 157 104
№ 76. 1853 г. ноября 17. — Выписка из шханечного журнала корабля «Три святителя» 106
№ 77. 1853 г. ноября 18—19. — Выписка из шханечного журнала корабля «Три святителя» 107
№ 78. 1853 г. — Из шханечного журнала корабля «Три святителя» за 1853 год: прибавление к описанию сражения на Синопском рейде ноября 18-го 110
№ 79. 1853 г. ноября 22. — Из шханечного журнала корабля «Святослав» 113
№ 80. 1853 г. ноября 23. — Приказ П. С. Нахимова с выражением благодарности личному составу эскадры за доблестное поведение в Синопском бою 113
№ 81. 1853 г. ноября 23. — Приказ П. С. Нахимова о посещении им судов его эскадры для поздравления команд с победой 114
№ 82. 1853 г. ноября 23. — Приказ П. С. Нахимова с благодарностью личному составу пароходов, пришедших с В. А. Корниловым, за содействие русской эскадре во время сражения у Синопа 114
№ 83. 1853 г. ноября 28. — Грамота о награждении П. С. Нахимова орденом Георгия 2-й степени 114
№ 84. 1853 г. ноября 29. — Донесение П. С. Нахимова А. С. Меншикову о Синопском сражении 115
№ 85. — Ведомость о числе убитых и раненых при истреблении турецкого отряда на Синопском рейде 121
№ 86. — Ведомость о снарядах, израсходованных русской эскадрой в Синопском сражении 122
№ 87. 1853 г. ноября 29. — Рапорт П. С. Нахимова А. С. Меншикову о награждении офицеров и матросов, отличившихся в Синопском сражении 123
№ 88. 1853 г. ноября 30. — Описание Синопского сражения 123

№ 89. Из записок офицера Черноморского флота А. Сатина о Синопском сражении 126
№ 90. 1853 г. декабря 8. — Предписание А. С. Меншикова М. Б. Берху о закладке корабля «Синоп» 130
№ 91. 1853 г. декабря 24. — Отрывок письма современника о Синопском бое по показаниям пленного турецкого вице-адмирала Османа-паши 130
№ 92. 1853 г. — Из отчета о плавании судов Черноморского флота за 1853 год 131
№ 93. 1854 г. марта 19. — Письмо П. С. Нахимова двоюродному брату А. М. Нахимову в ответ на поздравление с победой при Синопе 132
№ 94. 1854 г. сентября 11. — Приказ А. С. Меншикова о назначении В. А. Корнилова начальником обороны Северной стороны Севастополя, а П. С. Нахимова южной стороны Севастополя 134
№ 95. 1854 г. сентября 14. — Приказ П. С. Нахимова о затоплении кораблей и использовании команд для защиты Севастополя с суши 134
№ 96. 1854 г. сентября 14. — Из вахтенного журнала 84-пушечного корабля «Ростислав» 135
№ 97. 1854 г. сентября 21. — Отношение П. С. Нахимова В. А. Корнилову о сформировании батальонов из моряков Черноморского флота.. 135
№ 98. 1854 г. сентября 24. — Отношение П. С. Нахимова В. А. Корнилову о предоставлении возможности смены белья матросам, находящимся на оборонительной линии Севастополя 136
№ 99. 1854 г. октября 6. — Донесение А. С. Меншикова Николаю I о мужестве черноморских моряков и П. С. Нахимова, проявленном на Севастопольских бастионах 136
№ 100. 1854 г. ноября 24. — Сообщение П. С. Нахимова М. Н. Станюковичу о вылазке пароходов «Владимир» и «Херсонес» 136
№ 101. 1854 г. декабря 15. — Рапорт П. С. Нахимова А. С. Меншикову о разрушении преграды из затопленных кораблей у входа на Севастопольский рейд 139
№ 102. 1854 г. декабря 31. — Из представления А. С. Меншикова управляющему Морским министерством вел. кн. Константину Николаевичу о награждении П. С. Нахимова за доблестное руководство обороной Севастополя 139
№ 103. 1855 г. января 13. — Рескрипт управляющего Морским министерством П. С. Нахимову о награждении его орденом Белого Орла .. 140
№ 104. 1855 г. января 29. — Рапорт П. С. Нахимова А. С. Меншикову о мерах по охране входа в Севастопольскую бухту 140
№ 105. 1855 г. февраля 3. — Докладная записка П. С. Нахимова А. С. Меншикову о дополнительных мерах по усилению обороны Севастополя с моря 143
№ 106. 1855 г. февраля 13. — Рапорт П. С. Нахимова М. Б. Берху об исполнении приказа А. С. Меншикова о дополнительном затоплении судов Черноморского флота 145
№ 107. 1855 г. февраля 22. — Рапорт П. С. Нахимова М. Н. Станюковичу о повреждениях, нанесенных неприятельской батареей пароходу «Херсонес» 145
№ 108. 1855 г. февраля 25. — Рапорт Д. Е. Остен-Сакена управляющему Морским министерством вел. кн. Константину Николаевичу с ходатайством о производстве П. С. Нахимова в адмиралы 146
№ 109. 1855 г. марта 2. — Приказ П. С. Нахимова по севастопольскому гарнизону о необходимости беречь личный состав батарей во время бомбардировок 146
№ 110. 1855 г. марта 6. — Рапорт П. С. Нахимова Д. Е. Остен-Сакену об отражении атаки неприятеля на Камчатский редут 147
№ 111. 1855 г. марта 9. — Донесение П. С. Нахимова о смерти В. И. Истомина 149
№ 112. 1855 г. марта 9. — Письмо П. С. Нахимова К. И. Истомину о гибели В. И. Истомина на боевом посту 150
№ 113. 1855 г. марта 12. — Рапорт П. С. Нахимова М. Д. Горчакову об освобождении его от обязанностей командующего эскадрой в связи с назначением военным губернатором Севастополя 150
№ 114. 1855 г. марта 24. — Письмо П. С. Нахимова вдове М. П. Лаза-

рева о погребении В. И. Истомина рядом с могилой М. П. Лазарева 151
№ 115. 1855 г. марта 24. — Письмо П. С. Нахимова вице-адмиралу Л. М. Серебрякову о смерти на боевом посту его сына капитан-лейтенанта М. Л. Серебрякова 152
№ 116. 1855 г. марта 29. — Рапорт П. С. Нахимова М. Д. Горчакову о вырубке леса Мекензиевой дачи на нужды обороны Севастополя.. 153
№ 117. 1855 г. марта 30. — Рапорт М. Д. Горчакова управляющему Морским министерством вел. кн. Константину Николаевичу с ходатайством о производстве П. С. Нахимова в адмиралы 153
№ 118. 1855 г. марта 30. — Из списка наиболее отличившихся руководителей обороны Севастополя, приложенного к рапорту М. Д. Горчакова от 30 марта 1855 года 154
№ 119. 1855 г. апреля 6. — Рапорт П. С. Нахимова Д. Е. Остен-Сакену об использовании парусины для изготовления мешков для укреплений Севастополя 155
№ 120. 1855 г. апреля 7. — Рапорт П. С. Нахимова М. Д. Горчакову о количестве парусины, израсходованной на пошивку мешков, с просьбой утвердить этот расход 155
№ 121. 1855 г. апреля 6. — Ведомость о сшитых при Адмиралтействе вновь мешках к оборонительной линии города Севастополя с 17 сентября 1854 года по 6 апреля 1855 года 156
№ 122. 1855 г. апреля 7. — Из письма П. И. Лесли родным об отваге П. С. Нахимова 157
№ 123. 1855 г. апреля 12. — Приказ П. С. Нахимова в связи с производством его в адмиралы с выражением благодарности адмиралам, офицерам и матросам за героическую службу родине 157
№ 124. 1855 г. апреля 13. — Из письма П. И. Лесли родным о производстве П. С. Нахимова в адмиралы 158
№ 125. 1855 г. апреля 18. — Из письма П. И. Лесли родным о присутствии П. С. Нахимова на похоронах лейтенанта А. А. Бутакова, погибшего при обороне Севастополя 159
№ 126. 1855 г. марта 31. — Из письма П. И. Лесли родным о возвращении из отпуска в Севастополь 159
№ 127. 1855 г. апреля 8. — Из письма П. И. Лесли родным об авторитете П. С. Нахимова среди моряков 161
№ 128. 1855 г. апреля 22. — Из письма П. И. Лесли родным о бесстрашии П. С. Нахимова 161
№ 129. 1855 г. апреля 24. Донесение М. Д. Горчакова управляющему морским министерством вел. кн. Константину Николаевичу с ходатайством П. С. Нахимова о льготах гражданским чинам за службу в Севастополе 161
№ 130. 1855 г. мая 3. — Приказ П. С. Нахимова по севастопольскому гарнизону о необходимости бдительного наблюдения за амбразурами противника 162
№ 131. 1855 г. мая 16. — Из письма П. И. Лесли родным о бесстрашии П. С. Нахимову 162
№ 132. 1855 г. мая 25. — Рапорт П. С. Нахимова М. Д. Горчакову об использовании корабельного леса на строительство севастопольских укреплений 163
№ 133. 1855 г. мая 25. — Из дневника участника обороны Севастополя лейтенанта А. П. Тимирязева 163
№ 134. 1855 г. июня 7. — Рапорт П. С. Нахимова М. Д. Горчакову об использовании корабельного такелажа для выделки тросовых щитов для батарей 165
№ 135. 1855 г. июня 10. — Приказ М. Д. Горчакова о предоставлении в распоряжение П. С. Нахимова знаков отличия для награждения отличившихся моряков 165
№ 136. 1855 г. июня 16. — Отношение Ф. П. Врангеля министру государственных имуществ о награждении П. С. Нахимова арендой 166
№ 137. 1855 г. июня 19. — Приказ П. С. Нахимова по Севастопольскому порту об использовании в качестве бомб брандскугелей..... 166

№ 138. 1857 г. сентября 20. — Из воспоминаний участника обороны Севастополя А. И. Ершова. 167
№ 139. 1855 г. июня 13. — Из письма П. И. Лесли о болезни П. С. Нахимова 168
№ 140. 1855 г. июня 23. — Из письма П. И. Лесли родным 168
№ 141. 1854—1855 гг. — Записная книжка адмирала П. С. Нахимова.... 169
№ 142. 1855 г. июня. 29. — Донесение М. Д. Горчакова управляющему Морским министерством вел. кн. Константину Николаевичу о ранении П. С. Нахимова 173
№ 143. 1855 г. июня 29. — Из письма военного медика П. Дьяконова о предсмертных часах П. С. Нахимова 173
№ 144. 1855 г. [июня 30]. — Из записки профессора Х. Я. Гюббенета о ранении и смерти П. С. Нахимова 175
№ 145. 1855 г. июня 30. — Приказ начальника севастопольского гарнизона Д. Е. Остен-Сакена по случаю смерти П. С. Нахимова 177
№ 146 1855 г. июня 30. — Распоряжение штаба севастопольского гарнизона об организации похорон П. С. Нахимова 177
№ 147. 1855 г. июня 30. — Письмо П. И. Лесли родным о ранении и смерти П. С. Нахимова 178
№ 148. 1855 г. июня 30. — Донесение статского советника Б. П. Мансурова в Морское министерство о смерти П. С. Нахимова 180
№ 149. 1855 г. [июня 20 — июля 1]. — Из походных записок участника обороны Севастополя П. В. Алабина о смерти и похоронах П. С. Нахимова 182
№ 150. 1855 г. июля 5. — Из письма художника Н. В. Берга М. Н. Погодину о ранении и смерти П. С. Нахимова 184
№ 151. 1855 г. июля 7. — Из письма П. И. Лесли родным о похоронах П. С. Нахимова 187
№ 152. 1855 г. июля 10. — Рапорт М. Д. Горчакова управляющему Морским министерством о смерти и похоронах П. С. Нахимова 188
№ 153. Из письма лейтенанта М. Е. Колтовского отцу о последних минутах жизни П. С. Нахимова 189
№ 154. 1855 г. [июль]. — Из письма капитана 2-го ранга П. В. Воеводского о смерти П. С. Нахимова 191
№ 155. 1855 г. августа 15. — Из статьи Х. Я. Гюббенета о ранении и смерти П. С. Нахимова 191
№ 156. 1856 г. января 1. — Из письма М. А. Бестужева М. Ф. Рейнеке о П. С. Нахимове 196
№ 157. 1855 г. июля 5. — Из письма Н. В. Берга М. П. Погодину о П. С. Нахимове 199
№ 158. 1855 г. — Из воспоминаний А. П. Рыкачева 200
№ 159. 1855 г. — Из статьи В. И. Зарудного о П. С. Нахимове 201
№ 160. — Из воспоминаний участника обороны Севастополя полковника П. К. Менькова 204
№ 161. — Из воспоминаний защитника Севастополя капитан-лейтенанта В. Г. Реймерса 204
№ 162. — Из воспоминаний кн. Л. А. Ухтомского 206
№ 163. 1871 г. апреля 4. — Из воспоминаний участника обороны Севастополя контр-адмирала В. А. Стеценко 213
№ 164. 1871 г. апреля 10. — Из воспоминаний инженер-полковника Бульмеринга 215
№ 165. 1871 г. марта 18. — Из воспоминаний полкового адъютанта Владимирского пехотного полка поручика Н. А. Горбунова 216
№ 166. — Из рассказа В. З[арудного] «Фрегат «Бальчик» 216
№ 167. — Воспоминания Э. И. Тотлебена о П. С. Нахимове 222
№ 168. — Из статьи защитника Севастополя капитан-лейтенанта Д. М. Афанасьева 223

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ К СБОРНИКУ ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ «АДМИРАЛ НАХИМОВ»

1. Портрет адмирала П. С. Нахимова (вклейка между стр. 16 и 17)
2. Бриг «Феникс», на котором плавал П. С. Нахимов, будучи гардемарином. 21
3. 1-я страница письма П. С. Нахимова М. Ф. Рейнеке от 1 ноября 1827 г. о Наваринском сражении. 30
4. Приказ П. С. Нахимова от 29 июня 1846 г. об упущениях командиров корвета «Пилад» и брига «Паламед» в действиях против контрабандных судов 67
5. Смотр Черноморского флота в 1852 г. (с картины художника И. К. Айвазовского) 91
6. Линейный корабль «Императрица Мария», на котором находился П. С. Нахимов во время Синопского сражения 105
7. Чертеж линейного корабля «Императрица Мария», на котором держал флаг П. С. Нахимов, с указанием повреждений, полученных кораблем в Синопском сражении (вклейка между стр. 120 и 121).
8. Схема Синопского сражения 16 ноября 1853 г. 116
9. П. С. Нахимов наводит орудие на батарее 138
10. Памятник адмиралу П. С. Нахимову. 195
11. Памятник кораблям Черноморского флота, затопленным для преграждения входа в Севастопольский рейд. 197

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Указ Президиума Верховного Совета СССР об учреждении военных орденов: ордена Ушакова I и II степени и ордена Нахимова I и II степени 5
Указ Президиума Верховного Совета СССР об учреждении военных медалей: медали Ушакова и медали Нахимова 6
Предисловие академика Е. В. Тарле 7
От редакции 10
Список сокращений 11
Важнейшие даты жизни и деятельности адмирала П. С. Нахимова 12

Раздел первый

Годы учения (1815—1818 гг.) 19

Раздел второй

Первые годы военно-морской службы (1818—1833 гг.) 25
1. Кругосветное плавание на фрегате «Крейсер» 25
2. П. С. Нахимов в Наваринском бою 29
3. Командование фрегатом «Паллада» 43

Раздел третий

Деятельность П. С. Нахимова в Черноморском флоте до начала Крымской войны (1834—1853 гг.) 51

Раздел четвертый

Военные действия русского флота под командованием П. С. Нахимова в начале Крымской войны. Уничтожение турецкого флота в Синопском сражении 94

Раздел пятый

П. С. Нахимов — организатор и вдохновитель обороны Севастополя 134

Раздел шестой

Ранение и смерть П. С. Нахимова 173

Раздел седьмой

Современники о П. С. Нахимове 199
Указатель 226
Библиография 237
Перечень документов, опубликованных в сборнике 242
Список иллюстраций 249

Редактор *В. А. Дивин* Техред *В. Элькинд* Корректор *А. Набатова*

ГМ—201259. Подписано в печать 3/V 1945 г.
Печ. л. 15 3/4. Печ. зн. в 1 п. л. 31200. Уч. авт. л. 18,61. Уч.-изд. № 479

1-я типо-литография УВМИ. Зак. 2078

2 р. 20 к.